БРОДЯЩІЯ СИЛЫ:

ДВѢ ПОВѢСТИ

В. П. Авенаріуса.

I. СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

II. ПОВѢТРІЕ.

ИЗДАНІЕ ИСПРАВЛЕННОЕ.

Цѣна 1 р. 50 к.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

БРОДЯЩІЯ СИЛЫ.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

Стран.

ПОВѢТРІЕ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Стран.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

I.

За рулеткой.

Оркестръ военной музыки на балконѣ висбаденскаго курзала недавно умолкъ. Толпа гуляющихъ стала разбредаться. Смеркалось. Въ занавѣшенныхъ окнахъ игорнаго дома засвѣтились огни. Надъ прудомъ, сливавшимся въ отдаленіи съ неопредѣленной, мглистой чащей парка, лѣниво всползали ночные пары. Померанцовыя деревья по берегу пруда разсыпали обильнѣе свои чистыя благоуханія. Вотъ вспыхнули одинъ за другимъ и фонари передъ курзаломъ и облили своимъ бѣлымъ газовымъ свѣтомъ нѣсколько пестрыхъ группъ, наслаждавшихся, за небольшими, симетрично разставленными столиками, прелестью лѣтняго вечера и произведеніями курзальской кухни, которыми расторопные кельнеры, шмыгавшіе отъ одного стола къ другому, старались наперерывъ удовлетворять желающихъ.

— Мамаша-голубушка, пустите! раздался за однимъ изъ столовъ свѣжій, звонкій голосъ.

Вкругъ этого стола сидѣли четыре особы женскаго пола: одна пожилая, три молодыя. Дѣвушкѣ, произнесшей приведенныя слова, было лѣтъ не болѣе 15-ти; черты ея, еще неопредѣлившіяся, но необыкновенно миловидныя, дышали дѣтскою довѣрчивостью. Темно-каштановые воло-

звякали деньги и прыгалъ шарикъ. Подобные же звуки доносились изъ смежныхъ залъ.

Пугливо подошли наши дѣвушки къ столу и съ видимымъ интересомъ стали наблюдать за игрой; глазки у нихъ разгорѣлись.

— Развѣ рискнуть? спросила шёпотомъ Моничка.

— Мы обѣщались не играть.

— Мало ли что! То насъ вѣдь не пустили бы.

— Но, кажется, меньше гульдена нельзя ставить?

— Такъ неужели у меня нѣтъ гульдена? Я поставлю.

Она торопливо достала маленькое портмонэ, оглянулась по сторонамъ: кажется, никто не видитъ—и швырнула на столъ новенькій, блестящій гульденъ. Монета покатилась и остановилась на краю стола. Ближній крупье поднялъ ее и осмотрѣлся на окружающихъ.

— Куда же его поставить?

Барышни переглянулись и, застыдившись, спрятались за сосѣдей. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, сутуловатый, мрачный нѣмецъ, выручилъ ихъ изъ бѣды:

— Поставьте на rouge, сказалъ онъ крупье.

Рулетка завертѣлась—вышло rouge. Кушъ Монички удвоился. Рдѣя отъ удовольствія, потянулась она за нимъ. Но въ то же время протянулась за выигрышемъ и чужая рука—рука услужливаго сосѣда.

— Да гульденъ былъ мой... осмѣлилась запротестовать дѣвушка.

— Нѣтъ, мой! отвѣчалъ тотъ рѣшительно и завладѣлъ спорной ставкой.

Бѣдная ограбленная смутилась и ретировалась къ подругѣ.

— Да вѣдь онъ былъ же твой? замѣтила та съ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Мой, разумѣется!

— Какъ же онъ, противный, смѣлъ взять?

Онѣ не подозрѣвали, что сосѣдъ ихъ *долженъ* былъ взять, что то была его професія: онъ принадлежалъ къ извѣстной категоріи туземныхъ пролетаріевъ, существующихъ исключительно на счетъ банка и играющихъ: никогда ничего не ставя, они стараются улучить минуту, чтобъ воспользоваться чужимъ выигрышемъ. Во избѣжаніе ссоры, имъ обыкновенно его и уступаютъ; если же нѣтъ, то крупье, чтобъ не замедлять игры, выплачиваетъ кушъ обоимъ, приглашая затѣмъ и того, и другого оставить комнату.

Настоящая воровская попытка, однако, не удалась. Тутъ же, за столомъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, нѣсколько худощавый, блѣдный, но собой благообразный, съ небольшими усиками. Склонившись головою на лѣвую руку и запустивъ пальцы глубоко въ свои густые, бѣлокурые волосы, онъ правою рукою, посредствомъ грабельки, передвигалъ небольшія кучки денегъ съ одного поля на другое. Счастіе ему замѣтно неблагопріятствовало: порядочная горка гульденовъ, еще недавно красовавшихся передъ нимъ, исчезала съ чародѣйной быстротою. Лице играющаго разгорѣлось, рука затрепетала: имъ овладѣла игорная лихорадка. Тутъ заговорили за нимъ по-русски; онъ, видно, понималъ этотъ языкъ, потому что оглянулся—за нимъ стояли наши двѣ подруги. Занятый игрой, онъ уже не пропускалъ ни одного слова ихъ, и когда вороватый нѣмецъ завладѣлъ спорнымъ гульденомъ, то молодой человѣкъ остановилъ его за руку:

— Не трогать! Гульденъ принадлежитъ этой дѣвицѣ; я свидѣтель.

Хищникъ вздумалъ оправдываться; но тутъ нашлись и другія лица, видѣвшія, что онъ ничего не ставилъ. Деньги были возвращены по принадлежности—Моничкѣ. Изобличеннаго мошенника вывели изъ комнаты.

Дѣвушки отошли въ сторону.

— Уйдемъ! заторопила Наденька.—Насъ уже замѣтили.

— Замѣтили—значитъ, дѣла не поправить: можно оставаться.

— Право, ma chère, совѣстно...

— Ничего, послѣдній разикъ...

Она повлекла Наденьку къ противоположному концу стола и, смѣлѣе прежняго, собственноручно положила гульденъ на красное поле. Увы! фортуна уже измѣнила—вышло noir. Новыя совѣщанія, и новый проигранный гульденъ—уже кровный.

— Надо воротить его...

Опять noir и—опять! Въ портмонэ не оказалось уже цѣлаго гульдена. Само-собою раскрылось другое, такое же маленькое портмонэ, черезъ зеленое сукно прогулялось еще нѣсколько гульденовъ—пока не изсякъ и этотъ источникъ. Тогда бѣдныя жертвы, безмолвныя, смущенныя, исчезли незамѣтно изъ обители коварныхъ демоновъ азарта.

Мы сказали—незамѣтно; но не совсѣмъ: молодой русскій, уличившій грабителя, вскочилъ со стула, сгребъ въ карманъ остатокъ своихъ денегъ и поспѣшилъ за барышнями. Въ саду онѣ подошли къ двумъ старшимъ дамамъ; послѣ короткаго разговора, всѣ четыре направились къ выходу. Молодой человѣкъ слѣдовалъ въ при-

личномъ отдаленіи. Миновавъ гостиный дворъ, онѣ взяли налѣво, по главной улицѣ, и тутъ поднялись на крыльце высокаго дома. Молодой человѣкъ взглянулъ кверху: между вторымъ и третьимъ этажами красовалась колоссальная вывѣска: *Vier Jahreszeiten*. Обождавъ, пока дамы скрылись за дверьми гостиницы, онъ вошелъ вслѣдъ за ними. Его встрѣтилъ кельнеръ. Молодой человѣкъ опустилъ ему въ руку гульденъ. Кельнеръ почтительно поклонился:

— Чего изволите?

— Кто эти дамы, чтò вошли сейчасъ передо мною?

— Какой національности, хотите вы знать?

— Да.

— Онѣ русскія: мать, двѣ дочери, да племянница.

— А фамилія?

— Липецкія.

— Давно онѣ у васъ?

— Съ недѣлю. Одна изъ барышень, чтò постарше-то, пользовалась здѣсь сѣрною водою, да доктора присовѣтовали ей пить сыворотки, ну, и завтрашняго же дня онѣ собираются въ Швейцарію.

— Въ Швейцарію? Не знаете, куда именно?

— Кажется, въ Интерлакенъ.

— Такъ.

Молодой человѣкъ повернулся на каблукѣ и задумчиво спустился съ лѣстницы. Поворотивъ за уголъ, онъ въ одной изъ смежныхъ улицъ вошелъ въ тѣсную, темную прихожую небольшого одноэтажнаго домика, ощупалъ дверь и постучался.

— Herein! послышался изнутри густой мужской голосъ.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, освѣщенную матовою лампой. На кровати, съ книгою въ рукахъ, лежалъ, съ приподнятыми на стѣну, скрещенными ногами, молодой мужчина, съ флегматическимъ, умнымъ лицемъ; полная русая борода дѣлала его старше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Не повертывая головы, спросилъ онъ вошедшаго:

— Ты, Ластовъ?

— Собственноручно.

— Удалось, наконецъ, продуться?

— Удалось. Послушай, Змѣинъ: вѣдь работы твои въ лабораторіи Фрезеніуса приближаются къ концу?

— Даже кончились нынче.

— А! Значитъ завтра же можно въ Швейцарію?

Змѣинъ съ удивленіемъ обернулся къ пріятелю.

— Самъ же ты просилъ повременить? Или уже не надѣешься взорвать банкъ?

— Не надѣюсь. Madame Schmidt!

Въ сосѣдней комнатѣ задвигали стуломъ, и въ дверяхъ показалось добродушное лице старухи.

— Вы звали меня, lieber Herr?

— Звалъ. Мы улепетываемъ завтра.

— Какъ? уже завтра?

— Увы! Scheiden thut weh! Aber was thun? sprach Zeus. Сдѣлайте-ка разсчетецъ, что̀ мы вамъ задолжали.

II.

Аркадскій уголокъ. Двѣ жажды: любви и воды.

Если нѣкоторыми сентименталистами изъявляется сожалѣніе, что миновалъ золотой вѣкъ молочныхъ и ме-

довыхъ рѣкъ, что нѣтъ уже Аркадіи, то весьма неосновательно: Швейцарія — этотъ обѣтованный край; въ ней не только потребляется непомѣрное количество молока и меду, но и самая природа, дикая и прекрасная, располагаетъ лишь къ аркадскому времяпрепровожденію. Въ наиболѣе романтической мѣстности Швейцаріи — въ Berner Oberland, около уютнаго Интерлакена, сгруппировался цѣлый букетъ аркадскихъ уголковъ, и одинъ изъ благовоннѣйшихъ цвѣтовъ этого букета—Гисбахъ.

Застѣнчиво, какъ красная дѣвица, ненуждающаяся въ похвалахъ молодой красѣ своей, скрывается Гисбахъ отъ нескромныхъ взглядовъ въ своемъ таинственномъ царствѣ, такъ что, подъѣзжая къ нему на пароходѣ по Бріенцскому озеру, вы только угадываете его близость—по глухому клокотанію падающихъ въ озеро водъ. Въ непосредственной близи вы различаете нижнюю часть его—пѣнистую массу, вырывающуюся изъ-подъ вѣковыхъ хвойныхъ деревъ. Взбираясь же вверхъ по обрывистому краю водопада, вы внезапно выходите на свѣтъ, въ цвѣтущую горную котловину, въ собственную, сокровенную область Гисбаха и, какъ очарованный, не видите и не слышите въ началѣ ничего, кромѣ самаго водопада. Съ высоты болѣе тысячи футовъ низвергается онъ съ западнаго склона котловины почти стремглавъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе уступы скалъ удерживаютъ его буйный порывъ; но, какъ-бы негодуя на такое замедленіе, онъ, съ неистовымъ, глухимъ ревомъ, разбрасываетъ по сторонамъ клубы серебристой пыли и, переведя такимъ образомъ дыханіе, бросается еще съ большею энергіей въ въ слѣдующую пропасть. Сверху до низу одна непрерывная лента бѣлоснѣжной пѣны, окаймляется онъ тем-

но-зеленою стѣною лѣсныхъ гигантовъ. Тамъ и сямъ легкіе деревянные мостики, какъ шаловливыя дѣти, осмѣлились перескочить бурный потокъ, но, оглушенные окружающимъ грохотомъ, такъ и замерли въ воздухѣ и повисли надъ стремительною бездной.

Укрѣпили вы себѣ музыкою водъ духовныя силы, сдѣлайте нѣсколько шаговъ—и обрѣтете двѣ обители, гдѣ за извѣстное число франковъ можете возстановить и своего физическаго человѣка: въ углу котловины возвышается много-этажная, обширная гостиница *Hôtel Giesbach*, а противъ самаго водопада нѣсколько меньшее зданіе, прежняя отель *Гисбахъ*, составляющая нынѣ лишь родъ прибавленія къ главной отели.

Для любителей искуственныхъ развлеченій есть, наконецъ, и театральные эфекты: по вечерамъ весь Гисбахъ освѣщается бенгальскими огнями.

Былъ тихій, солнечный вечеръ, съ недѣлю послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ случая. Гисбахъ началъ уже облекаться въ тѣнь; только вершины окружающихъ деревъ и верхній мостикъ нѣжились еще въ золотыхъ лучахъ уходящаго свѣтила. Въ окружающемъ воздухѣ разливалась отрадная, освѣжительная сырость, никогда, даже въ знойный полдень, непокидающая окрестности водопада.

По лѣвому берегу Гисбаха, по крутой, извилистой тропинкѣ, то углублявшейся въ чащу, то выбѣгавшей къ самой водѣ, поднимались два путника—оба въ легкомъ, дорожномъ платьѣ, съ сумочкой черезъ одно плечо, съ сложеннымъ плэдомъ черезъ другое. Одинъ размахивалъ, подъ тактъ распѣваемой имъ пѣсни, тростью, туземное происхожденіе которой изобличалось красиво-

изогнутымъ рогомъ серны, служившимъ ей набалдашникомъ. Другой, пыхтя, упирался на коренастый зонтикъ, какой совѣтуетъ путешественникамъ имѣть при себѣ красный Бедекеръ. То были наши два пріятеля: Ластовъ и Змѣинъ.

Они остановились. Гисбахъ въ этомъ мѣстѣ низвергается съ перевѣсившейся утесистой глыбы, такъ-что между водой и утесомъ образуется небольшой гротъ, огороженный къ водѣ перилами. Осторожно спустились туда молодые люди, поскользаясь на сырыхъ подмосткахъ. Гулъ катившихся черезъ головы ихъ водъ былъ оглушителенъ; казалось, гора дрожала въ своихъ основаніяхъ и каждую минуту грозила обрушиться на смѣльчаковъ.

— Какъ здѣсь хорошо! замѣтилъ Ластовъ, и шумомъ водъ почти заглушало слова его.—Я люблю сильныя ощущенія. Еслибъ не было тутъ перилъ, свидѣтельствующихъ о частомъ посѣщеніи этого мѣста, можно было бы даже струсить.

Змѣинъ не считалъ нужнымъ отвѣчать.

— А видъ-то каковъ? продолжалъ Ластовъ.—Точно сквозь вуаль.

— Вуаль? ну, такъ что-жъ? Вездѣ тебѣ мерещатся принадлежности женскаго туалета. Не знаю, право, съ чего на меня-то нашла эта дурь? Съ какой радости я поднимаюсь на горы?

— Для наслажденія природой.

— Природой? Сказалъ, братъ! Что ты называешь природой? Клочокъ водицы да землицы, который увидишь съ вышины? кринку козьяго молока? Какъ подумаю о немъ, такъ дѣлается ужъ скверно! Все это есть и въ

долинахъ; къ чему же, скажи ты мнѣ, взлѣзать на головоломныя вершины?

— Да хоть затѣмъ, наконецъ, чтобы укрѣпиться физически.

— Вотъ это такъ; тебѣ такое укрѣпленіе дѣйствительно необходимо: посмотри, какъ экзамены обработали твою физику: точно заяцъ ободранный, ей-Богу. Ни одна Schwizermad'l не полюбитъ тебя.

— Э, не бойся! засмѣялся Ластовъ:—дѣвушки любятъ исхудалыхъ, блѣдныхъ; говорятъ: интересно. Но вотъ горе: если теперь скала обрушится на насъ, то имъ въ самомъ дѣлѣ не придется полюбить меня.

— За-то оплачутъ.

— Кто оплачетъ?

— Мало ли кто. Обрушится скала—вода снесетъ тебя внизъ, тамъ найдутъ твой трупъ, по паспорту узнаютъ фамилію и званіе, воздвигнутъ крестъ съ приличною надписью, и сентиментальныя посѣтительницы Гисбаха будутъ проливать горькія (respective соленыя) слезы надъ прахомъ бѣднаго, влюбчиваго поэта, съ которымъ погибла вѣрная надежда на жениха.

— Да ты, Змѣинъ, развѣ никогда не думаешь жениться?

— Не знаю; не на комъ! Но тутъ сыро, какъ разъ насморкъ схватишь. Выйдемъ.

— Выйдемъ.

Пріятели поднялись изъ подводнаго грота на правый берегъ водопада, и тутъ, по взаимному соглашенію, расположились въ травѣ, подложивъ себѣ подъ головы плэды. Змѣинъ закурилъ съ видимымъ удовольствіемъ сигару и забавлялся пусканіемъ дымныхъ кружковъ. Ла-

стовъ уставился задумчиво въ клокотавшій подъ ногами ихъ каскадъ.

— Ты, Змѣинъ, проговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія,—отзываешься всегда съ такимъ презрѣніемъ о женщинахъ; неужели ты никогда не любилъ?

—Не влюблялся, хочешь ты сказать?

— Ну да.

— Случилось какъ-то разъ, надо сознаться, но давно, когда былъ еще гимназистомъ 3-го класса. Я читалъ въ то время много романовъ, такъ подъ вліяніемъ ихъ представилъ себѣ, что обожаю одну дѣвушку, которая, сказать мимоходомъ, была ровно пятью годами старше меня.

— И ты думаешь, что никогда болѣе не влюбишься? Недостойно разумнаго человѣка, а?

— Пожалуй, что и такъ.

— Ну, а я неразуменъ; стòитъ мнѣ только очутиться въ обществѣ хорошенькой, умной дѣвушки—и я уже какъ самъ не свой:

И какъ-то весело,
И хочется плакать,
И такъ на шею бы
Къ ней я кинулся!

— Да какая-жъ это любовь? Это просто въ тебѣ кровь разыгрывается, какъ во всякомъ молодомъ животномъ. Къ тому же теперь «Весна—весна, пора любви», какъ сказалъ одинъ изъ вашей братьи поэтовъ.

— Нѣтъ, Змѣинъ, ты не понимаешь меня. Животная природа моя не играетъ тутъ ни малѣйшей роли; въ присутствіи молоденькой дѣвушки мои помыслы чисты, какъ... какъ вотъ этà вода, этотъ ландшафтъ передъ

нами. Я любуюсь только ея наивностью и застѣнчивостью, ея миловидностью и свѣжестью, но такъ же спокойно, какъ какою-нибудь прекрасной статуей.

— И животная природа твоя ни гугу? молчитъ?

— Гробовымъ молчаніемъ.

— Ну, ужъ не повѣрю. Взгляни-ка на меня: вѣдь я недуренъ, а?

— Такъ себѣ. Тебя особенно краситъ борода твоя.

— И вѣдь неглупъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать.

— Достойный, кажись, предметъ для любви? Что-жъ ты, съ которымъ я такъ друженъ, который слѣдовательно знаетъ, что и характеръ мой не изъ самыхъ-то скверныхъ, не влюбишься въ меня?

— Что за дичь!

— Дичь твоего же сочиненія. Ты отвѣть мнѣ на вопросъ: почему бы тебѣ не влюбиться въ меня?

— Разумѣется, потому-что ты мужчина.

— А! такъ предметъ твоей любви долженъ быть непремѣнно женщина, хотя бы она и не была такъ хороша, такъ умна, какъ я, напримѣръ. Стало быть, ты влюбляешься въ женщину только потому, что сознаешь, что она существо діаметрально тебѣ противоположное, что ты положительный полюсъ, она—отрицательный, а разные полюсы, извѣстное дѣло, стремятся соединиться, дополнить другъ друга. Это стремленіе совершенно безотчетно, какъ всякая животная потребность, какъ голодъ и жажда.

Ластовъ тихо засмѣялся.

— Что ты смѣешься? развѣ неправда?

— Ты и не подозрѣваешь, душа моя, что попалъ сю-

да, въ Швейцарію, вслѣдствіе той же любовной жажды, что притянулъ тебя сюда отрицательный полюсъ.

— Какъ такъ? Магнитныя свойства мои въ настоящее время, какъ въ кускѣ желѣза, безразличны.

— Но ты забываешь, что отъ прикосновенія магнита и въ желѣзѣ возбуждается магнитизмъ; въ настоящемъ случаѣ этимъ магнитомъ послужилъ я.

Ластовъ разсказалъ пріятелю о своей висбаденской встрѣчѣ.

— Такъ вотъ что! замѣтилъ Змѣинъ.—А я не могъ объяснить себѣ, что тебя такъ приспичило ѣхать въ ту же минуту въ Интерлакенъ. Но неужели ты успѣлъ уже влюбиться? разъ всего видѣлъ, да и то мелькомъ, не сказалъ ни слова.

— Нѣтъ, я еще не влюбленъ, не знаю даже еще, которая изъ двухъ мнѣ болѣе нравится, но мнѣ хотѣлось бы очень влюбиться, я жажду любви.

— Ты, конечно, сочинилъ стихи по этому случаю?

— А ты почемъ знаешь?

— Да вѣдь ваша братья, поэты, рады всякому случаю излить свои чувствованія. Ну что-жъ, буду великодушенъ, прочту, дай-ка ихъ сюда.

— Да я и не предлагалъ тебѣ.

— Будто не видно по твоему лицу, какъ ты радъ? Вѣдь не скоро, пожалуй, представится новый случай блеснуть своимъ талантомъ; пользуйся.

Ластовъ вынулъ, какъ-бы нехотя, небольшую карманную книжку и, отыскавъ, что̀ требовалось, подалъ ее другу.

— Я хочу только, чтобы ты понялъ мои чувства.

— Ну да, конечно. А если пощекотять авторское самолюбіе—вѣдь тоже, признайся, пріятно?

— Признаюсь: не безъ пріятности.

Змѣинъ взялъ книжку, повернулъ страницу, другую, и довольная улыбка пробѣжала по лицу его.

— Пододвиньтесь-ка сюда, синьоръ; надо васъ по головкѣ погладить.

— За что̀ такая милость?

— Ты хоть поэтъ, да здравомыслящъ и практиченъ, какъ мы, грѣшные, неизбранные: тутъ у тебя въ перемежку—и стихи, и дорожные счеты; за это люблю. Итакъ:

Бываютъ странныя мгновенья,
Когда душа полна стремленья—
Къ чему? неясно ей самой...

Дѣйствительно, странныя мгновенія. Душѣ твоей бываетъ, значитъ, что-нибудь ясно? Она у тебя мыслитъ?

Но въ жилахъ кровь играетъ чудно,
Дышать невыразимо-трудно,
И самъ невластенъ надъ собой.

Грустное положеніе, признаюсь: невластенъ надъ собой!

Подъ обаяньемъ смутной грезы,
Изъ глазъ невольно каплятъ слезы...

Змѣинъ прервалъ чтеніе и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на друга.

— Вотъ какъ? ты плакалъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы... а близко было... замялся тотъ, опуская глаза и краснѣя.

— Не ожидалъ отъ тебя, признаться, не ожидалъ. Гдѣ-жъ я, бишь, остановился? Да:

...слезы,
Ланиты млѣютъ и горятъ—

Чтецъ свѣрился съ раскраснѣвшимся лицемъ автора.
— Со справкой вѣрно.

И, позабывъ пору ненастья,
Всѣмъ людямъ ты желаешь счастья,
Весь свѣтъ къ груди прижать бы радъ.

Ну, это неудобоисполнимая гипербола: совсѣмъ бы тебя разодрало.

Душа томиться перестала—

Противорѣчіе, мой другъ: «подъ обаяньемъ смутной грезы, льются слезы», а «душа, говоритъ, томиться перестала»; тутъ-то именно и томленіе, охи да вздохи.
— Ну, полно тебѣ придираться! Читай дальше.
— Значитъ, все-же «томиться перестала»? Такъ и быть, изъ дружбы допустимъ.

Осуществленье идеала
Въ дали предвидитъ наконецъ;
Растетъ въ ней чувство, крѣпнетъ, зрѣетъ,
И бѣдная повѣрить смѣетъ,
Что есть созвучіе сердецъ.

«Что есть созвучіе сердецъ!» повторилъ критикъ на распѣвъ.—Ничего себѣ, гладко. Только душѣ твоей, я думаю, нечего догадываться, что есть созвучіе сердецъ: твои былыя студенческія интрижки достаточно, кажись, свидѣтельствуютъ, какъ глубоко ею понято это созвучіе. «Созвучіе сердецъ»! Вѣдь выдумаютъ же этакую штуку! Охъ, вы поэты!

— Да чѣмъ же эта метафора нехороша? Я, напротивъ, очень доволенъ ею. Подай-ка мнѣ лучше тетрадку. Ты, Змѣинъ, добрый малый, но поэзіи въ тебѣ, извини, ни капли нѣтъ.

— Или я не слышу капли ея въ морѣ прозы. Не гомеопатъ—что-жъ дѣлать!

—Только пчела узнаётъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ!

продекламировалъ съ шутливымъ паѳосомъ поэтъ.

— Вѣчно ты съ своимъ Майковымъ!

— Съ Майковымъ? не смѣши. Ты развѣ читалъ когда Майкова?

— Да будто это не изъ Майкова? начинается еще:

«Урну съ водой уронивъ—»

Ластовъ расхохотался.

— Совсѣмъ, братъ, острамился: мой стихъ былъ изъ Фета, твой—изъ Пушкина. Однако отъ этихъ толковъ въ горлѣ у меня сущая Сахара. Слѣдовало бы сходить въ отель, испить рейнвейну, да лѣнь. Попробуемъ гисбахскихъ волнъ.

Вскочивъ на ноги, онъ сталъ спускаться по окраинѣ утеса къ водопаду.

— Разобьешся, предостерегъ сверху товарищъ.

Благополучно добравшись до средины скалы, Ластовъ сдѣлалъ отважный прыжокъ и очутился на маленькой гранитной площадкѣ, непосредственно омываемой набѣгающими волнами водоворота, образовавшагося въ углубленіи скалы. Молодой человѣкъ опустился на колѣни, положилъ шляпу возлѣ себя, перевѣсился всѣмъ тѣломъ

надъ водоворотомъ и, опустивъ голову къ поверхности воды, приложился къ ней губами. Вдругъ взоры его, устремленные безсознательно на гранитный обрывъ, приковались къ расщелинѣ утеса, откуда выглядывалъ какой-то свѣтлый камушекъ; Ластовъ живо приподнялся и выломалъ его изъ гнѣзда. То была раковина, облѣпленная кругомъ глиной. Отколупавъ глину, Ластовъ досталъ изъ жилета маленькую складную лупу.

— Любопытное пріобрѣтеніе, Змѣинъ, замѣтилъ онъ, разглядывая раковину.—Какъ бы ты думалъ: orthis! Да, orthis calligramma; спрашивается, какъ она сюда попала, на Гисбахъ? Этотъ видъ orthis встрѣчается, сколько помнится, только въ силурійской формаціи, а силурійской не водится въ Швейцаріи. Надо будетъ справиться въ Мурчисонѣ.

— Спрячь-ка свою orthis покуда въ карманъ, сказалъ Змѣинъ.—Силурійская формація изобилуетъ сѣрой ваккой, а здѣсь вакки и слѣда нѣтъ; значитъ, что-нибудь да не такъ. Но Мурчисонъ самъ по себѣ, и гуманность сама по себѣ: ты утолилъ свою жажду да и не думаешь обо мнѣ. На̀, зачерпни.

Онъ хотѣлъ бросить Ластову шляпу. Тотъ уже наклонился къ водѣ.

— Я въ свою; ты не брезгаешь?

— Еще бы! Naturalia non sunt turpia. Ты вѣдь не помадишься?

— Изрѣдка.

— Такъ выполоскни.

Ластовъ послѣдовалъ совѣту и зачерпнулъ шляпу до краевъ.

—Nehmt hin die Welt! rief Zeus von seinen Höhen. *)

Чтобъ было вкуснѣй, вообрази себя героемъ извѣстной нѣмецкой баллады: ты—смертельно раненый рыцарь, томящійся въ предсмертныхъ мукахъ невыносимой жажды; я—твой вѣрный щитоносецъ, Кнарре, также тяжело раненый, но изъ безконечной преданности къ своему господину доползшій до ближняго студенаго ключа и возвращающійся теперь съ полнымъ шлемомъ живительной влаги.

— Воображаю; только не мучь пожалуйста своего рыцаря, давай скорѣй... Эхъ, братъ, ну какъ же можно! А все твоя баллада.

Изнывающему рыцарю не пришлось на этотъ разъ утолить свою жажду; до краевъ наполненный шлемъ, размокнувъ отъ живительной влаги, поддался съ одного конца давленію ея, и холодная струя плеснула въ лице оруженосца. Выпустивъ импровизированную чашу изъ рукъ, испуганный Кнарре отпрянулъ мгновенно въ сторону. Но съ присутствіемъ духа, подобающимъ его высокому званію, рыцарь не выпустилъ шлема изъ искаженныхъ предсмертною мукою пальцевъ; удрученный тяжестью заключенной въ немъ влаги, шлемъ опрокинулся, и освѣжительный напитокъ расплескался по обрыву.

— Vanitas, vanitatum vanitas! вздохнулъ рыцарь, качая передъ собою въ воздухѣ печально свѣсившуюся чашу.

— Ха, ха, ха! заливался щитоносецъ, вытирая рукавомъ лицо.—Брось ее сюда; такъ и быть, налью снова.

*) Примите міръ! рекъ Зевсъ съ своихъ высотъ.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, въ танталы я еще не записался.

Онъ вынулъ часы.

— Половина 7-го... Спустимся-ка въ гостиницу; тамъ рейнвейнъ, надѣюсь, будетъ посущественнѣе твоихъ гисбахскихъ волнъ.

Вскарабкавшись на площадку, Ластовъ взялъ свою насквозь измокшую шляпу изъ рукъ пріятеля, выжалъ ее и накрылся ею.

— Брр... какая холодная! проговорилъ онъ, морщась.— «Что-жъ ты спишь, мужичекъ»? Зоветъ съ собой, а самъ ни съ мѣста. Давай лапу. «Встань, проснись, подымись...» Фу, какой тяжелый!

Покраснѣвъ отъ напряженія, поэтъ успѣлъ однакоже приподнять товарища на столько, что тотъ самъ всталъ на ноги. Перебросивъ черезъ плеча плэды, молодые люди начали спускаться по тропинкѣ. Съ озера донеслись звуки звонка.

— Вотъ и пароходъ изъ Интерлакена, сказалъ Ластовъ.—Ты, конечно, отправляешься утолить свою жажду? Я пойду встрѣчать интерлакенцовъ; можетъ, найдется кто русскій; въ Интерлакенѣ, говорятъ, всегда много нашихъ. Закажи пожалуйста и для меня порцію бифштекса да бутылку рейнвейну.

— Какого тебѣ? іоганисбергера?

— Нѣтъ, либфрауенмильхъ; все, что находится въ какой-либо связи съ *Liebe* и *Frauen*, пользуется теперь моимъ особеннымъ благоволеніемъ.

Подъ водопадомъ друзья разошлись въ противоположныя стороны: Змѣинъ повернулъ направо—къ гостиницѣ, Ластовъ взялъ налѣво—къ пристани.

III.

Ультрапрогресистъ.

Когда поэтъ спустился къ озеру, публика уже высаживалась съ парохода, и небольшая платформа пристани отказывалась вмѣстить всю толпу—болѣе впрочемъ по тому обстоятельству, что было много дамъ, а прекрасный полъ, проводящій лѣтній сезонъ въ Интерлакенѣ, рядится, какъ извѣстно, необыкновенно пышно и носитъ платья шириною чуть ли не въ Бріенцское озеро.

Ластовъ остановился на краю дорожки, ведущей отъ пристани вверхъ къ отели, чтобы не пропустить никого незамѣченнымъ. На губахъ его мелькнула улыбка и онъ махнулъ рукой: съ парохода сходилъ знакомый ему русскій.

То былъ юноша лѣтъ 19-ти, много 20-ти. Пушокъ едва пробивался на красивомъ, самонадѣянномъ лицѣ его. Станъ его, и безъ того очень стройный и тонкій, дѣлался еще подвижнѣе и гибче отъ видимыхъ стараній юнаго комъ-иль-фо вложить въ каждое движеніе грацію. Въ правомъ глазу его ущемлялось стеклышко. Платье, сшитое по послѣдней парижской модѣ, сидѣло на немъ превосходно, и страдало развѣ излишкомъ изящности и воздушности для наряда туриста въ гористой мѣстности, какъ Швейцарія.

Пріѣзжій также замѣтилъ Ластова и мотнулъ ему изъ дали головой.

— Que diable! est ce toi, que je vois? началъ онъ скороговоркой, когда добрался до поэта, и протянулъ ему съ граціозной небрежностью свою маленькую, ари-

стократическую руку, обтянутую въ палевую лайковую перчатку.—D'où viens tu, parbleu?

— Мы съ Змѣинымъ, однимъ университетскимъ товарищемъ, сколотили рубликовъ по триста и вотъ, сдавши выпускной экзаменъ, пустились въ чужіе края. Мѣсяцъ уже какъ шатаемся изъ стороны въ сторону. Но ты, братъ Куницынъ, какими судьбами?

— Moi? Mais je viens, comme toi, de finir mon cours— que le diable emporte toute l'école, «je veux bien, que le diable l'emporte»! Maintenant je me suis pensionné à Interlaken... Quelle découverte j'y ai faite, te dis-je! fichtre! Il ne me reste rien, que de faire sa connaissance—un ange, un diable de fille, parole d'honneur! Coquette comme la belle Hélène, vive comme un chaton, spirituelle comme...

— Aber, Liebster, Bester, Gutester! перебилъ, смѣясь, Ластовъ.—Du hast sie ja nicht einmal gesprochen und rühmst schon ihren Spiritus?

Куницынъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на говорящаго.

— Que veut dire cela, mon ami?

— Что?

— Да Германія?

— А Франція?

— Да вѣдь ты же говоришь по-французски?

— Говорю, но не такъ свободно, какъ по-русски. Со временъ же гимназіи мы съ тобой объяснялись всегда на родномъ языкѣ; такъ я не вижу надобности въ чужомъ нарѣчіи.

— Образованному человѣку должно быть рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчіи ни объясняться! Если же я разъ заговорилъ съ тобой по-французски, то тебѣ ничего бы не стоило отвѣчать мнѣ на томъ же языкѣ,

а то вздумалъ еще подтрунивать! Franchement dit, ты поступилъ даже bien impoliment.

— Напротивъ, другъ мой, impoliment поступилъ ты самъ: ты заговариваешь со мною по-французски; я отвѣчаю по-русски, тонко намекая тебѣ этимъ, что французскій языкъ между нами не у мѣста. Ты, и ухомъ не ведя, продолжаешь по-французски. Развѣ это не impolitesse? Съ такимъ же точно правомъ могъ я употребить нѣмецкій языкъ, который знаю лучше французскаго; тебя же это не дожно было удивлять: «вѣдь всякому образованному человѣку рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчіи ни объясняться»; слѣдовательно и все равно, отвѣчають ли ему по-французски или по-нѣмецки.

— И ты, ты говоришь это серьезно? воскликнулъ Куницынъ.—Нѣмецкій языкъ трещитъ, шипитъ, скрипитъ; французскій, благодаря своей гармоничности, сдѣлался international'нымъ европейскимъ языкомъ, какъ арабскій въ Азіи. Французскій языкъ—можно смѣло сказать—гарантія развитости человѣка, такъ-какъ помощью его сближаются народности, сближаются сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, а сближеніе развиваетъ и ведетъ ко всемірному прогресу, составляющему, какъ извѣстно, цѣль всякаго, мало-мальски образованнаго человѣка XIX-го столѣтія!

— Ого-го, какъ ты краснорѣчивъ, хоть сейчасъ въ адвокаты! засмѣялся Ластовъ, просовывая пріятельски руку подъ руку юнаго прогресиста.—Какъ разъ заставишь еще раскаяться, что я, по твоему примѣру, не перешелъ въ училище правовѣдѣнія, или не сдѣлалъ по крайней мѣрѣ изученія французскаго языка основною цѣлію своей жизни. Разскажи-ка лучше что-нибудь про свою прекрасную Елену.

— Пожалуй... Ее впрочемъ зовутъ не Еленой, а Надеждой, или, вѣрнѣе, Наденькой.

— Наденькой? хорошенькое имя.

— Я думаю! самодовольно подтвердилъ правовѣдъ, точно онъ самъ сочинилъ его.—Ихъ двѣ сестры; она младшая. Есть и мать; puis наперсница; все какъ въ романѣ.

— Да ихъ не Липецкими ли ужъ зовутъ?

— Ты почемъ знаешь?

—Видѣлъ въ Висбаденѣ; впрочемъ, незнакомъ. Такъ онѣ здѣсь, на Гисбахѣ?

— Само собою! пріѣхали на одномъ со мною пароходѣ. Не то зачѣмъ бы мнѣ пріѣзжать сюда? чего я тутъ не видѣлъ?

— Но ты говоришь, Куницынъ, что также еще не познакомился съ ними; какъ же это такъ? Ты, кажется, парень не промахъ, мастеръ на завязки?

— Parbleu! Но тутъ совсѣмъ особенный случай. Заговорилъ съ нею какъ-то за столомъ—не отвѣчаетъ; отвѣтила ея кузина, да такъ коротко и язвительно, что руки опустились. Разбитная тоже дѣвчёнка, ой-ой-ой! Моничкой зовутъ; не правда ли, оригинальная кличка? вѣроятно производное отъ лимона? Впрочемъ, собой скорѣе похожа на яблоко, на крымское. Вотъ бы тебѣ, а? Да и какъ удобно: принадлежа къ новому поколѣнію, она, разумѣется, не признаётъ начальства тетки, дѣлаетъ что вздумается, прогуливается solo-solissima, и т. д. Совѣтую приволокнуться.

— Да которая изъ нихъ Моничка? Что повыше?

— Нѣтъ, то Наденька. Моничка—кругленькая, карманнаго формата брюнетка.

— Вотъ увидимъ. Покуда онѣ для меня обѣ одинаково интересны.

— А для меня такъ нѣтъ! Моничка, знаешь, такъ себѣ, среднiй товаръ; Наденька—отборный сортъ. Тебѣ она, быть можетъ, покажется ребёнкомъ, нераспустившимся бутономъ; но въ этомъ-то и вся суть, настоящiй haut-goût: я крыжовника терпѣть не могу, когда онъ переспѣлъ.

— Ты, какъ я вижу, эпикуреецъ.

— А то какъ же? Ха, ха! Вы, университетскiе, воображаете, что никто, какъ вы, не заглядывалъ въ Бюхнера, въ Прудона... Да, Прудонъ! Помнишь, какъ это онъ говоритъ тамъ... Ah, mon Dieu, забылъ! Не помнишь ли, какая у него главная thèse?

— Самое извѣстное положенiе его: «La propriété c'est le vol»; но въ настоящемъ случаѣ оно едва ли примѣнимо.

— Да не то!

— Онъ, можетъ быть, говоритъ, что незрѣлый крыжовникъ лучше зрѣлаго?

— Ха! можетъ быть... Но ты самъ убѣдишься, что мой незрѣлый куда апетитнѣе всякаго зрѣлаго. Qu'importe, что я не сказалъ съ ней и двухъ словъ: у молоденькихъ дѣвицъ все на распашку—и хорошее и дурное; а если ты замѣчаешь въ дѣвицѣ одно хорошее, стало быть, она—chef-d'oeuvre.

— Chef-d'oeuvre или козленокъ: любовь зла, полюбитъ и козла.

— Fi, какiя у тебя proverbes! Во-первыхъ, она не можетъ быть козленкомъ, потому-что она не мужчина, козелъ же мужскаго пола...

— Ну, такъ козочкой.

— А козочки, какъ хочешь, премилыя животныя, des bêtes, qui ne sont pas bêtes; правда, un peu trop naives, но d'autant mieux: тѣмъ болѣе вольностей можно позволять себѣ съ ними.

Въ такихъ разговорахъ пріятели наши взбирались вверхъ по правому берегу Гисбаха, черезъ груды камней и исполинскіе древесные корни, пока не вышли въ горную котловину.

Куницынъ удостоилъ водопадъ только бѣглаго взгляда, снялъ шляпу и батистовымъ платкомъ вытеръ себѣ лобъ, на которомъ выступила испарина.

— Неужели нѣтъ другого пути, чтобы добраться въ эту трущобу? спросилъ онъ, отдуваясь.

— Какъ не быть; остальная публика, кажется, и предпочла большую дорогу. Но здѣсь ближе и романтичнѣе.

— Романтичнѣе! Въ настоящее время, въ вѣкъ желѣза и пара, всякая романичность—анахронизмъ. Вотъ и ботинку разодралъ! Нечего сказать—романтично!

— Да, милый мой, ботинки—въ Швейцаріи вещь ненадежная; въ Интерлакенѣ ты, вѣроятно, можешь пріобрѣсть такіе же толстокожіе башмаки, какъ у меня, на двойныхъ подошвахъ и обитые гвоздями.

— Да вѣдь они жмутъ?

— Жмутъ, но только какіе-нибудь два дня; потомъ ложатся по ногѣ. Впрочемъ, не надѣйся, что преодолѣлъ всѣ трудности: я намѣренъ встащить тебя еще вонъ куда... Что за видъ! я тебѣ скажу.

Ластовъ указалъ на крутизны Гисбаха.

— Шалишь, не заманишь!... Ба! это что за душка? при-

совокупилъ правовѣдъ, завидѣвъ молоденькую швейцарку въ дверяхъ небольшого домика, о которомъ мы еще не упомянули. Домикъ этотъ, типъ швейцарскаго шалé, съ перевѣсившеюся кровлею, расположенъ подъ сѣнью деревъ, сейчасъ возлѣ старой отели, и есть одинъ изъ магазиновъ бріенцской фабрики орѣховыхъ издѣлій, снабжающей всѣ главные пункты Швейцаріи своими красивыми бездѣлушками, которыя такъ охотно покупаются на память туристами.—Сюда, если хочешь, зайдемъ, продолжалъ Куницынъ: — тутъ также своего рода романтизмъ.

— Зайдемъ, пожалуй. Видѣлъ ты, какъ она привѣтливо улыбнулась, когда замѣтила, что мы повернули къ ней? Продувной народецъ! Улыбка ея относится исключительно къ нашему кошельку; дѣлается даже грустно, что и улыбки-то приходится покупать! Guten Abend, Fräulein!

— Schönen Dank, meine Herren! Treten Sie nicht näher?

— Gewiss. Замѣчаешь?

И они послѣдовали за швейцаркой въ сокровищницу ея.

IV.

Какъ заключаются нынче знакомства.

Змѣинъ вошелъ между тѣмъ въ общую столовую главной отели *Гисбахъ*, сложилъ плэдъ, зонтикъ и дорожную суму въ уголъ на стулъ, и, подозвавъ къ себѣ кельнера, заказалъ двѣ порціи бифштекса—одну сейчасъ, другую черезъ полчаса, да по бутылкѣ іоганисбергера и либфрауенмильхъ. Кельнеръ, не подозрѣвая, что вторая порція бифштекса и одна изъ бутылокъ предназначались

отсутствующему спутнику Змѣина, посмотрѣлъ на сего послѣдняго съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ чуть ухмыльнулся и, проговоривъ:—Very well, sir,—поспѣшилъ исполнить требуемое. Онъ сообразилъ, что столь прожорливый субъектъ не можетъ принадлежать къ иной націи, какъ къ англійской.

За длиннѣйшимъ столомъ, покрытымъ снѣжно-бѣлой скатертью, возсѣдало уже нѣсколько гостей, занятыхъ— кто ужиномъ, кто чаемъ. Змѣинъ расположился на свободномъ концѣ стола. Рядомъ съ нимъ сѣлъ дородный, среднихъ лѣтъ нѣмецъ; въ ожиданіи заказаннаго имъ пива, заговорилъ онъ съ Змѣинымъ. Тотъ, занятый своимъ ужиномъ, отвѣчалъ довольно неохотно. Но нѣмецъ, наводившій рѣчь на полевыя работы, удобреніе почвы и т. п. и оказавшійся по справкѣ агрономомъ, вскорѣ прочуялъ въ Змѣинѣ знающаго химика, и, рѣшившись во что бы то ни стало воспользоваться этимъ случаемъ эксплоатировать безвозмездно чужія знанія, осыпалъ его вопросами. Змѣинъ, убѣдясь наконецъ въ необходимости сносить терпѣливо эту невзгоду, доѣлъ на скорую руку свой бифштексъ, вытеръ салфеткою ротъ и, сдѣлавъ изрядный глотокъ изъ стакана, повернулся къ сосѣду:

— Ну, кончилъ. Теперь можете разспрашивать, сколько угодно.

Тотъ, конечно, не далъ повторить себѣ это.

Противъ и около нихъ расположилось нѣсколько дамъ— русскихъ, какъ оказалось по разговорамъ. Хотя Змѣинъ и не видѣлъ еще Липецкихъ, но догадался, что это должно быть онѣ. Лице старшей изъ сестеръ, Лизы, показалось ему сверхъ того какъ-будто знакомымъ, но онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, гдѣ именно видѣлъ ее.

Г-жа Липецкая разговаривала съ одной французской графиней, съ которою сошлась на пароходѣ. Двухъ младшихъ дѣвицъ она разсадила намѣренно розно, чтобы обуздать ихъ пылкій нравъ, высказывавшійся въ подталкиваніи локтя сосѣдки, когда та подносила къ губамъ чашку, и т. п. Но, и разлученныя, онѣ не унимались и упражнялись въ телеграфномъ искуствѣ особаго рода, приставляя пальцы то ко рту, то къ носу, то ко лбу, и затѣмъ хихикали дружно. Одна Лиза пила свой чай молча, не вмѣшиваясь ни въ разговоръ дамъ, ни въ мимическую болтовню дѣвицъ.

— Знаешь, о чемъ мы говоримъ сейчасъ? весело обратилась къ ней кузина.

— О чемъ?

— Ну, полно, Моничка! воскликнула Наденька;—не говори.

— Отчего же? что за важность? Никто же не пойметъ. Хоть бы наши vis-à-vis: отъявленная нѣмчура. Послушай только, о чемъ они толкуютъ.

— За тѣмъ-то вѣдь и оставляютъ поля подъ паромъ, ораторствовалъ Змѣинъ:—запасъ неорганической пищи растеній наконецъ истощится, и только въ годъ отдыха поле, вывѣтриваясь, разрыхляясь подъ вліяніемъ внѣшней сырости и тепла, успѣваетъ выработать новый запасъ легко-растворимыхъ неорганическихъ частицъ, необходимыхъ для постройки скелета растенія и вбираемыхъ корневыми мочками его, вмѣстѣ съ дождевою водою.

— А органическія вещества? возразилъ нѣмецъ.—Хотя теоретики ваши и пишутъ, что изъ почвы растеніе пользуется одною неорганическою пищею; однако опытъ

показываетъ, что если удобривать землю падалиной, или вообще азотистыми веществами, какъ-то: копытами, рогами, то урожай бываетъ не въ примѣръ обильнѣе. Что вы скажете на это?

— Что ни химія, ни физіологія конечно не показали еще, какъ именно происходитъ питаніе растеній азотистыми веществами, но что, безъ всякаго сомнѣнія, растенія питаются ими. Это Либихомъ распространено мнѣніе, будто весь свой азотъ они извлекаютъ исключительно изъ воздуха; ну, а что сказалъ Либихъ, то, разумѣется, для научныхъ кротовъ свято.

— Слышали, mesdames? расхохоталась Моничка.—Чудо, какъ интересно. Передъ ними сидятъ хорошенькія дѣвицы, а они толкуютъ—объ удобреніи! Натурально, колбасники.

— Впрочемъ, разсуждаютъ логично, замѣтила отъ себя Лиза;—въ особенности младшій, бородастый. Даже Либиха не признаётъ; должно быть, дѣльный химикъ.

— Дѣльный химикъ по части пива—это такъ! Взгляни на эти мужицки-атлетическія формы, на эту флегму, si contente de soi-même—ну, Бахусъ, да и только!

— Гамбринусъ, хочешь ты сказать? Богъ пива—Гамбринусъ.

— А онъ вѣдь недуренъ, замѣтила въ свою очередь Наденька.—Только носъ немножко широкъ да глаза зеленые, какъ у ящерицы. Зубы чиститъ тщательно; за это люблю: точно заглядываешь внутрь человѣка, въ душу, которая такъ же чиста.

— Да, онъ не сливки, а сыворотки, сказала Лиза,—но сыворотки здоровѣе.

— Такъ сказать тебѣ, Лиза, о чемъ мы болтали съ Наденькой? начала опять Моничка.

— Да перестань, прервала Наденька.

— А вотъ нарочно же. Видишь ли, ma chère...

— Такъ постой же, дай, я сама разскажу; признаваться, такъ признаваться.

Наденька оглянулась по сторонамъ и продолжала, понизивъ голосъ:

— Вчера, часу въ 11-мъ вечера, когда мы уже улеглись съ тобой, раздается вдругъ легкій стукъ въ окошко. Я прислушиваюсь—новый стукъ. Я вскакиваю, завертываюсь въ одѣяло и—къ окошку. Гляжу: Моничка. Я тихонько открываю окно. «Спитъ Лиза?» спрашиваетъ она шёпотомъ. «Спитъ; а что?»—«Не хочешь ли повояжировать?» При этомъ она распахнула мантилью, которая прикрывала ей плечи. Я чуть не вскрикнула отъ удивленія. «Что съ тобою, Моничка?» прошептала я. Вообрази: она, сумасшедшая, въ одной сорочкѣ...

— Неправда! перебила Моничка:—я была и въ туфляхъ.

— Это такъ: послѣ еще потеряла одну въ травѣ. Я сперва не рѣшалась идти съ нею; но потомъ, разсудивъ, что все въ домѣ спитъ, не могла удержаться, надѣла ботинки, накинула тальму—и маршъ изъ окошка въ садъ.

— Малюточки! но къ чему все это?

— Къ чему? Хотѣлось набѣгаться. Перескочивъ ограду, мы бросились въ рожь, росистую, мокрую, ловить другъ друга...

Змѣинъ, продолжавшій пренія свои съ нѣмцемъ, вслушивался однимъ ухомъ и въ разговоръ дѣвицъ. При послѣднихъ словахъ Наденьки, онъ всталъ изъ-за стола, сказалъ своему сосѣду:—Im Augenblick bin ich wie-

der da, и, взявъ со стула въ углу шляпу, вышелъ изъ комнаты.

Въ поискахъ за Ластовымъ, Змѣинъ добрелъ до старой отели, когда завидѣлъ пріятеля сквозь растворенную дверь вышеописаннаго склада швейцарскихъ издѣлій, любезничающимъ съ кокетливой продавицей.

— Вотъ этотъ альбомъ, говорила вкрадчивымъ голосомъ швейцарка,—вы подарите своей сестрицѣ—вѣдь у васъ есть сестрица? А то невѣстѣ... Но нѣтъ, для невѣсты мы выберемъ что-нибудь посолиднѣе... хоть бы эту брошку; изволите видѣть: чистая слоновая кость, и олень какъ вырѣзанъ!

— Да у меня нѣтъ еще невѣсты... бормоталъ растерянный поэтъ, перекладывая изъ руки въ руку два орѣховые ножа для прорѣзыванія бумаги, чернильный приборъ и нроч., которыми проворная дѣвушка успѣла уже нагрузить его.

— Ну, такъ есть возлюбленная? говорила она, лукаво заглядываясь ему прямо въ глаза.—Чтобъ у такого красавчика не было возлюбленной—я ни за что не повѣрю.

— Въ томъ-то и дѣло, моя милая, отвѣчалъ въ ея же тонѣ Ластовъ,—что у насъ не водится такихъ душекъ, какъ вы; потому даже и возлюбленной не имѣется.

Куницынъ тѣмъ временемъ разглядывалъ въ стеклышко разнообразныя вещицы, аккуратно разставленныя по шкапамъ. Онъ было попытался съ нѣжностью прищуриться въ глазки швейцаркѣ; но когда та, ни мало этимъ не смущаясь, пристала и къ нему: «да возьмите это, да купите то», онъ сдѣлался поразительно холоденъ и снизошелъ только пріобрѣсть крошечную орѣхо-

вую папиросницу, которую нашелъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ.

— Чѣмъ ты тутъ занятъ? спросилъ Ластова входящій Змѣинъ.—Брось эти пустяки и пойдемъ со мною.

Къ поэту подошелъ Куницынъ.

— Что-жъ ты не представишь меня своему другу?

— Виноватъ. Благословляй свою судьбу, о юноша, что удостоился узрѣть сего мужа! Се онъ, le célèbre Kounizine, представитель петербургскихъ mauvais-sujets. До 4-го класса гимназіи я имѣлъ счастіе называть его своимъ товарищемъ; но тутъ, постигнувъ свое высшее назначеніе, онъ переселился въ храмъ Ѳемиды; до нынѣшняго года посвящали его въ таинства богини. И вотъ, попеченія жрецовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: граціознѣе его никто не капканируетъ (у Ефремова предлагали ему по пяти цѣлковыхъ за вечеръ, съ открытымъ буфетомъ), лучше его никто не знаетъ приличій высшаго тона (поутру весь столъ у него заваленъ раздушенными записочками); французскимъ языкомъ пропитанъ онъ насквозь, до кончиковъ ногтей, точно наэлектризованъ, такъ-что стôитъ только дотронуться до него пальцемъ, чтобы вызвать искры изысканнѣйшихъ парижскихъ bon-mots...

— Но, Ластовъ, это безсовѣстно... протестовалъ, нахмурившись, правовѣдъ.

— Впрочемъ, добрый малый, присовокупилъ поэтъ:— какъ видишь, не сердится даже надъ моимъ преувеличенно-лестнымъ панегирикомъ.

— Очень пріятно познакомиться, сказалъ Змѣинъ, пожимая руку правовѣду.

— Сей, продолжалъ рекомендовать Ластовъ, ткнувъ

указательнымъ перстомъ въ грудь друга:—Александръ Александровъ сынъ Змѣинъ, натуралистъ, также вполнѣ оправдавшій надежды своего начальства, ну, и... натуралистъ, одно слово. Понимаешь?

— Не совсѣмъ. Должно быть, нѣчто въ родѣ тебя?

— Приблизительно; только еще воплощеннѣе. Ты, Змѣинъ, звалъ меня зачѣмъ-то?

— А вотъ видишь ли: я пойду и сяду въ гостиницѣ за столъ; ты подойди да заговори со мной по-русски.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Но ради какой цѣли, позволь узнать?

— Это ты изъ дѣла усмотришь. Исполни только мои указанія.

Молодые люди направились къ главной отели. Змѣинъ вошелъ въ столовую первымъ, занялъ свой стулъ и возобновилъ разговоръ съ любознательнымъ нѣмцемъ. Вошедшій, нѣсколько спустя, съ Куницынымъ, Ластовъ, согласно условію, подошелъ къ сидящему пріятелю и, положивъ ему руку на плечо, спросилъ во-всеуслышаніе:

— А что ты, братъ, заказалъ для меня бифштексъ и рейнвейну?

Нельзя изобразить, какое магическое дѣйствіе произвели эти, сами по себѣ весьма невинныя слова на нашихъ дѣвицъ: Наденька, узнавъ въ Ластовѣ съ перваго же взгляда висбаденскаго игрока, вспыхнула до висковъ и не знала, куда отвернуться; Лиза подняла голову и молча вперила въ Змѣина изумленный, строгій взоръ; Моничка, наконецъ, прыснувшая сначала, поняла тутъ же всю неловкость своего положенія и съ запальчивостью обратилась къ Змѣину:

— Вы, monsieur, знаете по-русски и не могли объявить намъ объ этомъ заранѣе?

— Напрасно вы горячитесь, отвѣчалъ спокойнымъ тономъ Змѣинъ;—не вы ли сами посвящали все присутствующее общество въ ваши частныя тайны? Чѣмъ виноватъ смертный, случайно понимавшій по-русски?

— Но вы обязаны были предупредить насъ!

— Я и предупредилъ: позвалъ товарища, чтобы онъ при васъ заговорилъ со мною.

— Какъ? вы нарочно сходили за нимъ? c'est affreux!

— Послушайте, милостивый государь, обратилась тутъ къ Змѣину Лиза, вымѣривая его леденымъ взглядомъ;— вы хотѣли дать намъ урокъ?

— Имѣлъ въ виду.

— Но по какому праву, позвольте васъ спросить?

— По праву старшаго—наставлять дѣтей.

— Дѣтей! Еслибъ вы знали, съ кѣмъ говорите...

— А именно?

— Я... я болѣе года посѣщала университетъ, покуда не вышло запрещенія...

— Такъ вы экс-студентка? Что-жъ, этого товару на свѣтѣ не искать стать: божья благодать.

— Да, благодать! Но это не все. Въ настоящее время я занимаюсь своимъ предметомъ дома и въ будущемъ маѣ думаю сдать уже на кандидата, а тамъ, дасть-Богъ, и на магистра, на доктора... Вотъ что-съ!

— Дай-Богъ, дай-Богъ вамъ всякаго успѣха.

— Ты не думай, ma chère, что онъ хотѣлъ предостеречь насъ, вмѣшалась съ жёлчью Моничка:—это было одно мальчишество, желаніе посмѣяться надъ дѣвицами... Мы презираемъ васъ, сударь!

— Видите, какъ вы неразборчивы въ выборѣ вашихъ выраженій, возразилъ съ прежнимъ хладнокровіемъ Змѣинъ;—надо быть осторожнѣе: другой на моемъ мѣстѣ, пожалуй, отплатилъ бы вамъ тою же монетой. Я вижу, приходится изложить вамъ ходъ дѣла систематически. Я толковалъ безъ всякихъ заднихъ мыслей съ симъ достопочтеннымъ тевтономъ—о чемъ? вы, можетъ быть, слышали.

— Очень нужно намъ подслушивать ваши скучные разговоры!

— Зачѣмъ же отпираться, Моничка? замѣтила Лиза.— Ну, мы слышали, о чемъ вы говорили; что-жъ изъ того?

— Дѣло не въ предметѣ нашего съ нимъ разговора, а въ томъ, чтобы вы знали, что предметомъ этимъ были не вы. Тутъ долетаетъ вдругъ до слуха моего нѣсколько словъ обо мнѣ. Какъ было не насторожить ушей! Обнаруживать же, что я понимаю васъ, не было резонной причины: вы говорили обо мнѣ—тэма самая приличная. Къ тому же куда какъ пріятно подслушать лестный о себѣ отзывъ изъ прелестныхъ дѣвичьихъ устъ!

— Пожалуйста, безъ колкостей, сударь!

— Тутъ зашла у васъ рѣчь о вчерашней авантюрѣ, продолжалъ Змѣинъ.—Я мысленно зажалъ себѣ уши, но что прикажете дѣлать, если мѣра эта не оказалась вполнѣ состоятельною? Разслышавъ кое-что изъ вашего разговора и опасаясь, чтобы вы и въ другой разъ, передъ менѣе снисходительнымъ слушателемъ, не скомпрометировали себя подобнымъ же образомъ, я почелъ своимъ долгомъ преодолѣть природную флегму (что я второй Обломовъ— подтвердитъ вамъ всякій, кто мало-мальски знаетъ меня),

всталъ и пошелъ вотъ за нимъ. Я думалъ, что вы будете мнѣ еще душевно благодарны.

Впродолженіе этой рацеи нашего философа, черты Лизы начали мало по малу проясняться.

— Мы гдѣ-то съ вами уже встрѣчались, промолвила она.—Вы не изъ петербургскаго ли университета?

— Такъ точно.

— Что же вы не сказали намъ этого съ перваго же начала? Вашъ пріятель, должно быть, также университетскій? Его я, кажется, видѣла вмѣстѣ съ вами на лекціяхъ.

— Да, мы съ нимъ одного факультета и курса.

— Ну, вотъ. Знаете что? Вы, кажется, вовсе не такой злодѣй, какъ представилось намъ сначала. Вы куда отсюда? въ Интерлакенъ?

— Въ Интерлакенъ.

— И играете въ шахматы?

— Играю.

— Послушайте, тутъ ужасная скука: хотите быть знакомымъ съ нами?

— Но, Лиза!... шепнула ей Наденька, разгорѣвшаяся при послѣднихъ словахъ сестры, если возможно, еще пуще прежняго;—вѣдь онъ все разскажетъ своимъ товарищамъ...

— Да! обратилась къ Змѣину экс-студентка:—вы вѣдь ничего еще не говорили этимъ господамъ о сюжетѣ нашего давишняго разговора?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Такъ и не говорите. Молодымъ дѣвушкамъ, знаете, конфузно. Стало быть, рѣшено: мы знакомы?

— Пожалуй, мнѣ все равно. А вы порядочно играете въ шахматы?

— Вотъ увидите. Однако, пора и узнать подробнѣе, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Кто вы, господа?

— Я и онъ, сказалъ Змѣинъ, указывая на Ластова:— кандидаты естественныхъ наукъ; я—будущій мыловаръ, онъ—будущій просвѣтитель юношества.

— А зовутъ васъ?

— Меня Александромъ Александровичемъ Змѣинымъ, его—Львомъ Ильичемъ Ластовымъ.

— А вы кто? обратилась Лиза къ Куницыну.—Бьюсь объ закладъ, что лицеистъ или правовѣдъ?

— Изъ чего вы заключили? Да, я былъ правовѣдомъ, но уже окончилъ курсъ—съ девятымъ классомъ! зовутъ меня Куницынымъ.

— Il me semble, que nous avons déjà vu monsieur à Interlaken? замѣтила насмѣшливо-кокетливо Моничка.

— A votre service, mademoiselle, отвѣчалъ, ловко раскланиваясь, правовѣдъ.

—Теперь очередь за нами, сказала Лиза.—Я—Лизавета Николаевна Липецкая; чинъ и званіе мое вамъ уже извѣстны. Это—сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вотъ наша мать, жена тайнаго совѣтника Липецкаго. А вотъ Саломонида Алексѣевна Невзорова—одинъ изъ будущихъ перловъ петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ, прибавила экс-студентка не безъ ироніи.

Жена тайнаго совѣтника хотѣла было вмѣшаться въ разговоръ молодежи, ибо находила неслыханнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ такое внезапное знакомство съ вовсе незнакомыми людьми, но никто изъ участниковъ маленькой интермедіи не удостоилъ ея вниманія, и, пожавъ

плечами, непризнанная родительница повернулась опять къ своей французской графинѣ.

Нѣмецъ, сосѣдъ Змѣина, угадывая сердечное желаніе стоящихъ за нимъ молодыхъ людей подсѣсть къ своимъ новымъ знакомкамъ, допилъ на-скоро остатки пива и поднялся съ мѣста.

— Вы, господа, можетъ быть, устали? проговорилъ онъ.—Я съ своей стороны насидѣлся. Какъ бы вамъ только помѣститься.

Но юноши помѣстились какъ нельзя лучше: сосѣди направо и налѣво поотодвинулись, въ открывшійся промежутокъ былъ втиснутъ новый стулъ—и помѣстились. Завязался разговоръ, непринужденный, веселый, какъ между старыми знакомыми. Куницынъ, который предшествующее лѣто провелъ въ разгульной столицѣ Франціи, зналъ множество «ароматныхъ» анекдотовъ изъ области тамошняго полусвѣта и преимущественно способствовалъ оживленности разговора. Отроковицы замѣтно успокоились отъ перваго волненія, изобличая похвальный апетитъ: наперерывъ намазывали онѣ себѣ на полуломтики рыхлой, бѣлой булки свѣжаго масла и сверху, какъ водится, зернистаго, полужидкаго меду. Блюда съ ветчиной, холодной говядиной, сыромъ, земляникой, скудѣли видимымъ образомъ; земляники потребовалось даже второе увеличенное изданіе.

V.

небахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ.

Въ девять часовъ раздался внезапно за окнами столовой сигнальный пушечный выстрѣлъ. Все вскочило, переполошилось.

— Illumination! переходило изъ устъ въ уста.

Дамы схватились за мантильи и платки, мужчины за плэды и шляпы; ужинъ и чай были брошены; всякій спѣшилъ выбраться на вольный воздухъ.

На дворѣ стояла ночь, чудная южная ночь, теплая и безлунная. Въ темно-синей, почти черной безднѣ небесъ мерцала робкимъ огнемъ одинокая вечерняя звѣзда. Внизу, въ земной юдоли, въ горной котловинѣ, было непроницаемо-темно, хоть глазъ выколи. Только пѣнистые каскады неумолкаемаго Гисбаха бѣлѣли въ отдаленіи.

На площадку передъ старою отелью, то есть прямо противъ водопада, была вынесена армія стульевъ; гости атаковали ихъ съ ожесточеніемъ. Смѣхъ, говоръ, трескъ стульевъ! Въ окружающемъ мракѣ никто никого не узнаетъ.

— Вы это, N. N.? (Называется имя.)

— Нѣтъ, не я.

— Не вы?

Старая, но хорошая острота, возбуждающая общую веселость.

Вотъ отъ главной отели начинаютъ приближаться яркіе блудящіе огни; за каждымъ огонькомъ вьется змѣйка освѣщаемаго имъ дыма. Вскорѣ можно различить людей съ факелами. Длинной процесіей тянутся они вдоль окраины чернѣющаго лѣса, въ направленіи къ Гисбаху. Теперь они взбираются, одинъ въ извѣстномъ разстояніи отъ другого, на крутизны водопада; то пропадутъ въ сумракѣ чащи, то явятся опять, чтобы въ то же мгновеніе вновь скрыться. Вотъ мелькнулъ свѣтъ и на верхнемъ мостикѣ— и всѣ огни разомъ исчезли. Наступила прежняя темь, оглашаемая только немолчнымъ гуломъ падающихъ водъ.

Вдругъ—подъ ногами зрителей сверкнулъ огонь, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Всѣ вздрагиваютъ и вскрикиваютъ. Но крикъ испуга переходитъ въ возгласъ удивленія: вся водяная масса, сверху донизу, вспыхиваетъ мгновенно однимъ общимъ волшебнымъ огнемъ. Подобно расплавленному металлу, ярко свѣтясь насквозь, пѣнистыя воды Гисбаха низвергаются, словно звонче и шумнѣе, съ уступа на уступъ; прозрачная, свѣтлая дымка водяной пыли обвѣваетъ ихъ. Отъ воды освѣщаются трепетнымъ блескомъ и окружающіе мрачные лѣсные исполины. Ярко-бѣлый цвѣтъ водъ переходитъ незамѣтно въ красный, красный—въ пунцовый. Верхній каскадъ зеленѣетъ, и весь водопадъ донизу заливаетъ зеленымъ отливомъ. Тихо-тихо меркнутъ свѣтлыя воды, сначала наверху, потомъ все ниже и ниже; мгновеніе—и все погрузилось въ прежній мракъ.

Зрители, любовавшіеся невиданнымъ зрѣлищемъ съ притаеннымъ дыханіемъ, только теперь очнулись отъ очарованія. Все заговорило, задвигало стульями.

— А, въ самомъ дѣлѣ, очень недурно, замѣтила Лиза;—лучше даже, чѣмъ днемъ.

— Ахъ, нѣтъ, ma chère, возразила Наденька:—бенгальское освѣщеніе — искуственное, слѣдовательно, хоть и поражаетъ сильнѣе, но не можетъ сравниться съ дневнымъ, естественнымъ.

— Ты сама себѣ противорѣчишь, моя милая: вѣдь бенгальское освѣщеніе, говоришь ты, дѣйствуетъ на тебя глубже дневного?

— Глубже.

— А между тѣмъ въ немъ нѣтъ для тебя ничего непріятнаго?

— Нѣтъ, оно даже, можетъ быть, пріятнѣе дневного, но оно искуственное, а слѣдовательно...

— Полно тебѣ сентиментальничать! прервала Лиза.— Есть развѣ какое существенное различіе между освѣщеніемъ того или другого рода? И здѣсь, и тамъ происходитъ не болѣе, какъ сотрясеніе эѳира, игра свѣтовыхъ волнъ на одномъ и томъ же предметѣ—водѣ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ раздражается зрительный нервъ, и чѣмъ пріятнѣе это раздраженіе, тѣмъ оно и благороднѣе: всякое вѣдь сотрясеніе эѳира естественно, неискуственно; солнце могло бы точно такъ же свѣтить бенгальскимъ огнемъ, какъ свѣтитъ теперь своимъ обыкновеннымъ свѣтомъ, и тогда ты сама не нашла бы въ такомъ освѣщеніи ничего неестественнаго.

— Да вамъ хоть сейчасъ въ професорà! замѣтилъ шутливо одинъ изъ молодыхъ людей.

— Сестра молода, отвѣчала серьезнымъ тономъ экс-студентка:—всякая новая мысль не лишня въ ея годы.

— Вы говорили про раздраженіе зрительнаго нерва, вмѣшался Змѣинъ:—я долженъ замѣтить, что прежде всего раздражается въ глазу сѣтчатая оболочка, а ужъ отъ этой раздраженіе передается чрезъ зрительный нервъ мозгу.

— Ну, пошли философствовать! перебилъ нетерпѣливо Купицынъ.—Бенгальское освѣщеніе развлекло насъ болѣе дневного, значитъ, оно и лучше—что тутъ толковать.

Общество подходило къ гостиницѣ.

— Не сдѣлать ли еще ночной прогулки? предложилъ Ластовъ.

— Ахъ, да, да! подхватили въ одинъ голосъ Наденька и Моничка.

— А я думаю, что нѣтъ, рѣшилъ Змѣинъ.—Пароходъ отходитъ завтра чуть ли не въ 7-мъ часу утра, поэтому, если мы хотимъ выспаться, то пора и бай-бай.

— Вы самый разсудительный изъ насъ, сказала Лиза:— въ самомъ дѣлѣ, мы уже вдоволь насладились вашимъ обществомъ, господа; хорошаго понемножку. Пойдемте, дѣтушки.

— Пойдемъ. Добраго сна, господа.

— Au revoir, mesdemoiselles, отвѣчалъ Куницынъ.

— Прощайте, сказалъ Ластовъ.

— Кланяйтесь и благодарите, заключилъ Змѣинъ.

Наши три героя рѣшили единогласно потребовать три отдѣльные номера: оно удобнѣе, а цѣна та же, такъ-какъ въ гостиницахъ почти повсюду берутъ плату не за комнаты, а за кровати. На бѣду ихъ, въ отели *Гисбахъ*, при большомъ стеченіи публики, бываетъ, не смотря на относительную просторность зданія, довольно тѣсно; почему пріѣзжіе, справившіеся предварительно въ краснокожемъ путеводителѣ, всегда позаботятся заблаговременно о ночлегѣ. Наша молодежь не заглянула въ Бедекера, а когда обратилась съ своимъ требованіемъ къ кельнеру, то получила альтернативу: или удовольствоваться всѣмъ троимъ однимъ номеромъ, или же искать пристанища въ окружающихъ дебряхъ. Послѣднее, какъ неудобоисполнимое, было отвергнуто, первое со вздохами принято. Отведенная имъ комната оказалась подъ самою крышею и имѣла полное права на названіе чердака; она была такъ низка, что Ластовъ (самый высокій изъ молодыхъ людей), не становясь на цыпочки, могъ достать рукою до потолка. Три кровати занимали почти все пространство комнаты.

— Ну, братъ Ластовъ, заговорилъ Куницынъ,—какъ

ты находишь мою belle Hélène? не достойна она этого титула, а?

— Какъ тебѣ сказать?... Прекрасной Еленой ее едва ли можно назвать: троянская красавица, сколько мнѣ извѣстно, была женщина вполнѣ разцвѣтшая, въ соку, тогда-какъ Наденька—ребёнокъ. Но она, слова нѣтъ, мила, даже очень... Видно, что ей и непривычно, неловко въ длинномъ платьѣ, и въ то же время хотѣлось бы казаться взрослой; застѣнчивость дитяти, съ эксцентричными порывами первой самостоятельности, и придаетъ ей эту особенную привлекательность.

— Браво! такъ она тебѣ нравится? malgré, что незрѣлый крыжовникъ?

— Я и не возставалъ противъ незрѣлаго крыжовника; меня удивляло одно: кàкъ ты, человѣкъ столь рафинированный, могъ прельститься ею; теперь отдаю полную честь твоему вкусу. Похвально также, что онѣ съ Лизой не шнуруются: безъ корсета талья обрисовывается куда пластичнѣе, рельефнѣе, и въ то же время не даетъ повода опасаться, что переломится при первомъ дуновеніи. Да и въ умственномъ отношеніи Наденька, кажется, не изъ послѣднихъ: немногія слова, сказанныя ею, были такъ логичны...

— Та, та, та! Это что? воскликнулъ Куницынъ.— Пошелъ расхваливать! Ужъ не собираешься ли ты отбить ее у меня?

— А еслибы? Она и мнѣ болѣе Монички нравится.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста не тронь. Ты ее знаешь всего съ сегодняшняго дня, значитъ, не такъ привязался къ ней... Условіе, господа: каждый изъ насъ выбираетъ себѣ одну для ухаживанья и, какъ вѣрная тѣнь, слѣ-

дить за нею; другими словами: не вмѣшивается въ дѣла остальныхъ тѣней. Насъ трое и ихъ три, точно на заказъ. Вы, m-r Змѣинъ, берете, разумѣется, Лизу?

Змѣинъ поморщился.

— Да полно вамъ кокетничать! Кому-жъ, какъ не вамъ, играть съ нею въ шахматы? кто, кромѣ васъ, выдержитъ съ этой флегматической докой? Не взыщите за правду. Я не постигаю только, какъ вы еще не сходите съ ума отъ нея? Совсѣмъ одинъ съ вами темпераментъ, точно изъ одной формы вылиты, а наружность и тѣлеса—въ своемъ родѣ magnifiques.

— Это такъ, торсъ славный. Еслибъ и умъ ея былъ въ половину такъ роскошенъ...

— А почемъ вы знаете, каковъ у нея умъ? Изслѣдуйте напередъ. Это по вашей части: изслѣдованія, анализъ, химія!

— Къ тому же, подхватилъ Ластовъ,—хотя она и изъ студентокъ, но, какъ кажется, не поставляетъ себѣ главною цѣлію поимку жениха; ужъ одно это должно бы возвысить ее въ твоихъ глазахъ.

— Знаемъ мы этихъ весталокъ новаго покроя! отвѣчалъ Змѣинъ. — Пока не нашлось обожателя, дѣвушкѣ, конечно, ничего не стоитъ играть неприступную; а попробуй возгорѣть къ ней безкорыстно - благороднымъ огнемъ, сирѣчь намекни ей про законныя узы—она тутъ же бросится въ объятія къ тебѣ, какъ мошка въ пламя свѣчи, съ рискомъ даже опалить крылья.

— Mais, mon cher ami, вы разстроиваете весь нашъ планъ. Какъ же быть намъ, если вы отказываетесь отъ Лизы?

— Да я пожалуй сыграю съ нею нѣсколько партій въ

шахматы, чтобы вы съ Ластовымъ могли утолить первый позывъ вашей любовной жажды. Но не пѣняйте, если я, въ случаѣ невозможности выдержать, поверну оглобли.

— Можете. Я съ своей стороны на столько довѣряю Лизѣ, что надѣюсь, что она не такъ-то скоро отпуститъ васъ. Итакъ, вашъ предметъ—Лиза? рѣшено?

— Рѣшено.

— Мой—Наденька, эта также рѣшено; значитъ, на твою долю, Ластовъ, остается одна Моничка, Саломонида, Salomé!

— И то хлѣбъ. Вѣдь ты, Куницынъ, не воспрещаешь говорить иногда и съ твоей красоткой?

— Куда ни шло — можешь.

— И за то спасибо.

— Вы, господа, готовы? спросилъ Змѣинъ, перевѣшивая послѣдніе доспѣхи свои черезъ спинку стула и подлѣзая подъ перину.

— Вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, сострилъ Куницынъ. Змѣинъ задулъ свѣчу.

— Это зачѣмъ? спросилъ тотъ.—При свѣтѣ болтается гораздо веселѣе.

— То-то вы проболтали бы до зари, а встать надо съ пѣтухами. Buona notte!

— Кланяйтесь и благодарите, отвѣчалъ, смѣясь, правовѣдъ, повторяя любимое, какъ онъ замѣтилъ, выраженіе Змѣина.

Тѣмъ временемъ, въ другой комнатѣ гостиницы происходилъ разговоръ между дѣвицами, почти тождественный съ вышеприведеннымъ.

Липецкія распорядились о ночлегѣ своевременно, и имъ отвели два номера въ бель-этажѣ, въ двѣ кровати каж-

дый. Моничка и Наденька просились спать вмѣстѣ; г-жа Липецкая хотѣла было отказать, но когда и Лиза ввернула свое доброе слово: —Да дайте же имъ погулять! не вѣкъ же пробудемъ за границей,—она, сообразивъ, что и вправду рѣзвушки не дадутъ ей сомкнуть глазъ, если она одну изъ нихъ возьметъ къ себѣ, махнула рукой:

— А Богъ съ вами! Дѣлайте, что̀ хотите.

— Давно бы такъ! сказала Моничка.—Надя, allons.

Онѣ порхнули по коридору въ свои новыя, неоспоримыя владѣнія. Притворивъ плотно дверь къ владѣніямъ двухъ старшихъ дамъ: — Намъ не помѣшаютъ, и мы не помѣшаемъ, — Моничка раскрыла окно и вывѣсилась за него.

— Досадно, что такъ высоко! замѣтила она:—опять бы повояжировать.

Наденька вспомнила недавнюю интермедію изъ-за вчерашняго вояжа и надулась.

— А какой же онъ противный! Слушаетъ, точно агнецъ, точно ничего и не понимаетъ, а самъ только придумываетъ, какъ бы поосновательнѣй пристыдить насъ.

— Кто? Змѣинъ? Матеріалистъ, грубый, неотесанный матеріалистъ! Да развѣ отъ университанта можно ожидать чего-нибудь лучшаго? Какъ я его за-то и отщелкала! Ты слышала? «Вы, говорю, мальчишка, мы васъ презираемъ, сударь!» Ха, ха!

— Его это, однако, кажется, не очень тронуло.

— Не очень тронуло! Въ немъ нѣтъ ни капли врожденнаго благородства, оттого и не тронуло. Ты думаешь, что истинно-образованный человѣкъ принялъ бы такъ легко мои слова? А съ него, какъ съ рыбы вода.

— Какъ съ гуся, хочешь ты сказать.

— Ну, все равно. То ли дѣло правовѣдушка! Вотъ милашка, такъ милашка! настоящій pur sang, дусенька! Такъ бы взяла, кажется, за оба ушка да и расцѣловала тысячу разъ!

— Что-жъ? попробуй. Онъ, я думаю, и самъ не откажется: и ты вѣдь милашка, а—qui se ressemble, s'assemble. Но я все-таки не понимаю, какъ можно рѣшиться поцѣловать его, правовѣда!

— Отчего же нѣтъ? Цѣловать мы, женщины, имѣемъ, я думаю, такое же право, какъ мужчины; Куницынъ же болѣе чѣмъ кто-либо достоинъ женскихъ поцѣлуевъ: онъ и un homme très gentil и un vrai gentilhomme.

— То есть фатъ? ходячая модная картинка?

— Такъ что-жъ такое? Ты слишкомъ взыскательна, ma chère: если человѣкъ хорошъ, то долженъ и культивировать свою красоту, какъ культивируютъ, par exemple, какой-нибудь талантъ. Ты сама говорила, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна заключаться и прекрасная душа.

— Моничка, Моничка! Ты, кажется, уже по уши влюблена въ него. Это тѣмъ грустнѣе, что онъ занятъ не тобой, а мной: и въ Интерлакенѣ онъ слѣдилъ только за мной, и здѣсь за чаемъ относился все болѣе ко мнѣ.

— Какъ ты воображаешь себѣ, Наденька! Въ Интерлакенѣ мы ходили съ тобою всегда вмѣстѣ, слѣдовательно нельзя опредѣлительно сказать, къ которой именно изъ насъ относилось его вниманіе; когда онъ заговорилъ съ нами, то обратился къ тебѣ, можетъ быть, только затѣмъ, чтобы замаскировать свои чувства, а сегодня вечеромъ... да вотъ еще, когда онъ разсказывалъ про па-

рижскихъ львицъ, то сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я стою любой изъ нихъ; потомъ...

Наденька расхохоталась.

— Ты, моя милая, какъ Марья Антоновна въ *Ревизоръ*: «И какъ говорилъ про Загоскина, такъ взглянулъ на меня, и какъ разсказывалъ, что игралъ вистъ съ посланниками, то опять взглянулъ на меня.»

— Ну да! Ты вѣчно съ своими русскими сочинителями. Но мой правовѣдъ—человѣкъ симпатичный, не то, что эти два медвѣдя... По твоему, пожалуй, этотъ блѣдный, долговязый лучше?

— Разумѣется, во сто разъ лучше.

— Да вѣдь онъ глупенькій! Впродолженіе всего вечера сказалъ какія-нибудь два-три слова.

— Значитъ, молчаливъ и хотѣлъ напередъ разглядѣть насъ. Помнишь, какъ любезно принялъ онъ нашу сторону въ Висбаденѣ за рулеткой?

— Очень нужно было! Еслибъ онъ не вмѣшался, то я потеряла бы этотъ первый гульденъ да съ тѣмъ бы и ушла; а то по его милости спустила все, что имѣла съ собою.

— Ты забываешь, Моничка, что и я проиграла всѣ бывшія при мнѣ деньги, но, какъ видишь, не сержусь на виновника нашей бѣды; чѣмъ же виноватъ онъ, что мы не могли удержаться отъ игры? Онъ поступилъ только весьма любезно. А что до его наружности, то черты у него правильныя, классически-благородныя; обхожденіе хотя не такое ухорское, какъ у Куницына, за-то болѣе натуральное, стало быть, и болѣе приличное.

— Отчего не классически - приличное? Я, впрочемъ, очень довольна, что вкусы наши расходятся: не помѣ-

шаемъ, значитъ, другъ другу. Вы съ Лизой обворожайте своихъ классиковъ; я удовольствуюсь *даже* правовѣдомъ, хотя онъ, какъ ты увѣряешь, и плѣненъ уже тобой! Что, сударыня, завидно?

— Ни чуть. Наслаждайся имъ, сколько душѣ угодно.

— Да? ты обѣщаешься не мѣшать мнѣ?

— Слово гимназистки! усмѣхнулась Наденька, поднимая вверхъ торжественно три пальца.

— Cela suffit. Une femme d'honneur n'a que sa parol.

VI.

О комарахъ и сновидѣніяхъ.

Настало утро. На гисбахской пристани толпился народъ. Отъ Бріенца приближался, усердно пыхтя, небольшой пароходикъ. Наши русскіе были въ числѣ ожидающихъ. Пароходъ ударился о дебаркадеръ, и толпа повалила на палубу. Русская молодежь усѣлась на табуреткахъ въ тѣсный кружокъ.

— Какъ вы почивали? обратился къ барышнямъ Ластовъ.—Не помѣшалъ ли вамъ водопадъ?

Наденька, казалось, совѣстилась начать разговоръ и смолчала; Моничка не считала нужнымъ отвѣчать на вопросъ «долговязаго университанта». Отвѣтъ остался за Лизой.

— Помѣшалъ-таки, сказала она:—шумитъ такъ, что стёкла дребезжатъ. Съ непривычки трудно заснуть. Болѣе, однако, надоѣдали комары, и еслибы не одна уловка съ моей стороны...

— Ваша правда, подхватилъ Куницынъ:—комаровъ здѣсь легіонъ. Воевалъ я съ ними, воевалъ—силъ не стало.

— А, такъ это ты билъ такъ звонко въ ладоши? спросилъ Ластовъ.—Я думалъ: неужто Змѣинъ?

— Нѣтъ, я; да вѣдь вплоть до зари, бестіи, не давали сомкнуть глазъ! Кусаются, какъ собаки. Вѣроятно и послѣ кусали, да усталость одолѣла, заснулъ. Жужжать у тебя подъ самымъ ухомъ; въ темнотѣ ихъ и не разглядишь. Съ перваго-то начала я отмахивался платкомъ, да никакого толку: только отгоню, опущусь на подушки—а они опять тутъ какъ тутъ. Наконецъ, я вышелъ изъ себя и давай рубить сплеча и праваго, и виноватаго: поутру весь полъ около моей кровати, какъ поле битвы, былъ усѣянъ вражескими трупами.

— Вы человѣкъ горячій, сказалъ Змѣинъ,—и принимаете все къ сердцу; я съ своей стороны не вижу, чего тутъ безпокоиться? Пусть пососутъ маленько: насъ отъ этого не убудетъ, имъ же надо чѣмъ-нибудь пропитаться. Къ чему хлѣбъ отнимать? Мое правило: Leben und leben lassen.

— Хорошо вамъ разсуждать: обросли кругомъ непроходимымъ муромскимъ лѣсомъ; тутъ и самому отчаянному комару-разбойнику не проникнуть.

— Ничего, проникали; только я не удостоивалъ вниманія. Одинъ изъ самыхъ бойкихъ запутался даже въ моихъ бакахъ и давай пищать благимъ матомъ. Я человѣкъ съ сердцемъ и не могу видѣть чужихъ мученій: взялъ, высвободилъ осторожно ножки шалуна и пустилъ его на волю. Потомъ, въ сознаніи сдѣланнаго добраго дѣла, заснулъ безмятежно сномъ праведныхъ.

— Вы, должно быть, большой лимфатикъ, замѣтила теперь Наденька:—большая часть людей не можетъ вынести пискъ этихъ неотвязчивыхъ пѣвуновъ. Звенитъ ко-

марикъ, распѣваетъ вдругъ тебя гдѣ-то въ воздухѣ, все ближе и ближе; вотъ-вотъ, кажется, сядетъ; но нѣтъ, отлетаетъ и снова заводитъ свою задорную серенаду. Это ожиданіе бѣды мучительнѣе самой бѣды.

— Совершенно справедливо, подтвердилъ Ластовъ. — Но если защититься отъ нихъ какъ слѣдуетъ, то можно слушать ихъ довольно хладнокровно. Такъ я, ложась ввечеру, придвинулъ къ изголовью стулъ, распустилъ черезъ ручку его и свою голову пледъ и обезпечилъ себя такимъ образомъ отъ дальнѣйшихъ нападеній маленькихъ надоѣдалъ. Дышать было свободно, потому-что между изголовьемъ и стуломъ оставался еще промежутокъ; выдыхаемая углекислота опускалась по тяжести къ полу и замѣнялась оттуда немедленно струею чистаго воздуха. Комары распѣвали вокругъ моей головы попрежнему, но проникнуть до меня не имѣли уже физической возможности. Съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ внималъ я ихъ концерту, слагая изъ напѣвовъ ихъ, то глубокобасистыхъ, то пронзительно-звонкихъ, мелодіи штраусовскаго вальса, пока, убаюканный, не задремалъ.

— Я распорядилась пообстоятельнѣе, сказала Лиза. — У меня обыкновеніе читать въ постели; вчера, когда начали докучать комары, я пошла со свѣчою въ смежную комнату, гдѣ почивали Моничка и Наденька, и поставила свѣчу на полъ. Дѣвушки спали, какъ убитыя, потому комары не могли обезпокоить ихъ. Когда, по моему разсчету, всѣ комары изъ нашей спальни перелетѣли къ нимъ, къ свѣту, я задула свѣчу. Потомъ вернулась къ себѣ и плотно притворила дверь. Средство оказалось радикальнымъ: въ комнатѣ не осталось ни одного комара.

— А мы удивлялись, откуда взялась у насъ поутру

такая пропасть ихъ и свѣча на полу! воскликнула Моничка.

— Она всегда такъ, сказала Наденька;—вотъ какъ искусали—просто ужасти! прибавила она, разглядывая съ комическимъ отчаяньемъ свои красивыя, полныя руки, испещренныя до локтей красными пятнами.

— Въ самомъ дѣлѣ! подхватила Моничка, осматривая и свои руки;—и меня тоже! C'etait bien méchant, Lise! Я думаю, и на лицѣ есть слѣды?

— Есть-таки! засмѣялась Наденька; — по тебѣ это идетъ.

— Grand merci! Въ наши лѣта можно, кажется, обойтись и безъ косметическихъ средствъ. Ты впрочемъ очень-то не радуйся, ангелъ мой: ты сама въ пятнахъ.

— Ничего, пройдетъ. Пройдетъ, господа натуралисты?

— Пройдетъ, успокоилъ Ластовъ.—Комары принесли вамъ даже нѣкотораго рода пользу; не пусти они вамъ крови, я увѣренъ, вы не выспались бы такъ славно, не видали бы такихъ вещей во снѣ.

— Какихъ вещей?

— Да всего того, что молодыя дѣвушки любятъ видѣть во снѣ; гдѣ же намъ знать!

— А интересно бы! подхватилъ Куницынъ.—Говорятъ, что если спишь въ первый разъ подъ кровлею дома, то все, что приснится, и сбудется на дѣлѣ? Mesdames, будьте великодушны, разскажите ваши сегоднишніе сны.

— Какой вы любопытный! кокетливо улыбнулась Моничка.—Если *вы* приснились мнѣ—неужели также разсказывать?

— А то какъ же? certainement; franchise avant tout.

Мы въ Швейцаріи, въ странѣ откровенности и свободы.

— Вишь, вы какой!

— Да вамъ-то я пожалуй и не приснился...

— А! такъ вы думаете, что приснились одной изъ другихъ дѣвицъ? Поздравляю васъ, mesdames! Кому-жъ-то изъ васъ приснился m-r Куницынъ?

— Не мнѣ! поспѣшила увѣрить Наденька.

— Мнѣ и подавно нѣтъ, сказала Лиза.

— Вотъ видите ли, Ѳома невѣрующій? А мнѣ вы приснились!

— Такъ разскажите, какъ и что.

Маленькая брюнетка лукаво засмѣялась.

— Я думаю, лучше не разсказывать.

— Почему же нѣтъ?

— Вѣроятно, ты предсталъ не въ очень лестномъ для тебя свѣтѣ, предположилъ Ластовъ.

— Cela ne fait rien: d'une demoiselle tout est лестно. Racontez, m-lle, je vous en prie.

— Eh bien, m-r, si vous l'exigez infailliblement...

Фантазія у Монички оказалась довольная бойкая. Не задумываясь, она тутъ же сложила цѣлый волшебный сонъ.

Ей снилась—разсказывала она—тѣнистая роща при серебристомъ мерцаніи луны. Подъ прохладнымъ навѣсомъ деревъ, на бархатной муравѣ, пляшетъ группа нимфъ, облеченныхъ въ воздушныя, коротенькія платьица, на подобіе балетныхъ танцовщицъ. Является молодой, прекрасный рыцарь, съ зеленымъ, стоячимъ воротникомъ, въ треуголкѣ, и спящая узнаётъ въ немъ— m-r Куницына. Хороводъ нимфъ окружаетъ его и въ звучныхъ пѣсняхъ упрекаетъ его въ невѣрности: «И на

мнѣ обѣщался жениться, и на мнѣ, и на мнѣ!» Рыцарь въ смущеніи клянется, что съ своимъ бы удовольствіемъ женился на любой изъ нихъ, но какъ многоженство въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимо, то онъ, достойный сынъ богини правосудія, не желаетъ обидѣть ни одной изъ нихъ и лучше отрекается отъ всей честнòй компаніи; говоря такъ, онъ пытается улизнуть. Дѣвы съ крикомъ удерживаютъ его за фалды и увлекаютъ съ собою. «Къ Пиѳіи, къ великой жрицѣ! вопіютъ онѣ:—она разрѣшитъ сомнѣніе, кому изъ насъ владѣть коварнымъ измѣнникомъ.» Надъ пещерой, изъ которой валитъ густой, смрадный дымъ, возсѣдаетъ на треножникѣ, въ облакахъ дыма, древняя, поросшая мхомъ старушёнка. Рыцарь граціозно падаетъ ницъ. Но, странное дѣло! вглядываясь пристальнѣе въ черты жрицы, спящая узнаётъ въ ней—также m-r Куницына! Значитъ, двое m-rs Куницыныхъ: и судья, и подсудимый. Судья собирается только-что изречь роковой приговоръ надъ своимъ двойникомъ—какъ вдругъ Гисбахъ, Богъвѣсть откуда взявшійся, низвергается съ высоты съ глухимъ, ошеломительнымъ ревомъ и заливаетъ собою и Пиѳію, и рыцаря, и обиженныхъ дѣвъ. Буря понемногу улегается, изъ-за тучъ выплываетъ ясный мѣсяцъ и надъ зеркаломъ водъ начинаютъ порхать чайки. Картина въ родѣ послѣдней въ *Корсарѣ*. Вотъ вынырнула голова, вотъ другая, третья, десятая. Это души утопшихъ, но преображенныя: онѣ въ тѣхъ же коротенькихъ, газовыхъ платьяхъ, но лица ихъ—фотографическіе снимки съ облика m-r Куницына: онѣ умерли любя и потому въ смерти приняли образъ возлюбленнаго. Апоѳеоза: весь хоръ новорожденныхъ m-rs Куницыныхъ выходитъ на

берегъ и, отряхнувшись отъ воды, затѣваетъ кадриль, дивную, достойную первыхъ львицъ мабиля. Мѣсяцъ, принявшій на радостяхъ также образъ m-r Куницына, спустился на землю и, умильно ухмыляясь, любуется изъ-за кустовъ трогательной сценой.

— Un songe remarquable... промолвилъ недовѣрчиво правовѣдъ, когда Моничка окончила свой разсказъ.—Et vous l'avez effectivement vu?

— Eh sans doute! смѣялась въ отвѣтъ новая Шехеразада.—Кто изъ васъ, mesdames и messieurs, разрѣшитъ его?

— Наденька разрѣшитъ, сказала Лиза:—она вѣчно воображаетъ себя героиней какого-нибудь романа, и одно время, когда считала себя Татьяной Пушкина, обзавелась даже гадательной книгой, чуть ли не Мартыномъ Задекой. Повѣрите ли: восемь разъ перечла *Онѣгина*!

— Совсѣмъ не восемь! возразила обиженная гимназистка.

— А сколько же?

— Семь.

— Да, это, конечно, меньше. Она у меня олицетворенная поэзія, сама даже осѣдлываетъ Пегаса, и еще вчера...

— Ну, что это, Лиза? какая ты болтушка! Никогда тебѣ больше не буду показывать!

— Вы съ Ластовымъ, значитъ, одного поля ягодки, сказалъ Змѣинъ:—онъ тоже вчера еще прочелъ мнѣ пьеску, въ которой есть и «грезы», и «слезы», и «созвучіе сердецъ».

Наденька встрепенулась.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, прочтите ее намъ!

— Съ условіемъ, чтобы и вы прочли свою.

— Ни за что въ мірѣ!

— M-lle Nadine, вмѣшался Куницынъ,—оставьте на минуту поэзію и помогите намъ разрѣшить сонъ вашей кузины.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лиза пошутила. Кто изъ насъ здѣсь старше? Тотъ пусть и разрѣшитъ.

— Старше всѣхъ, кажется, m-r Змѣинъ. За нимъ, значитъ, и очередь.

— Разрѣшить значеніе сна, сказалъ Змѣинъ,—я не берусь, потому-что всякіе сны—неразрѣшимая чепуха; но почему именно вы, г-нъ Куницынъ, приснились Саломонидѣ Алексѣвнѣ—могу объяснить.

— Да это все равно. Объясняйте.

— Вы, Саломонида Алексѣвна, вѣроятно поужинали вчера довольно плотно?

— Не скажу. Чашки двѣ чаю, бутербротовъ съ медомъ—штуки три, да жаркого и сыру ломтика по три.

— Гм, недурно; по вашему это мало? На ночь вообще много ѣсть не годится. Мнѣ, однако, помнится, что, послѣ чаю, вы покушали и земляники?

— Ахъ да, про нее я забыла. Земляники я, въ самомъ дѣлѣ, съѣла изрядную порцію. Она здѣсь такая сочная, и сливки къ ней были такія чудныя, густыя-прегустыя...

— Вотъ видите ли. Оказывается, что вы легли съ переполненнымъ желудкомъ. Желудокъ, въ переполненномъ состояніи, производитъ давленіе на окружающіе кровеносные сосуды. Кровь, не имѣя возможности идти къ нижнимъ конечностямъ, гонится въ arteriae carotes, въ голову; оттого и грезы.

Моничка, видимо разочарованная такимъ прозаическимъ объясненіемъ натуралиста, съ неудовольствіемъ отвернулась.

— А цѣлый вечеръ, подхватила экс-студентка,—благодаря краснорѣчію г-на Куницына, ты не видѣла и не слышала ничего, кромѣ него; понятно, что и присниться тебѣ долженъ былъ онъ.

— Но я, хоть и слышала цѣлый вечеръ одного m-r Куницына, необдуманно брякнула Наденька,—а видѣла во снѣ не его...

— Кого же? усмѣхнулась старшая сестра.

Гимназистка замѣтила тутъ свою наивность и, не зная, какъ поправиться, зардѣлась.

Между тѣмъ пароходъ, загнувъ въ голубую Ааръ, приближался къ интерлакенской пристани. Шипя и качаясь, причалилъ онъ къ берегу, и все засуетилось около мостика, переброшеннаго съ пристани.

VII.

Двѣ кокетливыя альпійскія дѣвы.

Отель *R.*, въ которой остановились Липецкія и Куницынъ, въ которой искали теперь пристанища и наши натуралисты, принадлежитъ къ интерлакенскимъ гостиницамъ, наиболѣе посѣщаемымъ сезонными гостями, такъ-что, хотя при ней и имѣется нѣсколько второстепенныхъ строеній (такъ-называемыхъ *dépendances*) и по сю, и по ту сторону дороги, однако, въ описываемый нами день оказалась въ ней свободною одна лишь комната, которою друзья и рѣшились удовольствоваться на пер-

вое время, но въ которой они оставались и до самаго отъѣзда изъ Интерлакена.

Ластовъ отправился на противоположный берегъ Ааръ, на почту, узнать, не пришло ли изъ Россіи писемъ, да кстати захватить чемоданы, свой и Змѣина, пересланные ими сюда уже изъ Базеля. Писемъ не оказалось.— Взваливъ чемоданы на плеча первому попавшемуся ему на углу носильщику, поэтъ вернулся въ отель, не давая себѣ еще времени осмотрѣть хорошенько окружающій міръ. Дома они съ товарищемъ занялись разборкою своего имущества, вываливъ его предварительно въ живописномъ безпорядкѣ на кровать и диванъ.

Скрипнула дверь, и на порогѣ показалась молодая горничная, съ огромнымъ фоліантомъ подъ мышкой.

— Извините, если я обезпокою господъ, проговорила она по-нѣмецки, на твердомъ, характерномъ діалектѣ дѣтей Альповъ.—У насъ уже такое заведеніе, чтобы пріѣзжіе вписывались въ общую книгу.

— Отличное заведеніе, красавица моя, отвѣчалъ Ластовъ, съ удовольствіемъ разглядывая дѣвушку.

Полная, прекрасно сложенная, имѣла она глаза большіе, бархатно-черные; на здоровыхъ, румяныхъ щекахъ восхитительныя ямочки, носъ слегка вздернутый, но тѣмъ самымъ придававшій всему лицу выраженіе милаго лукавства. Одѣта она была въ національный бернскій костюмъ, съ пышными бѣлыми рукавами, съ серебряными цѣпочками на спинѣ.

— Вотъ чернила и перо, сказала она, перенося съ комода на столъ письменный приборъ и раскрывая книгу.—Не угодно ли?

Ластовъ укладывалъ въ комодъ бѣлье.

— Распишись ты, Змѣинъ, сказалъ онъ;—я послѣ.

Тотъ взялъ перо, обмакнулъ его и заглянулъ въ книгу.

— Эге! правовѣдъ-то твой какъ расписался: «Sergius von-Kunizin, Advocat aus St.-Petersburg.» Послѣ этого намъ съ тобою естественно нельзя назваться проще, какъ «Naturforscher», съ тремя восклицательными знаками.

Сказано—сдѣлано.

Къ столу подошелъ Ластовъ, наклонился надъ книгой и усмѣхнулся. Зачеркнувъ въ писаніи друга слово «Naturforscher», онъ надписалъ сверху: «Naturfuscher», и самъ расчеркнулся снизу: «Leo Lastow, dito.»

— Naturfuscher? спросила съ сдержаннымъ смѣхомъ швейцарка, глядѣвшая черезъ его плечо.

— Да, голубушка моя, Naturfuscher. Мы портимъ природу по мѣрѣ силъ; затѣмъ вѣдь и въ Швейцарію къ вамъ пожаловали.

— Какъ же это вы портите природу?

— А разрушаемъ скалы, рѣжемъ животныхъ, срываемъ безжалостно душистые цвѣточки, ловимъ блестящихъ насѣкомыхъ; бѣда душистымъ цвѣтамъ и блестящимъ насѣкомымъ! И васъ я предостерегаю. Уничтожать—наша професія, и самое великое—ну, что выше вашихъ Альповъ, воздымающихся гордо въ самыя облака—и тѣ трепещутъ насъ: дерзко пожираемъ мы ихъ... глазами, и вызываемъ яркій румянецъ на бѣлоснѣжныхъ ланитахъ ихъ. А вы какъ объясняли себѣ вечернее сіяніе Альповъ?

— Да, кажется, ваша правда, отвѣчала дѣвушка, невольно раскраснѣвшаяся подъ неотвязчивымъ взоромъ

молодого Naturfuscher'а;—вотъ и я покраснѣла; вѣроятно отъ того же.

Ластовъ наклонился надъ чемоданомъ.

— Не краснѣйте: я не буду смотрѣть. Кстати или, вѣрнѣе, не кстати: въ которомъ часу у васъ обѣдаютъ? Я, какъ волкъ, проголодался.

— Обѣдаютъ? въ два. Но я попросила бы васъ, господа, сойти въ садъ: тамъ вы найдете другихъ русскихъ; я тѣмъ временемъ и вещи ваши прибрала бы.

— Чтобы вамъ потомъ не раскаяться, предостерегъ Ластовъ:—товаровъ у насъ гибель.

— Вы очень милы, mamsel, вмѣшался тутъ Змѣинъ:— у меня ужъ и въ пояснидѣ заломило. Бѣлье вы уложите вонъ въ этотъ ящикъ, гребенку и щетку отнесите на комодъ... Да вамъ, я думаю, нечего объяснять: нѣмки на счетъ порядка собаку съѣли. Я вамъ за-то и ручку поцѣлую—если, само собою разумѣется, вамъ это доставитъ удовольствіе, ибо, что касается спеціально меня, то я лишь въ крайнихъ случаяхъ рѣшаюсь на подобныя любезности.

— А я въ губки поцѣлую, подхватилъ въ томъ же тонѣ Ластовъ:—если, само собою разумѣется, вамъ это доставитъ удовольствіе, въ чемъ впрочемъ ни чуть не сомнѣваюсь, ибо самъ записной охотникъ до подобнаго времяпрепровожденія.

— Прошу, сударь, безъ личностей, съ достоинствомъ отвѣчала молодая швейцарка;—не то уйду.

— Ой-ой, не казните, велите миловать.

— Ну, такъ ступайте вонъ; я уже уложу все куда слѣдуетъ.

— Да какъ же величать васъ, милая недотрога? вѣроятно Діаной?

— Marie.

— Прелестно! На Руси у насъ, правда, зовутъ такъ обыкновенно кошекъ: «Кс, кс, Машка, Машка!» Но кто васъ знаетъ: можетъ быть, и вы маленькая кошечка?... Знаете, я буду называть васъ «Mariechen»; можно? Опять насупились! Не гнѣвитесь, о грозная дѣва! Мы идемъ, идемъ. Змѣинъ, живѣй: какъ разъ еще въ уголъ поставятъ.

Уходя, Ластовъ хотѣлъ ухватить швейцарку за подбородокъ, но та увернулась и стала серьезно въ сторонѣ. Смѣясь, молодые люди спустились съ лѣстницы и пошли бродить по Интерлакену.

Интерлакенъ—не то городъ, не то деревня. Нѣсколько грандіозныхъ отелей, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *пансіоновъ*, нѣсколько небольшихъ обывательскихъ домиковъ, также приспособленныхъ къ принятію «пансіонеровъ»,—вотъ и весь Интерлакенъ. Отели, окруженныя цвѣтущими садами, почти всѣ расположены по правой сторонѣ главной алеи (если ѣхать отъ Бріенца); за ними бѣжитъ быстрая, бирюзовая Ааръ, а непосредственно за Ааръ, возвышаются Гобюль (Hohbühl) и крутизны Гардера. По лѣвую руку тянется рядъ вѣковыхъ лиственныхъ деревъ: дубовъ, ясеней, липъ, и невысокая каменная ограда, за которою разстилаются тучныя нивы, ограничиваемыя въ дали синевато-зелеными горами: Брейтлауененомъ, Зулекомъ, Абендбергомъ и Ругенами, большимъ и малымъ. Въ промежуткѣ между двумя первыми гордо воздымается неприступная, прекрасная царица бернскихъ Альповъ, Юнгфрау, покрытая вѣчными снѣгами ,отъ которыхъ по всему ландшафту разливается

какое-то чудно-свѣтлое сіяніе. Особенно хороша она въ солнечный полдень, когда чистое, бѣлое тѣло ея, ничѣмъ неприкрытое, тихо млѣетъ и искрится подъ горячими лучами свѣтила, и только тамъ и сямъ игривое облачко легкой кисеей скользитъ по изящному склону ея плечъ. Но едва ли не лучше еще она часу въ 8-мъ вечера, когда заходящее солнце окрашиваетъ блѣдныя красы ея теплымъ румянцемъ и вся она какъ-бы одушевляется, оживаетъ. Смотрите вы, смотрите, любуетесь безъ конца. Наглядѣлись наконецъ, пошли своей дорогой—и опять оглядываетесь и, какъ прикованные къ мѣсту, начинаете вновь любоваться—такую неодолимую притягательную силу оказываетъ на смертныхъ неземная дѣва горъ. Своенравная, однако, какъ всякая дѣва, она, если не захочетъ показаться вамъ, то и не покажется, напрасно вы станете и искать ее: съ вечера, плутовка, задернетъ передъ собою ночной пологъ и такъ и скрывается до утра; глядите, сколько угодно, въ направленіи къ ней, надѣясь высмотрѣть хоть очеркъ тѣла,—ничего не увидите, какъ только прозрачный горизонтъ, слегка задернутый бѣловатой дымкой. Вы никакъ не можете сообразить, что на этомъ самомъ мѣстѣ видѣли вчера цѣлую снѣжную гору, и начинаете мучиться сомнѣніемъ, не исчезла ли она и точно... А тутъ выглянуло солнце, разсѣялся пологъ ночныхъ тумановъ—и пышныя, яркія плечи дѣвы обнажаются передъ вами во всей своей дѣвственной красѣ. И мужчины, и женщины съ одинаковымъ удовольствіемъ любуются ею: мужчинъ плѣняетъ она, какъ красавица, недокучающая пустой болтовней и необижающаяся, если по часамъ и не заниматься ею; женщинъ—какъ прелестное созданіе, къ ко-

торому однако нѣтъ повода ревновать. Неудивительно, что Интерлакенъ, пользующійся сосѣдствомъ такого очаровательнаго существа, сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ туристовъ. Отсюда предпринимаются экскурсіи въ романтическія окрестности; здѣсь отдыхають на волѣ отъ этихъ экскурсій, нерѣдко довольно утомительныхъ. Игорнаго дома въ Интерлакенѣ нѣтъ, общественныхъ баловъ не дается; вся жизнь сложилась на патріархальный, деревенскій ладъ: знакомства заключаются весьма легко, такъ-какъ всякій знаетъ, что, по выѣздѣ отсюда, вѣроятно уже никогда не встрѣтится съ здѣшними знакомыми; спать ложатся часу въ 10-мъ, потому-что многіе собираются спозаранку на экскурсіи; а физіономія, даже поутру свѣжія и веселыя, не наводять унынія, подобно измятымъ лицамъ горожанъ.

А какъ хороши въ Интерлакенѣ вечера! Смеркнется; въ воздухѣ, напоенномъ теплою, благоухающею сыростью, тихо, неподвижно-тихо; развѣсистыя деревья, не шевеля ни листомъ, какъ-бы притая дыханіе, сплелись въ вышинѣ густымъ шатромъ. Темно, такъ темно, что не будь освѣщенныхъ оконъ отелей, изъ которыхъ льется трепетный полусвѣтъ, въ алеѣ ничего нельзя было бы разглядѣть, такъ-какъ уличныхъ фонарей въ Интерлакенѣ не полагается. Но сумракомъ еще увеличивается уютность вечера. Болтая, хохоча, прохаживаются взадъ и впередъ праздныя толпы, останавливаясь группами то тамъ, то здѣсь, послушать тирольцевъ или странствующихъ музыкантовъ, упражняющихся, среди кучки туземцевъ въ національныхъ нарядахъ, то передъ той, то передъ другой отелью. Уставшіе бродить располагаются у входа кандитерской, гдѣ выставлено нѣсколько плетеныхъ

столиковъ и стульевъ, и велятъ подать себѣ, по желанію, мороженаго, шоколаду, грогу.

Первый день пребыванія друзей-натуралистовъ въ Интерлакенѣ прошелъ для нихъ рѣшительно незамѣтно.

Въ садикъ пансіона *R.* выходитъ небольшой, двухэтажный флигель. Одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ носитъ названіе *садовой*—Gartenzimmer, и служитъ мѣстомъ собранія пансіонеровъ въ свободное отъ ѣды и прогулокъ время. Есть въ ней фортепьяно, есть диваны по стѣнамъ и полка книгъ (по преимуществу французскихъ романовъ), есть на окнахъ горшки съ цвѣтами, заслоняющими своей густою зеленью даже наружный свѣтъ, отчего въ комнатѣ царствуетъ и въ свѣтлый полдень отрадный полусумракъ. Надъ входомъ въ Gartenzimmer распустился навѣсъ, весь изъ зелени: на желѣзныхъ, вертикальныхъ прутьяхъ, обвитыхъ широколиственнымъ ползучимъ растеніемъ, покоится желѣзный же скелетъ крыши, скрытый въ сочно-зеленый пологъ того же растенія.

Подъ этимъ-то навѣсомъ, въ ожиданіи послѣ обѣденнаго вожделѣннаго аравійскаго напитка, сразились впервые на шахматномъ полѣ Змѣинъ и Лиза. Первый убѣдился вскорѣ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ. Куницынъ собралъ около себя цѣлую компанію слушателей, въ томъ числѣ и двухъ нашихъ героинь, въ Gartenzimmer; съ талантомъ и вкусомъ сыгралъ онъ на фортепьяно нѣсколько блестящихъ салонныхъ пьесъ. Ластовъ усѣлся въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ рисовать интерлакенскій монастырь.

Насталъ вечеръ. Началось обычное фланированіе по

главной алеѣ; а тутъ уже и 10-й часъ, законное время къ отдохновенію отъ тяжкихъ дневныхъ трудовъ.

Когда Ластовъ проходилъ коридоромъ въ свою комнату, мимо него прошелестило женское платье. Онъ оглянулся и узналъ, при свѣтѣ лампы, Мари, молоденькую горничную, взявшуюся поутру прибрать ихъ вещи. Онъ назвалъ ее по имени; она остановилась.

— Чего прикажете?

— Мнѣ хотѣлось бы поболтать съ вами, Мари.

— Мнѣ некогда.

— Ну вотъ! Для меня найдется минутка. Я долженъ откровенно сказать вамъ, что немножко уже влюбленъ въ васъ; вы и не воображаете, какъ вы милы!

— Къ чему эти плоскіе комплименты, которымъ и повѣрить-то нельзя. Придумали бы хоть что поостроумнѣе.

— Да? Ну, такъ подайте же ручку.

— Это къ чему?

— Подайте, говорю я вамъ: будетъ остроумнѣе.

— Извольте—если ужъ необходимо нужно.

Схвативъ невинно протянутую къ нему руку, Ластовъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ай! вскрикнула Мари, отдергивая ее съ быстротою, и продолжала, понизивъ голосъ:—какъ же это можно, сударь! онѣ у меня такія грубыя отъ работы...

— А губки у васъ негрубыя отъ работы?

И молодой Донъ-Жуанъ наклонился къ ней, чтобы удостовѣриться въ спрашиваемомъ. Дѣвушка отскочила и ретировалась на лѣстницу:

— Gute Nacht, Herr Naturfuscher!

Утро глядѣло уже свѣтло и жарко въ обитель Naturfuscher'овъ, когда проснулся одинъ изъ нихъ—Ластовъ.

Онъ вскочилъ съ постели, протеръ глаза, взглянулъ на часы, лежавшіе на столѣ и показывавшіе 8, и подошелъ къ окну; цѣлую ночь оно оставалось настежъ, и жгучіе поцѣлуи солнца обдавали теперь поэта попеременно съ свѣжими струями утренней прохлады. Окно выходило на Юнгфрау, и, очарованный дивной картиной, юный сынъ Аполлона провелъ нѣкоторое время въ безмолвномъ созерцаніи ея.

— Змѣинъ, проговорилъ онъ наконецъ;—вставай, посмотри, что за душка.

Пріятель пробудился, потянулся и приподнялся на локоть.

— Душка? Ужъ не ты ли? Хорошъ, нечего сказать; decolté, какъ наши дѣвы.

— Какія дѣвы?

— Да, я и забылъ, что обѣщался не разсказывать.

— Нѣтъ, сказалъ Ластовъ,—я говорилъ не про себя, а про настоящую душку, про Юнгфрау, прелестную дѣву горъ.

— Однако, у тебя жажда любви дѣйствительно неодолима: даже въ гору влюбился, потому единственно, что она «Jungfrau». Ты, конечно, написалъ ей уже и хвалебный гимнъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ еще; какъ одѣнусь, не премину. Однако и тебѣ, братъ, пора вставать; народы, я думаю, стекаются уже къ кофею.

Полчаса спустя друзья сходили въ столовую. Здѣсь застали они одну Лизу: она лечилась сыворотками и вставала аккуратно въ 6 часовъ; выпивъ въ кургаузѣ свою порцію всецѣлебныхъ Molken, она прогуливалась, согласно предписанію доктора, часовъ до 8-ми, и долѣе.

Перебросившись съ нею двумя-тремя незначущими фразами, молодые люди, отпивъ кофе, вышли на улицу. У ограды возсѣдала продавица черешень, столь же сочная и розовая, какъ плоды въ корзинѣ у нея. За полфранка отсыпала она друзьямъ въ шляпы по грудѣ спѣлыхъ черешень, и, отягощенные этимъ, въ полномъ значеніи слова сладкимъ бременемъ, вернулись они восвояси.

Комнатка ихъ была уже убрана. На столѣ красовался въ стаканѣ воды букетъ рододендроновъ, иначе— альпійскихъ розъ.

Змѣинъ взялъ книгу и устроился на диванѣ. Ластовъ сѣлъ къ раскрытому окну, писать—вѣроятно хвалебный гимнъ неземной дѣвѣ. Иногда одинъ изъ друзей сдѣлаетъ другому теоретическій вопросъ, тотъ отвѣтитъ — и снова воцарится молчаніе, прерываемое лишь скрипомъ пера или жужжаніемъ нечаянно влетѣвшей въ окошко пчелы. Пишетъ Ластовъ, пишетъ, вдругъ задумается, возьметъ нѣсколько черешень изъ лежащей на сосѣднемъ стулѣ кучки ихъ, вложитъ ихъ глубокомысленно въ ротъ, склонится головою на руку и глядитъ долго-долго, въ сладостной разсѣянности, на отдаленную горную красавицу. Изъ сада вносятся въ окошко теплымъ вѣтеркомъ благовонія акацій, левкоевъ, розъ—больше же розъ, которыми такъ изобилуетъ хорошенькій садикъ пансіона. Гардины надъ головою поэта чуть колышатся, а стора то надуется парусомъ, то опустится въ безсиліи, не смѣя шевельнуть ни складкой.

Около полдня растворилась дверь; въ комнату глянуло привѣтливое личико Мари.

— Господъ приглашаютъ къ прогулкѣ, объявила она.

— Приглашаютъ? повторилъ разсѣянно поэтъ; — кто приглашаетъ?

— Барышни—Липецкія.

Ластовъ повернулся на стулѣ къ товарищу.

— Слышалъ, братъ?

— Что? очнулся тотъ.

— Предметы наши стосковались по насъ.

— Очень радъ. Не мѣшай, пожалуйста.

— Да вѣдь насъ зовутъ; пойдемъ.

— Иди, если хочешь. Я на самомъ интересномъ мѣстѣ; нельзя же бросить.

— Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ бросить: все время, пока не раскроешь опять книги, ты будешь въ пріятномъ ожиданіи; а какъ возьмешься читать, такъ сряду начнешь съ интереснаго мѣста. Двойная выгода.

— Резонно. Иди же, я сейчасъ буду; дочесть только главу.

— Знаемъ мы васъ! Ужъ лучше обожду.

Ластовъ съ веселой улыбкой обернулся къ посланницѣ, дожидавшейся еще у дверей отвѣта.

— Что-жъ вы не взойдете, Мари? Мы васъ не съѣдимъ.

— Кто васъ знаетъ, Naturfuscher'овъ-то? можетъ, и съѣдите.

— Не бойтесь, не трону; мнѣ надо сказать вамъ...

— Ну да, какъ вечоръ!...

Дѣвушка, однако, сдѣлала два коротенькіе шага въ комнату.

— Что вамъ угодно?

— Прежде всего — здравствуйте! Вѣдь мы съ вами еще не здоровались.

Мари засмѣялась.

— Здравствуйте-съ.

— Это *вы* принесли намъ альпійскихъ розъ?

— Какихъ альпійскихъ розъ?

— Да вонъ, на столѣ.

— Н-нѣтъ, не я.

— Кто же убиралъ нашу келью?

— Я.

— Такъ цвѣты, должно быть, сами влетѣли въ окошко?

Мари опять засмѣялась.

— Должно быть! Да еслибы и я принесла ихъ, что-жъ за бѣда?

— Бѣды бы тутъ никакой не было; я почелъ бы только своимъ долгомъ расцѣловать васъ.

— Вотъ еще! надула она губки.

— А вы что думали?

— У васъ въ Россіи, видно, поцѣлуи ни по чемъ.

— А у васъ они продаются? Нѣтъ, мы русскіе, на этотъ счетъ, какъ и вообще на всякій счетъ, народъ щедрый, особенно съ такими красавицами, какъ вы. Да вѣдь и милый же вашъ цѣлуетъ васъ безъ разбора, когда придется.

— Какой милый? У меня нѣтъ милаго.

— Ну вотъ! А съ кѣмъ вы шушукались вечоръ у барьера, противъ *Hôtel des Alpes?*

— То была не я, ей-Богу, не я; мало ли здѣсь дѣвушекъ. Я слишкомъ дорожу собою, чтобы позволять себѣ подобные поступки.

— Да какъ же? на головѣ у васъ былъ еще голубой платочекъ, на шеѣ пунцовый шарфъ, продолжалъ сочинять поэтъ;—неправда что ли?

— Ха, ха! Платка я и въ жизнь не ношу, а шарфъ у меня хоть и есть, да не пунцовый, а оранжевый.

— Пунцовый ли, оранжевый—все одно; въ потемкахъ всѣ кошки сѣры. Не запирайтесь! Я догадываюсь, отъ кого вы научились скрытничать.

— Отъ кого-съ?

— Отъ Лотты въ *Вертерѣ*; вѣдь вы читали *Вертера?*

Мари важно кивнула головой:

— Еще бы!

— А вѣдь она была прехитрая, точно вы, продолжалъ Ластовъ:—любитъ въ душѣ Вертера, а все удерживается, не выдаетъ себя, въ финалѣ только растрогалась.

— Ужъ эта мнѣ Лотта! перебила съ сердцемъ молодая швейцарка.—Не понимаю, что̀ хорошаго находятъ въ ней мужчины? Всякая другая на ея мѣстѣ была бы безъ ума отъ Вертера, а она—какъ дерево, какъ ледъ.

— Ага, такъ вы изъ такихъ! По вашему, примѣръ Вертера достоинъ подражанія?

— Я думаю. Такихъ, какъ Вертеръ, нынче и съ фонаремъ не отыщешь.

— Гм, да; и я полагаю, что такой нюни нынче и съ фонаремъ не отыщешь. Въ сущности вѣдь онъ малый даровитый, неглупый, могъ бы приносить еще пользу человѣчеству, а чѣмъ занимается? Носится съ нелѣпѣйшею страстью къ чужой женѣ, и хоть бы пытался подавить это чувство, а то нѣтъ! находитъ еще какое-то тайное удовольствіе въ растравленіи своихъ сердечныхъ ранъ, какъ докторъ, слѣдящій съ сладостнымъ трепетомъ за ходомъ заразительной болѣзни, или какъ нищій, показывающій вамъ на улицѣ свои отвратительныя

язвы, чтобы возбудить этимъ ваше состраданіе. «Если не дашь ничего, такъ хоть похнычь для компаніи.» Нечего сказать, примѣръ достойный подражанія.

— У всякаго свой взглядъ, г-нъ Ластовъ.

— А вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Какъ же не знать, когда при мнѣ же расписались: «Leo Lastow dito.»

— Могли бы забыть.

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, потупилась.

— Я готовъ, объявилъ тутъ Змѣинъ, приподнимаясь съ дивана. Онъ подошелъ къ столу, оторвалъ уголокъ отъ хвалебнаго гимна поэта, заложилъ имъ книгу и опустилъ послѣднюю въ карманъ.—Идемъ.

— Идемъ. Мы съ вами, Мари, поратуемъ еще изъ-за Вертера.

— Дай-Богъ вамъ успѣха! потому-что надежды на успѣхъ для васъ очень мало-съ.

И она выпорхнула изъ комнаты.

VIII.

Корпорентъ, янки и эмансипированная.

Внизу дожидалось нашихъ друзей цѣлое общество. Знакомства, какъ выше замѣчено, заключаются въ Интерлакенѣ необычайно скоро; неудивительно, что настоящее общество состояло изъ людей, познакомившихся только на дняхъ или даже сегодня. Каждая страна прислала сюда своего представителя: были тутъ наши русскіе и нѣмецъ-студентъ изъ Дерпта; были коренные нѣмцы изъ Гамбурга, изъ Франкфурта; была молодая чета парижанъ, проводившая, по издревле принятому обычаю, медовый

мѣсяцъ въ путешествіи по чужимъ краямъ; былъ наконецъ и кровный янки изъ американскаго запада. Для полноты колекціи недоставало только англичанина; но англичанинъ въ Интерлакенѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, свѣтоненавистничаетъ и дичится общества. Есть въ Интерлакенѣ даже привилегированныя отели, обитаемыя исключительно бѣлокурыми сынами Альбіона; но тамъ, говорятъ, такая тоска, что хоть вонъ бѣги: «торжественно безмолвно совершается обѣдъ, торжественно безмолвно — утренній и вечерній чай (впрочемъ, нѣкоторые пьютъ и кофе или джинъ); если околѣешь не отъ хандры, такъ отъ голода, ибо въ обществѣ этихъ баснословныхъ кавалеровъ спѣси и сплина всякій апетитъ уходитъ къ чѣрту», разсказывалъ вышеупомянутый дерптскій студентъ, имѣвшій несчастіе поселиться сначала въ Hôtel Jungfrau, одной изъ этихъ привилегированныхъ отелей.

Руина Уншпунненъ, къ которой потянулся нашъ караванъ, лежитъ въ 3/4 часа ходьбы отъ Интерлакена и есть одно изъ самыхъ, такъ-сказать, казенныхъ мѣстъ прогулокъ интерлакенскихъ пансіонеровъ. Дорожка къ ней пролегаетъ сначала между палисадниками хорошенькихъ обывательскихъ домиковъ, потомъ по орѣховой алеѣ и, обогнувъ малый Ругенъ, ступаетъ въ сосновый лѣсъ.

Броннъ, дерптскій корпорентъ, въ цвѣтной корпоративной фуражкѣ, занималъ общество разсказомъ о своемъ поднятіи на Риги. Эпитетъ «fabelhaft» — «баснословно» употреблялся имъ, по обыкновенію дерптцевъ, послѣ каждаго второго слова.

— И вотъ, подаютъ мнѣ счетъ. Читаю и морщусь: цѣны баснословныя! Вдругъ — стой, батюшка, это что?

«Bougies—deux francs.» Теку къ хозяину. «Объясните, молъ, за что, про что? Легъ я въ потьмахъ и не зажигалъ свѣчей.»—«Да это, говоритъ, все единственно: зажжете ли, нѣтъ ли, дѣло вкуса; мы не смѣемъ стѣснять гостей; но плата для всѣхъ одна.» Я пожалъ плечами; что съ нимъ подѣлаешь? Законъ такой поставилъ; ну, а съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. Я расплатился. Но постой, голубчикъ, такъ-то ты! Свѣчи, значитъ, мое благопріобрѣтенное достояніе; не оставлю же ихъ тебѣ. Возвращаюсь въ свой номеръ, вынимаю ихъ изъ подсвѣчниковъ и въ карманъ. Въ коридорѣ выростаетъ передо мною, какъ листъ передъ травою, гаускнехтъ. «Я, десказать, такой-сякой; не изволите ли сообщить что за труды.»—«За какіе, говорю, труды? Я заплатилъ хозяину счетъ сполна, въ томъ числѣ и за прислугу.»—«Да, мы, говоритъ, съ портье не входимъ въ число прислуги. Соблаговолите же...»—«Но опять-таки за что?»—«За чистку башмаковъ.»—«А, за чистку башмаковъ»? Я подношу къ физіономіи молодчика ногу съ баснословно-пыльнымъ башмакомъ, котораго явно не касалась щетка. «Соблаговолите взглянуть, такъ-то у васъ чистятъ?» Парень мой замялся. «Вы ихъ не выставили за дверь, а войти къ вамъ я не посмѣлъ, чтобы не обезпокоить...»—«Такъ за что же награждать васъ?»—«Да у насъ уже такъ заведено.»—«А, да! законъ опять такой поставленъ? Такъ бы и сказали. Что-жъ, будетъ съ васъ одного франка?» Гаускнехтъ просіялъ; онъ не ожидалъ столь баснословной щедрости. «О, да!» воскликнулъ онъ, осклабляясь. Я извлекаю изъ кармана свѣчу и подаю ему: «Примите, мой милый: она стоитъ франкъ; можете справиться у хозяина.» Машинально взялъ онъ въ руки свѣчу, баснословно

ращилъ на меня зрачки и такъ и остолбенѣлъ съ открытымъ ртомъ. Не имѣя болѣе надобности оставаться, я направился къ выходу. Тутъ дожидался портьé; но онъ былъ свидѣтелемъ предъидущей сцены, и, не нуждаясь вѣроятно въ освѣщеніи, далъ мнѣ уже свободный пропускъ.

— Ну, а другую свѣчу куда вы дѣли? спросилъ, смѣясь, одинъ изъ слушателей.—Вѣроятно съ собой везете, какъ реликвію, и, домой воротившись, стекляннымъ колпакомъ накроете?

— То-то, что нѣтъ; теперь жаль. Я отдалъ ее тутъ же мальчику, который несъ мою поклажу. Онъ баснословно обрадовался подарку и обѣщался снести домой матери.

— Вы русскій? спрашивалъ между тѣмъ американецъ Змѣина.

— Русскій.

— Догадались-таки вы наконецъ освободить своихъ рабовъ; наши южане и по сю пору не уразумѣли истины, что съ людьми нельзя обращаться, какъ съ вещью, какъ съ неразумнымъ скотомъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ Змѣинъ,—что ваши рабы и въ самомъ дѣлѣ не люди.

— Какъ такъ?

— Они составляютъ переходное состояніе отъ обезьянъ къ людямъ; лучшимъ тому доказательствомъ ихъ черепъ, который несравненно площе нашего; негръ никогда не можетъ достигнуть одного развитія съ бѣлымъ.

— Будто? А Туссéнъ-Лувертюръ?

— Туссéнъ—исключеніе; не всякій и у насъ Гумбольдтъ,

Гёте. Да и чѣмъ же необыкновеннымъ отличился Туссе́нъ? Онъ былъ хорошимъ полководцемъ, и только.

— Такъ по вашему, плантаторы совершенно правы, обращаясь съ неграми, какъ съ животными?

— Все въ мірѣ относительно: съ своей точки зрѣнія они правы. Только толстокожее, коренастое племя чернокожихъ способно, безъ ущерба для своего здоровья, нести нечеловѣческія плантаціонныя работы, подъ знойнымъ солнцемъ юга. Да и нужно же что-нибудь дѣлать неграмъ? Для головной работы они слишкомъ тупы, такъ пусть работаютъ хоть тѣлесно, доставляютъ человѣчеству почтенные запасы грѣющаго хлопка.

— Ну, и пусть работаютъ; но зачѣмъ же изъ-подъ палки? Освободите ихъ—и они будутъ работать попрежнему, только добровольно, для дневнаго пропитанія.

— Вы думаете? Какъ же вы мало знаете чернокожихъ. Вѣдь они страсть лѣнивы.

—Это вѣрно.

— Они рады скорѣе умереть съ голода, чѣмъ добывать кусокъ хлѣба вольнымъ трудомъ. Только авторитетъ господской палки подвигалъ ихъ до сихъ поръ на трудъ.

— Александръ Александровичъ! воскликнула съ изумленіемъ Лиза;—неужели вы такой консерваторъ, что стоите за рабство?

— Я, Лизавета Николавна, приводилъ только взглядъ южанъ; по моему, негровъ все-таки слѣдуетъ освободить. Понятно, что и негры разовьются со временемъ, если дать имъ на то возможность; мы же, бѣлые, какъ существа высшія, должны способствовать ихъ развитію, освобождая ихъ прежде всего отъ тѣлеснаго гнета, съ которымъ такъ неразрывно связанъ и гнетъ моральный. Пусть оттого цвѣтущія плантаціи южанъ въ началѣ даже заглох-

нутъ—плантаторы станутъ изощрять свой умъ для изобрѣтенія мертвыхъ машинъ взамѣнъ прежнихъ, одушевленныхъ, и по всему вѣроятію изобрѣтутъ.

— Messieurs! воззвала тутъ Моничка къ Куницыну и Ластову, внимавшимъ, подобно другимъ, предъидущему спору;—sauvez nous de cette trombe sauvage de radotage savante d'un savant sauvage sur des sauvages savants!

— Vous n'avez que d'ordonner, m-lle, отвѣчалъ правовѣдъ и, шепнувъ Ластову на ухо:—помни нашъ уговоръ, обратился къ Наденькѣ.

Поэтъ не замедлилъ приблизиться къ Моничкѣ.

— Не посѣщали ли вы, подобно старшей кузинѣ вашей, университетскихъ лекцій? началъ онъ вопросомъ.

Барышня насмѣшливо взглянула на него.

— Какъ же, разъ Лиза уговорила меня пойти съ нею; читалъ знаменитый вашъ Костомаровъ.

— Ну, и что-жъ?

— Такъ веселилась, что и сказать нельзя.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, чуть не заснула.

— А! Что-жъ онъ, плохо читалъ?

— Не берусь судить; должно быть, по вашему, не очень плохо, потому-что ему аплодировали; одной шикать не пришлось; но скука, mon Dieu, что за скука! Разсказывалъ онъ про древнихъ русскихъ, кажется про новгородцевъ; ну, сами посудите, что мнѣ въ древнихъ новгородцахъ? C'est plus, que ridicule! Если очень ужъ понадобятся, то чего же проще—справиться въ тоненькомъ Устряловѣ? А то сидѣть битый часъ въ душной, жаркой залѣ, не смѣть пошевельнуться, comme un automate; поневолѣ раззѣваешься. Ха, ха! жаль, право, что не заснула! Душ-

ка Костомаровъ, я думаю, былъ бы въ восхищеніи отъ магическаго дѣйствія своихъ лекцій. Прекрасное заведеніе для людей, страдающихъ безсонницей. Если не будетъ у меня сна, то можете быть увѣрены, не забуду вашего университета; до тѣхъ же поръ къ вамъ ни ногой.

Ластовъ слушалъ ее съ улыбкой.

— А скажите пожалуйста, другія слушательницы также засыпали подъ снотворнымъ обаяніемъ лекціи?

— То-то, что нѣтъ. Это меня и удивило. Однѣ сидѣли какъ вкопанныя, съ разинутыми ртами, точно проглотить хотѣли професора; другія даже записывали! Я не иначе могла объяснить себѣ такую пасивность, какъ долгой привычкой: вѣдь и люди, нюхающіе табакъ, не чихаютъ болѣе отъ него. Что меня, однако, болѣе всего шокировало у васъ, такъ это то... Не знаю, говорить ли?

— Говорите; вы вѣдь эмансипированная, если не ошибаюсь?

— Да... Такъ, видите ли, мнѣ было и странно, и досадно, что студенты ни малѣйшаго вниманія на дѣвицъ не обращаютъ, точно ихъ тамъ и нѣтъ.

— Да мы этимъ гордимся! возразилъ съ нѣкоторою горячностью Ластовъ.—Чтобы дѣвицы ни чуть не были стѣснены въ своихъ занятіяхъ, мы нарочно ихъ не замѣчаемъ.

— Какъ вы, милостивый государь, смѣшно разсуждаете. Если дѣвица удостоиваетъ ваши лекціи своимъ посѣщеніемъ, то первый долгъ вашъ, я думаю, какъ galants cavaliers, показывать по крайней мѣрѣ глубокое вниманіе.

— Вотъ какъ! Вы, Саломонида Алексѣвна, хотите, видно, сдѣлать изъ университета нѣчто въ родѣ Лѣтняго

сада съ его майскимъ парадомъ невѣстъ? Покорно благодаримъ за незаслуженную честь! Если дѣвушка жаждетъ просвѣщенія—мы не помѣха ей, пусть посѣщаетъ наши лекціи—но и только.

— Очень нужно намъ ваше просвѣщеніе! Истинное просвѣщеніе заключается не въ томъ, чтобы знать, когда жили древніе новгородцы, какъ назвать по имени и фамиліи всякую букашку; это дѣло особой касты чернорабочихъ—касты ученыхъ. Да, господа университетскіе, вы—черный народъ. Истинно-просвѣщенный пользуется вашими открытіями, пользуется желѣзными дорогами, телеграфами и т. д., но самъ не станетъ марать себѣ рукъ унизительнымъ трудомъ.

— Никакой трудъ не унизителенъ, отвѣчалъ Ластовъ,—менѣе всего умственный. Это уже до того общепризнано, столько разъ перевторено, что отзывается даже общимъ мѣстомъ. Такъ, по вашему, истинно-просвѣщенные тѣ, которые сидятъ сложа руки, жаръ чужими руками загребаютъ, то есть паразиты? Браво!

— Вы не дали досказать мнѣ! Эмансипація прекраснаго пола—вотъ что главнымъ образомъ характеризуетъ истинное просвѣщеніе. Свобода во всемъ. Прежде, бывало, ни за что не дадутъ въ руки дѣвицѣ Поль-де-Кока...

— А вамъ даютъ?

Моничка расхохоталась.

— Qu'il est naïf! Я сама беру его. Отчего же и не читать Поль-де-Кока? Вслухъ прочитывать, конечно—un peu gênant, ну, а про себя...

— Поль-де-Кокъ—писатель очень хорошій, замѣтилъ Ластовъ:—рисуетъ прекрасно парижскій бытъ; но все-таки я того мнѣнія, что чтеніе его въ ваши лѣта болѣе

вредно, чѣмъ полезно: юношество имѣетъ обыкновеніе вычитывать изъ романовъ именно то, чего не слѣдуетъ.

— Ну да! Послушайте, вѣдь вы уважаете Лизу, какъ вашу же студентку?

— Положимъ, а что?

— Да то, что она и Наденькѣ позволяетъ читать, что той вздумается.

— Не можетъ быть!

— Я же вамъ говорю; что мнѣ за выгода лгать?

— Надо переговорить объ этомъ серьезно съ Лизаветой Николаевной.

— Можете.

Моничка ускорила шаги, чтобы поравняться съ Куницынымъ, который въ это время съ особеннымъ жаромъ объяснялъ что-то Наденькѣ; но осторожный правовѣдъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ вопроса, съ которымъ обратилась къ нему Моничка; чтобы не возбудить общаго вниманія, послѣдняя нашлась въ необходимости воротиться къ своему букѣ-«университанту».

— Еслибы вы знали, m-r Ластовъ, какой вы скучный—ну, просто Костомаровъ!

Ластовъ разсмѣялся.

— Дай то Богъ; очень радъ былъ бы.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ же, сами согласитесь, ходить съ молоденькой дѣвицей и не умѣть занять ее?

Ластовъ зѣвнулъ въ руку.

— О чемъ говорить прикажете?

— Мало ли о чемъ. Если не можете ни о чемъ другомъ, такъ говорите хоть о театрѣ. Часто вы бываете въ оперѣ? Говорите, острите, ну!

— Бываю.

— А, скажите пожалуйста, бываете! Какая же опера болѣе всего нравится вамъ? Каждое слово приходится выжимать изъ васъ, какъ изъ мокраго платка.

— Какая мнѣ опера болѣе всѣхъ нравится? Еслибъ я былъ хвастливъ, то сказалъ бы: «Разумѣется, *Донъ-Жуанъ*!» Но я откровененъ и сознаюсь, что и музыку Верди слушаю съ большимъ удовольствіемъ; напримѣръ, *Трубадура*, *Травіату*...

— *Травіату*? Да вѣдь всѣ наши примадонны inexcusable толсты, а Травіата умираетъ отъ чахотки? Да и декораціи въ *Травіатѣ* очень незавидны.

— Опять-таки долженъ сознаться, что ни пѣвицы, играющей Травіату, ни декорацій не видѣлъ.

— Какъ не видѣли? гдѣ же вы сидите?

— А въ парадизѣ, притомъ на второй скамьѣ. Первая скамья, какъ извѣстно, искони абонирована, и абонементы эти переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, такъ-что нашему брату, постороннему, неродившемуся подъ счастливой абонементной звѣздой, приходится удовольствоваться второй скамьею; а съ этой ничего не видно, если съ опасностью жизни не перегибаться всѣмъ корпусомъ черезъ головы впереди сидящихъ. Я сажусь обыкновенно лицемъ къ стѣнѣ, чтобы не ослѣпнуть отъ яркаго блеска люстры, висящей передъ самымъ носомъ, закрываю глаза и обращаюсь весь въ ухо.

— Все-таки не понимаю, зачѣмъ вы ходите наверхъ, а не въ партеръ?

— Очень просто потому, что по скудности финансовъ не имѣю доступа въ преисподнюю; поневолѣ возлетишь въ высшія сферы.

Моничка посмотрѣла на молодого человѣка искоса и сжала иронически губки.

— Вы, какъ поэтъ, вездѣ, кажется, возлетаете въ высшія сферы.

«Окончательно провалился!» подумалъ поэтъ.

IX.

Ржаной хлѣбъ и безé.

Не болѣе успѣха, однако, имѣлъ и правовѣдъ у гимназистки.

— Поѣдете вы отсюда въ Парижъ? спросилъ онъ ее по-французски.

— Не думаю, отвѣчала она на томъ же языкѣ:—сестра пьетъ сыворотки и вѣроятно придется пробыть здѣсь все лѣто. Да въ Парижъ въ это время года, я думаю, и не стоитъ: жарко, душно, какъ во всякомъ большомъ городѣ; да и вообще туда, кажется, не стоитъ.

— Ай, ай, m-lle Nadine, какія вы вещи говорите! Парижъ—центръ всемірной цивилизаціи, всякаго прогреса: науки, искуства, высшее салонное образованіе, всевозможныя безобразія наконецъ—все это сосредоточено въ новомъ Вавилонѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, и всякаго мало-мальски образованнаго человѣка влечетъ туда съ неодолимой силой, какъ магнитная гора въ арабской сказкѣ. Приблизится къ такой горѣ на извѣстное разстояніе корабль—и все желѣзо корабля: гвозди, обивка и проч., вырывается само-собою изъ стѣнъ его и мчится на встрѣчу волшебной горѣ.

— То-то, подхватила Наденька,—что когда желѣзныя части такого корабля отрывались отъ него, существен-

ныя составныя его части, какъ-то бревна и доски, лишались взаимной связи, распадались, и бѣдные пасажиры судна погибали въ волнахъ. Молодежь, стремящаяся на всѣхъ парусахъ въ Парижъ, лишается тамъ своихъ гвоздей и распадается въ ничто. Не даромъ гласитъ нѣмецкая поговорка: «Nach Paris gehen Narren, davon—kommen Gecken.»

Правовѣдъ усмѣхнулся, подбросилъ себѣ въ глазъ стеклышко (въ чемъ достигъ настоящей виртуозности) и свысока посмотрѣлъ на собесѣдницу.

— Съ вашихъ, m-lle, хорошенькихъ губъ какъ-то странно слышать столь рѣзкій приговоръ. Вѣрно Добролюбова начитались?

— Не скрываю, начиталась.

— Кстати, какъ вы смотрите на танцы? Добролюбовъ, по своей неуклюжести, не танцовалъ,—поклонники его ненавидятъ танцы.

— Видите, m-r Куницынъ: я люблю побѣсноваться, покружиться; какъ-то особенно весело, точно улетаешь куда-то; но все-таки танцы—ребячество, глупость. Лиза тоже не танцуетъ.

Куницынъ расхохотался.

— Потому и глупость, что m-lle Lise не танцуетъ? Она для васъ авторитетъ? Въ настоящее время, m-lle, авторитеты—нуль, всякій имѣетъ обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Да и я же высказываю свое собственное мнѣніе! Ну, сами посудите: въ огромный, празднично-освѣщенный залъ сходится въ пухъ и прахъ разряженная толпа—для чего, спрашивается? чтобы попрыгать, какъ маріонетки, подъ тактъ музыки! Неужели это не глупо?

— А, нѣтъ, m-lle, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ бальная музыка рѣшительно незамѣнима. Она заглушаетъ задушевный разговоръ, такъ-что изливайся передъ любимымъ существомъ сколько угодно—никто не услышитъ. Потомъ она даетъ случай обнять это любимое существо, прижать отъ глубины души къ сердцу, что во всякомъ другомъ случаѣ было бы преступленіемъ.

— Все это вздоръ! перебила Наденька.—Вы говорите про любимое существо, а любовь—нелѣпость!

— Вотъ какъ! А не обожали ли вы сами въ гимназіи кого-нибудь изъ учителей?

— Были у насъ глупенькія, которыя обожали; я слишкомъ умненькая для того.

— Погодите немножко, придетъ и ваша пора, будете сами глупенькой.

— А вы уже глупенькій?

— Къ вашимъ услугамъ.

— То-то я замѣтила.—Наденька засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Вспомяните мое слово: не успѣете оглянуться, какъ окажетесь глупенькой.

— Перестаньте вздоръ нести, серьезно замѣтила гимназистка. Въ сентиментальный періодъ романтиковъ любовь дѣйствительно была въ модѣ; нынче она брошена, какъ шляпка стараго фасона.

— Такъ-съ. И всякая привязанность вздоръ?

— Привязанность? нѣтъ, разумная—не вздоръ. Разумная привязанность рождается вслѣдствіе долгаго знакомства съ предметомъ нашей привязанности, когда мы успѣли вполнѣ убѣдиться въ душевныхъ достоинствахъ его.

Любовь же, въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете,— въ смыслѣ влюбленности, безотчетнаго, глупаго влеченія,—разлетается, какъ дымъ, коль скоро любимое существо сойдетъ съ пьедестала, на который вознесено нашей же фантазіей, и разоблачится въ свою обыденную, человѣческую форму.

— Прошу извиненія за откровенность, сказалъ, смѣясь, Куницынъ;—но слова ваши такъ и отзываются реторикой. Вѣрно цитируете Добролюбова?

— Съ чего вы взяли, что у меня нѣтъ собственныхъ убѣжденій? Впрочемъ, если не у Добролюбова, то у Бѣлинскаго, учителя его въ дѣлѣ критики, дѣйствительно есть нѣчто подобное: кажется, въ 8-мъ томѣ, гдѣ онъ разбираетъ Пушкина.

— Ха, ха, ха!

— Чему обрадовались? Бѣлинскій, кажется, уважительный авторитетъ?

— Я только-что говорилъ вамъ, что не признаю авторитетовъ. Впрочемъ, смѣялся я не тому; меня забавляетъ, что вы запомнили такъ хорошо и томъ, и статью.

— Не диво вспомнить, когда въ 8-мъ томѣ всего двѣ статьи.

— Что же говоритъ о привязанности вашъ Бѣлинскій?

— Онъ не отвергаетъ ея, однако считаетъ ее возможною только въ случаѣ взаимности. Любятъ васъ (разумѣется, чувствомъ привязанности, а не влюблѐнности)— и это до такой степени льститъ вашему самолюбію, что вы начинаете сами благоволить къ любящему, пока не полюбите его такъ же нѣжно, какъ онъ васъ. Станетъ онъ пренебрегать вами—и вы, какъ окаченные холодною водою, остываете мгновенно. Привязанность безъ взаим-

ности и вѣрность до гроба могутъ быть допущены только, какъ натяжка воли или—разстройство мозга!

— Сами вы себѣ противорѣчите, сударыня: только-что говорили, что любовь не въ модѣ, а теперь допускаете ее въ случаѣ взаимности; вѣдь Бѣлинскій говорить же о любви между мужчиной и женщиной, а не между лицами одного пола?

— Ну, да...

Наденька замялась.

— А все виноватъ синьоръ Бѣлинскій! Я вотъ хоть сознаюсь откровенно, что не могу одолѣть его: больно фразистъ и ученъ; вы же цитируете его, да сами сбиваетесь на немъ.

Наденька покачала головой.

— Вы не понимаете меня... вы слишкомъ молоды.

Куницынъ сострадательно усмѣхнулся.

— Ну, а вы-то совсѣмъ еще ребенокъ.

— Извините! мнѣ скоро 16, а дѣвицы развиваются несравненно ранѣе мужчинъ; вамъ сколько?

— 21-й.

— То есть 20; дѣвушка въ 16 лѣтъ считается уже взрослой, а мужчина въ 20 все еще недоросль.

— Не хочу спорить, съ достоинствомъ произнесъ правовѣдъ;—пусть за меня говорятъ факты: въ чемъ, спрашивается, заключается развитость 16-тилѣтней дѣвицы, чѣмъ превосходитъ она насъ: тѣлеснымъ или умственнымъ развитіемъ? Дѣвица въ 16 лѣтъ еще бо́льшая невѣжда въ наукахъ, чѣмъ мальчикъ того же возраста, потому-что начинаетъ уже выѣзжать на балы, тогда-какъ мальчикъ еще продолжаетъ учиться; слѣдовательно развитость ея только тѣлесная; что-жъ! собаки взрослы

уже на восьмомъ мѣсяцѣ. Я, положимъ, еще недоросль, а между тѣмъ окончилъ уже курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, а между тѣмъ уже имѣю 9-й классъ!

— Что это: 9-й классъ?

— Это значитъ: титулярный. Даже кандидаты университета получаютъ только 10-й.

— Да такъ и слѣдуетъ, сказала Наденька:—они знаютъ несравненно больше васъ.

— Да нѣтъ, вы, кажется, не такъ понимаете: 9-й классъ выше 10-го.

— Какъ такъ выше?

— Конечно, выше. Самый высшій—1-й классъ, затѣмъ 2-й, и т. д.; 14-й или китайскій императоръ— низшая степень.

— Какъ же я этого не сообразила! насмѣшливо замѣтила Наденька. — Станутъ студентамъ давать ту же степень, какъ правовѣдамъ! Помните, у Добролюбова:

Правый брегъ гористъ, а лѣвый брегъ низменъ,
Такъ и все на Руси—что̀ выше правѣе бываетъ.

Въ университетъ поступаетъ народъ неимущій, низкій, паріи, народъ печеный изъ грубаго, ржаного тѣста. Ржаной хлѣбъ пожалуй и сытнѣе, и здоровѣе кандитерскихъ пирожковъ, но цѣна пирожкамъ всегда выше.

— Оттого выше, что они идутъ на столъ образованнаго сословія, тогда-какъ ржаной хлѣбъ годенъ для однихъ мужиковъ.

— Неправда; и я люблю ржаной хлѣбъ—съ жаркимъ, съ супомъ. Посмотрѣла бы я, какъ бы вы сами стали заѣдать эти блюда сладкимъ пирожкомъ!

— Но подъ конецъ обѣда, въ видѣ десерта, всегда

же пріятно что-нибудь сладенькое, напримѣръ безé, или нѣтъ?

— Что касается спеціально меня, то я охотница до безé, но вкусъ у меня еще неразвитъ. Спросите-ка людей бывалыхъ, испробовавшихъ всего въ жизни—они пренебрегаютъ пирожнымъ, и вѣрно недаромъ.

— Пренебрегаютъ кандитерскимъ безé, потому-что вкушали уже безé болѣе сладостное—съ прелестныхъ устъ. Вы пока знаете только безé перваго рода; но сдѣлайтесь глупенькой, то есть полюбите, и найдете вкусъ и въ безé второго рода.

— Вы, m-r Куницынъ, какъ я вижу, большой эгоистъ: сами изъ породы безé, такъ и расхваливаете свою братью... Вамъ бы только пирожныхъ, да поцѣлуевъ, да романчиковъ: какъ есть сахарные—того и гляди, развалитесь.

— Вы, m-lle, кажется, думаете, что я не беру въ руки серьезныхъ книгъ? съ важностью замѣтилъ Куницынъ.—Напротивъ: я прочелъ всего Молешота, всего Фейербаха, Прудона... Знаете, главный принципъ Прудона: «Le vol c'est la proрriété»...

— Что, что такое? Воровство—имущество?

— Да, имущество всякаго... то есть всякому предоставляется воровать, сколько угодно, не попадись только.

— И это главный принципъ Прудона?

— Да, это принципъ всѣхъ вообще комунистовъ...

— Знаете, m-r Куницынъ, мнѣ сдается, что вы не читали никого изъ этихъ господъ.

Правовѣдъ обидѣлся.

— Что-жъ тутъ необыкновеннаго? Современному чело-

вѣку надо ознакомиться со всѣми отраслями знанія. Я вѣдь и не говорю, что философія—вещь интересная; матерія она скучнѣйшая, суше которой едва ли что сыскать; но возьмите-жъ опять—долгъ всякаго человѣка образовать себя... Если философы посвящали лучшіе годы жизни сочиненію отвлеченныхъ теорій, не слыша около себя вѣянія окружающей жизни, то обязанность современнаго человѣка—дышать одною грудью со вселенной, мыслить со всѣми и за всѣхъ, а слѣдовательно, и съ философами. Понятно однако, что философія для нашего брата лишь дѣло второстепенное, одно изъ звѣньевъ всей цѣпи нашихъ знаній. А какъ философія такая непроходимая сушь, то чѣмъ скорѣе отдѣлаться отъ нея, тѣмъ и лучше; вѣдь все равно ничего путнаго, реальнаго не вынесешь. И могу похвалиться: перелисталъ на своемъ вѣку столько философскихъ переливаній, что на всю жизнь хватитъ.

Наденька пожала плечомъ и не сочла нужнымъ сказать что-нибудь.

«Странное дѣло! разсуждалъ самъ съ собою Куницынъ, схлыстывая тросточкою пыль съ своихъ свѣтлыхъ, широкихъ панталонъ.—Чѣмъ же развлечь, привлечь ее? О Парижѣ, о чувствахъ, о предметахъ серьезныхъ говорить не хочетъ; о чемъ же, наконецъ, толковать съ ней? Sacrebleu!»

Онъ не догадывался, что гимназисткѣ вообще не хотѣлось говорить съ нимъ.

X.

Синій чулокъ.

И Змѣинъ, незамѣтно для себя самого, очутившись около Лизы, затруднялся въ началѣ въ тэмѣ для разговора.

— Не взыщите, если я не займу васъ хорошенько, откровенно сознался онъ,—но я не мастеръ болтать съ барышнями.

— Болтать! Какъ будто женщина можетъ только болтать и неспособна на разумный разговоръ? Знаете ли, что вы грубите?

— Очень можетъ быть; я вѣдь предупредилъ васъ, что не гораздъ на комплименты.

— Да отъ комплиментовъ до грубостей «дистанція огромнаго размѣра». Развѣ разговоръ мужчины съ женщиной долженъ ограничиваться комплиментами? Я думаю, если женщина собирается сдавать на кандидата...

— И то! я забылъ. Но позвольте узнать, по какой вы это части?

— Сначала я занималась исторіей, но послѣ, когда естественныя науки получили у насъ такое значеніе, я перешла къ натуралистамъ. Что вы усмѣхаетесь такъ язвительно? Вы, какъ Куторга (*), думаете, что мозгу у женщинъ менѣе, чѣмъ у мужчинъ? Такъ знайте же, что я хочу убѣдить васъ на себѣ, что женщина на все такъ же способна, какъ вашъ братъ, мужчина.

— Убѣдите.

— Какой бы стороною ума прежде всегда блеснуть передъ вами?

— Да хоть сметливостью. Сметливость у женщинъ развита болѣе другихъ способностей.

— Извольте. У васъ есть теперь въ карманѣ книга?

— Есть.

*) Степанъ Семеновичъ Куторга, покойный професоръ санктпетербургскаго университета.

— Видите, какая сметливость; ни вы, никто не говорилъ мнѣ, что вы взяли съ собою книгу, а я домекнулась.

— Какъ же вы домекнулись?

— По простой, логической цѣпи мыслей: вы пренебрегаете женскимъ обществомъ; вамъ предстояло гулять съ женщинами—вы знали, что будете скучать. «Возьму-ка съ собою книжку, сказали вы себѣ:—при первомъ удобномъ случаѣ улизну куда-нибудь въ сторону и расположусь подъ сѣнью струй.» Вѣдь такъ?

— Положимъ, что такъ.

— Я вамъ скажу даже, что у васъ за книга.

— Едва ли.

— Беллетристикой вы заниматься не станете; значитъ, это не романъ. Ученаго сочиненія также не станете читать, потому-что путешествуете для развлеченія и не захотите скромную жизнь туриста отравить постнымъ блюдомъ учености. Книга ваша должна быть изъ полу-ученыхъ, популярно-ученыхъ. Но вы натуралистъ и выбрали, конечно, сочиненіе по своей части... Пари: у васъ что-нибудь Карла Фохта?

Змѣинъ не могъ скрыть нѣкотораго изумленія.

— Логика у васъ дѣйствительно не женская!

— Что-жъ, угадала? Фохта?

— Фохта.

— Покажите.

Змѣинъ подалъ ей книгу.

— «Bilder aus dem Thierleben», прочла она.—Какъ кончите, такъ одолжите мнѣ. Я давно желала прочесть это сочиненіе, да не откуда было взять. Въ библіотекахъ не даютъ: запрещено, дескать; студенты же знакомые

хоть и обѣщались достать, да по обыкновенію забывали вѣчно.

— Можете взять хоть сейчасъ.

— Благодарю васъ.

Перелистывая книгу, Лиза остановилась на одной страницѣ и прочла вслухъ:

— «Das Werden der Organismen hat für mich stets einen weit grösseren Reiz gehabt, als das Bestehen derselben und der Prozess der Selbsterhaltung. Es liegt etwas stabil-Langweiliges in der Erhaltung des thierischen Organismus—in dieser doppelten Buchführung, die über Einnahme von Nahrungsstoffen und Ausgabe verbrauchten Materiales von dem Organismus mit ermüdender Gleichförmigkeit geführt wird, und wo sich das Haben als Fett ansetzt, während das Soll sich durch Abmagerung kundgibt, und endlich ein Bankerott oder der zunehmende Wucherzins, welchen der Organismus zahlen muss, das ganze Geschäft endigt und die Firma zu den Todten wirft» *).

— Остроуменъ, какъ всегда, сказала Лиза, по прочтеніи отрывка.—Но я не вполнѣ раздѣляю вкусъ Фохта. Его томитъ монотонное прозябаніе земныхъ тварей; меня тоже; но есть случай, гдѣ такое прозябаніе дѣлается

---

*) Образованіе организмовъ имѣло для меня всегда несравненно бо́льшую прелесть, чѣмъ существованіе ихъ и процесъ самосохраненія. Неодолимо скучно это поддерживаніе животнаго организма—это двойное веденіе книгъ о приходѣ питательныхъ веществъ и расходѣ истраченнаго матеріала, исполняемое организмомъ съ такою утомительною равномѣрностью; при чемъ кредитъ осаживается въ видѣ жира, а дебетъ выражается худѣніемъ, покамѣстъ окончательное банкротство или лихоимные проценты, платимые организмомъ, не остановятъ торговли и не закроютъ фирмы.

въ высшей степени интереснымъ: это, если аклиматизировывать какую-нибудь животную или растительную породу. Существо экзотическое, выросшее подъ знойнымъ небомъ юга, вы перевоспитываете для своей холодной родины, холите его, защищаете отъ рѣзкихъ вліяній климата, и вотъ—старанія ваши увѣнчиваются успѣхомъ: вашъ пріемышъ перерождается на вашихъ глазахъ, и вы дарите отечеству новую породу! Жаль, что у насъ въ Россіи эта статья обращаетъ на себя еще такъ мало вниманія. Главная трудность заключается, конечно, въ натурализаціи животныхъ: растеніе, аклиматизируясь, въ то же время и натурализуется; животное же, перенесенное въ другой градусъ широты, хотя и существуетъ въ началѣ съ грѣхомъ пополамъ, какъ степной помѣщикъ, пріѣхавшій въ столицу пожуировать жизнью,—однако это не болѣе, какъ прозябаніе, существованіе болѣзненное, отъ котораго еще далеко до полной натурализаціи. Что-жъ вы молчите, Александръ Александровичъ? Неужели вы не интересуетесь этимъ вопросомъ?

На Змѣина краснорѣчивый монологъ экс-студентки не произвелъ почему-то того благопріятнаго впечатлѣнія, котораго она обѣщала себѣ отъ него. Нахмурившись и надувъ губы, натуралистъ отвѣчалъ рѣзко:

— Нѣтъ!

— Что нѣтъ?

— Нѣтъ, то есть я несогласенъ съ вами.

— На счетъ чего?

— Гм... Да хоть на счетъ того, что можетъ найтись разумный человѣкъ, который возьмется аклиматизировать иноземщину ради одного плезира, безъ всякаго вознагражденія.

— Отчего же, Александръ Александровичъ? На столько же всякій безкорыстенъ въ дѣлѣ общаго блага.

— Общаго блага? Что такое общее благо? Всякій человѣкъ печется только о себѣ—вотъ вамъ и общее благо. Да что-жъ? пусть каждый печется только хорошенько о себѣ—и всѣ будутъ счастливы. А какъ кулачное право—основной законъ природы и жизни, то кто сильнѣе, тотъ и счастливѣе.

— Зарапортовались! перебила Лиза.—Скажите на милость, что̀ такъ встревожило вашу жёлчь?

— Да развѣ не правду я говорю? Эгоизмъ—этотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ поворотить землю, составляетъ основу всякаго существа, потому-что если мы сами не станемъ печься о себѣ, такъ кто же возьметъ на себя эту заботу? А, слѣдовательно, повсемѣстно и кулачное право. Котлету, приготовленную изъ филе невинно-заколотаго быка, я съѣдаю съ тѣмъ же звѣрскимъ хладнокровіемъ, съ какимъ волкъ уплетаетъ ягненка, и ни его, ни меня нельзя обвинять за нашу кровожадность. Логика голода—неотразимая логика. Умники-баснописцы, правда, совѣтуютъ волкамъ довольствоваться травою; но еслибы такого барина оборотить въ волка—посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ плотоядными зубами, плотояднымъ желудкомъ пережевывалъ, переваривалъ растительную пищу! Издохъ бы, неразумный, съ голоду, а все по незнанію анатоміи. Весь кодексъ нашей гуманности сводится къ правилу: «Не тронь меня—и я тебя не трону.» Кто дошелъ до пониманія этого правила, тотъ считается человѣкомъ просвѣщеннымъ: уважаетъ, молъ, личность. Если же мы помогаемъ кому въ бѣдѣ, то изъ чистаго эгоизма, въ надеждѣ поживиться когда-

нибудь отъ него; или по крайней мѣрѣ изъ эгоистическаго побужденія: устранить отъ себя непріятное ощущеніе при видѣ несчастнаго.

— То есть изъ прикладнаго эгоизма? сострила Лиза.— Вы чѣмъ-то раздражены, Александръ Александровичъ, и судите голословно. Подумайте хорошенько: не дѣлали ли вы сами когда-нибудь въ жизни добра?

— Какъ не дѣлать—если понимать подъ добромъ оказываніе помощи—но все изъ прикладнаго эгоизма. Я приготовлялъ, напримѣръ, бѣдныхъ молодыхъ людей безвозмездно въ университетъ. Но что побуждало меня къ тому? Мое человѣческое достоинство было оскорблено видомъ людей, одаренныхъ отъ природы одними со мной мозговыми орудіями и неимѣющихъ случая развиться. Чтобы избавиться отъ этого тягостнаго чувства, я брался учить бѣдняковъ.

— Такъ это очень похвальный эгоизмъ; дай-Богъ, чтобы всѣ эгоистическія побужденія на свѣтѣ были такъ же безкорыстны.

— Да, я согласенъ, что подобный эгоизмъ невреденъ; но онъ все-таки эгоизмъ, то есть чувство, заставляющее насъ дѣлать добро другимъ—только для удовлетворенія самихъ себя. Все на свѣтѣ дѣлается вслѣдствіе эгоизма; но эгоизмъ бываетъ трехъ сортовъ: вредный, безразличный и полезный.

— Такъ и я, значитъ, дѣйствовала подъ вліяніемъ эгоизма, когда обучала въ воскресныхъ школахъ?

— А то какъ же?

— Какъ вы унижаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ! Бывало, какъ окончишь урокъ, всегда такъ

довольна собой: «вишь, говоришь себѣ, какая ты хорошая!»

— И вы имѣли полное право говорить себѣ это. Своимъ «добрымъ дѣломъ» вы дѣйствительно возвышались надъ уровнемъ толпы, но опять-таки вы не можете вмѣнять себѣ это въ достоинство. Развѣ вы сами сдѣлали себя такой, какъ вы есть? Обстоятельства сложили вашъ характеръ: вы воспитывались, развивались въ такой средѣ, гдѣ было понято, что помогать ближнему выгоднѣе, чѣмъ оставаться къ нему безразличнымъ—уже изъ видовъ спокойствія совѣсти.

— Ваши софизмы довольно убѣдительны, согласилась экс-студентка.—Грустно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, какъ поддаешься иногда силѣ обстоятельствъ, какъ теряешь иногда всякую силу воли. Помнится, въ Петербургѣ... идешь въ воскресную школу; зима, морозъ; спѣшишь по набережной Фонтанки и кутаешься въ салопъ, въ муфту. Стоитъ на дорогѣ, прислонившись къ фонарю, оборванный пролетарій, дрожитъ, бѣдняжка, посинѣлъ отъ холода, простираетъ къ тебѣ руку съ жалобнымъ воплемъ: «Жена, дѣти... помогите!» Взглянешь ты на него, завернешься теплѣе и поспѣшишь мимо, успокоивая себя мелочнымъ доводомъ: остановись, такъ опоздала бы на урокъ.

— А между тѣмъ поступокъ вашъ былъ совершенно естественъ и вы напрасно раскаиваетесь въ немъ: вы не могли поступить иначе, обстоятельства принудили васъ поступить такъ, а не иначе.

— Полноте! Сколько же тутъ требовалось воли? Еслибъ я и опоздала минутою на урокъ—что-жъ за бѣда! а одинъ или даже нѣсколько изъ моихъ ближнихъ были бы

спасены отъ мученій голода. Стоило только остановиться.

— Вы говорите: *только*; но это *только* и есть, быть можетъ, та лишняя гирька на вѣсахъ вашего сострадания, которая перетянула на сторону «неподанія помощи». Помочь велитъ вамъ чувство униженнаго человѣческаго достоинства, вопіющее вмѣстѣ съ несчастнымъ: «Жена, дѣти... помогите!» Въ пользу же неоказанія помощи говоритъ несравненно большее число данныхъ, хотя и не столь полновѣсныхъ: предчувствіе, что если вы выймете руку изъ муфты, то не отогрѣете ея скоро—разъ; предположеніе, что нищій, носъ котораго и безъ того превратился, отъ неумѣренныхъ возліяній Бахусу, въ нѣкотораго рода сливу, пропьетъ ваши деньги въ первой распивочной—два; мысль, что проходящіе почтутъ вашъ поступокъ фарисейскимъ—три. И вотъ, приближаясь къ нищему, вы колеблетесь: помочь или не помочь? Но тутъ является внезапно новое данное въ пользу неоказанія помощи: вы вспоминаете, что поздно, что пожалуй опоздаете въ школу—и гордо проходите мимо. Будь климатъ въ Петербургѣ умѣреннѣе—однимъ неблагопріятнымъ даннымъ было бы менѣе, и вы вѣроятно помогли бы бѣдняку; но въ суровой климатической обстановкѣ и сердце человѣка черствѣетъ: жители юга всегда общительнѣе, добродушнѣе нашего брата, сѣверянина.

— Всякую волю въ человѣкѣ однако нельзя отрицать, возразила Лиза:—если я пересиливаю себя, если во мнѣ происходитъ борьба, то тутъ-то и проявляется сила воли. Возьмемъ тотъ же примѣръ съ нищимъ. Положимъ, я отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Вдругъ мнѣ дѣлается его жаль; я начинаю колебаться, оборачиваюсь и возвращаюсь къ несчастному надѣлить его милостыней. Чѣмъ

же я заставила себя преодолѣть свою неохоту вернуться, какъ не силою воли?

— И тутъ никакой воли не было. Что вы колебались, что вамъ пришлось, какъ вы выражаетесь, пересилить себя—то это явленіе самое обыкновенное, наблюдаемое во всѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ борьба, вслѣдствіе большей или меньшей равности борящихся силъ. На вѣсахъ вашего человѣческаго достоинства чаши нагружены въ разсматриваемый моментъ почти одинаково и колеблются по тому самому—то въ одну, то въ другую сторону, оставляя васъ въ неизвѣстности, которая перетянетъ. Ваше положеніе здѣсь совершенно страдательное, и вы вовсе непричастны тому своей волей, если наконецъ одна изъ чашъ перетянетъ. Всякая воля—химера.

— Вы убѣдили и побѣдили меня, господинъ философъ; а между тѣмъ...—Лиза лукаво засмѣялась:—между тѣмъ и я выхожу побѣдительницей!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Помните, въ началѣ прогулки вы объявили, что скучаете во всякомъ женскомъ обществѣ; теперь вы съ жаромъ спорите съ женщиной, стало быть, находите интересъ въ бесѣдѣ съ ней.

— Гм... да.

— Ваше желчное настроеніе, кажется, прошло; скажите теперь по совѣсти: чему вы такъ разсердились, когда я говорила про акклиматизацію?

— Нѣтъ, зачѣмъ...

— Ну, однако? Не на меня ли изволили гнѣваться?

— А еслибъ?

— А! это интересно. Но за что? говорите, за что?

— Сами напрашиваетесь на откровенность. Видите: въ

началѣ нашего знакомства вы произвели на меня довольно пріятное впечатлѣніе, какъ умная, разсудительная дѣвушка. Легкая взбалмошность такъ обыкновенна въ ваши лѣта, что я не придалъ ей значенія въ васъ. Когда же вы заговорили объ акклиматизаціи, я сталъ убѣждаться, что имѣю дѣло съ синимъ чулкомъ...

— И я горжусь этимъ названіемъ! Пожалуйста, не измѣняйте своего мнѣнія; я хочу быть синимъ чулкомъ.

Змѣинъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами:

— Вольному воля.

XI.

Гроза. О французскихъ романахъ и патріотизмѣ. Schloss Unspunnen.

Прогулка въ лѣтній полдень имѣетъ свои пріятности; но всѣ онѣ взвѣшиваются одною непріятностью—зноемъ: солнце, стоящее въ зенитѣ, жжетъ изо всѣхъ силъ, словно за-то невѣсть какое жалованье получаетъ, такъ-что и духъ у васъ спираетъ, и въ глазахъ рябитъ. Задыхаясь и обтираясь платками, общество наше едва обогнуло Ругенъ, какъ набѣжала тучка и раздался первый, внушительный рокотъ грома. Все засуетилось. Вдругъ—ахъ, а! Золотая, съ голубоватымъ сіяніемъ, электрическая змѣйка, дивно-ловко извиваясь, низринулась съ неистовствомъ въ средину общества; лица какъ мѣлъ побѣлѣли—нельзя было сказать: отъ отблеска молніи, или отъ испуга. Въ слѣдующій же мигъ грянула небесная артилерія, и мелкимъ ружейнымъ огнемъ задребезжало въ сосѣднихъ горахъ въ отвѣтъ переливчатое эхо. Трава, деревья,

платья дамъ—все заблестило подъ крупными каплями грозового дождя.

. — Sauve qui peut!

Дамы въ своихъ воздушныхъ одѣяніяхъ, съ крохотными зонтиками, недающими ни малѣйшей защиты отъ капитальнаго ливня, мужчины въ однихъ сюртукахъ—все бѣжало спасаться. «Юнгфрауенблинкъ!» былъ общій лозунгъ: изъ-за ближнихъ деревъ манила крыша этой отели.

— М-г Куницынъ! крикнула Моничка во слѣдъ правовѣду, искавшему, подобно другимъ, спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ:—soyez si aimable, prêtez moi votre chapeau et votre surtout.

Молодой человѣкъ остановился и снялъ съ себя то и другое.

— Voilà, mademoiselle.

— Grand merci.

Она торопливо накрылась соломенной шляпой правовѣда и пиджакъ его одѣла въ накидку.

— Prenez, defendez vous par ceci, comme vous pouvez.

Оставивъ въ рукахъ его свой маленькій зонтикъ, она уже мчалась къ спасительной кровлѣ. Распустивъ надъ собою зонтикъ, правовѣдъ поскакалъ вслѣдъ за нею.

Ластовъ, такъ неожиданно покинутый своей собесѣдницей, отыскивалъ глазами мѣсто, гдѣ бы укрыться, когда завидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ густолиственнымъ орѣшникомъ, Наденьку. Понятно, что въ мгновеніе ока онъ былъ у ней. Гимназистка встрѣтила его съ привѣтливой, дѣтской улыбкой и указала ему около себя, подъ деревомъ, сухое мѣсто.

— Какъ славно, Левъ Ильичъ, не правда ли? Чувствуешь, что живешь! Помните, у Майкова...

— Помню; оно такъ и начинается:

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома.
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома...

— Нѣтъ, я думала про другое. Но и это, кажется, премиленькое. Дальше, кажется:

Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью?
— Не было конца тутъ страху и веселью,

подхватилъ Ластовъ:

— Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой...

— Ахъ! вскрикнула тутъ Наденька, хватаясь безсознательно за руку молодого человѣка: вся окрестность вспыхнула мгновенно ослѣпительнымъ огнемъ, сопровождаемымъ гульливыми раскатами.

— Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился,

продолжалъ цитировать поэтъ:

— Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

— Какъ я испугалась! вздохнула изъ глубины души гимназистка, отодвигаясь отъ сосѣда.—А я, кажется, не трусиха... Я, знаете, еще ребенкомъ смерть какъ любила грозу; меня такъ и называли: маленькой колдуньей. Чуть блеснетъ первая молнія, брызнетъ дождикъ, я—въ садъ, и стою тамъ съ непокрытой головою. Дождь заливаетъ меня, гроза шумитъ, а я стою, какъ очарованная. Явлюсь домой—маменька и гувернантка только ахнутъ: волоса-то всклокочены, платье какъ губка: «Наденька, Наденька,

что съ тобой?» А я тряхну головой да бѣгомъ опять подъ дождь. Теперь я начинаю понимать что меня всегда такъ привлекало къ грозѣ.

— Что?

— Лучше всего разъяснить вамъ это майковское стихотвореніе, о которомъ я вамъ говорила:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы.
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ,
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

— И вы, Надежда Николавна, сочувствуете этому? спросилъ тихимъ голосомъ поэтъ.—Вы понимаете горечь и сладость слезъ?

— М-да...—Наденька замялась.—Ахъ, да вотъ и наши философы! подхватила она съ живостью, увидѣвъ приближающихся Змѣина и Лизу.—Перемокли какъ, батюшки! Гдѣ это вы пропадали?

— Какъ видишь, подъ дождемъ, отвѣчала, отряхиваясь, экс-студентка.—Отстали немножко. Что-жъ, теперь можно и далѣе; дождя нѣтъ.

Гроза дѣйствительно унялась. Тамъ и сямъ по освѣженной синевѣ бродили еще легкія облачки, но подъ жгучими лучами полуденнаго солнца высыхали уже и дорожки, и зелень.

Молодежь собралась опять въ путь къ первоначальной цѣли прогулки.

— Да! вспомнилъ Ластовъ:—правда ли, Лизавета Николавна, что вы сестрицѣ своей даете читать французскихъ романистовъ?

— А что же?

— Да вѣдь увлекательныя переливанія Дюма, Сю, Феваля не имѣютъ ничего общаго съ нашею дѣйствительностью?

— Не имѣютъ.

— Такъ какъ же давать ихъ въ руки невзрослой дѣвочкѣ, фантазія которой и безъ того черезчуръ прытка, а при помощи этихъ небылицъ можетъ разыграться до безобразія?

— Невзрослой! обидѣлась Наденька.—Мнѣ 16.

— Зачѣмъ прибавлять, милая? замѣтила Лиза:—тебѣ всего въ маѣ минуло 15.

Наденька покраснѣла.

— Ну да, минуло, значитъ уже нѣтъ.

— Положимъ, успокойся. Вы, Левъ Ильичъ, удивляетесь, что я не воспрещаю ей читать французскихъ романовъ? Но для полнаго образованія всякому человѣку надо ознакомиться и съ нелѣпицами міра сего.

— Съ дѣтства-то? Для дѣтей это положительно ядъ. Я очень хорошо помню, какъ, будучи гимназистомъ 2-го — 3-го класса, бралъ съ собой въ классы *Монте-Кристо* или тому подобную небывальщину, чтобы читать во время уроковъ, подъ скамьей. За-то, какъ вызовутъ къ доскѣ—идешь шатаясь, словно пьяный, станешь у доски и не только не знаешь что отвѣчать—не понимаешь даже заданнаго тебѣ вопроса. А какъ вредно дѣйствуютъ романы на расположеніе духа, на характеръ ребенка! Ходишь всегда въ какомъ-то чаду, дѣлаешься сварливымъ, всѣмъ недовольнымъ: «Что я за несчастный! повторяешь себѣ:—отчего со мною не бываетъ никакихъ приключеній? Миновало золотое время...» И начинаешь

хандрить, дѣлаешься безучастнымъ ко всему окружающему, бросаешь заниматься: «Что пользы? вѣдь все равно ни къ чему не послужитъ...» Является даже мысль о самоубійствѣ...

— Ну, вы слишкомъ поэтизируете, господинъ поэтъ, перебила экс-студентка.—До какого возраста, скажите, упивались вы романами?

— До 14-ти, можетъ быть и до 15-ти лѣтъ.

— И вы недовольны, что такъ рано отдѣлались отъ пагубной страсти къ этому сладкому яду? А я скажу вамъ, почему онъ вамъ такъ скоро опротивѣлъ: вы допились до омерзѣнія. Чѣмъ скорѣе дойти до этой стадіи, тѣмъ лучше. Послѣ періода романовъ настаетъ періодъ отечественныхъ журналовъ. Съ какою гордостью, бывало, возвращалась я изъ конторы редакціи *Современника* или *Русскаго Слова* съ новымъ номеромъ журнала подъ мышкой! Нарочно повернешь его еще заглавнымъ листомъ наружу, чтобы всѣ проходящіе видѣли, что вотъ ты, молъ, какая—прогрессистка! Для Наденьки, видите ли, кончается и этотъ періодъ. Она въ журналахъ читаетъ уже ученые отдѣлы, и вскорѣ, подобно мнѣ, заинтересуется вѣроятно и самыми науками, такъ-что броситъ и журналы.

— Напрасно. Журналы всегда полезны, хотя уже тѣмъ, что знакомятъ насъ съ современными интересами. Что же до французскихъ романовъ, то я долженъ вамъ еще вотъ что замѣтить. Вы смотрите на нихъ, какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ чѣмъ скорѣе познакомиться, тѣмъ лучше, чтобы получить скорѣе отвращеніе къ нему?

— Ну да.

— Я же вижу въ нихъ зло, котораго можно избѣгнуть, если во-время изощрить вкусъ болѣе удобоваримыми вещами. Человѣкъ, испившій разъ хорошаго рейнвейну, не пристрастится уже къ шампанскому. Давайте молодежи Диккенса, Гейне, Тургенева, Бѣлинскаго—и французская шипучка не прельститъ ихъ.

— Такъ, 12-ти, 13-тилѣтнимъ ребятишкамъ и давать Гейне, Бѣлинскаго? Да они половины не поймутъ.

— Нѣтъ, въ эти лѣта вообще не годится читать что-либо беллетристическое. До 16-тилѣтняго возраста человѣкъ достаточно занятъ собираніемъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и только съ этого времени, когда понятія у него приведены въ нѣкотораго рода систему, онъ можетъ безъ большого для себя вреда оглядѣться и въ мірѣ литературы. Мнѣ живо вспоминается Einwohner-Mädchenschule Фрёлиха въ Бернѣ, которую мы съ Змѣинымъ посѣтили проѣздомъ. Главныя старанія Фрёлиха обращены на развитіе въ ученицахъ эстетическаго чувства. Для этого онъ уже сызмала учитъ ихъ музыкѣ, устраиваетъ прогулки по романтическимъ окрестностямъ Берна, а въ высшихъ классахъ знакомитъ и съ литературой. При этомъ онъ заставляетъ и самихъ ученицъ сочинять стихи.

— Какъ это должно быть весело! не могла удержаться воскликнуть Наденька.

— Мнѣ удалось присутствовать на такомъ урокѣ. Одна изъ ученицъ, 17-тилѣтняя, красивая дѣвушка, прочитывала элегію своего произведенія.

— И какимъ размѣромъ была написана эта элегія? перебила опять гимназистка.

— Гекзаметрами; вѣдь это самый легкій размѣръ: въ

17 слоговъ и безъ риѳмъ. Содержаніе стихотворенія была любовь къ родинѣ. Живописную природу Швейцаріи, поэтическія легенды, гдѣ высказалась швейцарская доблесть, надежду на будущее благосостояніе отечества, твердую увѣренность, что народъ ея, самъ собою правящій и никому неотдающій отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда не запятнаетъ своей чести—все это соединила она въ звучное попури, отъ котораго растрогались и она, и ея товарки. Самъ Фрёлихъ прослезился и наградилъ поэтесу поцѣлуемъ въ лобъ. Сцена была по истинѣ умилительная, такъ-что подѣйствовала раздражительно даже на слезныя железки сѣвернаго скиѳа, присутствовавшаго тутъ посторонним зрителемъ. Невольно вспомнились ему родные разсадники женской премудрости, откуда, вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, душистыхъ, свѣжихъ, выпускается въ свѣтъ колекція цвѣтовъ красивыхъ, но бумажныхъ, на проволокѣ...

— Грустно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашихъ институтокъ, замѣтилъ Змѣинъ.—Онѣ скажутъ вамъ, пожалуй, когда и зачѣмъ почесалъ себѣ за ухомъ Александръ Македонскій, или какъ извлечь квадратный корень изъ... кубической селитры; а между тѣмъ въ состояніи при видѣ пожатой нивы всплеснуть радостно руками: «Ахъ, теперь я знаю, какъ растутъ спички!» Самое же горькое то, что, имѣя о Россіи такія же смутныя понятія, какъ о Сандвичевыхъ островахъ, онѣ дѣлаются совершенно равнодушными къ благу своей родины, дѣлаются космополитками, въ самомъ жалкомъ значеніи слова.

— А вы, Александръ Александровичъ, развѣ не космополитъ? спросила Лиза.—Вы, кажется, такой холодный,

что не можете быть патріотомъ, привязаться къ чему-нибудь серьезно.

— О, космополитизмъ—заманчивая вещь, согласился Змѣинъ:—«Отказаться отъ всякихъ личныхъ симпатій, жить не для отдѣльнаго народа, а для цѣлаго человѣчества!» Какія громкія фразы! Люди, сшитые на живую нитку, какъ Куницынъ, не даромъ прельщаются ими. Но нашъ братъ—глубокая, тяжелая на подъемъ натура, сросшійся съ своимъ отечествомъ всѣми фибрами своего существа, не можетъ оторваться отъ того, что составляетъ его жизнь, его плоть и кровь. Если человѣкъ родился въ Россіи, воспитывался въ русскихъ заведеніяхъ, между русскими, вскормленъ русскимъ хлѣбомъ, русскими понятіями—какъ ему не любить Россіи? Любовь къ родинѣ совершенно такъ же естественна, какъ любовь къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ.

Въ такихъ разговорахъ путники наши вышли въ свѣтлую, прелестную долину. Справа и слѣва воздымались утесистыя громады, впереди искрились снѣжные хребты Юнгфрау и Мёнха. По близости, изъ-за купы густого орѣшника, глядѣла зубчатая стѣна развалины.

— Вотъ никакъ и Уншпуннёнъ, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Около развалины, между деревъ, мелькнули фигуры мальчика и нѣсколькихъ козъ.

— Сейчасъ узнаемъ, сказала Наденька и подбѣжала къ пастушку.—Послушайте, какая это руина?

Мальчуганъ съ любопытствомъ разглядывалъ хорошенькую барышню, такъ неожиданно выросшую передъ нимъ изъ земли. Она должна была повторить вопросъ.

— Разумѣется, Унтшпунненъ, удивленный ея невѣдѣніемъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Какія же у васъ о немъ легенды? Говорите, разсказывайте, молодой человѣкъ, покуда не подошли другіе.

— Что такое легенда?

— Легенда?...

Наденька смолкла: на шляпѣ мальчика усмотрѣла она большую, пышную розу и забыла уже о своемъ вопросѣ.

— Какая прелесть! воскликнула она;—подарите мнѣ ее.

И, не дожидаясь его согласія, она сорвала шляпу съ кудрявой головы его и отцѣпила розу. Потомъ достала портмонэ и подала мальчику франкъ.

— На-те.

Пастушокъ съ радости ротъ разинулъ и забылъ даже поблагодарить щедрую дательницу. Когда же та обратилась къ спутникамъ, похвастаться своей добычей, то осторожный мальчуганъ, опасаясь угрызеній совѣсти барышни, за ея великую расточительность, заблагоразсудилъ скрыться съ своими питомцами.

— Руина какъ руина, говорила Лиза, озирая башнеобразную, весьма необширную развалинку замка.—Только прежніе обитатели этой великолѣпной Burg были вѣроятно лилипуты, потому-что иначе необъяснимо, какъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ умѣщалась широкая жизнь рыцарей.

— Да они и были лилипуты, подтвердилъ Змѣинъ:— въ прежніе вѣка и Швейцарія кишѣла мелкотравчатыми феодалами. Всякій изъ «благороднаго» сословія рыцарей считалъ необходимою принадлежностью своего сана—неограниченное самоуправство, хотя-бъ на пространствѣ квадратной сажени; вотъ начало этихъ лилипутскихъ замковъ.

— А что, вмѣшалась Наденька,—можетъ быть, и не

всѣ лилипуты этого замка вымерли? Пойдемте, поищемте: чего добраго, вытащимъ изъ какой-нибудь щели карапуза-Зигфрида.

— Непремѣнно вытащите: здѣсь раздолье мышамъ и крысамъ.

— Ахъ, какой вы гадкій, Александръ Александровичъ! Не даромъ Моничка называетъ васъ матеріалистомъ. Левъ Ильичъ, вы хоть натуралистъ, да поэтъ; побѣжимте, догоните меня.

Наденька, и за нею Ластовъ, взбѣжали на холмикъ, на которомъ возвышалась развалина, и, отыскавъ на противоположной сторонѣ ея безформенное отверстіе, служившее когда-то дверью, спустились въ самый замокъ. Ихъ обдало прохладою и сыростью. Крышу зданія Богъвѣсть когда уже снесло, и ласково глядѣло въ вышинѣ отдаленное, лазурное небо. Въ ногахъ у нихъ валялись кирпичи и камни, обломавшіеся отъ стѣнъ; по волѣ расцвѣтали кругомъ чертополохъ, папоротникъ, крапива.

— Какъ бы взобраться вонъ туда? говорила Наденька, указывая глазами на верхушку стѣны: — какой, я думаю, оттуда видъ!

— Посмотримъ, сказалъ Ластовъ и, ухватившись обѣими руками за край высокой оконной бойницы, неимѣвшей, какъ само собою разумѣется, ни стеколъ, ни рамы, вскочилъ на самое окно. — Ну, Надежда Николавна, теперь вы.

Онъ опустился на одно колѣно, и протянулъ къ ней руки.

— Да страшно...

— Ничего, не бойтесь, держитесь только крѣпче.

Наденька взялась за поданныя руки, оперлась носкомъ

на выдавшійся изъ стѣны кирпичъ, Ластовъ приподнялъ ее—и она стояла уже на окнѣ возлѣ него.

— Ахъ, что за видъ! вѣдь я говорила!

Подъ ногами молодыхъ людей разстилалась во всей своей лѣтней красѣ лаутербрунненская долина, залитая жгучимъ золотомъ солнца.

— Послушайте, Надежда Николаевна, когда вы вглядываетесь въ такой ландшафтъ, не находитъ на васъ неодолимое желаніе броситься изъ окошка на встрѣчу всей природѣ, заключить въ объятія цѣлый міръ?

Дѣвушка разсмѣялась.

— А на васъ находитъ? Ну, бросьтесь.

— Извольте. Господи благослови!

Онъ готовился соскочить съ окна; Наденька во-время удержала его за руку.

— Что за ребячество! вѣдь расшиблись бы.

— Наденька! Левъ Ильичъ! домой! донесся снизу голосъ Лизы.

— Уже? удивилась Наденька.—Надо бы какъ-нибудь увѣковѣчить свое пребываніе на этой высотѣ... Нѣтъ ли у васъ карандашика?

— Есть.

Ластовъ вынулъ бумажникъ.

— Но стѣна слишкомъ шероховата, сказалъ онъ:—ничего не напишешь. Вотъ у меня визитная карточка—распишитесь на оборотѣ.

— Гуси-лебеди, домой! раздалось опять снизу. — Гдѣ вы запропастились? Обѣдать пора, скоро два часа.

— Ахъ, скорѣй, скорѣй! заторопила Наденька, выхватывая изъ рукъ молодого человѣка карандашъ и карточку,

и, приложивъ послѣднюю къ стѣнѣ, расчеркнулась на ней: «Н. Липецкая, $^{2}/_{14}$ іюля 186—г.»

— Спрячьте же куда-нибудь, да подальше, чтобы никто не нашелъ.

Ластовъ приподнялся на цыпочки и втиснулъ карточку въ глубокую расщелину надъ окномъ.

— Здѣсь и дождемъ не захватитъ.

Онъ соскочилъ внутрь развалины.

— А я-то какъ? сказала гимназистка:—вѣдь высоко.

— Упритесь на мое плечо.

— А вы закройте глаза.

— Могу.

Едва коснувшись плеча молодого человѣка, ловкая барышня въ мигъ соскользнула на землю.

XII.

Какое назначеніе женщины?

— Такъ вы, Александръ Александровичъ, о насъ одного мнѣнія съ Наполеономъ?

— Съ Наполеономъ?

— Да, съ I-мъ. Помните, какъ онъ выразился на вопросъ m-me Staël: какую женщину онъ уважаетъ болѣе всего?

— Какъ?

— «Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ,—la respectable femme, qui a fait le plus d'enfants».

— Со стороны француза подобный отвѣтъ былъ, конечно, не совсѣмъ деликатенъ, усмѣхнулся Змѣинъ,— тѣмъ болѣе, что женщина, предлагавшая вопросъ, явно

напрашивалась на любезность: «Васъ, молъ, сударыня, я уважаю болѣе всѣхъ.» Но съ своей точки зрѣнія, Наполеонъ разсуждалъ весьма логично.

— А съ вашей точки зрѣнія? Впрочемъ, что-жъ я спрашиваю: вѣдь вы ученикъ Куторги.

— Во взглядѣ на женщинъ, я дѣйствительно схожусь съ нимъ отчасти.

— Значитъ, и по вашему, человѣческія самки только пищатъ, не поютъ?

— Гм, казусный вопросъ. Мнѣ нравится, признаться, женское пѣніе; но какъ знать—можетъ быть, изъ пристрастія? Вѣдь и птичьимъ самцамъ, я увѣренъ, пискъ ихъ самокъ кажется очаровательнѣйшимъ пѣніемъ.

— Ну, пошли! Птичьи самцы одѣты всегда въ пестрое, праздничное платье, самки—въ сѣрое, будничное, слѣдовательно онѣ сандрильоны, назначеніе которыхъ сидѣть дома, производить себѣ подобныхъ, и т. д., и т. д.

— Совершенно справедливо. И назначеніе человѣческихъ самокъ—семейная жизнь.

Лиза сдѣлалась серьезною.

— Вотъ вы, мужчины, какіе деспоты, что не хотите въ насъ признать даже равныхъ съ вами умственныхъ способностей! И все только потому, что вы тѣломъ сильнѣе. Смѣются надъ средневѣковымъ кулачнымъ правомъ, а что же это, какъ не вопіющее кулачное право? Я не отрицаю факта, что нынче много пустыхъ женщинъ; но отчего ихъ много? Оттого, что вы, мужчины, сдѣлали изъ нихъ этихъ куколъ и рабынь, что вы не даете развиться имъ, что вы столько разъ напѣвали имъ: «волосъ бабы долог, умъ коротокъ», что онѣ, наконецъ, и сами тому повѣрили.

— А вы, Лизавета Николавна, затѣмъ вѣроятно остриглись, чтобы показать, что не подходите подъ общую мѣрку?

— Да, затѣмъ! отвѣчала съ сердцемъ экс-студентка. — Такъ-какъ вы уже зотронули этотъ вопросъ, то знайте же, что я пожертвовала своими волосами въ пользу недавнихъ питерскихъ погорѣльцевъ.

— Честь вамъ и слава; вы уподобились, значитъ, кареагенскимъ женамъ. Но спрашивается, куда дѣть погорѣльцамъ такой небольшой кусокъ каната? Развѣ съ горя повѣситься?

— Ваши остроты, Александръ Александровичъ, совершенно неумѣстны. Въ жалкомъ положенiи погорѣльцевъ и какiе-нибудь 8 рублей, которые я получила отъ парикмахера за свою шевелюру, немаловажная помощь.

— Ну, 8 рублей у васъ, пожалуй, и такъ бы нашлось; для такой суммы не стоило лишаться волосъ, этой истинной красы женщинъ.

— Хорошо, оставимъ этотъ вопросъ. Такъ, по вашему, только замужняя женщина достигаетъ своего назначенiя?

— Да; незамужняя—незрѣлый плодъ...

— Который, въ ожиданiи великаго счастiя быть выбраннымъ въ сожительницы однимъ изъ васъ, долженъ сидѣть сложа руки и помирать съ голода?

— Нѣтъ, и незамужняя женщина должна трудиться. Я даже допускаю, что силамъ женщины довѣряютъ до сихъ поръ слишкомъ мало, что кругъ дѣятельности ея могъ бы быть обширнѣе нынѣшняго. Зачѣмъ бы ей не быть, напримѣръ, конторщикомъ, управляющимъ домомъ или имѣнiемъ, фотографомъ, женскимъ врачомъ? При не-

значительной семьѣ подобныя обязанности она могла бы исполнять даже во время замужества.

— А! вотъ видите ли: значитъ, замужество только помѣха, значитъ, незамужняя женщина еще лучше замужней можетъ исполнять свой человѣческій долгъ. Что же вы говорили о незрѣломъ плодѣ?

— И повторяю: незамужняя женщина—незрѣлый плодъ. Пусть ее ставитъ себя по возможности независимо, заработывая свой собственный хлѣбъ; но положеніе ея выжидательное. Уже поэтому (не говоря о ея меньшихъ умственныхъ способностяхъ) женщина не можетъ занимать должностей, болѣе важныхъ: професорскихъ, чиновничьихъ, потому-что въ этихъ должностяхъ она не могла бы выдти замужъ.

— Почему-жъ такъ? въ Нью-Йоркѣ же есть професорши...

— Которыя вѣроятно всѣ холосты.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да представьте себѣ положеніе слушателей замужней професорши. Сидятъ они, въ ожиданіи ея, въ аудиторіи—вдругъ объявляютъ имъ, что г-жа професорша намѣрена подарить отчизнѣ новаго гражданина, почему не смѣетъ впродолженіе столькихъ-то недѣль выходить изъ комнаты. Слушатели и на бобахъ! Наконецъ, является она, начинаетъ только-что привѣтственную рѣчь— а тутъ изъ-за дверей доносится жалобный пискъ; стремглавъ кидается професорша за дверь—утолить жажду маленькаго пискуна, котораго оставила тамъ съ нянькой. Слушатели опять на бобахъ!

— Зачѣмъ же ей кормить самóй? возразила экс-студентка:—есть мамки.

— Добросовѣстная мать всегда кормитъ сама.

— Да, наконецъ, къ чему выходить ей вообще замужъ? Докажите мнѣ, что семейная жизнь необходима, что безъ нея женщина—незрѣлый плодъ...

— Извольте. Вы вѣдь допускаете, что основаніе всего органическаго міра—жизнь?

— Да. Что-жъ изъ того?

— Какъ произведенія законовъ природы, мы не имѣемъ права нарушать эти законы и, рожденные однажды, не смѣемъ самовольно пресѣкать свое существованіе, а напротивъ всѣми силами должны поддерживать его.

— Такъ. Но кто же говоритъ о самоубійствѣ?

— Я говорю не о самоубійствѣ, а объ убійствѣ тѣхъ существъ, которымъ мы могли бы дать жизнь—и не даемъ. Умирая бездѣтно, мы дѣлаемся убійцами нашихъ потомковъ, членовъ будущаго поколѣнія. Хотя садовники и взращиваютъ съ особенною заботливостью махровые цвѣты, плѣняющіе насъ своимъ пышнымъ видомъ, но кому неизвѣстно, что всякій махровый цвѣтокъ въ сущности не что иное, какъ болѣзненное состояніе цвѣтка, какъ аномалія, такъ-какъ плодородныя части его: пестики и тычинки, превращены искуственнымъ образомъ въ болѣе низкіе органы—въ лепестки. Что же сказать о людяхъ, которые отказываются отъ семейной жизни для того, чтобы стать махровыми? Цвѣты махровые не теряютъ хоть своего натуральнаго запаха, получаютъ болѣе роскошный видъ; а махровые люди?

— Такъ и мужчины же бываютъ махровыми?

— Бываютъ. Только мужчина и женщина вмѣстѣ взятые составляютъ цѣлаго человѣка. Мужчина — умъ, женщина—чувство.

— Старая пѣсня!

— Старая, но меткая, правдивая. Можете ли вы указать мнѣ на женщину, прославившуюся, напримѣръ, какъ скульпторъ, живописецъ?

— Гм... не припомню сейчасъ.

— И не припомните, еслибы даже стали припоминать. Скульптурныхъ произведеній женщинъ я даже не встрѣчалъ; но отчего же женщины и въ живописи не доходятъ далѣе цвѣтовъ и плодовъ? Даже нѣтъ попытокъ изобразить историческій, всемірный сюжетъ. Тутъ виновато вотъ что...

Змѣинъ указалъ на лобъ.

— Мозгъ! воскликнула Лиза.—Вы съ Куторгой полагаете, что у насъ его менѣе, чѣмъ у васъ?

— Не полагаю, а положительно знаю, потому-что лично производилъ взвѣшиванія. Но есть большая вѣроятность, что и самый составъ мозга у васъ иной, чѣмъ у насъ.

Химія этого не показала.

— Не показала; но не потому, что вашъ мозгъ и нашъ одинаковы, а просто потому, что химія стоитъ еще довольно низко. Надо разсматривать вопросъ съ отрицательной стороны: чего вы, женщины, не можете. Женщинъ-живописцевъ, скульпторовъ вы не могли мнѣ назвать. Пойдемте далѣе: составила ли себѣ когда женщина ґромкое имя, какъ первоклассный литераторъ?

— Сафо, Жоржъ-Зандъ...

— Все звѣзды второй величины. Если женщины имѣли еще нѣкоторый успѣхъ на литературномъ поприщѣ, то потому, что могли выказать здѣсь чувство: Сафо — лирикъ, Зандъ—повѣствовательница любовныхъ интригъ. Итакъ, и въ литературѣ женщина — пасъ. А раскройте

исторію наукъ, изобрѣтеній — найдете ли вы хоть одно женское имя?

— Н-нѣтъ; но вѣроятно потому, что женщина была до сихъ поръ слишкомъ угнетена, что ей не давали случая развернуться.

— Пустяки! Такъ же можно бы сказать, что женщина ростомъ менѣе мужчины, потому-что ей не даютъ развернуться. Возьмите извѣстныхъ мужчинъ: Шиллеръ цѣлый вѣкъ боролся съ бѣдностью, Ломоносовъ, Линкольнъ—дѣти мужиковъ. Сила всегда возьметъ свое; а гдѣ ея нѣтъ, тамъ нечего и искать ея. Очевидно, что дѣятельность женщины должна вращаться въ другой сферѣ, не интелектуальной...

— Ну да! перебила Лиза:—чувство у нея развито несравненно глубже, и т.д.; та же пѣсня.

— Точно такъ. Чувство состраданія, способность переносить съ твердостью горе, мученія—отличительныя черты тѣлесно слабѣйшаго пола. Въ случаяхъ, гдѣ главную роль играло чувство, хоть бы любовь къ родинѣ, женщины нерѣдко обезсмертивались высокими подвигами, какъ напримѣръ: Жанна д'Аркъ, Шарлота Кордэ. Но само собою разумѣется, что назначеніе женщины не можетъ ограничиваться выжиданіемъ случая спасти родину, или сотворить иной подвигъ. Назначеніе ея слѣдуетъ искать гораздо ближе, и сама природа ея указываетъ намъ на него. Мужчина достигаетъ возмужалости не ранѣе 20-ти—22-хлѣтняго возраста, женщина — взросла въ 16, много-много въ 18 лѣтъ. Такимъ образомъ, до супружества женщина имѣетъ на пріобрѣтеніе элементарныхъ свѣденій нѣсколькими годами менѣе мужчины; замужемъ же она и подавно не можетъ серьезно заняться науками...

— Почему? Вы думаете, что дѣти займутъ у нея столько времени...

— Да, думаю. Только женщина, съ ея податливой, мягкой натурой, способна взлелѣять первый возрастъ малютки. А сколько разнообразныхъ занятій ждетъ ее при тщательномъ воспитаніи дѣтей до тѣхъ годовъ, гдѣ они могутъ быть отданы въ школу! Да и въ періодѣ школы мать оказываетъ на нихъ свое благотворное вліяніе. А если ко всему этому Господь надѣляетъ ее что годъ новымъ дѣтищемъ, какъ то и должно быть при нормальномъ образѣ жизни? Тутъ ей ужъ не до возвышенныхъ мечтаній, не до общежитейскихъ вопросовъ: самый близкій для нея вопросъ—тѣлесное и душевное здравіе ея Ванички, ея Машеньки. Между прочимъ, она, конечно, поддерживаетъ и связь съ общественною, всемірною жизнью—чтеніемъ журналовъ, избраннымъ кругомъ знакомыхъ, дружескими бесѣдами со своимъ вторымъ *я*—мужемъ, который совѣтуется съ ней во всѣхъ трудныхъ случаяхъ его многоподвижной жизни. Свѣтлымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ сглаживаетъ она морщины заботъ на лицѣ его, а это, говорятъ, для истинной женщины удовольствіе не изъ послѣднихъ! Да, воспитывая отечеству въ своихъ дѣтяхъ нѣсколько достойныхъ гражданъ, она въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлается даже важнѣе своего благовѣрнаго: онъ приноситъ пользу только какъ отдѣльный индивидуумъ, она—даритъ отчизнѣ цѣлую колекцію полезныхъ индивидуумовъ. Что же до безбрачной жизни мужчины, то она почти такъ же неполна, какъ жизнь дѣвушки, и сколько ни трунятъ надъ старыми дѣвами,—при видѣ этихъ бѣдныхъ, безцѣльныхъ существъ, беретъ меня только жалость, тогда-какъ одностороннія выходки стара-

го холостяка, имѣвшаго, какъ мужчина, безъ сомнѣнія, не одинъ случай найти себѣ подходящую пару, возбуждаютъ во мнѣ жёлчный смѣхъ.

XIII.

Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?

Тихонько насвистывая про себя модный въ то время романсъ *Скажите ей*, Ластовъ разсѣянно шелъ рядомъ съ Наденькой, отбивая тростью пушистыя головки одуванчиковъ, устилавшихъ край дорожки.

— Что вы казните несчастныхъ? спросила гимназистка.

— Виноватъ! очнулся поэтъ и, тутъ же замѣтивъ, о чемъ проситъ извиненія, разсмѣялся.—А вы думаете, имъ больно?

— Больно не больно, а все-таки жаль убивать хорошенькія созданія природы, которыя ни въ чемъ неповинны. Вы, я вижу теперь, по истинѣ—натуралистъ, холодный, безсердечный, и если сочиняете стихи, то вѣроятно одни саркастическіе; мнѣ не вѣрится, что вы и въ душѣ поэтъ.

— Какая вы невѣроятная. Почему же вамъ это не вѣрится? объяснитесь ближе.

— Потому-что, видите ли...

Наденька замолкла и опустила личико въ знакомую намъ уже розу, похищенную у пастушка.

— Потому-что человѣкъ, погрузившійся, такъ-сказать, по уши въ сухой анализъ жизненныхъ процесовъ, долженъ поневолѣ потерять уваженіе ко всему прекрасному: встрѣтится ему что прекрасное, возбуждающее въ немъ своей

безукоризненной изящностью смутное, пріятное чувство,—съ кровожадностью хищнаго звѣря бѣжитъ онъ за ножичкомъ, за микроскопомъ, съ холодною любознательностью разлагаетъ прекрасное на составныя части: надо же допытаться до основной причины пріятнаго чувства; ну, и допытается, найдетъ, что виновата во всемъ какая-нибудь мелочь, «недостойная разумнаго человѣка»! Усмѣхнется онъ съ сожалѣніемъ надъ собою и прочтетъ себѣ мысленно мораль—впредь быть осмотрительнѣе и не увлекаться всякой милой бездѣлушкой.

— Зачѣмъ же читать себѣ мораль? возразилъ натуралистъ.—Если бездѣлушка мила, то не грѣхъ и увлечься ею. Надо пользоваться всѣмъ въ сей жизни бренной: *Man lebt nur einmal*, Walzer von Strauss.

— Это ужасно! Съ возмутительнымъ прилежаніемъ разыскиваете вы значеніе всякаго винта, всякой пружинки въ механизмѣ прекраснаго творенія и, опрофанировавъ его, извлекаете изъ него еще практическую пользу... Да это—уголовное преступленіе, это низ... непростительно!

— Что-жъ вы недоговорили? Вы высказываете чистосердечное убѣжденіе, я не имѣю права обижаться.

— Все равно... Эта роза напоминаетъ мнѣ одну мысль у Бѣлинскаго. Читали вы его статью о Лермонтовѣ?

— О стихотвореніяхъ его?

— Да.

— Читалъ: одна изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго.

— Онъ даетъ тамъ опредѣленіе слова «поэзія».—«Поэзія, говоритъ онъ,—описывая розу, не заботится о ея химическомъ составѣ. Поэзіи нѣтъ дѣла до клѣтчатки, красильнаго вещества и проч.; она беретъ лишь изящный очеркъ цвѣтка, нѣжные переливы красокъ, сладостный

ароматъ его—и создаетъ изъ всего этого новую розу, которая еще лучше, еще прекраснѣе настоящей.» Представьте же себѣ, что мы станемъ разрывать цвѣтокъ на части...

И, говоря это, Наденька приводила уже слова свои въ исполненіе:

— На части, вотъ такъ—сперва лепестки, потомъ чашечку... Видите, какъ этотъ лепестокъ измялся, посинѣлъ въ моихъ пальцахъ? Гдѣ его чистый, розовый колоритъ, гдѣ его запахъ? Понюхайте...

Дѣвушка поднесла лепестокъ къ носу молодого человѣка, губы котораго по какому-то странному случаю прикоснулись къ пальчикамъ ея. Не показывая, однако, вида, что она подозрѣваетъ въ этомъ тайный умыселъ, гимназистка, удаливъ руку на безопасное разстояніе, продолжала:

— Чувствуете, чѣмъ пахнетъ? Какою-то только сыростью, простой травой. Значитъ, уже отъ немногосложнаго анатомированія такими простыми орудіями, какъ человѣческіе пальцы, цвѣтокъ лишился природной красоты и свѣжести. Если же изрѣзать его ножикомъ на мелкіе кусочки, разсматривать эти кусочки подъ стеклышкомъ, то улетучится и послѣдняя доля поэзіи, которую можно было бы найти еще въ увяданіи нѣжнаго, душистаго цвѣточка отъ грубыхъ рукъ человѣка... Ахъ, Боже мой! опомнилась тутъ барышня,—что же я сдѣлала? общипала мою душку, миленькую, прекрасную розу! А все по вашей милости, господинъ натуралистъ! извольте достать мнѣ новую!

— Сію минуту?

— Сію минуту.

— А если здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ розъ?

— Такъ хоть достойный сурогатъ. Мало ли здѣсь цвѣтовъ? Только поскорѣе, чтобы не отстать отъ другихъ.

Ластовъ скрылся въ чащѣ. Минуту спустя, онъ вернулся съ торжествующимъ видомъ, съ ландышемъ въ рукѣ.

— Надежда Николавна! convalaria majalis!

— Я—convalaria majalis?

— И вы, и вотъ...

—О, первый ландышъ! изъ-подъ снѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

продекламировала Наденька, принимая цвѣтокъ и упиваясь его нѣжнымъ благоуханіемъ.

— Первый ландышъ—въ іюлѣ-то мѣсяцѣ? засмѣялся Ластовъ.

— Ну да, вамъ бы все критиковать. И ландышъ-то окрестили по-латыни: convalaria! Вотъ онъ и потерялъ уже половину своего природнаго запаха. Эхъ, вы, натуралисты!

— Натуралисты, Надежда Николавна, вѣрнѣе всякаго ненатуралиста понимаютъ поэзію природы.

— Скажите! Мы—дѣти въ естественныхъ наукахъ, такъ и не можемъ постичь всѣхъ затаенныхъ красотъ природы; такъ, что ли?

— Вы вотъ шутите, а не знаете, что высказываете глубокую истину. Какъ вы полагаете: если вы ребенку прочтете что-нибудь изъ Гейне, изъ Шиллера, доставите ли вы ему этимъ большое удовольствіе?

— Напротивъ: онъ зазѣвается и заснетъ.

— А прочтите ему сказку—онъ заслушается васъ съ такимъ упоеніемъ, что и не отвяжетесь отъ него. И мы, взрослые, не можемъ отрицать въ фантастическихъ небылицахъ сказокъ извѣстной доли поэзіи, но эта доля гомеопатична и поэзія изъ самыхъ наивныхъ, самыхъ простыхъ; тогда-какъ Шиллеръ и Гейне читаются нами съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ дитя слушаетъ глупую сказку.

— Ну, а если Шиллеръ или Гейне, изъ которыхъ, сколько я знаю, ни тотъ, ни другой не былъ натуралистомъ, воспѣваютъ природу, то, въ сравненіи съ вашей поэзіей, натуралистовъ, и это, въ свою очередь, будетъ поэзіей дѣтской, наивной?

— Безъ сомнѣнія.

— Ха, ха, ха! Какое бы стихотвореніе взять для примѣра? Да вотъ хоть, помните, у Майкова есть переводы изъ Гейне; одинъ изъ нихъ начинается такъ:

«Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей.»

— Ну-съ?

— Ну-съ, эта самая лилія въ лунномъ свѣтѣ

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ
И, всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

Это ли не поэзія, это ли не чувство? А, по вашему, это только наивно?

— А то какъ же? Лилія, по словамъ поэта,

«Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ—»

«Глядитъ»? Да чѣмъ же, позвольте узнать, какими органами глядитъ она, когда у нея нѣтъ глазъ? «Горитъ»? Да отчего ей разгораться? отъ луннаго-то свѣта? Ужъ коли возвыситься температурѣ вращающихся въ ней соковъ, то отъ знойнаго солнца, отъ котораго она

пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну, пошли анатомировать! Тàкъ вы пожалуй скажете, что она и «упоенья и тоски» не можетъ чувствовать?

— А неужто можетъ? У нея нѣтъ нервной системы. И послѣ этого стихи эти не наивны? Да они, говоря по-просту,—ерунда!

Краска выступила на щекахъ Наденьки.

— Любопытно бы знать, какую поэзію натуралисты находятъ въ цвѣткѣ? Чтò видите вы въ микроскопъ, когда подложите туда кусочекъ растенія?

— Растительныя клѣточки.

— Растительныя клѣточки! Скажите, какъ поэтично! Я ужъ представляю себѣ, какъ вы, сидя надъ микроскопомъ, затягиваѐте трогательный гимнъ:

«Растительныя клѣточки
Родимыя мои!
Все въ ровныя фасеточки
Сложились вы, какъ въ сѣточки,
Блондиночки, брюнеточки,
На голосъ: ай-люли, люли,
Ай-люли!»

— Брависсимо! разсмѣялся Ластовъ. — Но, шутки въ сторону: растительныя клѣтки — вещь очень интересная. Прослѣдивъ зарожденіе, развитіе клѣтки, опредѣливъ ея значеніе въ каждой части растенія, вы словно прозрѣваете, вамъ раскрывается новый, невѣдомый міръ внутренней жизни растенія: процесъ питанія, движеніе соковъ по жиламъ растенія, обмѣнъ въ нихъ веществъ, дыханіе посредствомъ устьицъ на нижней поверхности листьевъ — все это для васъ полно поэзіи. Вамъ дѣлается понятной эта трепетная жажда тепла и свѣта, съ которою цвѣтокъ обращается всегда въ сторону солнца: какъ сердце человѣка наливается и зрѣетъ подъ лучами любви, такъ растеніе созрѣваетъ подъ живительнымъ огнемъ солнца. Наблюдайте и любуйтесь! Здѣсь также жизнь, также поэзія. Поэтъ, съ его тонкимъ чувствомъ, подмѣтилъ эту жизнь, эту поэзію, но, слѣдуя общей людской слабости — мѣрить по своей мѣркѣ, одушевилъ растеніе человѣческими ощущеніями: упоеньемъ и тоской. Это мило, но сказочно-мило, наивно.

Мечтательно слушала Наденька поэта-натуралиста.

— Такъ послѣ этого, сказала она, — вы не только растеніе, но и всякое произведеніе природы, какого-нибудь червяка или букашку, должны находить прекраснымъ и поэтическимъ?

— Всеконѣчно. Чтò изъ того, что вамъ, можетъ быть, непріятно съѣсть съ малиной полевого клопа, проглотить муху или взять въ руки таракана? Вѣдь не могутъ же нѣкоторые люди ѣсть землянику — развѣ она отъ того что-нибудь дурное?

— А для васъ тараканы то же самое, чтò земляника?

— Да чѣмъ же они не хороши? Если разглядѣть ихъ повнимательнѣй, то нельзя не признать извѣстной изящности въ очеркѣ ихъ крыльевъ, въ лихо-скрученныхъ усикахъ. Они въ своемъ родѣ также прекраснѣйшія произведенія природы.

Наденька лукаво засмѣялась.

— Хорошо же, примемъ къ свѣденію.

XIV.

Прекраснѣйшія произведенія природы.

За нѣсколько минутъ до вечерняго чаю, гимназистка удалилась въ свою комнату поправить прическу. Въ окошко увидѣла она проходящую мимо, съ блюдомъ земляники, Мари. Она подозвала ее къ себѣ.

— Душенька, нѣтъ ли у васъ здѣсь таракановъ?

Швейцарка посмотрѣла на нее съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Таракановъ?

— Да, прусаковъ, въ кухнѣ, что ли?

— Нѣтъ, фрейлейнъ, мы слишкомъ опрятны, чтобы у насъ могли завестись эти грязныя твари.

— Какъ различны вкусы! А я знаю одного господина, который отъ нихъ безъ ума. Такъ не достанете ли вы мнѣ ихъ?

— Да на что же они вамъ?

— Это мое дѣло. Послѣ увидите. Достанете?

— Достать-то почему не достать; здѣсь недалеко, у сосѣдей...

— Такъ пожалуйста, Мари. Да смотрите, побольше, полную коробку. И никому не сказывайте.

— На этотъ счетъ будьте покойны. Куда же прикажете доставить вамъ ихъ?

— Да мы сейчасъ чай будемъ пить; вызовите меня.

— Слушаю-съ.

Качая головой, швейцарка отправилась исполнять странное порученіе.

За чаемъ Наденька была развязнѣе чѣмъ когда-либо, шутила съ молодыми людьми, шушукалась съ Моничкой. Въ дверяхъ показалась Мари и кивнула ей головой· Гимназистка вскочила и торопливо послѣдовала за нею изъ комнаты.

— Что-жъ, достали?

— Какъ же, вотъ...

Посланница подала ей небольшую коробочку. Наденька подняла осторожно уголокъ послѣдней: оттуда высунулось нѣсколько подвижныхъ усиковъ.

— Отлично! Какъ я вамъ благодарна, Мари! Теперь еще одно: есть у васъ свѣжее тѣсто?

— Да вы никакъ хотите изъ нихъ пирогъ спечь?

— Угадали.

Мари отвернулась съ отвращеніемъ.

— Тьфу, мерзость! и вы ѣдите таракановъ; у васъ это паціональное блюдо?

— Нѣтъ, я-то не ѣмъ, залилась въ отвѣтъ Наденька.

— Такъ тотъ господинъ, про котораго вы сказывали?

— Не знаю, ѣстъ ли онъ ихъ; но онъ говорилъ, что очень любитъ таракановъ; вотъ я и хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

— Кто-жъ это? изъ нашихъ пансіонеровъ?

— Да, знаете, этотъ длинный, блѣдный.

— Г-нъ Ластовъ?

— Онъ самый.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, въ такомъ случаѣ я это никакъ не могу допустить... Отдайте мнѣ назадъ коробку, я выброшу ее.

— Да, милая моя, я вѣдь хочу ему только доказать, какъ тараканы противны...

— Но и другихъ бы вмѣстѣ съ нимъ стошнило. И что за слава, посудите, пошла бы на нашу отель, еслибъ у насъ допускались подобныя вещи?

Наденька сдѣлала плачевную гримасу.

— Но какъ же мнѣ быть, душенька?

— Если г-нъ Ластовъ такъ любитъ таракановъ, то отдайте ихъ ему въ коробкѣ.

— Да они, понимаете, должны быть ему сюрпризомъ... Ахъ, знаете что, Мари? Подсуньте-ка ихъ ему въ карманъ! Вамъ оно удобнѣе: какъ станете обносить чай...

— Нѣтъ, фрейлейнъ, увольте меня.

— Марихенъ, миленькая, пожалуйста!

— Отвѣтственность вы возьмете на себя?

— Всю, всю.

— Ну, хорошо. Не обвязать ли коробку розовымъ шнуркомъ?

— Ахъ, да, непремѣнно. Надо бы и надпись сдѣлать. Гдѣ бы взять чернилъ да перо?

— Пойдемте въ контору.

Минуты двѣ спустя, Наденька сидѣла опять въ столовой, возлѣ Монички. Вошедшая вслѣдъ за нею Мари

наклонилась черезъ плечо Ластова, чтобы поставить на столъ хлѣбную корзинку. Когда затѣмъ поэтъ сталъ доставать изъ кармана платокъ, то ощупалъ тамъ нѣчто четырехугольное. Вытащивъ это нѣчто на свѣтъ, онъ съ недоумѣніемъ увидалъ въ своихъ рукахъ голубую коробочку, обвязанную розовою лентой; на крышкѣ были начертаны красивымъ женскимъ почеркомъ слова: «Прекраснѣйшія произведенія природы.» Съ любопытствомъ развязалъ онъ ленту и раскрылъ коробку... Вкругъ стола поднялся общій гвалтъ:

— Schwaben, Russen!

По скатерти разбѣжалось стадо прусаковъ. Болѣе другихъ, однако, перепугалась сама виновница маленькой катастрофы, Наденька: ей не безъ основанія представилось, что буря всеобщаго недовольства сейчасъ вотъ разразится надъ нею... Къ счастью ея, Ластовъ, замѣтившій ея крайнее смущеніе, великодушно отвелъ роковой ударъ съ больной головы на свою—здоровую. Онъ поспѣшилъ переловить краснокожихъ бѣглецовъ, а потомъ обратился къ присутствующимъ съ извинительнымъ спичемъ: «Онъ, дескать, натуралистъ и пріобрѣлъ прусаковъ для физіологическихъ опытовъ.» Гимназистка вздохнула свободнѣе и, чтобы отблагодарить любезнаго молодого человѣка, была съ нимъ цѣлый вечеръ необычайно ласкова. Правовѣду это нимало не приходилось по сердцу, и когда стали расходиться, онъ взялъ пріятеля подъ руку и вывелъ его на улицу. Рука объ руку побрели они внизъ по алеѣ.

— Мнѣ надо серьезно переговорить съ тобою, началъ Куницынъ:—ты, cher ami, забываешь нашъ гисбахскій уговоръ; а уговоръ лучше денегъ.

— Какъ такъ забываю?

— Да такъ: ты вплотную ухаживаешь за Наденькой.

— Ухаживаю? ни чуть. Что я *хаживалъ* съ нею, напримѣръ, къ Унпшуннену—не отрекаюсь, но *хаживать* далеко еще не значитъ *ухаживать*. Да и кто-жъ тебѣ велѣлъ давича бросить насъ?

— Кто! Развѣ ты не видѣлъ, какъ эта Саломонида почти насильно взяла у меня сюртукъ да шляпу и давай Богъ ноги? Поневолѣ побѣжишь за нею. Да еще и угощай ее: выпила на мой счетъ три чашки шоколаду.

— Ну, за тѣ я тебѣ, пожалуй, заплачу. Вѣдь, по твоему, и въ этомъ случаѣ виноватый—я?

— Разумѣется, ты. Ты не смѣлъ покидать ее...

— Да если *она* меня покинула? И кто васъ знаетъ: можетъ быть вы даже заранѣе сговорились съ нею; я имѣю въ свою очередь полное право ревновать къ тебѣ.

— А что-жъ, замѣтилъ политичный правовѣдъ,— вѣдь и Моничка въ своемъ родѣ весьма и весьма апетитный кусочекъ: ножка самая что ни есть миніатюрная, а cou-de-pied высочайшій. Умомъ она также перещеголяла Наденьку: отпускаетъ такіе каламбуры и экивоки...

— Такъ она тебѣ нравится?

— Да какъ же не нравиться...

— Такъ вотъ что: по старой дружбѣ я готовъ принесть тебѣ жертву: помѣняемся нашими предметами; ты возьми себѣ Моничку, я возьму Наденьку.

— Нѣтъ, къ чему? отвѣчалъ въ томъ же шутливомъ тонѣ правовѣдъ;—я жертвъ не принимаю. Но послушай, другъ мой, продолжалъ онъ серьезнѣе:—опять-таки повторяю: ты слишкомъ волочишься за Наденькой; когда я,

по милости ея кузины, убѣжалъ отъ нея, ты также не смѣлъ оставаться съ нею: этого требовала уже деликатность.

— Какую ты дичь городишь, душа моя! Есть ли въ этомъ хоть крошка логики: ты побѣжалъ спасаться— бѣги, значитъ, и я. Да не хочу! мнѣ пріятно подъ дождемъ. А кто-жъ виноватъ, что и Наденькѣ случайно нравится стоять подъ дождемъ?

— Такъ ты долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, держаться отъ нея въ сторонѣ.

— Какое тутъ держаться въ сторонѣ! Едва только сошлись мы съ нею подъ деревомъ, какъ подоспѣли Змѣинъ съ Лизой; вчетверомъ и отправились далѣе. Самъ ты знаешь, какъ неразлучны тѣ двое. На мою долю оставалась, значитъ, одна Наденька, на ея долю—одинъ я. Да что-жъ я отдаю тебѣ еще отчетъ! очень нужно.

— Но ты вѣроятно наговорилъ ей кучу комплиментовъ: за чаемъ она просто-таки увивалась около тебя.

— А знаешь, почему?

— Ну?

— Потому, что это она подсунула мнѣ тѣхъ тараканов, что надѣлали столько шуму. Въ благодарность, что я не выдалъ ея, она и полюбезничала со мной.

— Что она подсунула тебѣ таракановъ, доказываетъ только, что она обращаетъ на тебя вниманіе, и я самъ былъ бы очень доволенъ...

— Еслибъ и тебѣ ихъ подсунули? Что-жъ, я, пожалуй, скажу ей.

— Нѣтъ, перестань острить. Но въ томъ-то и дѣло, что онане только обращаетъ на тебя вниманіе, а явно благоволитъ къ тебѣ...

— Ты находишь?

— Cela saute aux yeux.

— Это меня радуетъ: и она мнѣ сильно нравится.

Куницынъ высвободилъ руку изъ-подъ руки пріятеля.

— Это еще что за новости! Она тебѣ не смѣетъ нравиться!

— Ха, ха, ха! не смѣши. Развѣ можно кому воспретить восхищаться чѣмъ бы то ни было? Еслибъ она была твоей женой, то и тогда я имѣлъ бы полное право находить ее милой, любезной, прекрасной. А теперь подавно. Знаешь, я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе: давай ухаживать за нею по очереди—ты сего дня, я завтра, ты послѣ-завтра, и т. д.; въ нѣсколько дней окажется, на чьей сторонѣ перевѣсъ; тогда др угой отступится добровольно. По рукамъ, что ли?

— Вотъ выдумалъ! какъ бы ни такъ. Она уже по уговору моя, значитъ—и толковать нечего.

— Такъ слушай, милый мой. Ты самъ согласенъ, что я нравлюсь ей болѣе твоего?

— Н-да.

— Къ чему же тогда нашъ уговоръ? Ты ей будешь только надоѣдать...

— Да ужъ она по контракту моя, а всякіе контракты должны чтиться свято.

— Что ты за пустяки говоришь. Для чего заключаются контракты? для какой же нибудь цѣли?

— Ну да.

— А если цѣль ими не достигается? Тогда они распадаются сами собой.

— Это все парадоксы, софизмы!

— Ни то, ни другое, а строгая логика. Такъ, стало

быть, и знай, что нашъ контрактъ для меня уже не существуетъ, и я впередъ не намѣренъ избѣгать Наденьку.

— Ты серьезно это говоришь?

— Еще какъ: съ сжатыми губами, съ сдвинутыми бровями; въ темнотѣ тебѣ только не видно.

— Въ такомъ случаѣ... До сегоднишняго дня я считалъ тебя человѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ; теперь принужденъ измѣнить свое мнѣніе!

— Ты позволяешь себѣ личности; но ты разгоряченъ, и на сей разъ я не взыскиваю. Сегодня намъ, видно, не сойтись, такъ лучше—разойтись. До свиденціи.

Онъ протянулъ оскорбленному руку. Тотъ не взялъ ея и, пробормотавъ:—Ладно же! отошелъ поспѣшными шагами.

Весело посвистывая, Ластовъ побрелъ слѣдомъ. Не доходя до отели, увидѣлъ онъ сквозь окружающую темь особу въ кринолинѣ, слѣдовательно, женскаго пола, прислонившуюся спиной къ оградѣ. Онъ хотѣлъ пройдти мимо.

— Herr Lastow, послышался тоненькій-голосокъ таинственной особы.

Молодой человѣкъ остановился.

— Никакъ вы, Мари?

— Я-съ...

Говорящая подошла къ нему на полшага, и при помощи слабаго свѣта, падавшаго изъ ближнихъ оконъ, онъ различилъ черты молодой горничной.

— Простите меня, господинъ Ластовъ, начала она;— но я, право, не такъ виновата, какъ вы, можетъ, думаете...

— Виноваты? въ чемъ это? Я васъ не понимаю.

— Да вотъ я насчетъ таракановъ...

— Ба! такъ это вы имѣли любезность препроводить ихъ мнѣ въ карманъ?

— Простите, ради Бога! Я вѣдь не отъ себя, а по неотступной просьбѣ младшей Липецкой...

— Великодушно прощаю! отвѣчалъ, смѣясь, Ластовъ и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ обнять ее.

Къ удивленію его, дѣвушка не тронулась съ мѣста, а только прошептала:

— Ахъ! увидятъ...

— Темно, никто не увидитъ, успокоилъ онъ ее и уже смѣло обнялъ и поцѣловалъ ее.

Пылая и трепеща, какъ осиновый листъ, она съ любовью прижалась къ нему.

— Милая моя, ненаглядная! шепталъ онъ, цѣлуя ее и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы.

Робко отвѣчала она его ласкамъ.

— Такъ вы меня немножко любите?

— Много, вотъ сколько! отвѣчалъ онъ, распростирая въ обѣ стороны руки.

— Но я простая, вы—баринъ... вы не можете любить меня искренно, какъ слѣдуетъ... за что же вамъ и любить меня?

— Какъ за что? такую-то милую, добрую? Вѣдь ты не случайно встрѣтила меня, ты нарочно обождала меня?

— Да-съ; но я хотѣла только попросить у васъ извиненія за таракановъ; я не знала, что вы такой неудержимый...

И стыдливо припала она къ нему. Онъ съ нѣжностью погладилъ ее по разгоряченной молодой щекѣ. Въ верхушкахъ деревъ зашелестилъ вѣтерокъ. Дѣвушка переполошилась.

— Ахъ, кто-то идетъ! Прощай, мой милый, безцѣнный!

Она исчезла въ темнотѣ. Простоявъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный, на одномъ мѣстѣ, Ластовъ невѣрными шагами направился къ отели. Тихо поднялся онъ по лѣстницѣ и вошелъ въ свой номеръ. Змѣинъ, съ книжкою въ рукахъ, лежалъ уже въ постели.

— Ты откуда? встрѣтилъ онъ товарища, когда тотъ, бросивъ на столъ трость и шляпу, опустился, тяжело дыша, на диванъ.—Красный, какъ изъ бани; вѣрно плясали или въ горѣлки играли?

— Да, то есть нѣтъ...

Но Змѣинъ, не обождавъ отвѣта, углубился уже въ свою книгу.

XV.

Естественноисторическія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ.

Сама судьба, казалось, взяла Куницына подъ свое крылышко, ибо на слѣдующій же день доставила ему благовидный предлогъ къ открытому антагонизму съ его болѣе счастливымъ соперникомъ.

Около полудня нѣсколько гостей пансіона *R.*, въ томъ числѣ и наши русскіе, предприняли, по обыкновенію, маленькую прогулку сообща. На этотъ разъ конечною точкою странствія былъ избранъ Гольдсвиль—небольшой холмикъ, также съ развалиной на вершинѣ, съ которой имѣется живописный кругозоръ на интерлакенскую долину.

Ластовъ, желая задобрить разревновавшагося правовѣда, даже непоздоровавшагося съ нимъ поутру, занялся было

Моничкой, но та безъ околичностей отослала его къ Наденькѣ, а къ себѣ подозвала Куницына.

— Вчера при такой же прогулкѣ вы занимали Наденьку; à présent il n'est plus que juste de changer les rôles.

Что могъ отвѣтить на это благовоспитанный молодой человѣкъ? Разумѣется, ему оставалось лишь увѣрить, что онъ нимало не скучалъ и почитаетъ за великую честь оказываемое ему барышней предпочтеніе.

Достигнувъ Гольдсвиля, общество, какъ рѣзвое стадо дикихъ козъ, принялось въ разсыпную взбираться на лѣсистую вершину холма.

— Паладинъ мой, за мной! крикнула своему кавалеру Наденька и, приподнявъ край платья, побѣжала вверхъ по самому крутому мѣсту ската. Когда паладинъ поровнялся съ нею, она слегка смутилась.

— Вы, Левъ Ильичъ, не удивляйтесь титулу, которымъ я васъ осчастливила; но каждая изъ насъ имѣетъ своего адъютанта: Лиза—Александра Александровича, Моничка—Куницына, я—васъ.

— И я офиціально могу называть себя вашимъ паладиномъ?

— Нѣтъ, къ чему... Достаточно, если вы знаете это про себя, чтобы тѣмъ усерднѣе прислуживаться.

— Но всячески вы обязаны теперь дать мнѣ въ удостовѣреніе моего званія вещественный знакъ.

— Какой это?

— Сорвать цвѣтокъ и вдѣть мнѣ его въ петличку.

— Видите, какой вы ненасытный! Протянула вамъ палецъ—такъ подай и всю руку. Когда вы окажетесь паладиномъ въ полномъ смыслѣ слова—un chevalier sans

peur et sans reproche, тогда, быть можетъ... Вы какъ долго остаетесь здѣсь, въ Интерлакенѣ?

— Недѣлю, я думаю, еще пробуду.

— Ну, значитъ, есть время, когда испытать ваше паладинство... А! вотъ и тѣнь; какъ славно!

Молодые люди добрались до опушки лѣска и, вступивъ въ его прохладную сѣнь, должны были наклоняться и отбиваться руками отъ густыхъ вѣтвей, заграждавшихъ имъ дорогу. Сквозь золотистыя, солнечныя верхушки кротко синѣло безоблачное небо. Въ одиночномъ солнечномъ лучѣ, пробившемся сквозь густую листву и стоявшемъ свѣтлой полосою въ воздухѣ, роились весело мошки. Кругомъ разливался свѣжій, смолистый запахъ.

Наденька остановилась. Вдыхая полною грудью душистую прохладу чащи, она взглядомъ знатока окинула окружающую зелень, игравшую въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ зеленаго цвѣта, отъ золотистаго гумигута до темнѣйшаго индиго. Тутъ замѣтила она на стволѣ стройной березки раковину, плотно присосавшуюся къ бѣлой корѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, посмотрите: улитка. Для чего она взобралась сюда?

— Дневное пропитаніе добываетъ. Въ настоящую минуту она предается, послѣ тяжкихъ трудовъ, полуденной сіестѣ. Подъ своимъ известковымъ щитикомъ она, какъ страусъ, запрятавшій голову въ песокъ, воображаетъ себя въ полной безопасности.

— И лежитъ вѣроятно свернувшись, какъ младенецъ въ люлькѣ, подхватила Наденька:—крошечные глазенки закрыты... Ахъ, Левъ Ильичъ, какъ бы это подсмотрѣть ее?

— Нѣтъ ничего проще: дотроньтесь до щитика; какъ выглянетъ—вы ее и цапъ-царапъ.

— А! вотъ вы какіе. А если укуситъ?

Ластовъ расхохотался.

— Развѣ младенцы кусаются? у нихъ нѣтъ зубовъ.

Наденька вооружилась смѣлостью и прикоснулась пальцемъ до верхушки раковины; потомъ въ страхѣ отдернула руку.

— А ну, все-же укуситъ?

— А увѣряли, что не трусиха. Позвольте, я покажу вамъ, какъ обходиться съ этимъ народомъ.

Онъ отодралъ раковину отъ кожи дерева; слизень, пуская пузырки, ретировался во внутренность своего каменнаго жилища.

— Доброй ночи, сударыня! засмѣялась дѣвушка.—А вы, Левъ Ильичъ, говорили, что выглянетъ?

— Погодите немножко; дайте ей оправиться отъ перваго волненія—непремѣнно выглянетъ. Любопытство свойственно и этимъ крошкамъ: успокоившись, она захочетъ познакомиться ближе съ невѣдомою силой, оторвавшею ее отъ родной почвы.

— Такъ мы вотъ какъ устроимъ, сказала Наденька, садясь въ траву и раскладывая передъ собою платокъ.—Вотъ такъ, положите ее сюда...

Ластовъ, опустившись на колѣни противъ гимназистки, помѣстилъ раковину на средину платка.

Улитка не дала ждать себя: соскучившись въ крайнемъ углу своей узкой кельи, она, къ немалому удовольствію Наденьки, стала пятиться назадъ.

— Смотрите, смотрите, лѣзетъ... говорила дѣвушка

шёпотомъ, точно опасаясь испугать слизня;— почти совсѣмъ высунулась. Дохнуть на нее?

— Дохните.

Наденька наклонилась надъ слизнемъ и осторожно подула на него. Животное перестало вылѣзать.

— Что-жъ остановились, m-lle, испужались?

— Нѣтъ, она нѣжится въ вашемъ дыханіи.

— Полно вамъ глупости говорить. Дайте-ка какой-нибудь стебелекъ. Merci. Пощекотать ее...

Кончикомъ поданнаго ей стебля, гимназистка дотронулась до бѣлой, слизистой спинки животнаго. Уколотое довольно чувствительно, оно, пуская пузыри, опять юркнуло въ глубину своего домика.

— Ахъ, бѣдная! сострадательно воскликнула барышня.—Что, если я уколола ее до смерти? вѣдь шкурка у нея такая нѣжная...

— Нѣтъ, это народъ живучій; только испугали не на шутку: молюски нервозны.

Наденька принялась опять дышать на раковину:

—Молюскъ, молюскъ, выставь рожки,
Я дамъ тебѣ на пирожки.

Видите, какой послушный; должно быть, пирожка захотѣлось.

Слизень, дѣйствительно, высунулся до половины и, выставивъ впередъ свои четыре острые рожка, началъ осторожно ощупывать ими около себя воздухъ. Убѣдившись, что врага, настращавшаго его, нѣтъ уже по близости, онъ рѣшился окончательно выползти изъ убѣжища.

— Послушайте, начала Наденька:—это у нихъ въ

самомъ дѣлѣ роги, какъ напримѣръ, у коровъ, или что другое?

— Нѣтъ, не роги. Два верхніе рожка—глаза; видите: черныя точки на кончикахъ? это зрачки.

— Да улитки должны быть очень близоруки: эта даже насъ не видитъ.

— Да, глаза у нихъ не столько для зрѣнія, какъ для типа.

— Для типа?

— Да, какъ очень многое въ природѣ, какъ, напримѣръ, клыки у людей. Млекопитающіе характеризуются вообще тѣмъ, что имѣютъ зубы всѣхъ трехъ родовъ: коренные, рѣзцы и клыки; мы—млекопитающіе, ну, и намъ даны клыки. Употреблять же ихъ въ дѣло намъ никогда не приходится, потому-что клыкъ—зубъ хищный, служащій для удержанія добычи, а когда же мы ловимъ добычу зубами?

— А, можетъ быть, клыки даны намъ для красоты? Представьте себѣ, что у насъ отняли бы клыки—на ихъ мѣстѣ осталось бы пустое пространство?

Натуралистъ улыбнулся.

— Если даже вырвать зубъ, то пустое мѣсто понемножку заростаетъ. Слѣдовательно, красота не нарушается.

— И то правда. Такъ верхніе рожки у улитки, говорите вы, клыки?

Ластовъ разсмѣялся.

— Глаза.

— Ахъ, да. Ну, а нижніе?

— Это щупальцы, которыми она, какъ слѣпецъ палкою, рекогносцируетъ окрестность. Они у нея необычайно чувствительны; чуть, видите, дотронется случайно до

платка, какъ, точно обжогшись, втягиваетъ ихъ опять въ себя.

Наденька не отвѣчала: все вниманіе ея сосредоточилось на искусныхъ эволюціяхъ слизня. Необезпокоиваемый болѣе своими зрителями, онъ почти всѣмъ корпусомъ выкарабкался изъ раковины, повернулся брюшкомъ къ землѣ, потянулъ себѣ домикъ на средину спинки и поползъ по платку, верхними рожками поводя въ воздухѣ, нижними ощупывая почву, на которую собирался ступить. Раковина, какъ паланкинъ на хребтѣ слона, мѣрно колыхалась на немъ вправо и влѣво.

— Еслибы и мы могли носить свои дома на себѣ, шутливо замѣтила Наденька:—всегда былъ бы случай укрыться отъ опасности...

Она и не подозрѣвала, какую глубокую истину высказывала этими словами, какъ ей самой въ эту минуту было необходимо убѣжище. Юный поэтъ глядѣлъ на нее такими восхищенными глазами... Да и какъ было не залюбоваться! Отъ наклоненнаго положенія тѣла, кровь поднялась въ голову дѣвушкѣ и разлила по всему лицу ея свѣтлое сіяніе; ожиданіемъ полураскрытыя, свѣжія губки показывали блестящій рядъ перламутровъ; темносиніе глаза свѣтились изъ-подъ длинныхъ иглъ рѣсницъ дѣтскимъ любопытствомъ, дѣтскою невинностью; широкополая шляпка, небрежно насаженная на остриженные въ кружокъ, пышные кудри, эфектно оттѣняла верхнюю половину лица; одинъ рѣзвый локонъ, своевольно отдѣлившійся отъ толпы товарищей, равномѣрно колыхался въ воздухѣ, тихонько ударяясь всякій разъ о цвѣтущую рдѣющую щеку...

Жаръ и трепетъ пробѣжали по жиламъ юноши, въ глазахъ у него зарябило.

— Какъ вы хороши! воскликнулъ онъ, жадною рукою обвивая станъ дѣвушки и съ горячностью цѣлуя ее.

Наденька отчаянно вскрикнула, отбросилась назадъ и въ тотъ же мигъ была на ногахъ. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ ея уже не было, и только легкій шелестъ вѣтвей говорилъ, въ какую сторону она скрылась.

«Такъ-то творятся глупости! разсуждалъ самъ съ собою поэтъ, мрачно насупивъ брови и не двигаясь съ мѣста;—ну, къ чему, къ чему было это дѣлать? Сидитъ она противъ тебя такъ спокойно, такъ довѣрчиво, и вдругъ ты, ни съ того, ни съ сего, точно бѣлены объѣвшись... Тьфу ты пропасть! непростительно глупо!»

Разсуждая такъ, онъ, очевидно, не обдумалъ, что по его, натуралистической теоріи, всякое дѣйствіе простительно, ибо не въ волѣ человѣка, и если онъ, Ластовъ, повинуясь обстоятельствамъ, сдѣлалъ глупость, то глупость простительную.

Стряхнувъ слизня съ его раковиной съ забытаго Наденькою платка и спрятавъ послѣдній въ карманъ, герой нашъ, для ободренія себя, заломилъ на бекрень шляпу и, безпечно насвистывая лихую студентскую пѣсню, вышелъ изъ опушки. Но когда онъ сталъ подходить къ обществу, расположившемуся на скатѣ, подъ руиной, и глянулъ въ нѣсколько лицъ, озиравшихъ его подозрительными, чуть не недружелюбными взглядами, свистъ невольно замеръ на губахъ его.

Дѣло въ томъ, что когда Наденька выскочила изъ лѣска, то тутъ же бросилась къ сестрѣ, обвила ее руками и, прошептавъ что-то, залилась слезами.

Подбѣжала Моничка.

— Что съ нею?

— Такъ, пустяки, отвѣчала Лиза:—онъ поцѣловалъ ее.

— Кто? Куницынъ?

— Какой Куницынъ! Ластовъ.

Гладя плачущую по головкѣ, экс-студентка старалась утѣшить ее.

— Изъ чего же тутъ убиваться, глупенькая? Ну, поцѣловалъ—большая бѣда! Что такое поцѣлуй? Прикосновеніе губъ—не болѣе.

Но аргументъ сестры не успокоилъ гимназистки; слезы ея потекли даже будто обильнѣе.

Подошли другіе, пошли разспросы. Ни Лиза, ни Моничка не выдали настоящей причины горя плачущей, но всѣ и безъ того догадывались, что тутъ замѣшанъ какъ-нибудь молодой поэтъ, съ которымъ, какъ замѣтили они, дѣвушка вошла въ чащу. Веселое настроеніе общества разстроилось. Броннъ тщетно расточалъ свои доморощенныя остроты—разговоръ не клеился. Собрались домой.

По обѣ стороны героини дня шли Лиза и Моничка. Послѣдняя, для вящшаго успокоенія кузины, изливалась цѣлымъ потокомъ обвиненій на «необтесаннаго университанта».

— Еслибы ему au moins позволили, заключила она;—а то самъ, безъ спроса!

Непосредственно за дѣвицами шелъ правовѣдъ. Изъ рѣчей ихъ подхватилъ онъ нѣсколько крохъ и, тонкимъ чутьемъ обуяннаго ревностью сердца, безъ дальнѣйшихъ объясненій, смекнулъ въ чемъ дѣло. Молніеносные взгляды, съ которыми онъ оборачивался на шедшаго сзади

соперника, краснорѣчиво свидѣтельствовали о вулканѣ, клокотавшемъ въ груди его.

Арьергардъ шествія составляли наши натуралисты, рѣчь которыхъ вращалась около той же тэмы.

— Только-то? говорилъ Змѣинъ.—А я думалъ невѣсть что.

— Да развѣ этого мало? Дѣвушка дѣвушкѣ рознь, милый мой. Вотъ хоть Мари, что убираетъ нашу комнату,—прехорошенькая, да и преблагонравная, а цѣлуется такъ, что любо.

— Вотъ какъ! ты испыталъ?

— Д-да... Но тутъ мнѣ и передъ собою стыдно, и за Наденьку обидно... Слезы ея такъ вотъ и жгутъ, такъ и душатъ меня.

— Это отъ созвучія: она льетъ слезы, а его онѣ душатъ!

— Нѣтъ, не шутя, мнѣ страшно досадно за нее. Можетъ же человѣкъ при всемъ хладнокровіи дѣлать такія несообразности!

— За-то что за тэма для элегіи, продолжалъ подтрунивать матеріалистъ.—Счастливый вы, ей-Богу, народъ, сочинители: изъ всякой напасти извлекаете прибыль. Вотъ тебѣ и начало:

«О, слезы женщины любимой!»

или

«О, слезы дѣвы дорогой!»

смотря по климату, какая потребуется риѳма.

— Остри, братъ, остри! Элегію-то я вѣроятно напишу, кстати воспользуюсь даже однимъ изъ предлагаемыхъ

тобою стиховъ; но повѣрь мнѣ: будь ты на моемъ мѣстѣ—самого бы вѣдь стала грызть совѣсть!

— Не думаю; угрызеній совѣсти вообще никогда не слѣдуетъ имѣть, потому-что во всемъ виноваты обстоятельства, не мы. Что же до тебя, то ты вовсе не испортилъ своего дѣла, напротивъ, даже подвинулъ его: поцѣлуй—лучшій посредникъ между влюбленными.

— Да кто же влюбленъ!

— Оба вы влюблены. Ты жаждалъ любви и вотъ нашелъ источникъ для утоленія своей жажды. Что Наденька по уши втюрилась въ тебя...

— Тс! пожалуйста, не такъ громко.

— Что она влюблена въ тебя, явствуетъ изъ всего ея обращенія съ тобой. Стала бы она такъ безутѣшно плакать, еслибы человѣкъ, обидѣвшій ее, по ея мнѣнію, такъ кровно, не былъ ей дорогъ? Маленькій дисонансъ, вкравшійся въ ваше сердечное созвучіе, дастъ тѣмъ рельефнѣе выказаться послѣдующей гармоніи. Насильно похитивъ у нея поцѣлуй, ты какъ-бы далъ ей этимъ право и на себя; погляди-ка, какъ она теперь сама станетъ бѣгать за тобою.

— Не вѣрится что-то.

— Смѣло вѣрь. Гдѣ дождь, тамъ и вёдро. Не разразись надъ вами этой грозы, вы, пожалуй, скоро прискучили бы другъ другу; теперь атмосфера опять очистилась до поры до времени, и благодушничанья могутъ возобновиться. Если солнышка не видать покуда, то только потому, что оно кокетливо за облачкомъ прячется.

XVI.

Перчатка брошена.

Подложивъ себѣ подъ ухо, вмѣсто изголовья, руку, Змѣинъ отдыхалъ, послѣ сытнаго пансіонскаго обѣда, на своемъ диванѣ. Теплый солнечный воздухъ, мягкими волнами вливавшійся изъ сада въ открытыя окна, располагалъ къ лѣни и нѣгѣ. На полу около дивана лежали недорѣзанная книга и орѣховый ножъ. Но молодому матеріалисту не суждено было на этотъ разъ воспользоваться послѣобѣденнымъ покоемъ: въ коридорѣ раздались быстрые шаги, дверь съ шумомъ растворилась и вбѣжалъ Куницынъ. Окинувъ комнату быстрымъ взоромъ, онъ приблизился къ отдыхавшему и тронулъ его за плечо. Змѣинъ открылъ глаза и вопросительно уставился на неожиданнаго гостя.

— Прошу извиненія, если помѣшалъ вамъ, началъ тотъ;—но дѣло спѣшное, нетерпящее отлагательствъ.

Змѣинъ оперся на локоть.

— Пожаръ?

— Не пожаръ, но...

— Такъ померъ кто скоропостижно?

— И то нѣтъ...

— Такъ что же? Не хотите ли присѣсть? стулья у насъ, какъ видите, имѣются.

— Благодарю-съ, не до того. Чтобы обратиться прямо къ дѣлу: я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ быть моимъ секундантомъ?

Змѣинъ съ непритворнымъ удивленіемъ вымѣрилъ го-

ворящаго: не шутитъ ли онъ; но темная туча, облегавшая чело правовѣда, увѣрила его въ противномъ.

— Я—секундантомъ? это два понятія несовмѣстныя.

— А я разсчитывалъ именно на васъ.

— Бываютъ же фантазіи! Если вамъ уже такъ приспичило драться, то отчего бы вамъ не обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ Ластову?

— Да съ нимъ-то я и дерусь.

— Гм, да; драться и быть въ то же время секундантомъ противника—дѣйствительно, не совсѣмъ-то удобно. Но почему бы вамъ не пригласить одного изъ здѣшнихъ нѣмцевъ—они всѣ заклятые любители дуэльныхъ упражненій. Чего лучше Броннъ, дерптскій студіозусъ?

— Благодарю покорно! я съ этой нѣмчурой не знаюсь. Такъ я могу разсчитывать на васъ, m-r Змѣинъ?

— Чего для васъ не сдѣлаешь! Не знаю только, чѣмъ я заслужилъ такое предпочтеніе съ вашей стороны: кажется, не давалъ къ тому ни малѣйшаго повода. Нельзя ли однако узнать, изъ-за чего у васъ началось съ нимъ дѣло?

— Дѣло еще не начиналось; я только собираюсь вызвать господина Ластова.

— Да за что же? Не спроста же такъ, здорово живешь?

— Это до васъ не касается; это мое дѣло.

— Какой вы шутникъ. Послѣ этого вы, пожалуй, и противника вашего не посвятите въ тайну вашей ненависти: «Дерись, молъ, да и кончено, осерчалъ да и все тутъ, а ужъ за что, про что—узнаетъ могила одна.»

— Вы, m-r Змѣинъ, будто не знаете, что милый другъ вашъ позволилъ себѣ съ младшей Липецкой?

— Знаю—поцѣловалъ ее. И отлично сдѣлалъ: она премиленькая дѣвочка.

— Вы нарочно не хотите понять меня! Пусть бы онъ цѣловалъ ее, еслибы имѣлъ на то право; а то вѣдь мы заключили контрактъ—помните, на Гисбахѣ...

— Оно конечно! Зачѣмъ же вы не заключили вашего контракта по установленной формѣ, на бумагѣ соотвѣтственнаго достоинства? Сами виноваты: кому же, какъ не правовѣду, знать чиновныя кляузы?

— Да и съ общечеловѣческой точки зрѣнія такой поступокъ былъ въ высшей степени неделикатенъ, негуманенъ, когда со стороны дѣвицы не было дано къ тому ни малѣйшаго повода.

— А почемъ вы знаете? Да она уже тѣмъ виновата, что такъ мила. Губки у нея свѣжія, полныя, такъ и просятся на поцѣлуи—вотъ вамъ и поводъ. Признайтесь-ка откровенно, любезнѣйшій, что вамъ только до смерти завидно, что вы не первый догадались поцѣловать такую душку? Да-съ, что дѣлать, опоздали. Теперь она уже такъ скоро не поддастся.

Куницынъ скосилъ презрительно губы.

— Остро, необыкновенно остро! Итакъ, позвольте же наконецъ узнать, могу я разсчитывать на васъ, или нѣтъ, согласны вы быть моимъ секундантомъ?

— Итакъ, согласенъ; то есть согласенъ *быть* имъ, но не *буду* имъ.

— Какъ понимать ваши слова? опять остроумничаете.

— Я хочу только сказать, что при всемъ желаніи съ моей стороны, мнѣ не придется быть вашимъ секундантомъ, потому-что Ластовъ на столько все-таки разсуди-

теленъ, что не станетъ рисковать жизнью изъ-за такихъ пустяковъ.

— Ну, такъ я найду себя принужденнымъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ!

— Другими словами: «Двоимъ намъ тѣсно на сей планетѣ—или онъ, или я! А не хочетъ драться, такъ заколю изъ-за угла.» Такъ, что ли?

— Если угодно, такъ.

— Ни чуть не угодно! Закадычнаго моего друга собираются зарѣзать изъ-за угла, и чтобы мнѣ это было угодно? Нѣтъ, ужъ лучше драться; тамъ хоть шансы равны. Но вамъ, я думаю, все равно, теперь ли я схожу за нимъ, или немного погодя?

— А что?

— Да такъ, соснулъ бы маленько.

— Вамъ сонъ дороже чести вашего ближняго!

— Да вѣдь драться Ластовъ не будетъ; такъ раньше, позже ли, не драться...

— М-г Змѣинъ! вы, какъ я вижу, изволите смѣяться надо мною; это можетъ обойтись вамъ дорого!

— Ой-ой, не замайте! зѣвнулъ Змѣинъ, поднимаясь съ дивана.—Я не зналъ, что вы такъ кровожадны. Сію секунду несусь на крыльяхъ мести. Позволите ли вы мнѣ хоть одѣться?

— Одѣньтесь, угрюмо проворчалъ правовѣдъ, отходя къ окну.

— Гдѣ бы найти его? говорилъ, облачаясь, Змѣинъ.

— Онъ, кажется, отправился по алеѣ, съ тетрадью подъ мышкой.

— А, да—съ альбомомъ. Хотѣлъ срисовать Интерлакенъ съ того берега Ааръ. Ну-съ, скажите-ка на про-

щанье: не жаль вамъ посягать на жизнь юноши во цвѣтѣ лѣтъ, подающаго великія надежды, котораго сами вы еще такъ недавно считали своимъ лучшимъ пріятелемъ?

— Увольте пожалуйста отъ вашихъ нравоучительныхъ сентенцій, m-r Змѣинъ. Вы, надѣюсь, взялись серьезно исполнить мою просьбу?

— Еще бы! нарочно надѣлъ башмаки, сюртукъ...

— Такъ до свиданья. Теперь три четверти четвертаго, прибавилъ онъ, справляясь съ часами:—ровно черезъ часъ, въ три четверти пятаго, я захожу опять сюда.

— Можете. Для вящшаго удостовѣренія преступника въ серьезности вашихъ намѣреній, не дадите ли вы мнѣ съ собою перчатки?

Не удостоивая вопрошающаго отвѣта, Куницынъ съ достоинствомъ вышелъ изъ комнаты.

Виновника предстоящаго кровопролитія Змѣинъ отыскалъ дѣйствительно на той сторонѣ Ааръ, лежащимъ подъ тѣнистымъ деревомъ и рисующимъ въ альбомъ женскую головку. Полюбовавшись нѣкоторое время черезъ плечо пріятеля рождающимся произведеніемъ, принимавшимъ все болѣе и болѣе знакомыя черты, Змѣинъ промолвилъ:

— Недурно.

Живописецъ вздрогнулъ и рукавомъ накрылъ рисунокъ.

— А! это ты?

— Какъ видишь. Ты Интерлакенъ срисовываешь?

Легкій румянецъ окрасилъ щёки Ластова.

— Такъ, отъ нечего дѣлать...

— Что-жъ, очень можетъ быть, что весь Интерлакенъ слился для тебя въ одну эту личность. Знаешь, вѣдь я къ тебѣ съ уморительнымъ предложеніемъ.

— Да?

— Все этотъ шутъ гороховый, Куницынъ. Вообрази... да ну, отгадай для смѣха, съ чѣмъ онъ прислалъ меня къ тебѣ? Ни за что не угадаешь.

— Вѣроятно, съ вызовомъ?

— Какъ это ты догадался? И вѣдь что всего милѣе— меня прочить себѣ въ секунданты! а? что-жъ ты не помираешь со смѣху?

— Я этого ожидалъ: онъ сильно влюбленъ и вспыльчиваго темперамента. Передай ему, что я принимаю его вызовъ.

— Левъ Ильичъ, поэтъ, что съ тобой? не для новой ли ужъ элегіи? Дуэль уже сама по себѣ нелѣпость, а тутъ и причины порядочной нѣтъ.

— Причины-то нѣтъ, но есть цѣль: пустить себѣ кровь. По крайней мѣрѣ я не нахожусь въ необходимости обращаться за этимъ къ цирюльнику: тотъ, пожалуй, пустилъ бы ея слишкомъ много; здѣсь количество ея въ моихъ рукахъ.

— Другими словами, ты хочешь дать себя ранить?

— Именно. Кровь все въ голову кидается, какъ разъ еще ударъ приключится. Да хочется и нѣкоторую боль ощутить—хоть этимъ способомъ наказать себя.

— Это въ подраженіе средневѣковымъ монахамъ, истязавшимъ свое тѣло? Что-жъ, вольному воля. Ты дерешься, конечно, на холодномъ оружіи?

— Конечно. Изъ-за одного поцѣлуя жертвовать собою не приходится! прибавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Ну, и изъ-за нѣсколькихъ бы не стоило. А если правовѣдъ будетъ настаивать на пистолетахъ?

— Онъ не имѣетъ на это права; я вызванный и

имѣю потому выборъ оружія. Притомъ замѣть: я дерусь не на рапирахъ, а на эспадронахъ—оно безопаснѣе.

— Ну, за это хвалю. Въ секунданты себѣ ты, вѣроятно, возьмешь Бронна?

— Да, а то кого же? Сейчасъ отыщемъ его.

Удалый корпорентъ, котораго друзья нашли въ пивной, за кружкой пѣнистаго мюнхенскаго, былъ видимо тронутъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

— За что спасибо, такъ спасибо! Позводьте угостить васъ за то пивцомъ. Kellner, noch ein Paar Schoppen! Пускаясь въ дальнія странствія, я съ баснословнымъ сокрушеніемъ сердца оставлялъ родныя поля брани, плохо надѣясь на свою счастливую звѣзду; но Провидѣніе, видно, сжалилось, пославъ мнѣ васъ. Съ кѣмъ же, господинъ Ластовъ, у васъ дѣло?

— Съ Куницынымъ.

— Съ фертикомъ-то этимъ? Браво! Надѣюсь, вы поддержите нашего брата-студента? Я на него, признаться, золъ: онъ какъ-то назвалъ мою корпоративную шапку арлекинскимъ колпакомъ—я потребовалъ объясненія; онъ извинился незнаніемъ моего студентскаго званія, ибо никогда, говоритъ, не видалъ еще такихъ баснословно-пестрыхъ шапокъ; но говорилъ онъ это съ такой улыбочкой, что не могло быть сомнѣнія, что онъ подтруниваетъ. Я махнулъ рукой: что связываться со всякою швалью! Но теперь я полагаюсь на васъ, господинъ Ластовъ: вы отомстите за меня?

— Извольте.

— Благодарю васъ. А секундантъ фертика кто?

— Вотъ—Змѣинъ.

— Чудесно. Своя, значитъ, компанія.

Онъ отвелъ поэта въ сторону.

— Вы, конечно, на пистолетахъ?

— Нѣтъ, на эспадронахъ.

— Что вы! Ну, хоть на рапирахъ?

— Нѣтъ, я на эспадронахъ дерусь лучше, и потому выбралъ ихъ.

— Ничего съ вами не подѣлаешь. Извиненія просить вы, разумѣется, не намѣрены?

— Нѣтъ.

— А во сколько ударовъ вы полагаете назначить стычку? Конечно, не менѣе, какъ въ 7?

— Мнѣ все равно. Я уполномочиваю васъ въ этомъ отношеніи устроить дѣло по благоусмотрѣнію.

— Ужъ положитесь на меня: выторгую наибольшее число. Теперь оставьте насъ однихъ съ секундантомъ вашего противника: надо сговориться съ нимъ на счетъ мѣста и времени поединка.

— Да развѣ мнѣ нельзя быть при томъ?

— Положительно нельзя; какъ это вы, пробывъ четыре года въ университетѣ, не знаете даже этого? Можете, впрочемъ, допить свою кружку.

Ластовъ воспользовался послѣднимъ совѣтомъ и затѣмъ вышелъ.

— Итакъ, началъ Бронинъ, садясь противъ Змѣина,— первымъ дѣломъ позвольте предложить вамъ вопросъ: не раздумалъ ли вашъ дуэлянтъ драться?

Александръ улыбнулся.

— Еслибъ онъ раздумалъ, я такъ бы и объявилъ Ластову и васъ вовсе не потребовалось бы. Поэтому вопросъ вашъ, по крайнему моему разумѣнію, совершенно лишній.

— Все своимъ чередомъ, сударь мой, все своимъ чередомъ; безъ формальностей нельзя.

— Почему же нельзя?

— Потому, что онѣ—основной букетъ дуэли.

— Для меня это слишкомъ высоко. Ну, да все равно, давайте по пунктамъ. Вопросъ теперь вѣроятно за мной?

Корпорентъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія.

— Хотѣлъ бы я знать, чему васъ учатъ въ петербургскомъ университетѣ? Вы должны спросить меня: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Хорошо-съ: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Да не то! Съ какой стати вашему дуэлянту, обиженному, просить извиненія у обидчика?

— А! значитъ, наоборотъ: не рѣшился ли вашъ дуэлянтъ просить извиненія у моего? Но опять-таки, къ чему этотъ вопросъ! Я и безъ того знаю, что Ластовъ не намѣренъ просить извиненія. Да и еслибъ хотѣлъ— вы думаете, Куницынъ удовлетворился бы? «Извини, молъ, что поцѣловалъ красотку, до которой ни тебѣ, ни мнѣ равно дѣла нѣтъ; никогда не буду.»

— А! такъ вотъ причина ихъ ссоры; въ этомъ случаѣ Ластову, конечно, не приходится просить извиненія. Теперь новая статья: Ластовъ, какъ вызванный, имѣетъ выборъ оружія, и выборъ его палъ на эспадроны. Надѣюсь, что дуэлянтъ вашъ не можетъ имѣть ничего противъ этого?

— Если Ластову предоставленъ выборъ, то что же может имѣть противъ его выбора противникъ? По моему, опять лишній вопросъ.

Броннъ, нѣсколько задѣтый насмѣшливымъ тономъ

собесѣдника, насупилъ брови, однако воздержался отъ прямыхъ знаковъ неудовольствія.

— Теперь о числѣ ударовъ, сказалъ онъ.—Я думаю, какъ искони принято, положить штукъ 7.

— Къ чему такую кучу? одного болѣе чѣмъ достаточно.

— Помилуйте! видано, слыхано ли, чтобы люди дрались на одинъ ударъ? Эдакъ насъ всякій осмѣетъ.

— Осмѣетъ-то осмѣетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но осмѣетъ не за малое число ударовъ, а за самые удары, то есть за дуэль. Ну, да чтобы живѣе покончить, накинемъ еще одинъ: пусть будетъ 2 и дѣло съ концомъ.

— И я сбавлю маленько, сказалъ корпорентъ;—хоть 7 ударовъ и самое законное число, но такъ-какъ вы человѣкъ такой несговорчивый, то надо уступить: порѣшимъ на 6-ти—по 3 на брата.

— По одному, я думаю, совершенно достаточно.

— А если одинъ изъ нихъ будетъ побитъ оба раза?

— Тѣмъ хуже для него: значитъ, дерется слабѣе противника; неужели и въ третій разъ подставлять спину?

— Нѣтъ, какъ хотите, перебилъ Броннъ,—а 2 удара—скандалъ; совѣстно и секундантомъ быть. Куда ни шло—5.

— Мы какъ торговки на рынкѣ, сказалъ Змѣинъ;—развѣ ужъ еще прибавить? Богъ любитъ троицу.

— Ну, да еще одинъ? 4? тогда уступка будетъ одинакова съ каждой стороны.

Змѣинъ махнулъ рукой.

— Будь по вашему!

— Насилу-то поладили! вздохнулъ изъ глубины души удалый корпорентъ и сдѣлалъ глубокій глотокъ изъ стоявшей передъ нимъ кружки.—Теперь о мѣстѣ стычки.

— Проще всего, предложилъ Змѣинъ,—устроить дѣло

на дому, въ нашей комнатѣ: недалече по крайней мѣрѣ ходить.

— Нѣтъ, противъ этого я положительно протестую. Во-первыхъ, въ комнатѣ тѣсно и низко, а потомъ—что за дуэль въ четырехъ стѣнахъ? Поединокъ долженъ происходить гдѣ-нибудь въ баснословной просѣкѣ, тѣнистой, душистой; хоть бы за Ругеномъ.

— Можно и за Ругеномъ. Только бы насъ не накрыли? Вѣдь и здѣсь подобныя шалости запрещены.

— На счетъ этого будьте покойны, отыщу такое мѣсто, куда никто не заглянетъ. А въ которомъ часу быть дѣлу?

— Да этакъ послѣ кофею...

— Не поздно ли будетъ? Тогда уже много гуляющихъ.

— По мнѣ, хоть въ 4, въ 5.

— Вотъ это такъ; возьмемъ же среднее: въ половинѣ 5-го. Еще одинъ пунктъ: сколько взять съ собою пива?

— Это для отпразднованія примиренья?

— Нѣтъ, настоящее примиренье совершится уже дома, со всѣмъ комфортомъ. Но надо же подкрѣпляться и въ антрактахъ?

— Справедливо. Возьмите по парѣ бутылокъ на брата, всего, значитъ, 8.

— 10, хотите вы сказать?

— Какъ 10?

— А посредника вы и забыли?

— Да къ чему же намъ посредникъ?

— Какъ къ чему? Я, положимъ, буду увѣрять, что вашъ дуэлянтъ раненъ; вы будете настаивать, что не раненъ; вотъ тутъ-то и нуженъ посредникъ.

— Да раненъ или нѣтъ—я всегда буду согласенъ, что раненъ.

— Э, такъ вы вотъ какъ! Теперь я настоятельно требую, чтобы былъ посредникъ.

— А гдѣ вы возьмете его?

— И точно, гдѣ его взять?...

Бронинъ погрузился въ размышленія надъ этимъ первостатейнымъ вопросомъ.

— Блестящая мысль, сказалъ Змѣинъ:—отчего бы не пригласить нашего же брата-студента?

— Кого это?

— Да старшую Липецкую.

Насмѣшливая улыбка появилась на губахъ корпорента.

— Я и забылъ, что у васъ есть студентки. Да сильна ли она по части пива?

— А развѣ это такъ необходимо? Къ тому же она лечится сыворотками, а такимъ больнымъ воспрещаются всякіе спиртуозные напитки.

— Ради этого, пожалуй, можно сдѣлать исключеніе. Не возьмете ли вы на себя труда переговорить съ нею? Остальныя хлопоты я въ такомъ случаѣ возьму на себя.

— Bene. Но теперь и я съ своей стороны намѣренъ возбудить вопросъ: не взять ли съ собою доктора?

— Богъ съ вами! Къ чему безъ надобности замѣшивать постороннихъ? Въ случаѣ чего я самъ съумѣю перевязать; невпервой.

— А экипажъ?

— Ну, тотъ, пожалуй, еще можно взять: кстати куда уложить пиво.

— А я запасусь квадратною саженью англійскаго пластыря и наличнымъ количествомъ носовыхъ платковъ. Но гдѣ вы возьмете эспадроны?

— Гдѣ-нибудь да выкопаю. Пойду сейчасъ отыскивать, прибавилъ онъ, вставая и бросая на столъ должныя за пиво деньги.—До свиданья.

— Смотрите, чтобъ были потупѣе.

— Напротивъ, чѣмъ будутъ они острѣе, тѣмъ легче потечетъ кровь.

— И то правда. Кланяйтесь же и благодарите.

Змѣинъ пошелъ отыскивать экс-студентку. Нечего, конечно, прибавлять, что та приняла его предложеніе—быть посредницей—какъ нѣчто подобающее, вполнѣ естественное.

XVII.

И грянулъ бой!

На слѣдующее утро, ясное, солнечное, еще до половины пятаго, всѣ прикосновенные къ предстоящему поединку собрались уже въ столовой пансіона. На вопросъ прислуживавшей имъ служанки: куда господа поднялись такъ рано? былъ согласный отвѣтъ:

— In's Grüne.

Передъ окнами дожидались четырехмѣстныя дрожки. Броннъ вынесъ и уложилъ въ нихъ съ осторожностью какую-то длинную вещь, завернутую въ плэдъ; затѣмъ не менѣе заботливо помѣстилъ на днѣ экипажа объемистую корзину, изъ которой лукаво выглядывала группа бутылочныхъ горлышекъ.

Укрѣпившись на скорую руку кофеемъ, поднялись въ путь. Въ экипажъ сѣлъ одинъ Броннъ, для охраненія уложенныхъ въ немъ сокровищъ. Остальные слѣдовали пѣшкомъ. Купицынъ не выспался и потому былъ мраченъ и молчаливъ; впрочемъ, не съ кѣмъ было и говорить ему. Лиза и натуралисты болтали какъ ни въ чемъ не

бывало, такъ-что никто изъ встрѣчавшихся имъ экскурсіантовъ не могъ въ нихъ заподозрить траурную процесію къ лобному мѣсту.

За малымъ Ругеномъ, на краю опушки, дрожки остановились. Выскочивъ изъ нихъ, Броннъ велѣлъ кучеру обождать, передалъ Змѣину плэдъ съ завернутыми въ него таинственными вещами, самъ завладѣлъ завѣтною корзиною и, ставъ во главѣ процесіи, углубился въ чащу. Вскорѣ открылась передъ ними небольшая лужайка, замкнутая кругомъ высокими деревьями. Солнце обливало свѣжую мураву своимъ полнымъ свѣтомъ и играло тамъ и сямъ въ невысохшихъ брызгахъ утренней росы. Изъ чащи вѣяло прохладой и сыростью.

Секунданты развернули плэды, и обнаружились четыре блестящихъ лезвія.

— Сюртуки долой! скомандовалъ Броннъ.

— Въ ихъ-то присутствіи? указалъ Куницынъ на Лизу.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, замѣтила та; — я не такъ мелочна, чтобы показывать наивный видъ, будто не знаю, что мужчины являются на свѣтъ не въ платьяхъ, и боюсь, что, скинувъ ихъ, они сдерутъ съ себя живьемъ кожу.

— А въ такомъ случаѣ я съ моимъ удовольствіемъ, сказалъ правовѣдъ, слѣдуя примѣру противника, который уже сбросилъ съ себя верхнее платье.—Я забылъ, что вы матеріалистка.

Секунданты вымѣривали между тѣмъ длину оружій.

— Приблизительно одного калибра, сказалъ корпорентъ.—Выбирайте, господа.

Противники взяли по эспадрону, секунданты также.

— Брр, какой морозъ, замѣтилъ Ластовъ, становясь

въ позицію. — Хорошо еще, что я въ однихъ рукавахъ, а то можно было бы подумать, что трушу.

Презрительная улыбка пробѣжала по лицу Куницына; но, воздерживаясь отъ всякаго замѣчанія, онъ поправилъ только въ глазу стеклышко.

— Что же, господа, спросила Лиза,—такъ въ шляпахъ вы и деретесь?

— Оно практичнѣе, отвѣчалъ поэтъ:—солнце не мѣшаетъ, да и тумаки по головѣ не будутъ такъ ощутительны. Одно условіе, милый мой, обратился онъ къ противнику:—тебѣ, конечно, также не особенно желательно быть обезображеннымъ; такъ я предлагаю, не бить въ лице. Хочешь?

Правовѣдъ опять усмѣхнулся:

— Жаль вамъ своей смазливой рожицы? Пожалуй, такъ и быть, не трону.

— Я вовсе не нуждаюсь въ твоемъ великодушіи, холодно отвѣчалъ Ластовъ.—Кому изъ насъ двоихъ, тебѣ или мнѣ, дороже его смазливая рожа—подлежитъ еще сомнѣнію; разница между нами только та, что я откровеннѣе тебя и высказалъ обоюдную задушевную мысль. Впрочемъ, если хочешь, я отсѣку тебѣ носъ; что я дерусь недурно, подтвердитъ тебѣ Змѣинъ.

— Да вѣдь я же говорю вамъ, что не имѣю ничего противъ вашего предложенія. Вы хотите только выиграть время.

— Ни мало. Я къ твоимъ услугамъ.

Оружія враговъ скрестились. Секунданты стали каждый за своимъ дуэлянтомъ, готовые предупредить вооруженною рукою всякій «незаконный» ударъ противной стороны.

Посредница въ ожиданіи предстоящаго зрѣлища, расположилась на ближнемъ древесномъ пнѣ.

— Los! скомандовалъ корпорентъ.

Куницынъ быстро отдѣлилъ эспадронъ отъ непріятельскаго лезвія и ударилъ приму. Ластовъ спокойно и ловко отвелъ ударъ. Правовѣдъ замахнулся квартой—и та была отбита. Посыпался еще рядъ меткихъ ударовъ, отпарированныхъ съ тѣмъ же искуствомъ. Куницынъ заносится опять квартой; Ластовъ парируетъ намѣренно слабо, вражеское лезвіе соскальзываетъ къ нему на грудь—и на бѣлоснѣжной рубашкѣ его, ровно по срединѣ груди, выступаетъ явственная красная полоска. Раненый отскакиваетъ два шага назадъ и опускаетъ оружіе:

— Es sitzt!

— Это вы, какъ секундантъ побѣдителя, должны были закричать: «Es sitzt!» наставительно замѣчаетъ Змѣину корпорентъ.

— На слѣдующій разъ не премину. Но теперь не до того: гдѣ у насъ пластырь?

Правовѣдъ, подобно другимъ, хлопоталъ около своего побѣжденнаго противника.

— Я надѣюсь, что ты не опасно раненъ? спрашивалъ онъ заботливо, съ великодушіемъ побѣдителя.

— По крайней мѣрѣ не смертельно, отвѣчалъ съ улыбкою побѣжденный, пожимая ему съ теплотою руку.— Однако, чёртъ побери, кусается! прибавилъ онъ, разстегивая запонку рубашки и распахивая грудь.

Лиза даже ахнула: поперегъ груди зіяла довольно широкая рана длиною вершка въ два; кровь ручьемъ бѣжала изъ нея. Бронинъ выхватилъ свертокъ пластыря и ножницы изъ рукъ Змѣина и началъ вымѣривать рану.

— Отойдите, господа, дѣло мастера боится. Вотъ еслибъ вы, сударыня, достали водицы, чтобъ обмыть рану; тамъ, въ корзинѣ, между пивными бутылками, припасена одна и съ водой.

Дѣвушка поспѣшила исполнить порученіе.

Змѣинъ между тѣмъ отвелъ своего дуэлянта въ сторону.

— Не покончить ли на этомъ? Забава, какъ оказывается, не совсѣмъ безопасная. Кровожадность ваша утолена, цѣль достигнута—was willst du, mein Liebchen, noch mehr?

Правовѣдъ прищурился.

— Вы это отъ себя, или по порученію господина Ластова?

— Нѣтъ, отъ себя. Къ чему лишнюю кровь проливать? Еще пригодится. Вѣдь можетъ же на бѣду случиться, что на слѣдующій разъ будете ранены вы?

Куницынъ призадумался.

— Такъ и быть!

Онъ направился къ перевязочному пункту. Тамъ молодой операторъ, наклеивая пластырь на рану поэта, задавалъ послѣднему серьезную распеканцію.

— Экая рана, подумаешь! Баснословно! Признайтесь-ка откровенно, что послѣдняя ваша парада была скандалезна, изъ рукъ вонъ плоха?

— Чистосердечно каюсь! весело отвѣчалъ паціентъ.— Лизавета Николавна, сдѣлайте одолженіе, налейте-ка мнѣ vom edlen Gerstensaft; потеря крови ослабила меня.

— Вы дѣйствительно блѣднѣе обыкновеннаго, сказала посредница, наклоняясь къ завѣтной корзинѣ, исполнить желаніе раненаго.

— Что вы? не давайте! остановилъ ее Броннъ:— недостоинъ. Вы, государь мой, кажется, забываете, что обѣщались посвятить одну стычку и мнѣ.

— Вотъ слѣдующую дерусь за васъ. Только сами посудите, какъ же драться хорошенько, когда вы отказываете даже въ крѣпительномъ напиткѣ Гамбринуса?

— Ну, Господь съ вами. Сударыня, налейте ему Шопéна. Такъ смотрите-жъ, не ударьте въ грязь лицемъ.

— Если тебѣ уже очень не по душѣ, небрежно обратился къ поэту подошедшій въ это время Куницынъ,—то пожалуй перестанемъ; я не настаиваю непремѣнно на продолженіи rencontre'а.

Ластовъ взглянулъ на своего секунданта и покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ, не могу. Долгъ платежомъ красенъ.

— Что я вамъ говорилъ? отнесся къ правовѣду Змѣинъ:—еще рьянѣе васъ. Но я все-таки не понимаю тебя, Ластовъ? Самъ же говорилъ вчера...

— Тò вчера; теперь я связанъ кружкою баварскаго. Повремените, господа: расклеился, такъ не сейчасъ и склеить. Wird's bald, Herr Leib-und Magenflicker?

— 's ist schon, отвѣчалъ хирургъ, окончательно нажимая платкомъ края пластыря.

Лиза подала обоимъ по шопену пѣнистаго пива.

— Александръ Александровичъ, желаете?

— Позвольте.

Куницынъ отказался. Трое университетскихъ чокнулись кружками и потомъ опорожнили ихъ разомъ.

— А! силы возвращаются, сказалъ Ластовъ;—aux armes, citoyens!

Враги и сподвижники ихъ стали опять въ позицію.

Стиснувъ съ рѣшительностью зубы, Куницынъ, не дождавшись условнаго «Los!», выпалъ убійственною секундой. Ластовъ предвидѣлъ ударъ и, отпарировавъ его съ силой, отвѣтилъ въ свою очередь легкой квартой. Правовѣдъ дрался недурно и отбилъ ее по всѣмъ правиламъ фехтовальной школы. Упало съ той и съ другой стороны еще нѣсколько ударовъ. Но въ то время, какъ правовѣдъ приходилъ все въ большій азартъ, и каждый ударъ его имѣлъ явною цѣлью чувствительно поразить противника, этотъ послѣдній отбивался играючи, словно тросточкой отъ стаи мухъ, и если самъ наносилъ иногда ударъ, то такъ легко, что Куницынъ, при всей своей горячности, могъ отпарировать его. Около пяти минутъ уже длилась битва—ни съ той, ни съ другой стороны не было ни царапины.

— Что же вы наконецъ? шепнулъ за спиною Ластова нетерпѣливый голосъ.— Вы забываете, что деретесь за меня.

— Смотрите же, отвѣчалъ тотъ. — Это за моего секунданта!

И, привскочивъ на аршинъ отъ земли, онъ ударилъ сильнѣйшую приму черезъ голову и затылокъ противника. Шляпа упала съ головы правовѣда, и гибкое непріятельское лезвіе со свистомъ проѣхалось по его спинѣ.

— Ай! невольно вскрикнулъ онъ, поднося къ губамъ лѣвую руку. Онъ держалъ ее, впродолженіе всего боя, какъ слѣдуетъ, за спиною, и эспадронъ Ластова, хлыснувъ его по спинѣ, изборіздилъ и ладонь этой руки его.

— Das sitzt! поспѣшилъ возгласить Змѣинъ, чтобы загладить прежнюю оплошность.

— Опять невпопадъ! укорилъ дерптецъ:—теперь вашъ же дуэлянтъ раненъ, а вы, вмѣсто того, чтобы отстаивать его, говорить, что это пустяки, что нѣтъ никакой раны, первые же кричите: «Es sitzt!»

Закусивъ отъ боли и негодованія губу, правовѣдъ обвертывалъ платкомъ пораженную руку.

— Да покажите же, баснословный вы господинъ, сказалъ Броннъ:—можетъ быть, лучше наложить кусочекъ пластырю.

Правовѣдъ распуталъ повязку и показалъ ладонь. Поперегъ ея, отъ одного конца до другого, тянулся легкій шрамъ, изъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступали крупныя капли крови.

— Вишь, тоже красная, замѣтилъ иронически корпорентъ:—я всегда слышалъ, что у аристократовъ синяя. Господинъ Змѣинъ, потрудитесь залѣпить эту бездѣлицу. Вы секундантъ, а не заботитесь о благосостояніи своего дуэлянта.

— Не забочусь? отвѣчалъ съ важностью Змѣинъ.— Вы думаете, это у него единственная рана? Herr von Kunizin, Advocat aus St.-Petersburg, извольте показать спину.—Онъ повернулъ правовѣда около оси.—Нѣтъ, что-то не видать; должно быть, одинъ синякъ, рубашка цѣла. А я такъ и думалъ, что распадетесь пополамъ—такъ звонко свистнуло.

— Пожалуйста, приберегите ваши остроты для другихъ, отвѣчалъ съ раздраженіемъ Куницынъ.

— Ну, батенька, удружили! говорилъ корпорентъ, ударяя по плечу поэта.—Никогда, ей-ей, ничего подобнаго не видывалъ. Это вѣдь вы за меня? ха, ха! молодчина! Теперь выпивайте хоть весь запасъ пива—не осер-

чаю. Знаете, мнѣ хотѣлось бы выпить съ вами брудершафтъ? давайте, а?

— Съ удовольствіемъ. Лизавета Николавна, позвольте-ка намъ еще по шопену.

Лиза подала имъ по бутылкѣ.

— Можете и такъ. Не думала я, что низойду на степень маркитантки!

Продѣвъ руки, какъ должно, одну подъ другую, молодые люди выпили каждый свою бутылку и поцѣловались потомъ три раза.

— Важно! прицмокнулъ Броннъ.—Теперь, значитъ, на *ты*? Какъ-то баснословно-отрадно, знаешь: есть около тебя братская душа.

— До свадьбы заживетъ, говорилъ Змѣинъ, окончивъ операцію бинтованія руки правовѣда.—Теперь, я надѣюсь, вы удовлетворены? Можно, наконецъ, домой.

—Менѣе, чѣмъ когда-либо... отвѣчалъ мрачно и отрывисто Куницынъ, котораго видимо подмывала мысль о понесенномъ имъ унизительномъ пораженіи.

— Не перестать ли намъ? предложилъ и подошедшій въ это время Ластовъ.—Я съ своей стороны не имѣю уже большой охоты драться.

— А! струсили; теперь поздно. Была честь предложена—отказались; узнайте же, что̀ значитъ шутить со мной! Назначено четыре coups, было всего два, слѣдовательно, я имѣю полное право требовать отъ васъ продолженія дуэли. Берите шпагу и не тратьте лишнихъ словъ.

— Какъ знаете, отвѣчалъ Ластовъ, поднимая съ земли эспадронъ.

И бой возобновился. Но эта стычка прекратилась еще скорѣе предъидущихъ.

— Вамъ жаль своей физіономіи, такъ вотъ же вамъ! вскричалъ разгоряченный правовѣдъ и, замахнувшись квартой, тутъ же перемѣнилъ направленіе оружія въ секунду, чтобы, обманувъ такимъ образомъ противника, нанести ему полный ударъ въ щеку. Поэтъ вспылилъ и отбилъ злонамѣренный ударъ со всей энергіей. Но парада его была такъ сильна, что эспадронъ Куницына отлетѣлъ далеко въ сторону, а лезвіе вражескаго оружія, неудержимаго въ своемъ стремленіи, вонзилось въ его распростертую руку, нѣсколько выше кисти. Кровь бойкимъ фонтаномъ забила изъ свѣжей раны.

— Das sitzt! рѣшилъ Броннъ и бросился за водой и пластыремъ.

Всѣ столпились вкругъ пораженнаго, и Лиза поспѣшила обвернуть ему руку собственной косынкой.

— Кажется, артерію захватило, замѣтила она съ видомъ знатока.

— Извини, голубчикъ Куницынъ, пожалуйста не сердись, умолялъ перепуганный Ластовъ;—право, невзначай.

Раненый хотѣлъ что-то отвѣтить, но вдругъ закрылъ глаза, опустилъ голову и пошатнулся: съ нимъ сдѣлалось дурно. Его схватили подъ руки. Возвратившійся съ необходимыми врачебными средствами корпорентъ вылилъ ему на голову полбутылки воды, и когда больной очнулся, то принялся за необходимыя омовенія и заклеиванія, перевязалъ ему руку нѣсколькими платками и накинувъ ему на плеча плэдъ (по случаю забинтованныхъ рукъ нельзя было надѣть на него верхнее платье), рѣшилъ:

— Домой.

Никто уже не возражалъ. Ластовъ хотѣлъ было повесть своего врага-инвалида подъ руку, но тотъ высвободился и отвернулся.

— Оставьте... Мы съ вами еще раздѣлаемся...

— Оставь его на мое попеченіе, другъ Leo Leonis, сказалъ Броннъ;—лучше пособилъ бы господину Змѣину подобрать воинскія принадлежности. Вотъ, если г-жа студентка не откажется отвесть его со мною къ дрожкамъ...

— Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ же, я и самъ... проговорилъ правовѣдъ, оправляясь, но тутъ же опять пошатнулся, такъ-что спутники должны были его поддержать. Онъ съ горечью улыбнулся.—Нѣтъ, что-то не того... нейдетъ... Я чувствую, что дѣло плохо... У меня, Лизавета Николавна, есть къ вамъ послѣдняя просьба: еслибъ я не пережилъ своей раны, то скажите вашей сестрицѣ, чтобы принесла цвѣтовъ на мою могилу.

Лиза расхохоталась:

— Ну, вы еще не совсѣмъ безнадежны; потеря крови настроила васъ элегично.

— Напрасно вы его утѣшаете, вздохнулъ Броннъ;—дѣла уже не поправить: дома ждетъ насъ баснословный завтракъ въ честь примиренія, а господину Куницыну въ настоящемъ его положеніи едва ли можно выпить основательно. Нѣтъ, сударь, я отъ души соболѣзную о васъ.

Пока Ластовъ одѣвался, Змѣинъ завернулъ въ пледъ эспадроны и подобралъ пустыя бутылки и кружки, разбросанныя по полю битвы; Ластовъ перекинулъ черезъ плечо платья Куницына, и они отправились за другими.

— Ты напоминаешь мнѣ лошадь въ баснѣ, замѣтилъ Змѣинъ:—гордый, статный конь потѣшался надъ уродомъ

осломъ. Когда же съ осла содрали шкуру, то надменнаго же коня накрыли ею.

Ластовъ, занятый серьезными мыслями, не отвѣчалъ.

— Что если я его ранилъ опасно? проговорилъ онъ.

— Едва ли. Обморокъ сдѣлался съ нимъ по слабой натурѣ. Но я очень доволенъ, что онъ наказанъ: не рой другимъ ямы; зачѣмъ не удовольствовался первымъ дебютомъ.

XVIII.

Судьба улыбается Моничкѣ.

Случай съ Куницынымъ не произвелъ въ пансіонѣ *R.* никакого шума. Лица, участвовавшія въ вышеописанной маленькой драмѣ, понятнымъ образомъ, объ ней умолчали; по отрывочнымъ же даннымъ, никто не хотѣлъ, да и не думалъ доискиваться до истины.

Когда около 8-го часу пансіонеры, сидѣвшіе въ столовой за утреннимъ кофеемъ, завидѣли въ окошко медленно подъѣзжающія дрожки и съ трудомъ вылѣзающаго оттуда, завернутаго въ плэдъ правовѣда, кто-то изъ нихъ обратился къ входящему въ это время Змѣину съ вопросомъ:

— Что, скажите, съ вашимъ соотечественникомъ?

— Да такъ, ушибся маленько, объяснилъ Змѣинъ.

— Гдѣ-жъ это? упалъ, что ли?

— Н-да. Собирались мы, видите, спозаранку на Ругенъ, со всевозможнымъ провіантомъ, чтобы позавтракать въ зелени. Были съ нами барышни, а барышни, сами знаете, какой народъ: какъ забьютъ себѣ что въ голову, никакой палкой не вышибишь. Захотѣлось же одной изъ нихъ во что бы то ни стало понюхать цвѣточекъ, который росъ

какъ разъ надъ обрывомъ: достань ей его да достань, чудно, должно быть, пахнетъ. Ну-съ, соотечественникъ-то нашъ, воплощенная рыцарская натура, и пойди доставать. Какъ нагнулся—земля подъ нимъ тарарахъ! и совершилъ кувырколѣніе.

— Скажите! И больно расшибся?

— Да, кажется, есть-таки. Особенно пострадалъ руками, потому-что брякнулся на четвереньки.

— А цвѣтокъ-то что же? вмѣшалась наивная нѣмочка.

— На счетъ него можете быть спокойны: хотя и слетѣлъ также внизъ, но остался цѣлъ и невредимъ и доставленъ по принадлежности.

— Doch die Katze, die Katz' ist gerettet!

весело подхватилъ входившій въ это время Броннъ.

— Вотъ молодость! замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, сухой старичокъ.—Впередъ поостережется. И со мною, признаться, случился въ юности подобный же пасажъ...

И обществу волей-неволей пришлось выслушать «подобный же пасажъ». Тѣмъ и кончились толки о Куницынѣ.

Врачъ, призванный къ больному, осмотрѣлъ его руку, успѣвшую уже порядкомъ опухнуть, чуть замѣтно улыбнулся на объясненіе: что «занозился, молъ, объ острый камень», и прописалъ ледяныя примочки.

— На молчаливость мою вы можете положиться, отозвался онъ, лукаво прищурясь на просьбу больного говорить о его случаѣ какъ можно менѣе: — кому какое дѣло, къ какому разряду минеральнаго царства принадлежитъ злополучный камень, о который вы занозились: у всякаго смертнаго свои камни преткновенія.

И надо отдать честь прозорливому сыну Эскулапа: онъ свято сдержалъ свое обѣщаніе, хотя, быть можетъ, тому содѣйствовало и немаловажное повышеніе завизитной платы.

Если мы сказали, что никто изъ постороннихъ въ пансіонѣ *R.* лицъ не извѣстился объ истинномъ ходѣ дѣла, то не выразили этимъ, что вообще никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не узналъ о поединкѣ; было еще два не совсѣмъ посторонніа лица: Моничка и Наденька, которыя вскорѣ также сдѣлались соучастницами въ тайнѣ. Чутье влюбленныхъ, какъ извѣстно, не менѣе тонко, какъ у лягавыхъ собакъ, и потому, какъ только передали Моничкѣ эпизодъ о паденіи правовѣда со скалы, она мигомъ смекнула, что тутъ что-то неладно, есть какая-то несообразность. Она обратилась сначала къ Лизѣ, не скрывать отъ нея ничего; когда же та повторила ей сказку Змѣина, земля загорѣлась подъ ногами бѣдной влюбленной, и, съ рѣшимостью «d'une fille complétement émancipée», она кинулась въ комнату возлюбленнаго. На стукъ ея въ дверь послышалось обычное «Herein!», и, съ самосознаніемъ вскинувъ головку, она послѣдовала призыву.

Больной полулежалъ на диванѣ, подпертый съ боковъ подушками. На полу передъ нимъ сидѣла горничная и прикладывала ледъ къ рукѣ его, распростертой на стулѣ.

— Pardon, если я вхожу къ вамъ такъ, sans façons, начала скороговоркой Моничка;—но я услышала о вашемъ несчастіи...

— Не знаю, какъ и выразить вамъ мою признательность, отвѣчалъ, приподнимаясь съ подушекъ, правовѣдъ:— вы—первая, навѣщающая меня въ моемъ isolement. Я

подалъ бы вамъ стулъ, но видите — не въ состояніи: Прометей къ скалѣ прикованный. Anna, bringen Sie doch dem Fräulein einen Stuhl.

— Nein, nein, lassen Sie sich nicht stören, предупредила барышня служанку, собиравшуюся уже исполнить приказаніе молодого человѣка.—Прислуга здѣшняя понимаетъ по-французски, такъ поневолѣ приходится говорить по-русски, продолжала она, усаживаясь противъ изголовья правовѣда.—Васъ ранили, m-r Куницынъ, ранили въ дуэли; пожалуйста не отпирайтесь, не повторяйте этой невѣроятной исторіи о паденіи d'un rocher.

— Гм, чѣмъ же она невѣроятна?

— Да всѣмъ. Во-первыхъ, съ какой стати вставать вамъ въ пять часовъ, когда ни Наденька, ни я не были de cette partie de plaisir?

— Et puis?

— Puis—вѣдь съ вами не было другихъ дамъ, какъ Лиза?

— Нѣтъ.

— Такъ вообразимо ли, что Лиза, эта отъявленная флегматка и прозаистка, прельстилась такъ на цвѣтокъ, чтобы тревожить изъ-за него другихъ? Нѣтъ, не скрытничайте, у васъ былъ rencontre, и я знаю даже, съ кѣмъ.

— Съ кѣмъ же?

— Да съ этимъ противнымъ Ластовымъ.

— Напрасно было бы, m-lle, скрывать отъ васъ истину; вы такъ проницательны...

— Ага, сознались... Анна, вы, я вижу, устали, обратилась она къ горничной по-нѣмецки:—дайте-ка, я замѣню васъ; послѣ можете воротиться.

Куницынъ съ благодарностью преклонилъ голову.

— Вы слишкомъ любезны, m-lle. Съ моей стороны было бы верхомъ безумства отказаться отъ такой чести. Anna, thun Sie, wie das Fräulein sagt.

Служанка посмотрѣла съ недоумѣніемъ поочередно на каждаго изъ нихъ, потомъ встала и, проговоривъ:— Wie Sie befehlen, сдѣлала книксъ и вышла.

Моничка присѣла на ея мѣсто и взяла въ руку кусокъ льду.

— Ah, mais c'est bien froid.

— Видите; откажитесь-ка лучше отъ роли сестры милосердія, которую взяли на себя въ порывѣ великодушія, возразилъ по-французки же правовѣдъ.

— Ахъ, нѣтъ, какъ же можно. Вамъ, я думаю, еще холоднѣе, на пылающую-то рану. Еслибъ вы знали, какъ я зла теперь на этого гадкаго университанта...

— Да вы не думаете ли, m-lle, что раненъ одинъ я? О, нѣтъ! Какъ я изрѣзалъ ему грудь!

— Да? Но это премило съ вашей стороны! Вѣдь онъ, я думаю, страшный трусъ; вѣрно, отказывался сначала драться?

—Да, то есть ни за-что не соглашался на пистолеты: на шпагахъ, говоритъ, не такъ опасно. Хе, хе!

— Ахъ, какой стыдъ! И вы же поплатились? Послѣ этого я его не только ненавижу—я его презираю! Попадается мнѣ сейчасъ на лѣстницѣ и свищетъ во всеуслышанье, какъ ни въ чемъ не бывало—точно извощикъ! мужикъ этакій... Вѣрно пойдетъ еще хвастаться передъ Наденькой, что побѣдилъ васъ; а она, дурочка, влюбленная въ него какъ курица, какъ разъ и повѣритъ! Она не въ

состоянiи постичь все благородство вашего поступка... Вѣдь вы за тотъ поцѣлуй...?

— Да...

— Ну, вотъ; а она, я увѣрена, не рѣшится даже заглянуть къ вамъ, хоть бы изъ признательности: маленькiя дѣвочки считаютъ это неприличнымъ!

Больной посмотрѣлъ на свою самаритянку искренне-благодарными глазами.

— А вы не сочли этого неприличнымъ? Знаете ли, m-lle, что вы въ нѣкоторомъ родѣ ангелъ? Позвольте поцѣловать вамъ ручку; ей-Богу, отъ чистаго сердца.

Моничка просiяла.

— Слѣдовало бы отказать; но какъ вы больны, а больнымъ не велятъ отказывать въ ихъ желанiяхъ...

И маленькая, изящная ручка была поднесена къ губамъ правовѣда; тѣ крѣпко прильнули къ ней.

— Ну, довольно, m-r Куницынъ, довольно...

А сама не отнимала ея.

— Вотъ такъ, благодарю васъ, сказалъ онъ. — Мы говорили о вашей кузинѣ. Повѣрите ли, когда я восхвалялъ ей Парижъ, она—что̀ бы вы думали? пожала плечами.

— Ну да, ребёнокъ, я вѣдь говорила—ребёнокъ; гдѣ же ей! Ахъ, m-r Куницынъ, вѣдь дивно должно быть въ Парижѣ? Какъ я завидую вамъ и всѣмъ, побывавшимъ тамъ.

— Да, недурная мѣстность, весьма и весьма изрядная; имѣете полное право завидовать. Вся атмосфера Парижа пропитана какимъ-то живительнымъ элексиромъ; вдыхая ее, замѣтно перерождаешься, дѣлаешься чѣмъ-то лучшимъ, высшимъ. Каждая малость, каждое такъ-сказать дрянцо носитъ на себѣ отпечатокъ цивилизованности. Хоть бы гарсоны въ отеляхъ. Я останавливался послѣднiй разъ

въ Луврской; такъ моего гарсона звали не Захаромъ или Никифоромъ, а Альфонсомъ! каково имячко?

— Ахъ, да, какое музыкальное. Такъ и напоминаетъ: Alphonse Karr!

— Именно. Въ своемъ франтовскомъ фракѣ, снѣжно-бѣломъ галстухѣ онъ не уступалъ въ граціи любому комъ-иль-фо, а чисто-французскій выговоръ, а выраженья... Не «papillon», а «papiyon»! прелесть! Я даже боялся заговаривать съ нимъ, долженъ былъ обдумывать каждое слово, чтобы не срѣзаться. Между тѣмъ, я, какъ вы вѣроятно замѣчаете, изъясняюсь по-французски не очень-то дурно?

— Вы говорите безподобно, упоительно, m-r Куницынъ.

— А то возьмите прачку, продолжалъ онъ,—простую прачку. Ну, что такое въ сравненьи съ нею наша доморощенная Матрена, Марья? толстая, неповоротливая! Ее и назвать-то нельзя иначе, какъ Матреной. А тутъ—стучатся къ вамъ въ дверь (уже по одному стуку вы угадываете благовоспитанную ручку), вы приглашаете: «Entrez», и влетаетъ къ вамъ легкая, какъ зефиръ, граціозная вторая Тальони. Вы недоумѣваете: кто это? въ самомъ ли дѣлѣ не болѣе какъ прачка, или одна изъ гордыхъ фей Сенъ-жерменскаго предмѣстья?

— И вѣрно кокетничали съ нею? перебила Моничка.—Фи, съ прачкой! Какъ она тамъ ни будь граціозна—все прачка.

— А, нѣтъ. Вы узнайте сначала, что̀ такое француженка-прачка, а потомъ и судите. Правда, красавицъ въ полномъ смыслѣ слова между француженками и не ищи; напримѣръ, такихъ, какъ вы, положительно нѣтъ...

— Вы льстите!

— Нѣтъ, серьезно. Но лица у нихъ всегда необыкновенно выразительны, и какой вкусъ въ нарядахъ, что за манеры...

— Ну, хорошо, оставьте въ покоѣ своихъ прачекъ и разскажите что-нибудь про самую жизнь въ Парижѣ.

— Да, что до жизни, то можно безъ преувеличенія сказать, что одни французы раскусили эту замысловатую дилемму. Прохаживаетесь вы по итальянскому бульвару, а народъ вамъ на встрѣчу—не идетъ, нѣтъ—прыгаетъ, порхаетъ, поетъ, хохочетъ. «Мы живемъ для наслажденія, читаете вы на этихъ беззаботныхъ, довольныхъ лицахъ:—бери примѣръ съ насъ, о странникъ, и будешь счастливъ!» И какъ умно они умѣли воспользоваться всѣми усовершенствованіями по части жизненнаго комфорта, чтобы превратить свой Парижъ въ восьмое чудо міра, въ настоящій сказочный замокъ Шехеразады. Это я называю цивилизаціей! Недаромъ величаютъ они себя «la grande nation». Вокругъ васъ только роскошь и блескъ, жизнь и наслажденіе. Чего стоитъ одинъ обѣдъ у *Trois Frères-Provençaux!* Насладись и умри! какъ сказалъ Прудонъ. Я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю одинъ случай... Подаютъ мнѣ тамъ бутылку вина. Не глядя на ярлыкъ, наливаю стаканъ, пробую. «Lacrymae Christi», говорю гарсону. «Точно такъ», подтверждаетъ онъ, кланяясь съ знаками уваженія. Пью еще: «48-го года», рѣшаю опять. Человѣкъ даже ахнулъ отъ удивленія: вино было дѣйствительно 48-го года.

— Скажите! изумилась Моничка.

— Можете представить, какъ я самъ-то обрадовался. Но, само собою, узнавать вино можно только въ

неиспорченномъ видѣ... Когда-то наша бѣдная Россія достигнетъ хоть тѣни всего этого!

— Ахъ, m-r Куницынъ, и не упоминайте объ ней!

— А театры? а Mabile, Closerie de Lilas, Château de fleurs?

Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.
Tant qu'on le pourra,
L'on trinquera,
Chantera,
Aimera
La fillette.
Tant qu'on le pourra, larirette,
On se damnera, larira.

Вотъ это такъ—жизнь!

— Вы, милый мой, разсказываете такъ увлекательно, что взяла бы да полетѣла туда. Что-жъ это наши сидятъ въ этой скучной Швейцаріи!

— И все это у нихъ въ колосальныхъ размѣрахъ, продолжалъ повѣствователь, довольный уже тѣмъ, что нашелъ внимательную слушательницу:—всякая бездѣлушка бьетъ въ глаза. Идете вы, примѣрно, по Пале-Роялю—въ окнахъ магазиновъ только бархатъ да золото, золото да бархатъ. Что есть у нихъ лучшаго, все на показъ. Если бы можно было, то хорошенькія продавицы и свои очаровательныя личики выкладывали бы на окна. Итакъ, говорю я, все въ колосальныхъ размѣрахъ: лежитъ, напримѣръ, груда-не-груда — цѣлая гора брелоковъ для часовъ, микроскопическихъ какихъ-нибудь биноклей, а посмотрите въ такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографію. Вотъ и у моихъ часовъ, какъ видите, привѣшана такая штучка.

— Можно взглянуть?

— Да вы, пожалуй, разсердитесь.

— Такъ что-нибудь нехорошее?

— Напротивъ, очень хорошее; а впрочемъ — какъ знаете.

Моничка отцѣпила часы отъ жилетки молодого денди и поднесла привѣшанную къ цѣночкѣ крошечную зрительную трубку къ глазу.

— Ахъ, какой вы! пролепетала она, вспыхнувъ и быстро опуская часы съ замѣчательнымъ брелокомъ.

— Ха, ха, ха! смѣялся правовѣдъ;—что же въ этомъ дурного? вѣдь и себя же вы видите иногда въ подобномъ туалетѣ. Никто не родится на свѣтъ въ платьяхъ.

Опустивъ личико, чтобы не разсмѣяться, Моничка вложила часы обратно въ жилетку ихъ владѣльца и, закусивъ губу, принялась вновь съ усердіемъ прикладывать ледъ къ рукѣ его.

— Есть, правда, одна слабость у французовъ, заговорилъ опять Куницынъ:—они не очень опрятны тамъ, гдѣ этой опрятности нельзя сразу замѣтить. Встрѣчается вамъ, напримѣръ, барыня, разодѣтая въ пухъ и въ прахъ. Вы опять недоумѣваете: прачка это или герцогиня? Но тутъ порывомъ вѣтра поднимается рукавъ ея—нѣтъ, видно не прачка, а герцогиня: вашему взору открывается рукавчикъ, давно жаждущій капитальной стирки. Но эту слабость, по моему, можно вмѣнить имъ только въ достоинство, потому-что, пренебрегая невидимыми частями своего туалета, они имѣютъ возможность тѣмъ тщательнѣе заниматься своей внѣшностью, для достиженія въ ней того совершенства, которымъ мы, русскіе, можемъ только любоваться, но до котораго намъ далеко, какъ до неба.

Такъ ораторствовалъ правовѣдъ, а Моничка благоговѣйно внимала ему, прикладывая ему съ самоотверженіемъ истинной сестры милосердія ледъ къ больной рукѣ, хотя пальчики ея, сперва покраснѣвъ, потомъ посинѣвъ, почти и окостенѣли уже отъ холода.

XIX.

Три примиренія.

Утро. Поэтъ сидитъ въ своей комнатѣ за столомъ, передъ открытымъ окошкомъ. Склонившись головою на лѣвую руку, онъ мечтательно заглядывается на снѣжную, облитую солнечными лучами Юнгфрау. Въ правой рукѣ у него перо, подъ рукою—бумага, испещренная гіероглифами, зачеркнутыми, перечеркнутыми и иногда опять возобновленными рядомъ точекъ снизу. Тутъ выведена особенно старательно, съ замысловатыми завитушками, одна какая-нибудь буква, тамъ набросанъ очеркъ человѣческой или лошадиной головы. Поэтъ бесѣдуетъ съ Музой.

— Herr Lastow... раздался за его спиною робкій голосъ.

Поэтъ не слышитъ: онъ нашелъ требуемую риѳму, склоняется надъ бумагой и, какъ-бы опасаясь, чтобы стихъ не выскользнулъ у него угремъ изъ рукъ, торопливо набрасываетъ четыре строчки. Затѣмъ, съ самодовольнымъ спокойствіемъ, перечитываетъ вполголоса написанное.

— Herr Lastow! повторилъ громче голосъ.

Ластовъ оглянулся. Въ дверяхъ стояла Мари, блѣдная, убитая. Онъ подошелъ къ ней и поднялъ ея подбородокъ.

— Что съ тобою, милая?

Она раскрыла дрожащія губы, хотѣла что-то отвѣтить и, не произнеся ни слова, отвернулась. Поэтъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа: удачно найденный стихъ развеселилъ его; ему стало жаль дѣвушки.

— Обидѣлъ тебя кто? Скажи—я накажу его.

Мари взглянула на него: въ темно-бархатныхъ глазахъ ея плавали слезы. Она силилась улыбнуться.

— Накажите же себя самого!

— А! такъ это я виноватый?

— А то кто же? Удивляетъ меня только, какъ вы и теперь не вздыхаете у ногъ своей обожаемой.

— Ты, стало быть, знаешь...?

— Что вы цѣловались съ ней? какъ не знать! Сама же мнѣ разсказала...

— Сама?

— Не знала кому повѣдать свое горе, и меня выбрала... Нашла кого!

Мари заплакала и закрылась руками.

— Перестань, душа моя. Я ее люблю, точно; но и тебя я не менѣе люблю. Сердце мое такъ обширно, что вмѣщаетъ въ себѣ васъ обѣихъ:

Du liebes, kleines Mädchen,
Komm an mein grosses Herz...

И онъ хотѣлъ обнять ее. Швейцарка высвободилась.

— Оставьте... Вамъ бы все надсмѣхаться...

— Ни чуть, дорогая моя, я серьезнѣе, чѣмъ когда-либо. Дѣло очень простое: я жаждалъ любви; боги послали мнѣ разомъ и тебя и ее: виноватъ ли я въ такой благодати? И къ тебѣ, и къ ней мое сердце возгорѣлось чистою страстью, и въ обществѣ которой изъ васъ я нахо-

жуесь, та въ тотъ мигъ мнѣ и дороже. Теперь я, напримѣръ, весь твой...

И онъ снова обнялъ ее: Она уже не противилась.

— Да развѣ можно любить двухъ разомъ? прошептала она только.

— Какъ видишь. Собственно говоря, люблю я всегда только одну: теперь, когда я съ тобою, я и думаю только о тебѣ.

Du-Du liegst mir am Herzen,
Du-Du liegst mir im Sinn,
Du-Du machst mir viel Schmerzen,
Weisst nicht, wie gut ich Dir bin. *)

Ну, засмѣйся!

Мари сквозь слезы улыбнулась.

— Ну, еще на грошъ!

Мари засмѣялась.

— Вотъ такъ. Теперь, для полнаго мира, поцѣлуемся.

Она дала поцѣловать себя. Называя ее всевозможными нѣжными именами, молодой человѣкъ усадилъ ее на диванъ; потомъ сталъ передъ нею на колѣни. Лучъ радости освѣтилъ блѣдныя черты дѣвушки.

— Такъ вы меня еще немножко любите? Вы теперь не думаете объ ней? Вы... ты теперь мой, весь мой?

— Твой, милая...

— Ты мой, мой?...

Обѣими руками обхватила она его голову и сжала ее такъ крѣпко, что Ластовъ даже вскрикнулъ.

---

*) Ты-ты въ моемъ сердцѣ едина,
Ты-ты лишь одна на умѣ,
Ты-ты моихъ мукъ лишь причина,
Не знаешь, какъ люба ты мнѣ.

— А! то-то же! Видишь, какъ я люблю тебя. Знаешь, съ какого времени ты полюбился мнѣ?

— Съ какого?

— Съ перваго же дня. Помнишь, ты расписался въ книгѣ: «Naturfuscher», и когда я спросила: что-жъ это такое? ты объяснилъ мнѣ, что срываешь всѣ хорошенькіе цвѣточки... «Ужъ не сорветъ ли и меня?» мелькнуло у меня въ умѣ.

— Ишь, какая! засмѣялся молодой человѣкъ.—Такъ ты знаешь, что ты хорошенькая?

— Да вѣдь самъ же ты, милый мой, увѣрялъ меня въ томъ? былъ наивный отвѣтъ.—И могъ ли ты, такой умный, такой красавецъ, полюбить некрасивую?

— Аргументъ неопровержимый!

— Вотъ ты и говоришь мнѣ: «Берегитесь, моя милая, чтобъ и васъ не постигла та же участь.» Я, разумѣется, покраснѣла; а ты нагнулся надъ чемоданомъ и говоришь: «Не краснѣйте: я не буду больше смотрѣть.» Такой шутникъ! Тутъ у меня и дрогнуло сердечко, точно что кольнуло, такъ и хотѣлось броситься къ тебѣ. «Какой онъ интересный! подумала я и взглянула на тебя:—да и что за милашка!» Душка ты мой, душонокъ!

Она наклонилась къ нему и, какъ дитя, обвила его шею руками.

— А помнишь, какъ ты спрашивалъ меня, нравится ли мнѣ Вертеръ? Я очень разсердилась, когда ты назвалъ его плаксой; вѣдь въ тебѣ я видѣла своего Вертера; ты былъ такой блѣдный, красивый, да такой милый... Какъ же мнѣ было не сердиться, когда ты бранилъ самого себя?

— Бѣдная моя! вздохнулъ поэтъ.

— Я бѣдная? нѣтъ, сударь мой, я богатѣйшая, ухъ, какая богатая: ты вѣдь мой!

Она прижала его къ себѣ со всѣмъ жаромъ молодой, несдержанной страсти.

— Ахъ, я и забыла, зачѣмъ пришла къ тебѣ! спохватилась она вдругъ и залилась свѣтлымъ смѣхомъ:—этотъ Advocat aus St.-Petersburg хочетъ видѣть тебя.

— Куницынъ?

— Да, зайти просилъ. Совсѣмъ изъ головы вонъ. А все ты, мой голубчикъ! Ну, прощай, до свиданья.

Она порхнула къ двери.

— Развѣ такъ прощаются? спросилъ съ шутливымъ укоромъ Ластовъ.

Дѣвушка вернулась къ нему:

— Ненасытный!—и, звонко поцѣловавъ его, скрылась изъ комнаты.

Какъ бы удивилась она, еслибъ увидѣла облако, осѣнившее тотчасъ по ея уходѣ чело возлюбленнаго; но удивленіе это перешло бы въ ужасъ, еслибъ она заглянула въ его душу: тамъ прочла бы она неумолимое рѣшеніе: «Полно шалить-то! Покончить поскорѣе: помириться съ Куницынымъ, съ Наденькой—и куда глаза глядятъ.»

Правовѣдъ принялъ своего недавняго врага вполнѣ дружелюбно.

— Спасибо, что зашелъ, началъ онъ;—я подалъ бы тебѣ руку, да видишь—не могимъ.

Обѣ руки у него были еще забинтованы.

— Ничего, мы и такъ, отвѣчалъ Ластовъ, пожимая съ осторожностью кончики пальцевъ правой руки больного, выглядывавшіе изъ-подъ перевязи.

— Я, Ластовъ, разсудилъ, что намъ собственно не

изъ-за чего враждовать, и потому полагалъ бы дуэль нашу считать оконченною, хотя и остается еще одинъ coup. Какъ ты думаешь?

— Совершенно съ тобою согласенъ. Но что возвысило такъ барометръ? Не являлась ли къ тебѣ Наденька съ увѣреніями въ вѣчной любви?

Куницынъ безпокойно повернулся на диванѣ.

— Нѣтъ, Наденьки-то не было... Хотя, правду сказать, ей бы и ничего не значило заглянуть разокъ: рискуютъ изъ-за нея жизнью, нѣкоторымъ образомъ кровь проливаютъ, какъ выразился капитанъ Копейкинъ, а она себѣ и въ усъ не дуетъ.

— Не дуетъ, потому-что...

— Не имѣетъ усовъ? сострилъ правовѣдъ.

— Нѣтъ; можетъ быть, она ничего и не знаетъ...

— О дуэли-то? Сказалъ, братъ! Что бы изъ-за дѣвушки дрались, и она объ этомъ не знала? Моничка же догадалась; а если Наденька не такъ сметлива, то кузина не утерпитъ передать ей... Да что мнѣ, впрочемъ, въ Наденькѣ? Она, какъ я тебѣ когда-то говорилъ, незрѣлый крыжовникъ; теперь же я убѣдился, что она крыжовникъ до того незрѣлый, что очень легко схватить холеру. Нѣтъ, покорно благодаримъ-съ!

— Слава Богу, вздохнулъ Ластовъ:—разошлись наконецъ во вкусахъ. Кто же произвелъ эту благопріятную перемѣну? Не Саломонида ли?

— Да еслибъ и Саломонида? Тебя, кажется, очень забавляетъ это имя? Оно въ самомъ дѣлѣ некрасиво. Но Моничка, по моей просьбѣ, рѣшилась измѣнить его и называться впередъ Семирамидой.

— Гм...

— Что гм? Да, милый мой, промахнулись мы съ тобою не понимаю, гдѣ у насъ были глаза! Вѣдь это такой кладъ...

— Кто? Моничка, то есть Мирочка?

— Да, Мирочка, да. Еслибъ ты видѣлъ, какъ она печется обо мнѣ: прочитываетъ мнѣ вслухъ, прикладываетъ ледъ къ моей ранѣ, даже отморозила себѣ одинъ палецъ... Другъ мой, что у нея за руки! бѣлыя, пухлыя, съ ямочками... sapristi! только бы гладить да цѣловать...

— А ты пробовалъ ихъ гладить и цѣловать?

— Н-нѣтъ, то есть видишь ли, я обѣщался не болтать, ну, да тебѣ можно... Да, братецъ ты мой, далъ же ты маху! Не умѣлъ воспользоваться такимъ сокровищемъ! Она предоставлялась тебѣ въ силу гисбахскаго договора— ты не хотѣлъ, не съумѣлъ схватить счастіе за шиворотъ; теперь плачь-не-плачь—не воротишь.

— Покуда я не имѣю, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго поползновенія плакать. Вѣдь Наденьку ты оставляешь мнѣ?

— Всю какъ есть, mit Haut und Haar. Какъ представлю я ее себѣ, какою она будетъ черезъ лѣтъ десятокъ—такъ дрожь и проберетъ! Непремѣнно пойдетъ въ матушку, расплывется во всѣ концы, какъ холмогорская корова! Брр! ненавижу толстыхъ! Но—de gustibus non disputandibus.

— Именно. Поэтому, я думаю, лучше не хулить чужого предмета. Я не трону Мирочки, ты оставь въ покоѣ Наденьку. De gustibus non disputandum.

Въ это время Ластовъ увидѣлъ въ окошко Наденьку, проходившую только-что черезъ садикъ. Не распростившись съ правовѣдомъ, онъ кинулся изъ комнаты, чтобы

не пропустить этого случая переговорить съ гимназисткой.

Дѣвушка сидѣла въ печальномъ раздумьи въ одной изъ бесѣдокъ сада. Завидѣвъ приближающагося Ластова, она вспыхнула и хотѣла выдти. Онъ вынулъ изъ кармана многорѣченный платокъ ея:

— Считаю долгомъ возвратить...

Вырвавъ его у него изъ рукъ, гимназистка хотѣла удалиться. Молодой человѣкъ загородилъ ей дорогу.

— Не уходите, сказалъ онъ тихо и рѣшительно: — намъ надо объясниться.

Наденька колебалась: оставаться, или нѣтъ?

— Умоляю васъ, Надежда Николавна; на пару словъ, не болѣе.

Она повернула назадъ и сѣла на скамейку.

— Ну-съ?

— Скажите, вы ненавидите меня?

Гимназистка перебирала складки платья.

— Не ненавижу, но...

— Но презираете, но знать не хотите?

— Да какъ же знаться съ вами, когда вы позволяете себѣ подобныя вещи? Развѣ я дала вамъ къ тому поводъ? За что вы потеряли ко мнѣ всякое уваженіе? Я держалась въ отношеніи къ вамъ всегда просто, но и какъ нельзя болѣе прилично... А вы обошлись со мной, какъ съ какой-нибудь...

Голосъ ея оборвался и она отвернулась въ сторону, чтобы скрыть двѣ слезинки, выступившія на длинныхъ рѣсницахъ ея.

— Простите, Надежда Николавна, вы дѣйствительно ничѣмъ не виноваты, во всемъ виноватъ я; но вѣдь и величайшему грѣшнику отпускаются его прегрѣшенья,

если раскаянье его чистосердечно. А развѣ моя вина уже такъ велика? ну, что такое поцѣлуй?

— Прикосновеніе губъ, говоритъ Лиза... прошептала Наденька, противъ воли улыбнувшись при этомъ.—Но если я не хотѣла, то вы и не смѣли...

— Совершенно справедливо. Но примите въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: нѣсколько минутъ до рокового прикосновенія губъ, вы посвятили меня въ свои паладины; какъ же не простить паладину небольшого, перваго поцѣлуя, который только закрѣпилъ наши отношенія, какъ дамы и ея вѣрнаго паладина?

— Небольшого! Онъ былъ пребольшущій!

— Могъ бы быть и больше, засмѣялся Ластовъ.—Да вѣдь я и поплатился за свою дерзость: потерялъ нѣсколько унцій крови.

— И кстати пустили нѣсколько фунтовъ ея другому, совершенно постороннему лицу? Хорошо раскаяніе!

— Что-жъ, самъ навязался. Ахъ, Надежда Николавна! Сами знаете: надежда—кроткая посланница небесъ. Перестаньте же хмуриться, посланницѣ небесъ это вовсе не къ лицу; на душѣ у васъ, я знаю, гораздо свѣтлѣе. Не сердитесь!

— Я и не сержусь...

— Серьезно?

— Нѣтъ. Только мы впередъ не будемъ съ вами знакомы.

— И говорите, что не сердитесь? Еслибъ вы точно простили, то были бы со мною попрежнему. Вы молчите? Хотите, я стану на колѣни?

— Какія глупости!

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Вотъ я и на колѣняхъ. Довольны вы, о, дама моего сердца?

— Ахъ, что вы, что вы, встаньте... Ну, кто увидитъ...

— Auch das noch! раздался передъ бесѣдкой раздирающій голосъ, и послышались быстро-удаляющіеся по песку шаги. Молодые люди, какъ ужаленные, вскочили—одинъ съ земли, другая со скамейки—и выглянули въ садъ: по дорожкѣ, за угломъ дома, скрывалась Мари.

Ластовъ, растерянный, блѣдный, поникъ головой.

— Auch das noch! повторилъ онъ про себя слова швейцарки.—Глупость за глупостью!

— Она не разскажетъ, она моя повѣренная... поспѣшила успокоить его Наденька.

— Мало ли что...

Съ полминуты длилось молчаніе. Гимназисткѣ стало неловко.

— Вамъ болѣе нечего сказать мнѣ? прошептала она, не глядя на собесѣдника.

— Нечего. Пожалуй, могу еще прибавить, что сегодня же съ первымъ послѣобѣденнымъ пароходомъ, исчезаю отсюда.

— Какъ? совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

— Но съ какой стати? вѣдь кажется...

— Пора, Надежда Николавна; не вѣчно же блаженствовать, надо и честь знать.

— Ну, и съ Богомъ...

Не поднимая глазъ, Наденька быстро вышла изъ бесѣдки и, не оглядываясь, скрылась въ дверяхъ дома.

Ластовъ гордо приподнялъ голову, и рѣшимость блеснула въ глазахъ его.

«Пора, пора, рога трубятъ... Милыя вы мои, добренькія, хорошенькія! Обѣ-то вы мнѣ дороги, обѣихъ жаль покинуть, но потому-то и слѣдуетъ покинуть... Прочь, прочь; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

XX.

Гриндельвальдскій глетчеръ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Рѣшиться-то поэтъ нашъ твердо рѣшился ѣхать сегодня же, и товарищъ его, которому онъ привелъ свои доводы, нашелъ ихъ вполнѣ основательными и самъ также положилъ отправиться съ нимъ, но судьбѣ, или, вѣрнѣе, прачкѣ, неблагоугодно было очистить ихъ путь отъ нѣкоторыхъ терній: значительная часть бѣлья ихъ была въ стиркѣ и, не смотря ни на какія увѣщеванія, не могла быть готова ранѣе слѣдующаго полудня. Надо было покориться.

Но имъ было суждено остаться еще одинъ лишній день.

— Какъ? спросила Лиза за вечернимъ чаемъ:—вы хотите уже улизнуть, не предваривъ насъ о томъ заранѣе? Я не дочла еще вашего Фохта, Александръ Александровичъ, а недочитаннымъ не отдамъ. Вы должны остаться.

— Такъ оставьте его себѣ, я самъ прочелъ его и не нуждаюсь въ немъ болѣе.

— Нѣтъ, я не принимаю подарковъ.

— Да бывали ли вы, господа, въ Гриндельвальдѣ? вмѣшалась Наденька.

— Нѣтъ, не привелось.

— И хотите уже ѣхать? не стыдно ли вамъ! Гриндельвальдъ—самая романтическая мѣстность въ цѣломъ Oberland.

— Что правда, то правда, подхватила Лиза.—На завтра по крайней мѣрѣ вы должны остаться; сообща и съѣздимъ туда.

Друзья переглянулись.

— Не хотѣлось бы... проговорилъ Ластовъ.

— Да не бросится же твоя Мари сейчасъ же въ воду? замѣтилъ ему шёпотомъ пріятель:—останемся-ка еще денекъ.

— Кто ее знаетъ; можетъ, и бросится...

— Что вы перешептываетесь? замѣтила Лиза;—знаете, что это неприлично. Проще всего: соберемте голоса.

Понятнымъ образомъ, большинство голосовъ было въ пользу гриндельвальдской поѣздки.

На другое утро, часу въ шестомъ, по направленію къ Юнгфрау катились съ умѣренною скоростью влекомыя двумя хорошо откормленными конями, четырехмѣстныя дрожки. Назади сидѣли двѣ сестры Линецкія, противъ нихъ два друга-натуралиста.

Поѣздка въ Гриндельвальдъ, если не принимать въ разсчетъ общества, въ которомъ ее совершаешь, сама по себѣ мало привлекательна. Гладкое шоссе вдоль берега пѣнистой Цвейлютчиненъ, однѣ и тѣ же лѣсистые стѣны горъ по правую и лѣвую руку—все это довольно монотонно. Немного разнообразятъ путь и лохматыя ребятишки, подбѣгающіе то здѣсь, то тамъ къ вашему экипажу и предлагающіе вамъ—или корзиночку съ земля-

никой, или игрушечный домикъ, или просто букетъ полевыхъ цвѣтовъ, разумѣется, за безстыдныя цѣны, что̀ не мѣшаетъ имъ однако удовольствоваться и какимъ-нибудь су, если вы не захотите дать болѣе. Возница вашъ также ни мало не заботится объ увеличенiи прiятности поѣздки ускоренною ѣздою: при малѣйшей, едва замѣтной отлогости тормозитъ онъ колеса и, исполненный весьма похвальнаго чувства состраданiя къ животнымъ, но забывая о необходимости такого же состраданiя къ высшему классу животныхъ—къ людямъ, заставляетъ васъ передъ всякимъ пригоркомъ вылѣзать изъ экипажа и тащиться до вершины пѣшкомъ подъ жгучими лучами солнца; а не предупредите его во-время—то укатитъ безъ васъ и далѣе, руководствуясь вѣроятно соображенiемъ: «Прiѣхали въ Швейцарiю, чтобъ полазить по горамъ, такъ пускай себѣ и лазаютъ.»

Но однообразiе поѣздки въ Гриндельвальдъ съ лихвою окупается самимъ Гриндельвальдомъ. Съ балкона гриндельвальдской гостиницы *Adler*, куда молодёжь наша тотчасъ по прiѣздѣ велѣла принести себѣ кофе, открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ швейцарскихъ видовъ. Подъ ногами разстилается волнообразная, цвѣтущая долина, заваленная зеленью и цвѣтами, изъ-за которыхъ тамъ и сямъ выглядываетъ привѣтливая хижина. Кругомъ воздымается неприступный строй въ небеса уходящихъ бернскихъ Альповъ, осыпанныхъ сверху до низу, какъ рафинадомъ, чистѣйшимъ снѣгомъ. Въ горныхъ ущельяхъ синѣютъ громадные ледники; надъ однимъ изъ нихъ сверкаетъ и искрится бѣлая, ледяная равнина—mer de glace. Солнце, съ своей лазурной высоты, обливало всю картину полнымъ свѣтомъ.

— Чудно! замѣтила Наденька.—Еслибъ можно было туда, на глетчеръ...

— А развѣ нельзя? сказалъ Ластовъ и обратился къ стоявшему въ дверяхъ слугѣ: — вѣдь на глетчеръ ходятъ?

— На mer de glace? какъ же-съ: только мало—человѣкъ 60—70 въ годъ, не больше.

— Значитъ, опасно?

— Какъ бы вамъ сказать? если не оступиться, такъ ничего; разумѣется, если оступишься, то неминучая смерть. Тутъ есть компанія англичанъ, что сейчасъ туда сбираются.

— Что-жъ, сказала Лиза,—если ты, Наденька, и вы, Левъ Ильичъ, желаете идти съ ними, то пожалуйста не стѣсняйтесь; мы съ Александромъ Александровичемъ соединимъ utile cum dulce: сыграемъ въ шахматы.

Ей, повидимому, хотѣлось остаться съ Змѣинымъ вдвоемъ. Наденька посмотрѣла на сестру: не шутка ли это съ ея стороны; но, увѣрившись въ противномъ, радостно вскочила со стула.

— Переговорить съ англичанами, вѣдь они буки, и— vorwärts.

Англичане, дѣйствительно, оказались буками: они стали совѣщаться, принять русскихъ въ свое общество, или нѣтъ? Благопріятному исходу совѣщанія способствовалъ однако одинъ юный альбіонецъ, съ льняными волосами, безцвѣтно-водянистыми глазами и рыжими, жидкими баками, которому замѣтно приглянулась хорошенькая россіянка.

— Если позволите, замѣтилъ онъ, приторно-сладко

осклабляясь,—я буду вашимъ защитникомъ отъ горныхъ чудовищъ?

— То есть отъ вашихъ спутниковъ? засмѣялась Наденька.—Нѣтъ, благодарю васъ, я уже запаслась паладиномъ.

Отзавтракавъ, общество двинулось въ путь. Еще до глетчера приходилось имъ не разъ останавливаться. Сперва подбѣжалъ къ нимъ мальчикъ съ пастушьимъ рогомъ и, извлекши изъ инструмента нѣсколько нескладныхъ звуковъ, потребовалъ должнаго вознагражденія. Узнавъ, что рогъ этотъ—пресловутый альпійскій, англичане съ готовностью вознаградили артиста. Затѣмъ попалась путникамъ старушка съ арфой; и ее нельзя было пропустить безъ подаянія. Далѣе, дожидали ихъ двое ребятишекъ съ суркомъ въ корзинѣ, котораго они тщетно понукали перескочить черезъ палку. Англичане возроптали.

— Что-жъ это у васъ однако за нищенство? отнесся одинъ изъ нихъ къ проводнику.

Тотъ только усмѣхнулся.

— А кто виноватъ? Вы же, путешественники, ихъ балуете. Они вѣдь только знай выглядываютъ изъ хижинъ—не пройдетъ ли кто; да сейчасъ и выбѣгаютъ на дорожку добывать денежку, кто чѣмъ гораздъ. Ты, Петерль, опять цыганствуешь? обратился онъ къ одному изъ мальчугановъ и далъ ему щелчокъ въ лобъ;—вѣдь отецъ не приказывалъ? сказалъ: выпоретъ.

Мальчуганъ, не обращая вниманія на нравоученіе фюрера, скорчивъ жалобную мину, протягивалъ руку къ путникамъ:

— Добрые господа, подайте сиротинкѣ!

Англичане не устояли и заплатили должную пошлину.

Перешагнули ручей, образующійся отъ сліянія множества ручейковъ, вытекающихъ изъ глетчера.

— Лютчина, черная, объяснилъ фюреръ.

— «Лучина лучинушка!» затянулъ Ластовъ.

Англичане недоброжелательно на него оглянулись.

Когда общество перебралось черезъ каменистую морену, нагроможденную у подошвы ледника, ихъ обдало леденящимъ дыханіемъ зимы. Изъ цвѣтущаго міра долины вступили они внезапно въ царство смерти. Внутрь ледника выкопанъ тунелеобразный гротъ. Около входа красуется пушка, которая, за полфранка въ пользу ея хозяина, безногаго инвалида, пробуждаетъ въ горахъ многократное эхо. По деревяннымъ, качающимся мосткамъ, вошли въ тунель. Сначала ледяныя стѣны грота были прозрачны и чисто-голубого цвѣта; далѣе, онѣ стали синѣть, вотъ позеленѣли, все темнѣе и темнѣе, пока совершенно не почернѣли; крутой поворотъ налѣво—и открывается мрачный рукавъ грота, освѣщаемый только двумя рядами тускло мерцающихъ свѣчъ. Отъ тепла, распространяемаго свѣчами и человѣческимъ дыханіемъ, своды исподоволь таютъ и холодныя капли брызжутъ на головы посѣтителей. Гдѣ-то, въ глубинѣ ледника, слышится затаенная жизнь—глухо журчащая вода. Откуда-то проносится сухой трескъ лопающагося льда—вода бѣжитъ порывистѣе и звонче. Вдругъ—оглушительный грохотъ, отовсюду отвѣтствуютъ гульливые раскаты, сейчасъ вотъ, кажется, обрушатся своды...

— Упала лавина, объясняетъ проводникъ.

Но визитаторамъ дѣлается страшно: а ну, если и вправду похоронитъ подъ собою? Всѣ спѣшатъ выдти.

на встрѣчу льются розовые потоки свѣта. А! какъ славно, какъ широко дышется на вольномъ воздухѣ! какъ привѣтливо улыбается природа, какъ горячо и отрадно грѣетъ солнышко!

Послѣднимъ вышелъ молодой англичанинъ; онъ вымѣрилъ шагами длину грота, справился въ Муррeѣ (котораго, конечно, всякій сынъ Альбіона считаетъ долгомъ имѣть всегда при себѣ) и остался видимо недоволенъ результатомъ справки.

— Что за нерадѣніе? замѣтилъ онъ съ упрекомъ проводнику:—тутъ ихъ показано 80, а у васъ ихъ цѣлыхъ 114.

Проводникъ опять усмѣхнулся.

— Муррей—человѣкъ весьма почтенный, но все-таки не пророкъ, чтобы знать напередъ, какой глубины гротъ выроется нами въ слѣдующемъ году.

— Такъ зачѣмъ же вы вырываете новые гроты?

— Да вѣдь глетчеръ, сударь, не то, что земля: трескается и подтачивается водою.

— Понятно; и скользитъ вѣдь постоянно внизъ? на сколько это? Кажется, на три фута въ сутки...

— Ужъ это намъ неизвѣстно.

Но довольный тѣмъ, что выказалъ свои знанія по физической географіи, англичанинъ наградилъ фюрера франкомъ.

Пушка, по обыкновенію, въ совершенствѣ исполнила свое шумное дѣло. Затѣмъ началось самое восхожденіе на глетчеръ.

Въ числѣ прочихъ поднималась одна англичанка; она носила огромные, синіе очки, для защиты отъ сверкающаго снѣга; теперь она подобрала платье въ видѣ

шароваръ и подпоясалась платкомъ. Наденька, не раздумывая долго, послѣдовала ея примѣру, причемъ обнаружила ножку и голень самыхъ изящныхъ формъ. Молодой англичанинъ такъ и впился въ нихъ своими бычачьими глазами и сдѣлался съ этой минуты, если возможно, еще любезнѣе.

Узкая тропинка, по которой подвигался небольшой караванъ, обогнувъ подошву ледника, проскользнула въ сѣнь сосноваго лѣска и взяла круто въ гору, по правому склону Меттенберга. Слѣва возвышалась неприступная гранитная стѣна, справа зіяла глубокая пропасть, на днѣ которой громоздились одна надъ другою исполинскія ледяныя глыбы.

— Тише, господа, тише, предостерегалъ фюреръ,—и внизъ не заглядывайтесь.

— Отчего не заглядываться?

— Голова закружится, и тогда аминь. Еще лѣтось покончила тутъ одна француженка.

— Какъ такъ? разскажите.

— Поднималась верхомъ. До этого мѣста доѣхала счастливо; но тутъ—Богъ ее знаетъ! голова ли у нея закружилась, или такъ со страху—только возьми и дерни за поводъ; лошадь-то съ дуру и тяпъ въ пропасть. Вскрикнула дама, взревѣло животное, взвилась пыль столбомъ—и поминай, какъ звали! А добрый конь былъ, франковъ въ 800. Индо за живое схватило.

Наденька слушала съ притаеннымъ дыханіемъ.

— И хороша была она? спросилъ Ластовъ.

— Я вамъ говорю: въ 800 франковъ...

— Да не лошадь!—француженка.

— Да, красивая, и совсѣмъ молодая, вотъ какъ барышня...

Невольныя мурашки пробѣжали по Наденькѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, охота вамъ слушать такія страсти.

— И такая веселая, продолжалъ фюреръ:—шутила все съ своимъ муженькомъ—я не сказалъ еще, что она была съ мужемъ—сидѣла такъ ловко избоченясь... А потомъ, какъ стали доставать съ глетчера, такъ и человѣка-то въ ней распознать нельзя было: ни головы, ни рукъ, ни ногъ—словно котлета или бифштексъ какой, одинъ комъ сбитаго мяса.

— Ахъ, Боже! воскликнула Наденька.—Замолчите, пожалуйста.

Легкой серной побѣжала она по тропинкѣ, шириною не болѣе аршина и неогороженной къ пропасти никакими перилами. Она, казалось, уже забыла, что ее можетъ постигнуть одна участь съ несчастной француженкой, что каждый невѣрный шагъ ея связанъ съ опасностью жизни. Какая-то лихорадочная веселость овладѣла всѣмъ ея существомъ.

И паладина ея подмывало. Онъ нѣсколько разъ собирался о чемъ-то заговорить съ нею и не рѣшался.

— Надежда Николавна, началъ онъ было разъ.

— Что-съ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Что же вы?

— Я ничего... я такъ...

— Ха, ха! зачѣмъ же вы меня звали?

Нѣсколько минутъ спустя, онъ опять назвалъ ее по имени.

Она весело обернулась.

— Вы это опять «ничего, такъ»?

— Не правда ли, Надежда Николавна, только въ холостой жизни есть поэзія?

— Очень можетъ быть. А что?

— Да дѣвицы еще до длинныхъ платьевъ начинаютъ мечтать о замужствѣ, а такъ-какъ вы уже въ длинномъ платьѣ...

— То вы опасаетесь, что я въ каждомъ неженатомъ мужчинѣ вижу жениха?

— Да, почти-что такъ. Я хочу доказать вамъ, что мы съ вами можемъ почитать себя счастливыми, что не вкусили еще семейной прозы.

Наденька принужденно расхохоталась.

— Sir! подозвала она къ себѣ молодого англичанина. Тотъ обернулся.—Знаете, что̀ говоритъ мнѣ этотъ баринъ?

— Ну-съ?

— Онъ проситъ извиненія, что не сватается за мной.

Едва произнесла она эти слова, какъ уже раскаялась въ нихъ; Ластовъ видѣлъ сзади, какъ шея и уши ея загорѣлись огненнымъ румянцемъ. Но, не желая показать своего смущенья, она развязно обратилась къ поэту:

— Замѣтили вы, какъ бездонно-глубокомысленно уставился на меня этотъ мистеръ Плумпудингъ? Глаза у него такъ безцвѣтны, точно все время подъ лобъ закатываетъ.

— Знаете, что̀ говорятъ про васъ? отнесся теперь къ англичанину Ластовъ.

— Что, что? Я понялъ только: «мистеръ Плумпудингъ»; такъ это вы меня, сударыня, изволили величать такъ?

Надебька смѣшалась пуще прежняго.

— Какой вы нехорошій, Левъ Ильичъ! Смотрите, не смѣйте говорить.

Не обращая уже вниманія на англичанина, ожидавшаго отвѣта, Ластовъ затянулъ на знакомый голосъ:

—Lebet wohl, Ihr glatten Sähle,
Glatte Herren, glatte Frauen!
Auf die Berge will ich steigen,
Lachend auf Euch niederschauen. *)

Проводникъ, казалось, того только и ждалъ: звонкимъ голосомъ залился онъ тутъ же:

—Bin i nit ä lustge Schwizerbue, **)

заканчивая каждый куплетъ національнымъ гортаннымъ припѣвомъ, извѣстнымъ у туземцевъ подъ названіемъ «Jodeln». Молодые люди пытались подражать ему, но съ весьма сомнительнымъ успѣхомъ: у нихъ выходило только какое-то дикое рычанье.

Скалистая, узкая тропинка поднималась все выше и выше. Жаръ солнца умѣрялся порывами свѣжаго горнаго вѣтра. Путники начинали уже находить удовольствіе въ утомительномъ поднятіи, входили такъ-сказать во вкусъ его. Лице и уши горятъ, грудь дышетъ порывисто и скоро, все тѣло пышетъ отраднымъ зноемъ. Чувствуешь, какъ уходишь все далѣе отъ земли, все ближе къ этой чистой, глубокой лазури, которая, чѣмъ ближе, тѣмъ

---

*) Залы гладкія, прощайте,
Дамы гладкія, мужчины!
Въ горы я иду, съ улыбкой
Поглядѣть на васъ съ вершины.

**) Не рѣзвый ли швейцарскій пастушокъ я?

чище и глубже... Запестрѣли первые рододендроны. Наденька съ жадностью принялась набирать ихъ.

— Левъ Ильичъ, помогите мнѣ... А тамъ-то, ахъ, благодать! Достаньте, пожалуйста!

Ластовъ смотритъ по указанному направленію: нѣсколько саженей надъ ихъ головами, на почти отвѣсномъ скатѣ, расцвѣтаетъ цѣлый лѣсъ альпійскихъ розъ. Онъ качаетъ головой:

— Опасно; какъ разъ еще шею сломишь.

— Какой же вы послѣ этого паладинъ? Смотрите...

И въ два прыжка она уже у цвѣтовъ и срываетъ ихъ охапками.

— Наденька! успѣлъ только вскрикнуть испуганный юноша.

Въ то же мгновеніе полновѣсный камень, на который упиралась нога Наденьки, оторвался отъ скалы; каменные обломки, песокъ, альпійская палка гимназистки— съ шумомъ и трескомъ проскакали черезъ голову молодого человѣка; не успѣлъ онъ опомниться, какъ скатилась къ нему и сама дѣвушка. Онъ раскрылъ объятья, пошатнулся, но удержался на ногахъ.

— Вотъ видите! чуть не поплатились.

Наденька, еще блѣдная отъ внезапнаго испуга, принужденно расхохоталась.

— Все изъ-за васъ. Теперь, въ наказанье, дайте мнѣ свою палку; сами можете понесть букетъ.

И въ минуту смертельной опасности она не выпустила изъ рукъ собранныхъ ею цвѣтовъ.

Ластовъ принялъ букетъ; но, сообразивъ, что до возвращенія домой, розы все-таки завянутъ и на обратномъ пути безъ сомнѣнія будутъ набраны новыя, выбралъ

лучшую изъ нихъ, воткнулъ ее себѣ въ петличку, а остальныя незамѣтно швырнулъ въ пропасть. Вскорѣ однако Наденька замѣтила его недобросовѣстность.

— Гдѣ же мои цвѣты? спросила она.

— Вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на розанъ въ петличкѣ:—на пылающемъ сердцѣ въ сей единственный сплавились.

— Не. умѣете вы хранить ввѣренное вамъ добро, сказала она серьезно и, отнявъ у него цвѣтокъ, подала его молодому альбіонцу: — На̀-те.

Тотъ никакъ не могъ понять, откуда такое великодушіе, такъ-какъ впродолженіе послѣдняго часа гимназистка не сказала съ нимъ ни слова.

Наконецъ, послѣ трехчасового поднятія, была достигнута цѣль странствія—небольшая хижинка надъ обрывомъ, отъ которой непосредственно уже спускаются на глетчеръ. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ; изъ хижины имъ вынесли хлѣба, молока, масла, сыру и дешеваго туземнаго вина, «Landwein» (другого, не смотря на всѣ требованія англичанъ, не оказалось). Послѣ часового отдыха, туристы, подъ начальствомъ хозяина хижины, опытнаго горца, собрались на самый глетчеръ. Пришлось, не безъ нѣкоторой опасности, слѣзать по вертикальной, качающейся лѣстницѣ. Но всѣ слѣзли благополучно. Вотъ они и на ледникѣ! Съ силою вонзая въ ледяную почву желѣзныя острія своихъ коренастыхъ альпійскихъ палокъ, они перескакиваютъ съ глыбы на глыбу, черезъ трещины, черезъ груды льда и каменьевъ. При очень крутыхъ спускахъ главный проводникъ взятымъ съ собою топоромъ вырубаетъ во льду ступени. Холодомъ и смертью вѣетъ

отовсюду: во всѣ стороны разстилается блестящая ледяная равнина, окруженная неприступною стѣною снѣжныхъ горъ.

— Давайте въ снѣжки? предложила Наденька.

Но снѣгу не оказалось; хотя въ послѣднюю ночь и выпалъ небольшой снѣжокъ, но съ поверхности онъ уже успѣлъ растаять и покрылся ледяной корою.

— Въ снѣжки не приходится, отвѣчалъ Ластовъ,—но можно въ леденцы...—и, отколовъ остріемъ своей палки нѣсколько осколковъ отъ снѣжно-ледяной глыбы, онъ сгребъ ихъ въ охапку и бросилъ, смѣясь, въ Наденьку. Та сдѣлала то же, и между ними завязалась оживленная игра «въ леденцы».

Одинъ изъ проводниковъ пригласилъ ихъ тутъ осмотрѣть одну достопримѣчательность глетчера. Подведя ихъ къ широкой разсѣлинѣ, онъ попросилъ ихъ заглянуть туда; изъ боковой трещины вырывался съ неудержимой силой синій столбъ воды, аршина два въ поперечникѣ, который, разбрасывая тысячу брызговъ и глухо бурля, устремлялся потомъ въ котлообразное жерло. Ледяныя стѣнки жерла, выполированныя водою какъ зеркало, просвѣчивали чистѣйшею берлинскою лазурью. Фюреръ далъ имъ отвѣдать этой воды, зачерпнувъ ея во взятую съ собою деревянную чарку и присовокупивъ къ этому:

— Echtes Gletscherwasser.

Молодые люди однако не нашли никакого различія между «echtes Gletscherwasser» и обыкновенной ключевой водою.

Молодой англичанинъ, охлажденный небреженіемъ къ нему хорошенькой россіянки, занялся между тѣмъ Мурреемъ и, найдя въ немъ замѣтку, что по ту сторону

ледяного моря, съ такъ-называемаго Цезенберга, весьма недурной видъ на глетчеръ, склонилъ своихъ соотечественниковъ отправиться туда. Наши русскіе положительно отказались отъ этой прогулки, на которую (туда и обратно) потребовалось бы по меньшей мѣрѣ часа три, и, выпросивъ себѣ одного изъ проводниковъ, обратились вспять. Изъ валявшихся на ледникѣ грудъ мрамора, талька, исландскаго и полевого шпата, слюды, они выбрали себѣ на память нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ, впрочемъ, какъ само собою разумѣется, лишь немногіе избранные достигли Интерлакена, такъ-какъ, по мѣрѣ приближенія къ Гриндельвальду, одинъ за другимъ прогуливался въ пропасть.

Весело подниматься въ гору; веселѣе еще спускаться, по крайней мѣрѣ какъ спускались Наденька съ ея паладиномъ. Опираясь съ силою на палку (Ластовъ добылъ себѣ новую въ хижинкѣ), ногами едва касаясь земли, они совершали чудовищные прыжки, какихъ не увидишь въ иномъ циркѣ. Этотъ способъ нисхожденія, конечно, очень опасенъ, въ сравненіи съ тѣмъ, гдѣ альпійскую палку, какъ тормазъ, волочатъ сзади; но молодые люди наши не думали объ опасности, кровь въ нихъ лихорадочно волновалась, такъ и подталкивала на эксцентричности. Поэтъ смѣялся, острилъ, но веселость его была неестественна, остроты выходили черезчуръ рѣзки. Гимназистка дѣлалась, напротивъ, все молчаливѣе, сосредоточеннѣе; можетъ быть, и отъ утомленія, головка ея склонялась то на правое, то на лѣвое плечо.

— Итакъ, мы болѣе не увидимся? промолвила она, не обращая вниманія на новую остроту, сказанную толь-

ко-что ея спутникомъ.—Вы вѣдь остаетесь въ Петербургѣ? приходите къ намъ...

— Но маменька ваша ни слова не говорила мнѣ.

— Ничего не значитъ; скажите только, что мы съ Лизой пригласили васъ. У насъ, знаете, собираются ваша братья-студенты, бываютъ литературные вечера...

— Надежда Николавна, я хотѣлъ попросить васъ...

— О чемъ?

— Дайте мнѣ вашу фотографическую карточку?

— У меня теперь нѣтъ ихъ; да и на что вамъ? мы такъ недавно, такъ мало знаемъ другъ друга...

— Мало? Я, по крайней мѣрѣ, узналъ васъ очень достаточно, и потому-то и желалъ бы имѣть вашу карточку.

— Но я вамъ говорю, что у меня нѣтъ...

— Есть, неправда. Прошу васъ.

— Право, нѣтъ. У maman есть одна и я могла бы утащить ее...

— Ну, вотъ!

— Хорошо, утащу. Но такъ-какъ я для васъ преступлю восьмую заповѣдь, то вы также должны сдѣлать для меня одолженіе.

— А именно?

— Напишите мнѣ что-нибудь въ альбомъ.

— Съ удовольствіемъ. Мнѣ уже мерещится конспектъ стихотворенія. Но на карточку, значитъ, я уже могу разсчитывать?

— Можете.

Ластовъ подпрыгнулъ, съ помощью альпійской палки, на сажень отъ земли и испустилъ веселое рычаніе, испугавшее даже фюрера, шедшаго за ними.

— Was haben Sie, mein Herr? спросилъ онъ, очнувшись.

— Ich jodle.

XXI.

Какъ сватаются нынче.

По уходѣ экскурсіантовъ, на балконѣ гриндельвальдской гостиницы остались лишь наши шахматисты. Но о шахматахъ ни одинъ изъ нихъ не думалъ; тѣ такъ и остались въ экипажѣ. Змѣинъ, налегшись на перила, глядѣлъ разсѣянно въ солнечный ландшафтъ; его, казалось, занимало одинокое облако, парившее около вершины Мёнха, суроваго отшельника горъ, почти никогда неснимающаго съ головы своей сѣрой капуцы. Лиза также безмолвствовала, но черты ея не показывали обычнаго спокойствія; взоръ ея поднимался нѣсколько разъ на собесѣдника, нижняя губа страдала отъ зубовъ, которые ее немилосердно теребили. Но вотъ она оправилась, сжала съ рѣшимостью губы, прищурила глаза и сдѣлалась еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Александръ Александровичъ, произнесла она сдержаннымъ голосомъ, въ которомъ однако тщетно старалась подавить признаки внутренняго волненія,—я хотѣла бы серьезно поговорить съ вами.

Змѣинъ съ любопытствомъ взглянулъ на нее.

— Да? развѣ мы и такъ не говоримъ всегда о предметахъ серьезныхъ?

— Только не о такихъ. Скажите напередъ: вы навѣрное уѣзжаете завтра?

— Думаю.

— Такъ можно, значитъ, говорить безъ обиняковъ; все-таки не увидимся болѣе.

Вниманіе Змѣина удвоилось.

— Я слушаю.

— Отецъ мой, Александръ Александровичъ, даетъ за мной, въ случаѣ моего замужства, 15 тысячъ; это, если хотите, и немного; но, считая по пяти процентовъ— въ годъ это дастъ все-таки 750 рублей—сумму, вполнѣ достаточную для одного человѣка. Я не идеалъ женщины, еще менѣе вашъ идеалъ; но идеалы существуютъ въ одномъ воображеніи; мы, смертные, всѣ съ недостатками и слабостями. Между тѣмъ, я не могла не замѣтить, что вы отдаете мнѣ предпочтеніе предъ всѣми здѣшними дамами, что вы ищете даже моего общества—явный признакъ, что я вамъ нѣсколько нравлюсь; а такъ-какъ и вы мнѣ не то чтобы не нравились, то... какого вы мнѣнія на счетъ законнаго брака? Я заговорила сначала о приданомъ, чтобъ показать вамъ, что тутъ нѣтъ корыстныхъ видовъ, что я могу просуществовать и безъ васъ.

Стараясь говорить какъ можно спокойнѣе, практичнѣе, экс-студентка все-таки вздохнула изъ глубины души, когда облегчила себя признаніемъ; на блѣдныхъ щекахъ ея появились два розовыя пятна.

Змѣинъ уставился въ полъ, насупилъ брови и промычалъ:

— Гм...

Дѣвушка не вытерпѣла.

— Итакъ?

Онъ съ усмѣшкою поднялъ голову.

— А что же ваше рѣшимость никогда не выходить замужъ? что професура?

Лиза нетерпѣливо топнула ногой.

— Я полагаюсь на вашу деликатность, а вы рады поточить зубокъ. Изъ моего предложенія вы можете, кажется, ясно видѣть, что ваши лекціи не пропали даромъ.

Лице Змѣина сдѣлалось серьезнымъ.

— Откровенность за откровенность, Лизавета Николавна; вы мнѣ дѣйствительно нравитесь: вы прямодушны, безъ всякой фальши, вы начитаны, вы играете изрядно въ шахматы; но для жены, для матери, для хозяйки требуется нѣчто болѣе...

— Но вѣдь я еще молода? перебила Лиза:—мнѣ всего 18, въ будущемъ маѣ минетъ 19. Подъ вашимъ руководствомъ я могу исправиться, я переломлю себя...

Змѣинъ усмѣхнулся.

— Подъ моимъ руководствомъ? Мнѣ васъ учить бульонъ варить, дѣтей качать? На одно—требуется навыкъ, на другое—чувство... Чувство, конечно, я могъ бы еще вдохнуть въ васъ...

— И уже вдохнули!

— Богъ-вѣсть! Можетъ быть, это только такъ, фантазія, минутная вспышка. Я молодъ, не дуренъ собой, неглупъ—нетрудно было произвесть на васъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но я-то, я за что привязался къ вамъ? вѣдь есть же на свѣтѣ и другія женщины начитанныя и играющія въ шахматы, но и съ чувствомъ, съ знаніями въ хозяйствѣ?

Лиза даже не обидѣлась отъ этихъ рѣзкихъ словъ.

— Я также молода, недурна собой и неглупа—вы полюбили меня за то же, за что я васъ. Ангеловъ, какъ сказано, нѣтъ на свѣтѣ, и если вы не хотите, то какъ знаете; никто васъ не принуждаетъ.

Змѣинъ схватился за голову.

— Еслибъ вы знали, какой у меня здѣсь сумбуръ! Я вижу всѣ ваши недостатки, а между тѣмъ такъ привязался къ вамъ, что трудно отказаться. Вѣдь и я думалъ сдѣлать вамъ предложеніе... боялся отказа, боялся будущности... а теперь что-то страшно. Дайте обдумать...

— Обдумайте. Я уйду...

— Нѣтъ, оставайтесь. Лучше я самъ пройдусь на вольномъ воздухѣ; можетъ быть, прояснятся мысли. Какъ только рѣшусь на что—тутъ же вернусь къ вамъ.

— Ступайте.

Съ часъ уже дожидается Лиза возвращенія Змѣина. Она вошла съ балкона въ домъ, прохаживается взадъ и впередъ по обширной столовой гостиницы, то присядетъ, то опять примется ходить. Приближаясь къ стеклянной двери на балконъ, она всякій разъ окидываетъ быстрымъ взглядомъ долину. Снова подходитъ она къ двери—въ глазахъ ея блеснуло безпокойство: по дорожкѣ, между изгородями, приближался Змѣинъ. Она осмотрѣлась въ комнатѣ и присѣла на диванъ; потомъ, одумавшись, вскочила и, какъ-бы желая отдалить роковую минуту, поспѣшила на балконъ и захлопнула за собою дверь. Не успѣла она принять непринужденную позу на своемъ стулѣ, какъ зазвенѣла дверь и грянулъ къ ней Змѣинъ.

Тяжело дыша, опустился онъ на стулъ противъ дѣвушки.

— Я рѣшился.

Молча ожидала она, въ чемъ заключается это рѣшеніе.

— Видите ли... Уфъ, умаялся... Послѣ основательнаго обсужденія pro и contra, я нашелъ, что подъ извѣстнымъ условіемъ на васъ можно жениться. Вы хотя и

вовсе непрактичны, нѣсколько взбалмошны и слишкомъ заняты своей ученостью, но все-таки феноменъ между нынѣшними дѣвицами...

— То есть на безрыбьи и ракъ рыба? Неутѣшительно! А я всегда считала себя настоящей рыбой.

— Вы рыба, правда, но только въ отношеніи чувства. А чтобы быть нѣжной женою, добросовѣстной матерью, необходимо неподдѣльное, теплое чувство.

— Да вѣдь я же полюбила васъ? значитъ—есть чувство...

— Да какое! можетъ быть, мимоходное, такъ себѣ, «жажда любви», какъ выражается Ластовъ. Чтобы увѣриться въ подлинности, неэфемерности вашей любви, надо назначить срокъ. Если, по истеченіи, напримѣръ, года, вы еще будете ощущать то же самое желаніе сочетаться со мною, то тогда... Сегодня которое число? 5-е?

— Цѣлый день 5-е, сострила, для ободренія себя, Лиза.

— Завтра, значитъ, 6-е. Положимъ же не видѣться до 6-го іюля будущаго года.

— Согласна. И мнѣ необходимъ годичный срокъ, чтобы увѣриться въ васъ. Но до тѣхъ поръ, мы, разумѣется, никого не посвящаемъ въ нашу сдѣлку?

— Къ чему? Можетъ быть, и разойдемся.

— А какъ быть намъ сегодня, Александръ Александровичъ? Мы же обручены, такъ-сказать...

— Пока другіе не воротились съ глетчера, мы можемъ обходиться другъ съ другомъ, какъ женихъ и невѣста.

— Да какъ же обходятся женихъ и невѣста? Я всегда отворачивалась отъ обрученныхъ—тошно видѣть: цѣлуются, жмутъ другъ другу руки...

— Значитъ, и намъ надо цѣловаться, жать руки.

Лиза покраснѣла; на лицѣ ея обнаружилась внутренняя борьба, борьба дѣвственной стыдливости и молодечества.

— На-те, сказала она, протягивая къ нему обѣ руки,— жмите.

Онъ крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ.

— Но это еще не все—надо цѣловаться.

— Да я жду, что вы начнете...

— Невѣста, какъ женщина, должна выказывать всегда болѣе чувства, и потому цѣловать первая должны вы.

— Такъ и быть! Смотрите же, какъ васъ любятъ...

Бросившись къ нему, она обвила его шею руками, присѣла къ нему на колѣни и съ жаромъ поцѣловала его нѣсколько разъ.

— Фу, какой бородатый! Вы непремѣнно сбрейте усы.

И новые поцѣлуи. Змѣинъ едва могъ придти въ себя.

— Полноте, Лизавета Николавна, довольно... вы точно у самого Амура уроки брали.

— Ага, то-то же! А говорите еще, что я безчувственна. Однако, что-жъ это мы на *вы*; обрученные, кажется, всегда на *ты*? Значитъ, *ты*, Сашенька, Сашурочка, *ты*?

Она опять звонко поцѣловала его.

— *Ты*-то *ты*; но знаешь, милая, ты отдавила мнѣ колѣни, привстань пожалуйста. Вотъ и кучеръ нашъ изъ-подъ воротъ смотритъ сюда—нехорошо.

— Чѣмъ же нехорошо? Пусть смотритъ, пусть цѣлый міръ смотритъ во всѣ свои мильоны глазъ—что мнѣ до нихъ? Общественное мнѣніе—самъ знаешь—вздоръ. Хочу любить—и люблю! Пусть смотрятъ и учатся.

— Но живыя картины подобнаго рода не нуждаются въ посторонних зрителяхъ... развѣ тебѣ не неловко?

— Напротивъ, очень ловко: колѣни у тебя премягкія.

Змѣинъ нахмурился.

— Но мнѣ тяжело держать тебя: ты изъ полновѣсныхъ.

— Если тебѣ точно тяжело, то можно и привстать.— Но что съ тобой, мой другъ? прибавила она, замѣтивъ, что онъ угрюмо поникъ головой. — Ты никакъ дуешься? Развѣять тебѣ думы съ чела поцѣлуемъ, какъ ты самъ выразилъ разъ?

— Нѣтъ, не нужно... Я придумываю, чего тебѣ недостаетъ; чего-то важнаго...

— Ты говорилъ: чувства. Но я, кажется, доказала тебѣ, что не совсѣмъ безчувственна.

— Нѣтъ, не чувства, чего-то другого...

Змѣинъ опять призадумался.

XXII.

Откровенія и разладъ.

Послѣ сытнаго обѣда, за которымъ въ честь обрученія была опорожнена бутылка іоганисбергера, облако на лицѣ жениха разсѣялось. Рука объ руку вышли они съ невѣстою на улицу и побрели между цвѣтущихъ палисадниковъ, съ пригорка на пригорокъ. Солнце садилось; воздухъ, наполненный запахомъ свѣже-скошенной травы, дѣлался сноснѣе, прохладнѣе.

— Не знаю, какъ тебѣ, другъ Саша, говорила молодая дѣвушка, съ любовью прижимаясь къ нарѣченному;— мнѣ такъ представляется, что цѣлый міръ нарядился нарочно для насъ въ свое лучшее праздничное платье: и деревья-то, и шиповникъ, и изгородь. Солнце свѣтитъ какъ-то особенно мягко, ласково, птицы наперерывъ щебе-

чуть. Точно все ликуетъ, что сошлись двѣ порядочныя личности, чтобы не разставаться на вѣки. Я и вообразить себѣ не могу, какъ быть безъ тебя, какъ я столько долгихъ лѣтъ прожила безъ тебя. Нѣтъ, я до сихъ поръ не жила—я прозябала.

Женихъ слушалъ ее съ видимымъ удовольствіемъ.

— Дѣйствительно у тебя, кажется, начинаетъ обнаруживаться чувство. Я вѣдь говорилъ тебѣ, что высшее для женщины въ жизни—любовь.

— Любовь? Вы, кажется, воображаете, сударь, что мы влюблены въ васъ? Какое высокомѣріе! Мы только жалѣемъ васъ, видимъ: человѣкъ изныватъ, убивается по насъ, ну, нельзя же не подать руки. Гуманность...

— Вотъ какъ! и по той же гуманности вы сами не можете жить безъ насъ? Гуманность самая утонченная.

Лиза схватила его руку и прижала ее къ губамъ.

— Милый ты мой, милый! Ни на кого тебя не промѣняю.

Онъ отнялъ руку и поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ.

— Ты забываешь, Лиза, что ты уже не мужчина: женщины никогда не цѣлуютъ рукъ у нашего брата.

— А я цѣлую, мнѣ такъ нравится. Кто мнѣ запретитъ?

— Да, можетъ быть, такъ понравится, что потомъ трудно будетъ отстать; а завтра же придется отказаться отъ этого удовольствія.

— Такъ ты не раздумалъ? безсердечный!

— Раздумывать-то раздумывалъ, да не раздумалъ. Теперь мнѣ и самому жаль своего перваго рѣшенія. Цѣлый годъ вѣдь ждать!

— Такъ что же тебя удерживаетъ?

— Да я знаю, что когда принялъ то рѣшеніе, то

разсуждалъ холоднѣе, значитъ, и раціональнѣе; хмѣль любви дѣлаетъ меня теперь пристрастнымъ.

— Будь по твоему, разсудокъ мой; вѣдь ты разсудокъ, я—чувство? Только мы вмѣстѣ составляемъ цѣлаго человѣка? Видишь, какъ я хорошо запомнила твое ученье.

Пускай же! покинь меня завтра!
За-то я сегодня твоя,
За-то въ твоихъ милыхъ объятьяхъ
Сегодня блаженствую я!

Откуда, бишь, эти стихи? Какъ видишь, и я дѣлаюсь поэтичной. Ну, поцѣлуй же меня за-то. Какой ты большой! наклонись—мнѣ недостать.

— Еслибъ ты зналъ, Сашенька, начала она опять послѣ основательнаго поцѣлуя,—какъ мнѣ было совѣстно признаться тебѣ! Вдругъ измѣнить такъ свои убѣжденія. Я сама не знала, что со мной: такъ и хотѣлось обнять тебя. А ты такой медвѣдь—и ухомъ не ведешь, точно и не нравлюсь вовсе! Ждала-ждала, не признается ли—нѣтъ! пришлось самой начинать; а видитъ Богъ, какъ было тяжело. Я даже забыла планъ, который составила было на этотъ случай: какъ станешь ты изъясняться, думала я, я приведу въ отвѣтъ, что мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга, что каждый изъ насъ долженъ чистосердечно покаяться въ своихъ слабостяхъ, недостаткахъ и прегрѣшеніяхъ...

— А дѣльная мысль, подхватилъ Змѣинъ.—Дѣйствительно, небезполезно знать слабыя стороны своей законной половины до свадьбы, чтобы не было потомъ раскаянья. Теперь еще время; будемъ же признаваться, кто въ чемъ повиненъ.

— Будемъ. Но у меня столько несовершенствъ, что я, право, не знаю, съ чего начать.

— Помочь тебѣ?

— Ну?

— Ты, какъ я замѣтилъ, любишь пѣть: какъ углубишься въ шахматную партію, сейчасъ запѣваешь, да и тянешь, впродолженіе всей игры, одно и то же.

— Да, а что?

— Да у тебя, милая моя, голоса нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, не слышишь? еще какой! basso profundo!

— Только не музыкальный.

— Ну, это можетъ быть. Чего у меня нѣтъ, признаться, такъ это слуха...

— Это еще хуже. Слушать пѣніе человѣка, неимѣющаго ни слуха, ни голоса—извини меня, величайшее мученіе. Какъ только ты, бывало, запоешь — такъ сердце у меня и заноетъ. Оттого-то я вѣроятно столько партій и проигрывалъ тебѣ.

— Ну да, хорошъ гусь! Нѣтъ, я играю не хуже тебя, оттого.

— Положимъ; не хочу спорить. Но что у тебя нѣтъ ни голоса, ни слуха—также вопросъ рѣшеный; потому первымъ условіемъ нашего будущаго союза пусть будетъ отказъ твой отъ пѣнія.

— А если я не соглашусь на это условіе? Что за деспотизмъ! Хочешь пѣть — а тебѣ запрещаютъ; а вѣдь чего нельзя, того-то именно и хочется. Запретный плодъ всего слаще.

— Такъ ты не соглашаешься на этотъ пунктъ?

— Еслибъ не согласилась?

— Тогда... тогда я все-же взялъ бы тебя! Богъ съ

тобой, пой на здоровье, такъ-какъ ты ужъ такая записная пѣвица; но не взыскивай также, если я при первыхъ звукахъ твоей пѣсни буду обращаться въ поспѣшное бѣгство.

— Такъ и быть, сказала Лиза: — хотя я и смерть люблю пѣть, но такъ-какъ оно тебѣ непріятно, то обѣщаюсь никогда не пѣть въ твоемъ присутствіи.

— И за то спасибо. Этотъ пунктъ улаженъ. Теперь очередь за мной. Есть у меня недостатокъ, равносильный съ твоимъ: я лѣвша.

— Будто? Я до сихъ поръ не замѣтила.

— Потому не замѣтила, что я въ большей части случаевъ уже превозмогъ себя. Но сколькихъ усилій стоило мнѣ это! Шутка сказать: рѣзать правой рукой, ѣсть супъ правой! Что ты смѣешься? Попробуй-ка, если она у тебя отъ природы слабѣе! За что ни возьмешься, вездѣ суется лѣвая. Взялъ ножъ въ правую—глядишь, а ужъ онъ въ лѣвой. Сколько партій на биліардѣ продулъ я, пока не научился держать кій въ правой; сколько разъ засдавался въ карты, пока не навострился сдавать какъ слѣдуетъ... Да ну, на каждомъ почти шагу приходилось мнѣ бороться противъ своей природы, и вотъ, добился того, что никто не подозрѣваетъ во мнѣ лѣвши. Только бить не могу правой: лѣвая все-же сильнѣе.

— Боюсь, что тебѣ не придется упражнять ее на мнѣ, улыбнулась Лиза.—Ну, да это еще ничего, вотъ у меня есть недостатокъ... Ты вѣдь знаешь, что я пью здѣсь сыворотки?

— Знаю.

— Но знаешь ли, противъ чего?

Не хуже медика начала она разсказывать ему о

своей болѣзни. Его передернуло: онъ, казалось, не ожидалъ отъ нея такой наивной беззастѣнчивости.

— Вотъ доктора̀ и посовѣтовали мнѣ поскорѣе выдти замужъ...

Змѣинъ не вытерпѣлъ и грубо оттолкнулъ отъ себя ея руку, упиравшуюся на него.

— Какія рѣчи!... Вотъ плоды вашей прославленной эмансипаціи! Догадался я, чего тебѣ недостаетъ: женственности, женственности нѣтъ въ тебѣ! Дуракъ я, болванисимусъ!

Лиза также взволновалась.

— Позвольте узнать, Александръ Александровичъ, за что вы назвали себя дуракомъ? Не за то ли, что приняли мою руку?

— За то, душа моя, за то!

Лице Лизы страшно поблѣднѣло.

— Не хочу я жертвъ, возьмите назадъ ваше слово. Благо, высказались еще во-время. Вы не хотите меня — ну, и мнѣ васъ не нужно; какъ-нибудь доживемъ и безъ васъ. Но, разумѣется, о томъ, что было между нами, никто не узнаетъ?

Змѣинъ, растроганный, подалъ ей руку.

— Отъ меня, по крайней мѣрѣ, нѣтъ, если не проболтается нашъ кучеръ, видѣвшій одну живую картину. Пожалуйста, не осуждайте меня, Лизавета Николавна! Еслибъ вы знали, какъ тяжело мнѣ отказаться отъ васъ; но такъ, видно, лучше. Я теперь почти увѣренъ, что изъ насъ не вышло бы хорошихъ супруговъ. Вы не сердитесь?

— Прошу покорно! захохотала сардоническимъ смѣхомъ

Лиза;—разрушаетъ всю твою будущность—и не сердись! Сердиться-то я хоть имѣю право!

— Разумѣется, можете, отвѣчалъ печально Змѣинъ,— но послѣ всѣхъ интимностей между нами, я чувствую себя какъ-бы въ долгу у васъ; вы расточали мнѣ свои ласки...

— Ха, ха, не хотите ли вы мнѣ заплатить за нихъ? Интересно бы знать, во сколько вы оцѣните ихъ? Нѣтъ, Александръ Александровичъ, на этотъ счетъ ваша совѣсть можетъ быть совершенно спокойна: вы цѣловали, миловали меня, я васъ—мы квиты. Да не послужатъ вамъ мои ласки во зло, я расточила ихъ вамъ отъ чистаго, безкорыстнаго сердца...

Лиза замолкла и отвернулась; Змѣинъ замѣтилъ, какъ по щекамъ ея скатились двѣ крупныя слезы.

— Не вернуться ли намъ? прошептала она, утирая тайкомъ глаза.—У меня болятъ зубы, слышите?

И, снявъ косынку, она обвязала себѣ ею щеку. Такъ кончилась желанная поѣздка въ Гриндельвальдъ...

XXIII.

Какъ прощались сестры Липецкія.

Настало послѣднее утро. Въ «садовой комнатѣ», про которую мы уже упомянули въ началѣ нашего разсказа, сидѣла на подоконникѣ Наденька, перелистывая *Трехъ Мушкетеровъ*, которыхъ взяла съ полки, украшающей одну стѣну комнаты. Но ни картинки, коментирующія романтическія похожденія дюмасовскихъ героевъ, ни самый текстъ, повидимому, не могли достаточно приковать вниманіе молодой гимназистки: поминутно прикладывалась

она лбомъ къ стеклу, чтобы окинуть бѣглымъ взоромъ дорожку, ведущую отъ главнаго зданія. Вдругъ легкій трепетъ пробѣжалъ по членамъ дѣвушки; она отдѣлилась отъ окна и низко наклонилась надъ фоліантомъ. По дорожкѣ послышались шаги и въ комнату вошли наши два друга.

— Здравствуйте, Надежда Николавна.

— А, Левъ Ильичъ, здравствуйте. Я васъ и не замѣтила. Упаковали свои пожитки?

— Все шито и крыто. Пришли проститься.

— А стихи написали?

— Какъ же. А карточка?

— Припасена. Когда же вы успѣли написать ихъ?

— Ночью. Во второмъ часу окончилъ.

— Бѣдный! И не выспались хорошенько. Я спала отлично. Дайте-ка ихъ сюда.

Ластовъ вынулъ листъ почтовой бумаги, вчетверо сложенный.

— Но вы не должны никому показывать, замѣтилъ онъ.

— Отчего? Я, напротивъ, буду хвастаться передъ всѣми: навѣрное прехорошенькіе.

— Нѣтъ, я написалъ ихъ исключительно для васъ, и не хочу, чтобы кто-нибудь другой читалъ ихъ.

— Да нашимъ-то, maman и Лизѣ, можно показать?

— Имъ всего менѣе.

Въ это самое время откуда ни возьмись maman Наденьки. Ея появленіе удивило всѣхъ тѣмъ болѣе, что въ другіе дни она никогда не вставала ранѣе полудня. Но уже наканунѣ распушила она своихъ строптивыхъ чадъ за самовольную отлучку въ Гриндельвальдъ; теперь вѣроятно возникли въ ней небезосновательныя опасенія, что

внезапный отъѣздъ двухъ друзей можетъ дать поводъ къ еще болѣе эксцентрическимъ выходкамъ со стороны эмансипированныхъ барышень.

— Ахъ, maman, обратилась къ входящей Наденька,— вотъ Левъ Ильичъ написалъ мнѣ стихотвореніе, но не даетъ мнѣ его иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы я никому не показывала. Вѣдь нельзя же мнѣ брать?

— Certainement нельзя, съ достоинствомъ отвѣчала аристократка:—дѣвицы, m-r Ластовъ, никогда не должны имѣть секретовъ отъ матерей; примите это къ свѣденію.

— Вотъ видите, Левъ Ильичъ, отдайте-жъ стихи maman; она уже передастъ мнѣ.

Ластову стало крайне неловко: онъ никакъ не подозрѣвалъ въ Наденькѣ такой дѣтской наивности, какую она выказала въ этомъ случаѣ.

— Я не люблю хвалиться своими произведеніями и показываю ихъ только тѣмъ, для кого они предназначены, объяснилъ онъ.

— А въ такомъ случаѣ вовсе не нужно. Allons prendre du café, ma chère.

— A l'instant, отвѣчала дочь и, когда мать вышла, обратилась къ поэту:—что же, Левъ Ильичъ?

— А Лиза гдѣ, то есть Лизавета Николавна? спросилъ тутъ Змѣинъ, стоявшій до этого безучастно у ближняго окна.

— Лиза? Она, по обыкновенію, встала въ 6 часовъ и теперь, послѣ сыворотокъ, прохаживается для моціона. Кстати: не знаете ли вы, Александръ Александровичъ, какъ натуралистъ, какого-нибудь средства отъ зубной боли?

Змѣинъ усмѣхнулся.

— А зубы у сестрицы вашей все еще не прошли со вчерашняго?

— Какое! Просыпаюсь, знаете, ночью и слышу—рыдаютъ. Неужто, думаю, Лиза! Вслушиваюсь—такъ, она. «Что, говорю, съ тобой?»—«Зубы!» шепчетъ она, и опять въ слезы. Я просто удивилась: не запомню, когда она прежде плакала. Должно быть, невыносимо было.

— Средство-то у меня есть, сказалъ съ странною улыбкою Змѣинъ,—да не знаю, поможетъ ли.

— Какое-жъ это?

— Симпатическое: я заговариваю зубы.

— Какъ? вы, натуралистъ, вѣрите въ заговариванье?

— Всяко бываетъ. У меня такія завѣтныя слова...

— Такъ что же вы не испробуете ихъ силы надъ Лизой, если такъ увѣрены въ нихъ?

— Заговариванье, видите ли, своего рода магнитизированіе, а магнитизеръ теряетъ всегда нѣкоторую часть своихъ силъ, когда магнитизируетъ...

— И вамъ жаль частицы вашихъ геркулесовыхъ силъ, хотя можете принесть этимъ облегченіе ближнему? Стыдитесь!

— Надо будетъ попытаться, рѣшился Змѣинъ и отправился отыскивать страждущую.

Засталъ онъ ее у кургауза, прохаживающеюся, съ обвязанною по вчерашнему щекою, взадъ и впередъ подъ густолиственнымъ шатромъ алейныхъ деревъ; глаза ея были замѣтно красны, на лицѣ высказывалось глубочайшее уныніе.

— Здравствуйте, началъ Змѣинъ;—я хотѣлъ до отъѣзда сказать вамъ еще пару словъ.

Лиза холодно взглянула на него и отвернулась въ сторону:

— Вы спросите напередъ, хочу ли я слушать васъ?

— Вы должны выслушать меня...

— Къ чему? Мы уже чужды другъ другу.

— Не говорите этого; все еще можетъ устроиться къ лучшему. Я обдумалъ нашъ вчерашній разговоръ и нашелъ, что выходки ваши хотя и были неженственны, но могли быть слѣдствіемъ крайней экзальтаціи, желанія порисоваться, во что бы то ни стало показать себя женщиной современной; сверхъ того, вы занимаетесь естественными науками, а слѣдовательно и на жизнь, на отношенія двухъ половъ смотрите совершенно просто, съ точки зрѣнія дикарей и—натуралистовъ. Такъ я пришелъ къ заключенію, что вы еще можете исправиться...

— Не исправлюсь, никогда и никогда! перебила съ сердцемъ Лиза.—Я безчувственная, безжизненная статуя, чего-жъ вамъ отъ меня?

— Что вы не безчувственны, видно уже изъ того обстоятельства, что вы такъ горько плакали обо мнѣ.

— Ну да!

Она хотѣла удалиться и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Онъ догналъ ее.

— Что за ребячество! Я же сознаюсь, что поступилъ опрометчиво, отказавшись отъ васъ наотрѣзъ; опредѣлимъ опять годичный срокъ...

— И для этого вы отыскали меня?

— Да.

— Могли бы и не дѣлать себѣ труда! Вы въ самомъ дѣлѣ вообразили, что я влюбилась въ васъ, что я повѣрила вашимъ софизмамъ о назначеніи женщины къ

семейной жизни? Ха, ха! какой же вы простакъ! Я потѣшалась надъ вами, я хотѣла только знать, могу ли я влюбить въ себя такого медвѣдя, какъ вы; ну, и убѣдилась; довольно съ меня. Ха, ха, ха! а вы и обрадовались? думали: вотъ заставилъ страдать женщину? Неопытны вы еще, мальчикъ вы, вотъ что. Имѣю честь кланяться.

Змѣинъ не зналъ, что̀ и подумать.

— Нѣтъ, не можетъ быть, Лиза, вы представляетесь, вы хотите только отмстить.

— А вы думаете, въ насъ нѣтъ гордости?

— Не гордость это—упрямство.

— Гордость или упрямство—не въ томъ дѣло; вѣдь мы, люди, ни въ чемъ не виноваты, виноваты во всемъ обстоятельства? вы же сами говорили. Значитъ, и мое упрямство отъ меня не зависитъ? Но довольно воду въ ступѣ толочь. Кланяйтесь и благодарите.

Змѣинъ уже не удерживалъ ея.

— Патъ! пробормоталъ онъ и уныло поплелся своей дорогой.

Не таково было прощаніе гимназистки съ поэтомъ.

— Тàкъ вы мнѣ, значитъ, стиховъ и не дадите? говорила она ему по выходѣ Змѣина.

— Тàкъ и не дамъ.

— Ну, и вамъ не будетъ карточки. Довольно однакожъ объ этомъ. Вы еще не прощались съ Интерлакеномъ?

— Какъ такъ не прощался? развѣ надо особеннымъ образомъ прощаться?

— А то какъ же. Научить васъ?

— Сдѣлайте милость.

— Ступайте за мной.

Она вышла въ садикъ, онъ послѣдовалъ за нею. По раннему часу утра тамъ не было еще ни души. Благоуханія сотенъ розъ носились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. На горизонтѣ сверкала во всей своей прелести снѣжная Юнгфрау, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвѣянная воздушными утренними облачками.

— Первымъ дѣломъ проститесь съ дѣвой горъ, которая столько времени безвозмездно услаждала ваши взоры.

Ластовъ упалъ на оба колѣна и воздѣлъ руки къ небу.

— О, дивная дѣва, прости великодушно, что я, какъ отъ огня, бѣгу отъ тебя. Но уже вчера имѣлъ я случай тебѣ докладывать, почему считаю супружество въ мои лѣта глупостью, а останься я еще здѣсь—чего добраго, не устоялъ бы, предложилъ бы тебѣ руку и сердце.

— Ну, довольно, довольно... перебила съ замѣшательствомъ Наденька;—теперь проститесь съ интерлакенской почвой, которую бременили впродолженіе стольких счастливыхъ дней. Не женируйтесь, почеломкайтесь.

Ластовъ наклонился къ землѣ и приложился къ ней губами, потомъ отплюнулъ и вытеръ ротъ.

— Брр, какой сухой поцѣлуй, даже зубы скрипятъ.

Наденька разсмѣялась.

— Ну, встаньте; теперь надо вамъ проститься съ садомъ, съ розами...

Она подвела его къ первому розовому кусту и наклоняла къ нему поочередно каждый цвѣтокъ; онъ послушно цѣловалъ ихъ.

— Ахъ, какая великолѣпная! воскликнула вдругъ дѣвушка и сорвала пышный, пунцовый розанъ.—Вы

оказались довольно вѣрнымъ паладиномъ; надо сдержать слово; давайте сюда шляпу.

Молодой человѣкъ подалъ ее и замѣтилъ тихимъ голосомъ:

— А вы знаете, что̀ значитъ пунцовый цвѣтъ на языкѣ цвѣтовъ?

Наденька не отвѣчала и продолжала пришпиливать розу, но на щекахъ ея началъ выступать высокій румянецъ. Окончивъ свою работу, она накрыла украшенною шляпою голову Ластова и отступила на шагъ назадъ полюбоваться ею.

— Какъ вамъ это идетъ!

— Вы находите? А вѣдь съ лучшей-то розой, Надежда Николавна, я еще не простился.

Наденька оглянулась по сторонамъ; по близости никого не было.

— Такъ проститесь съ нею, прошептала она чуть слышно, съ опущенными глазами;—что-жъ вы? я не кусаюсь...

Ластовъ, неповѣрившій въ первый моментъ своимъ ушамъ, не далъ повторить себѣ это, быстро обнялъ дѣвушку и припалъ къ ея полураскрытымъ, свѣжимъ губкамъ.

— Довольно... оставьте... лепетала гимназистка, вырываясь изъ его плотныхъ объятій.—Это было за всѣхъ...

И, высвободившись, она, какъ преслѣдуемая лань, умчалась въ отворенную дверь дома.

XXIV.

Какъ прощалась Мари.

Минуты двѣ простоялъ еще Ластовъ на одномъ мѣстѣ по исчезновеніи Наденьки; виски у него бились, лице пылало. Но онъ вспомнилъ о скоромъ отъѣздѣ, провелъ по лицу рукою, тряхнулъ кудрями и взглянулъ на часы: до отхода дилижанса оставалось не болѣе десяти минутъ. Онъ поспѣшилъ наверхъ, въ свою комнату, за вещами.

Первое, что представилось тутъ его глазамъ, была Мари, грустная, смертельно блѣдная, на стулѣ около двери. Ластовъ предвидѣлъ эту минуту, минуту разлуки съ сентиментальной швейцаркой, но все-таки, при наступленіи ея, былъ сильно озадаченъ.

— Мари... могъ только пробормотать онъ; въ нерѣшимости остановился онъ передъ дѣвушкой.

— Да, я, отвѣчала она беззвучнымъ голосомъ, уставясь съ тупою сосредоточенностью въ лице возлюбленнаго; двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ ея. — Да, я, повторила она и съ укоризной покачала головой. — Цѣлуйтесь, цѣлуйтесь съ ней... Кто вамъ можетъ запретить?

— Такъ ты видѣла?

— Цѣлуются среди бѣлаго дня, въ саду, куда выходятъ двадцать оконъ—и не видѣть!

Ластовъ поникъ головой, не зная, что̀ и сказать на это.

— Что вамъ въ простой дѣвушкѣ, въ горничной? продолжала Мари.—Что вамъ въ простомъ полевомъ цвѣткѣ? взяли, понюхали, да и бросили.

— Но, Мари, я, право...

— Что «право»? Не представляйтесь по крайней мѣрѣ, не лгите! Ну, похитили сердце, ну, хотите убѣжать съ нимъ... хоть бы дали взамѣнъ частицу собственнаго сердца! Что-жъ вы не смѣетесь? вѣдь смѣшно сказано: вы, баринъ, тоже воръ—воръ, до котораго однако нѣтъ дѣла полиціи. Ужасно забавно! Ха, ха, ха! ну, смѣйтесь?

— Милая Мари, я кругомъ виноватъ, тутъ и рѣчи не можетъ быть. Но послушай: если я такой негодяй, то стóитъ ли кручиниться обо мнѣ? что тебѣ въ такомъ обманщикѣ? Брось меня, забудь!

— Забыть?! Это все равно, что сказать умирающему съ голоду: «Перестань, не голодай». Забыть! Да ты вся моя страсть, вся моя жизнь—и забыть тебя?...

— Ну, если не забыть, то можешь, по крайней мѣрѣ, перестать любить.

— Или дышать? или жить? потому-что не любить тебя—для меня то же, что не дышать, не жить.

— Ты, милая, взволнована и разсуждаешь потому непослѣдовательно. Если человѣкъ — дрянь, то не за что и любить его.

— Ахъ, не говори этого! Ты всѣмъ хорошъ; только одно, что обманулъ меня... Но чѣмъ болѣе вы насъ обманываете, тѣмъ болѣе мы привязываемся къ вамъ...

И, закрывъ лице руками, она залилась горючими слезами.

«Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,»

вспомнилось невольно Ластову.

«Что же дѣлать? разсуждалъ онъ самъ съ собою:—

утѣшать, увѣрять, что люблю попрежнему? да я же не люблю ее... и къ чему это поведетъ? только продлитъ страданія бѣдняжки. Нѣтъ, надо оборвать всѣ нити разомъ! Пусть презираетъ, но не мучится изъ-за меня.»

Онъ съ рѣшимостью подошелъ къ столу, перебросилъ черезъ плечо сумку и раскрылъ ее.

— Я долженъ идти, любезная Мари. Ты была всегда такъ мила, такъ предупредительна со мной, что я, право, не знаю хорошенько, чѣмъ отблагодарить тебя. Я купилъ бы тебѣ на память какую-нибудь вещицу, но какъ ты сама лучше моего знаешь, что тебѣ именно нужно, то вотъ возьми...

Онъ подалъ ей нѣсколько червонцевъ. Разсчетъ его былъ вѣренъ: дѣвушка вскрикнула, вскочила, какъ ужаленная, со стула и схватилась за ручку двери; но тутъ силы измѣнили ей: она зашаталась и прислонилась къ косяку. Въ глазахъ ея, устремленныхъ въ пространство, блеснуло отчаяніе до безумія. Сухія, воспаленныя губы смыкались и размыкались, но ни звука не проходило черезъ нихъ.

Ластовъ перепугался не на шутку. Поспѣшно припряталъ онъ деньги и во-время еще поддержалъ несчастную, не рѣшаясь однако сказать что-либо ей въ утѣшеніе, чтобы какъ-нибудь не раздражить ее еще болѣе. Вдругъ слезы, какъ долго сдержанный плотиною потокъ, брызнули изъ глазъ ея, и, повиснувъ на шеѣ молодого человѣка, она истерически зарыдала.

— Вотъ до чего я дожила! слышалось сквозь рыданія:—человѣкъ, которому я рада жизнь отдать, думаетъ отвязаться отъ меня золотомъ! Бѣдная я, бѣдненькая!

Онъ осторожно поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Милая, успокойся! вѣдь я же люблю тебя...

— Да не лги, безсовѣстный! почти взвизгнула она и сурово оттолкнула его.—Если любятъ, развѣ цѣлуютъ въ лобъ? О, я несчастная!

Колѣни у нея подкосились и она ничкомъ грохнулась на полъ.

— Ахъ, ты Боже мой... бормоталъ растерянный юноша, наклоняясь въ испугѣ къ безутѣшной.

Немного онъ успокоился, когда увѣрился, что она при паденіи не расшиблась опасно: рыданія ея продолжались довольно равномѣрно. Мало по малу шумный ливень превратился въ благотворный мелкій дождикъ. Плачущая приподняла голову, присѣла на полу и устремила свои глубокія, томныя очи на возлюбленнаго измѣнника.

— Да любилъ ли ты меня хоть когда, злой человѣкъ? Теперь ты меня не любишь, это вѣрно; но любилъ ли хоть прежде?

— Любилъ, милая, право, любилъ...

— Но за что тебѣ было любить меня? скажи, за что? Дурочка я, глупенькая! и повѣрила ему...

— Какъ за что? Развѣ ты не была всегда ко мнѣ такъ привѣтлива, развѣ твое хорошенькое личико можетъ не нравиться?...

— А! вотъ что! такъ тебя плѣняла не я, а моя красивая маска? Будь я немножко дурнѣе, ты бы и не взглянулъ на меня? Охъ, горе ты мое, горе! о-охъ!

— Да полно же, дитятко мое, ребёночекъ, полно, вразумлялъ ее натуралистъ,—чего же тутъ убиваться? Развѣ женщина можетъ плѣнить чѣмъ другимъ? Главное въ ней—прелесть обхожденія и тѣлесная красота. Еслибы

мы влюблялись только въ умъ, то конечно не плѣнялись бы женщинами, а мужчинами.

Слова молодого человѣка не только не успокоили швейцарки, они привели ее въ полное отчаяніе: приложившись головою къ стулу и дрожа всѣмъ тѣломъ, она опять зарыдала:

— Охъ, тошно мнѣ, тошнехонько!

— Дорогая моя, ангелъ мой, перестань, мнѣ надо ѣхать, не разстаться же такъ? говорилъ Ластовъ, обнимая ее и стараясь придать своему голосу возможно бо̀льшую нѣжность.

Мари, задыхаясь отъ слезъ, твердила свое:

— Охъ, тошно мнѣ! матушки мои, какъ тошно!

Нечего, кажется, говорить, что положеніе Ластова было самое незавидное: слезы почти такъ же заразительны, какъ зѣвота, въ особенности если знаешь, что самъ ты причина ихъ. Поэту нашему сильно щемило сердце и что-то начало уже подступать къ горлу, къ глазамъ. Онъ ощутилъ неодолимое желаніе почесать у себя за ухомъ; но—обѣими руками поддерживалъ онъ плачущую и нечѣмъ было привести въ исполненіе задушевную мысль Тутъ вспомнилось ему, что подравшихся собакъ разливаютъ холодною водою; онъ поднялъ голову: на столѣ стоялъ, по обыкновенію, полный графинъ. Тихонько вытащилъ онъ свои руки изъ-подъ мышекъ дѣвушки и хотѣлъ подойти къ столу; та схватила его за руку:

— Ахъ, не уходи, не оставляй меня!

— Да я не уйду, я только за водой.

И, почесавъ теперь за ухомъ, онъ торопливо налилъ въ стаканъ воды и воротился съ нимъ къ дѣвушкѣ. И

въ этотъ разъ онъ разсчиталъ вѣрно: едва сдѣлала она два-три глотка, какъ утихла; нѣсколько погодя приподнялась съ полу, присѣла на стулъ и отерла широкимъ рукавомъ слезы; затѣмъ, глубоко вздохнувъ, выпила съ жадностью остатокъ воды и отдала стаканъ молодому человѣку.

— Ну, наплакалась, произнесла она, силясь улыбнуться.—Ты не взыскивай, милый мой, вѣдь я не Лотте... Да и за что мнѣ сердиться на тебя? развѣ ты виноватъ, что нашлась дѣвушка лучше меня? Ты и не такой еще достоинъ.

— Добрая моя...

— Полно, не представляйся, я знаю, что я теперь тебѣ бѣльмо на глазу, что у тебя въ эту минуту только одно на умѣ: какъ бы скорѣе отвязаться отъ меня.

— О, нѣтъ, Мари, ты ошибаешься...

— Не хитри хоть предъ концомъ, развѣ я не вижу? Глаза влюбленной зорки. Но ты былъ правъ, говоря, что такъ намъ нельзя разстаться; разойдемся друзьями. Если я тебя чѣмъ обидѣла, если надоѣдала—прости великодушно, не поминай лихомъ.

— Милая, какъ же ты можешь думать... Я готовъ въ эту минуту все сдѣлать для тебя.

— Правда?

— Сущая.

— Такъ я имѣла бы къ тебѣ просьбу...

Ластовъ невольно нахмурился:

«Ахъ, чёртъ возьми, ну, попроситъ отказаться отъ Наденьки?»

— Подари мнѣ на память эту булавку.

Галстухъ поэта былъ зашпиленъ золотою, съ эмалью,

булавкой. Лице его прояснилось, и съ необыкновенной готовностью отцѣпилъ онъ булавку, такъ-что повредилъ даже галстухъ.

— Нà, любезная Мари.

Въ это время за окнами послышался стукъ колесъ. Ластовъ встрепенулся:

— Дилижансъ! пора. Прощай, моя дорогая...

Она бросилась къ нему на шею и стала осыпать его жгучими поцѣлуями. Потомъ тихо оттолкнула отъ себя.

— Ступай, тебя дожидаются. Да хранитъ тебя Господь.

Она упала въ безсиліи на стулъ.

Ластовъ схватилъ въ одну руку чемоданъ, въ другую— альпійскую палку, трость и пледъ, и, наскоро поцѣловавъ еще разъ дѣвушку, выбѣжалъ на лѣстницу.

Дилижансъ дѣйствительно уже дожидался внизу, передъ площадкою отели; около него толпилось нѣсколько *R.*'скихъ пансіонеровъ, въ томъ числѣ Змѣинъ, Бреннъ, Наденька и мать послѣдней. Бросивъ чемоданъ къ остальной поклажѣ на имперіалъ дилижанса, Ластовъ взялъ подъ руку корпорента и отвелъ его въ сторону:

— У меня, другъ мой, есть къ тебѣ небольшое порученіе; исполнишь?

— Вопросъ! Само собою. Въ чемъ дѣло?

Ластовъ досталъ свое посланіе къ Наденькѣ.

— Какъ мы отъѣдемъ, такъ передай пожалуйста младшей Липецкой, да чтобы никто не видѣлъ.

— А, а! Хвалю. Но мнѣ полюбопытствовать можно?

— Нѣтъ, и тебѣ нельзя. Мы отправляемся теперь на женевское озеро, а тамъ въ благословенный край,

Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись.

Такъ если-бы пришлось почему-либо писать, ты можешь адресовать въ Неаполь.

— Да что-жъ это тебя такъ баснословно ѣхать приспичило? А! понимаю:

Vor der Liebe ein Jüngling lief,
Glaubte, sie wäre hinter ihm,
Doch sie sass ihm im Herzen tief. (*)

Напрасныя старанья: не убѣжишь.

— Увидимъ! Ну, прощай.

Они поцѣловались побратски. Затѣмъ Ластовъ подошелъ къ дамамъ. Наденька держалась конвульсивно за руку матери, какъ-бы ища опоры. Послѣдняя кровинка исчезла изъ цвѣтущаго лица ея. Когда Ластовъ подалъ ей на прощанье руку, то почувствовалъ, какъ пальцы ея, горячіе и влажные, дрожали въ его рукѣ.

— Прощайте, Надежда Николавна.

— Прощайте...

Болѣе не сказалъ ни одинъ изъ нихъ. Но въ глазахъ ея, устремленныхъ на него какъ-то грустно-вопросительно, онъ прочелъ нѣмой вопросъ:

— Что же стихи? вѣдь это нехорошо...

— А что карточка? спросилъ онъ вслухъ.

Наденька покачала отрицательно головой. Хотѣлъ онъ справиться, чтò значитъ это отрицаніе: неудачу въ похищеніи карточки, или нежеланіе дать ее? Но тутъ подъ дверьми дома появилась Мари. Ластовъ вспыхнулъ и,

---

(*) Отъ любви ли юноша бѣжалъ,
Думалъ, что злодѣйка позади,
А она засѣла глубоко въ груди.

коротко раскланявшись съ дамами, прыгнулъ въ дилижансъ.

— Adieux!

— Ade!

— Прощайте-съ!

Лошади тронули, громоздкій экипажъ загремѣлъ по мостовой.

При поворотѣ на мостикъ черезъ Ааръ, Ластовъ еще разъ выглянулъ изъ задняго окошка. Сквозь желтые столбы пыли, поднятые колесами, различилъ онъ въ отдаленіи живую картину: группа пансіонеровъ глядѣла съ площадки передъ отелью вслѣдъ отъѣзжающимъ; впереди стояли мать и дочь Липецкія и Мари. Вдругъ Наденька бросилась на шею къ молодой швейцаркѣ, толпа обступила ихъ... Экипажъ повернулъ за уголъ.

Ластовъ откинулся назадъ и пожалъ съ чувствомъ руку сидѣвшему возлѣ него другу. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что съ тобой?

— Заварилъ я кашу...

Кому-жъ-то придется ее расхлебать!

Какая сладость иногда въ грусти! Просто, хоть сахаръ вари.

— А по мнѣ такъ она какъ есть полынная настойка: и горька, и щелонитъ.

— Такъ и ты того?...

Змѣинъ хмуро отвернулся, но Ластовъ очень хорошо понялъ, что это значитъ:

— Да, и я того—дуракъ набитый!

Утро, какъ мы уже замѣтили, было высшаго достоинства: съ голубымъ небомъ и солнечнымъ блескомъ.

Но доброкачественность погоды въ минуту разлуки едва ли еще не усиливаетъ тоски. Все милое, покидаемое нами, представляется въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, и тѣмъ больнѣе намъ оставить его. Неподвижно, безмолвно стояли наши два пріятеля на кормѣ парохода, уносившаго ихъ отъ унтерзеенской пристани къ Туну. Все далѣе уходили знакомые берега, изъ-за темныхъ гребней которыхъ посылали путникамъ послѣдній привѣтъ свой бѣлоснѣжныя главы Юнграу, Мёнха, Эйгера... Одна за другой исчезали свѣтлыя вершины. Такъ гаснутъ яркія звѣзды волшебной лѣтней ночи, такъ потухаютъ безвозвратно звѣзды счастія...

—Прости, прости, мой край родной!
Ужъ скрылся ты въ волнахъ...

пѣлъ тихій голосъ на кормѣ судна.

— Kellner! громко раздался тамъ же другой голосъ:— Zwei Flaschen Liebfrauenmilch!

XXV.

Заключеніе.

Недѣли двѣ спустя, Ластовъ, прибывъ съ Змѣинымъ въ Неаполь, нашелъ тамъ слѣдующее письмо на свое имя.

«*Интерлакенъ, 24 іюля.*

«Amice carissime!

«Я извѣстился отъ Бронна (подлецъ онъ, отъявленный... но объ немъ рѣчь впереди), что ты намѣренъ пробыть

нѣкоторое время въ Неаполѣ, поэтому письмо мое должно застать тебя.

«Прежде всего спѣшу увѣдомить тебя, что я женихъ... Вижу, какъ ты блѣднѣешь, какъ письмо дрожитъ въ рукахъ твоихъ; но не пугайся, другъ мой: женихъ я не Наденьки, а Мирочки. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось. Не думалъ, не гадалъ, а вдругъ оказался женихомъ. Et d'une manière si commune! Сначала даже досадно было. Но теперь свыкся съ своей долей, въ особенности, когда узналъ, что беру приданаго до 20 тысячъ.

«Случилось оно такъ. Послѣдніе дни мы съ Мирочкой были все больше одни: то я отыскивалъ ее, то она меня. Entre quatre yeux она позволяла мнѣ даже цѣловать ей ручку, а ручка у нея—sapristi! маленькая, полненькая, съ ямочками; и—что очень важно—sans deuil; такъ вотъ и просится на поцѣлуи! Да что ручка! еслибы ты видѣлъ ея ножку: coude-pied... Но это—статья тебя некасающаяся.

«Итакъ, сидимъ мы съ нею въ бесѣдкѣ и прочитываемъ tour à tour *La Gaillarde* Поль-де-Кока (премиленькій романчикъ!), одинъ читаетъ—другая слушаетъ, другая читаетъ—одинъ слушаетъ, и наоборотъ, въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній. Тутъ замѣчаетъ она на рукѣ моей перстень.

«— Ахъ, говоритъ, какой хорошенькій!

«И давай снимать его. А ручёнки у нея, какъ выше объяснено, nec plus ultra, и какъ взялась она ими, мягкими, теплыми, за мою, такъ просто не знаю, что со мною сдѣлалось! Романъ ли Поль-де-Кока растрогалъ или что другое—только словно электрическій токъ (а можетъ быть, и гальваническій? кто его знаетъ) пробѣ-

жалъ по всѣмъ моимъ суставамъ; я не выдержалъ, обнялъ милашку и влѣпилъ ей наисмачнѣйшую безешку. Она не протестовала; но, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, продолжала снимать у меня перстень и, снявъ его, стала примѣрять его на всѣ пальцы. Понятно, что онъ былъ ей великъ. Тогда она продѣла въ него два пальца, и смѣется:

«— Вотъ видите ли, и мнѣ въ пору!

«А меня точно бѣсъ какой толкнулъ:

«— А что, говорю, еслибы я попросилъ васъ оставить его себѣ?

«Она опустила глазки.

«— Переговорите съ тётенькой; она моя опекунша...

«Я чуть не провалился сквозь землю, въ Америку. Imbécile! самъ того не зная, сдѣлалъ предложеніе. Но que faire? благородному человѣку нельзя отступиться отъ даннаго разъ слова, сконфузить ее тоже не хотѣлось— скрѣпя сердце, отправился я къ опекуншѣ, ну и, само собою, получилъ полное согласіе...

«Но обратимся къ другой статьѣ, тебя, безъ сомнѣнія, болѣе интересующей. Я не присутствовалъ при вашемъ отъѣздѣ (вольно же ѣхать въ такую неслыханную рань!), но слухомъ земля полнится: разсказывали мнѣ съ разныхъ сторонъ о трогательной прощальной сценѣ, какъ вы съ Наденькой, пожимая другъ другу въ послѣдній разъ руку, чуть не расплакались, какъ потомъ ты пересилилъ себя, оторвался отъ нея и бросился въ дилижансъ, какъ съ нею сдѣлалось дурно, и она чуть не растянулась передъ всей честнóй компаніей, какъ, наконецъ, мать потащила ее, рабу Божію, въ свои внутренніе апартаменты и задала ей тамъ капитальную голово-

мойку. Все кончилось бы еще благополучно, еслибъ не твоя стихоманія; накуралесила твоя Муза! нечего сказать. Ты обѣщался, говорятъ, написать Наденькѣ стишки и отдалъ ихъ при отъѣздѣ твоему другу-корпоренту, а тотъ, испугавшись эфекта, произведеннаго уже твоимъ отъѣздомъ, передалъ ихъ матери. Mon Dieu! что тутъ за драма разыгралась! Мы съ Мирочкой подслушали все изъ сосѣдней комнаты.

«— Ты, говоритъ, такая-сякая, связываешься со всякой шушерой, у которой и гроша въ карманѣ нѣтъ; другое дѣло, еслибы то былъ Куницынъ...

«Ея собственныя слова, милый мой, не обижайся.

«Но и Наденька твоя не промахъ; разгорячилась не меньше матери.

«—Вы, говоритъ, не смѣете не отдать мнѣ стиховъ: они для меня написаны, они мои...

«И пошла, пошла. Но, понятно, солома силы не ломитъ: мать торжественно разорвала ихъ, такъ что ты собственно для нея одной и писалъ ихъ—никто другой не читалъ ихъ. Hélas! и смѣшно, и грустно; du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas, сказалъ Наполеонъ. Ты, однако, когда-нибудь дай мнѣ прочесть свое посланьице—должно быть, препикантное.

«Три дня Наденька глазъ не показывала, а какъ показалась—Господи ты Боже мой! что сталось съ этой розовой, цвѣтущей дѣвушкой! Похудѣла, точно всѣ эти три дни маковой росинки въ ротъ не брала, и такая блѣдная, жёлтая... То ли дѣло моя Мирочка! Но не сердись, извини пожалуйста; лучше не сравнивать ихъ; послѣ самъ отдашь честь моему вкусу. A propos de bottes: твой дерптецъ, какъ выше сказано, подлецъ изъ

подлецовъ: чуть ты уѣхалъ, чуть Наденька вышла опять изъ затворничества (ужъ не мать ли посадила ее на хлѣбъ и на воду?), какъ онъ пріударилъ за ней, и хотя нельзя сказать, чтобы она замѣтно благоволила къ нему, однако онъ рёсировалъ уже на столько, что она улыбается его плоскимъ остротамъ. Но успокойся; доказательствомъ тому, что она еще не совсѣмъ утратила о тебѣ память, можетъ служить прилагаемая карточка ея:

«—Сдержалъ, молъ, слово.

«—Какое? спросилъ я:—написалъ стихи?

«Она замялась, покраснѣла. Я очень тонко при этомъ подтрунилъ надъ нею; она какъ-то прежде отозвалась, что любовь—нелѣпость, что законна только разумная привязанность, вслѣдствіе многолѣтняго знакомства.

«—Такъ-то-съ, сказалъ я ей,—вы питаете къ Ластову разумную, многолѣтнюю привязанность?

«Она сильно обидѣлась; но это показываетъ только, что я попалъ не въ бровь, а въ глазъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю.

«Могу разсказать тебѣ еще одну новость, хотя уже болѣе грустнаго свойства. Ты, конечно, замѣтилъ тутъ смазливую, черномазую горничную, Мари? До Липецкихъ я, faute de mieux, вздумалъ приволокнуться за ней, и хотя она играла сначала неприступную, но я увѣренъ, что достигъ бы желанной пристани, еслибъ не Наденька, а за ней Мирочка. Вдругъ вчера дѣлается съ нею нервная лихорадка; бредитъ, опасаются даже за ея жизнь... А вѣдь, чего добраго, во всемъ виноватъ я? Нѣмки эти вѣдь сентиментальны до-нельзя, я ее поцѣловалъ какъ-то въ коридорѣ, увѣрялъ въ страстной любви, ну, она вѣроятно и возмечтала; а какъ узнала, что я присватался

къ Мирочкѣ, такъ съ отчаянья... Очень можетъ быть! меня даже грызетъ немножко совѣсть; но кто-жъ виноватъ въ томъ? неужели мужчина, который съумѣлъ плѣнить глупенькую? На то силачу и сила, чтобы упражнять ее; и могу тебѣ сказать по секрету, что мнѣ даже ни мало непріятно, что и здѣсь, при такихъ небольшихъ стараніяхъ съ моей стороны, успѣлъ вскружить дѣвушкѣ голову не на животъ, а на смерть: видишь—весь прекрасный полъ отдаетъ тебѣ должный трибутъ.

«Но есть всему конецъ на свѣтѣ,
И даже выспреннимъ мечтамъ—

«И письмамъ. Отвѣтъ ты можешь адресовать мнѣ въ Парижъ, poste restante; я увѣрилъ Липецкихъ, что и тамъ можно получить сыворотки, да еще лучше здѣшнихъ; ха, ха, ха! вѣроятно же можно? На дняхъ мы отправляемся въ дорогу. Радуюсь напередъ удовольствіямъ, которыя доставлю тамъ своей душкѣ-невѣстѣ. Цѣлую тебя заочно.

«*Твой С. Куницынъ*.

«P. S. Когда я за обѣдомъ упомянулъ, что пишу къ тебѣ, Лиза просила передать твоему пріятелю Змѣину, что симпатическое средство его противъ зубной боли наконецъ помогло ей, и чтобы онъ не забывалъ 6-го іюля будущаго года.

«—Что такое 6-го іюля? говорю.

«—Змѣинъ, говоритъ, пойметъ.

«Ну, а коли пойметъ, такъ и хорошо. Я не изъ любопытныхъ. Addio, carissime.»

1863—1864.

ПОВѢТРІЕ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой.
ПУШКИНЪ.

I.

Она была насмѣшлива, горда,
А гордость—добродѣтель, господа.

ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ книжнаго магазина Исакова въ гостиномъ дворѣ выходила, въ сопровожденіи лакея въ ливреѣ, молоденькая, статная барышня, въ щегольской шапочкѣ съ бѣлымъ барашковымъ околышкомъ и въ шубкѣ, опушенной тѣмъ же бѣлымъ барашкомъ. Ничѣмъ не связанныя, пышныя кольца остриженныхъ по плечи, каштановыхъ волосъ вольно раскачивались вкругъ хорошенькой ея головки, лучшую часть которой—выразительные, темносиніе глаза—скрывали, къ сожалѣнію, синяго же цвѣта очки. Небольшой, пухленькій ротикъ былъ сжатъ съ выраженіемъ того прелестнаго самосознанія, которое свойственно однѣмъ очень молодымъ дѣвицамъ, опасающимся, чтобы ихъ ошибкою не приняли за маленькихъ. Но шаловливая, дѣтская улыбка подстерегала, казалось, изъ-за уголковъ губъ, въ ямочкахъ щекъ, перваго случая, чтобы свѣтлымъ сіяніемъ разлиться по художественно-правильному личику дѣвушки.

На улицѣ стояла январская оттепель. Съ пасмурнаго неба сыпался, крутясь, большими, мокрыми хлопьями снѣгъ, который, едва достигнувъ земли, тутъ же таялъ. Нахмуривъ, при видѣ снѣга, бровки, барышня плотнѣе

сунула себѣ подъ мышку свертокъ журналовъ, взятыхъ изъ магазина (хотя съ нею и былъ слуга, она несла свертокъ сама) и, повернувъ направо, пошла быстрыми шагами подъ прикрытіемъ гостинодворскаго навѣса, не удостоивая вниманія продавцевъ канцелярскихъ принадлежностей, грошовыхъ косметикъ и запонокъ, ни разносчиковъ апельсиновъ новаго привоза, пріютившихся подъ тѣмъ же гостепріимнымъ навѣсомъ и наперерывъ зазывавшихъ къ себѣ проходящихъ.

Высокій, молодой мужчина, съ умнымъ, блѣднымъ лицемъ, обрамленнымъ бѣлокурыми бакенбардами, въ цилиндрѣ и въ шинели съ нѣмецкимъ бобромъ, прицѣнивался у одного изъ апельсинщиковъ къ его душистому товару. Разносчикъ, разбитной малый, преклонивъ колѣно передъ своимъ лоткомъ, заманчиво вертѣлъ и подбрасывалъ въ пальцахъ приподнятой руки крупный, сочный королекъ. Голосъ покупателя коснулся слуха проходившей барышни; она вскинула взоры и невольно у нея сорвалось:

— М-г Ластовъ!

Тотъ быстро оглянулся.

— Наденька!

Потомъ, спохватившись, поправился съ улыбкой:

— Надежда Николавна...

— А я была увѣрена, Левъ Ильичъ, что вы давнымъ-давно у праотцевъ, заговорила не то насмѣшливымъ, не то радушнымъ тономъ Наденька.

— Изъ чего это вы заключили?

— Да какъ же, болѣе полугода глазъ не кажете. Были какъ-то на помолвкѣ кузины Монички, потомъ на свадьбѣ сестры Лизы, а тамъ—какъ въ землю провалились.

Кому-то теперь выходить замужъ, чтобы удостоиться улицезрѣть васъ у себя?

— Должно быть—ваша очередь.

— Нѣтъ, ужъ дудочки!

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди незамѣтно отошли на нѣсколько шаговъ отъ разносчика. Тотъ испугался, что совсѣмъ упустить покупателя.

— Баринъ, а, баринъ! дайте ужъ шесть гривенъ?

Ластовъ на ходу обернулся:

— Сорокъ копѣекъ.

— Помилуйте! Себѣ дороже. Прибавьте что ли пяточекъ? Ну, да ужъ пожалуйте, пожалуйте!

— Ступайте, сказала Наденька;—я подожду.

Вскорѣ молодой человѣкъ вернулся къ ней съ туго набитымъ бумажнымъ мѣшкомъ.

— Я угостилъ бы васъ, Надежда Николавна, еслибы...

— Погода стояла потеплѣе? Ничего не значитъ, контрасты-то и хороши: на хладномъ сѣверѣ упиваться плодами знойнаго юга! Угостите.

Ластовъ [illegible]остью развернулъ мѣшокъ, и дѣвушка, взявъ од[illegible]ьсинъ, принялась со смѣхомъ очищать его. Этимъ временемъ они дошли до угла Садовой.

— Здѣсь намъ въ разныя стороны, сказалъ Ластовъ.

— А вы въ какихъ краяхъ раскинули шалашъ свой?

— Въ Коломнѣ.

— Гм... Такъ я васъ провожу до конца гостинаго, рѣшила Наденька и повернула по зеркальной линіи.—Мнѣ хочется потолковать съ вами. Вы, Левъ Ильичъ, знаете, конечно, что я уже студентка?

— Вы студентка?

— Да, медико-хирургической академіи. Весною, какъ

вамъ извѣстно, я окончила гимназію; осенью, по совѣту медицинскаго студента Чекмарева, котораго вы вѣроятно видѣли у насъ, поступила въ академію. За эти полгода, я думаю, вы меня просто не узнаете!

— Да, вы измѣнились...

— Возмужала, что?

— Н-да. Съ какой стати, скажите, вы въ очкахъ?

— Какъ съ какой стати? Зачѣмъ люди носятъ очки? Вѣроятно оттого, что близоруки.

— А вы очень близоруки?

— Нѣтъ, не могу сказать.

— Такъ совѣтую вамъ не носить ихъ.

— Отчего же? мужчины вѣдь носятъ?

— Мужчины! Мы носимъ и короткіе волосы: при нашихъ угловатыхъ чертахъ, они намъ къ лицу. Вамъ же, женщинамъ, при округлыхъ, мягкихъ формахъ вашего тѣла необходимы и волнистыя косы.

— Вы ужасно ядовиты! не въ бровь, а въ глазъ. Такъ очки потому болѣе идутъ вамъ, что ваши черты угловаты?

— Нѣтъ, вообще говоря, они о[illegible]иваютъ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, но лице мужчины не имѣетъ претензій на красоту; оно должно выражать умъ, силу, почему очки и сообщаютъ ему только выраженіе болѣе серьезное, сосредоточенное. Въ лицѣ же женщины правильность чертъ, миловидность ихъ, нѣжность кожи, словомъ, красота—главное.

— Вотъ какъ! Но я не гонюсь за красотой.

— Напрасно; все что красиво—хорошо.

— Софизмъ! Все что полезно—хорошо.

— А! такъ и вы затянули эту пѣсеньку?

— Затянула. Но сами скажите, Левъ Ильичъ: чѣмъ же мы, бѣдныя женщины, виноваты, что имѣемъ другія формы тѣла? развѣ мы оттого менѣе люди, не можемъ уже пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуется ваша братія? Помните чтò говоритъ Лопухову Вѣра Павловна: «Что-жъ изъ того, что у тебя баритонъ, а у меня контральтъ? стòитъ ли толковать изъ-за такихъ пустяковъ?» Была бы только отъ очковъ реальная польза, а красиво ли, нѣтъ ли носить ихъ—дѣло второе.

— Что-жъ, возразилъ Ластовъ,— и въ неношеніи очковъ есть своего рода реальная польза: первое, не тратятся деньги на пріобрѣтеніе ихъ; второе, если вы, какъ женщина, станете нянчиться съ ребятишками, эти при первомъ случаѣ сорвутъ ихъ у васъ съ носа.

— Ну, покудова у меня нѣтъ еще ребятишекъ, да дастъ-Богъ, такъ скоро и не будетъ. Я хочу оставаться свободной, чтобы собрать по возможности болѣе научныхъ свѣденій.

— Такъ вы положительно рѣшились посвятить себя медицинѣ?

— А вы [illegible] отрицательно, «пурселепетанъ»? Посмотрѣли бы вы на наши студентскія сходки, убѣдились бы, какъ серьезно мы предались своему дѣлу.

— А! такъ и вы участвуете въ сходкахъ?

— Что же въ этомъ удивительнаго?

— И ѣздите туда однѣ?

— Одна, но на своихъ лошадяхъ, въ угоду родителямъ, которые не желаютъ, чтобы я выходила одна изъ дому. И теперь, какъ видите, за мной неизмѣнный тѣлохранитель. Но вы можете себѣ представить, какъ мнѣ это непріятно: оскорбляется чувство человѣческаго достоинства.

— Что же вы дѣлаете на сходкахъ? спросилъ Ластовъ.—Любопытно бы, право, побывать на одной изъ нихъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало? побывайте. Вотъ хоть бы сегодня... Вы вечеромъ свободны?

— Свободенъ.

— Такъ пріѣзжайте безъ церемоній. Мы собираемся нынче у Чекмарева. Живетъ онъ на Выборгской, по такой-то улицѣ, домъ такого-то.

— Но, можетъ, я стѣсню?

— О, нѣтъ; я предупрежу. Можетъ статься, удастся такимъ образомъ втянуть васъ опять понемногу въ наше общество. Послушайте, Левъ Ильичъ, признайтесь: зачѣмъ вы корчите изъ себя такого заморскаго звѣря, показываетесь въ людяхъ чуть ли не за деньги?

— Вопервыхъ, Надежда Николавна, я серьезно занятъ своей магистерской дисертаціей...

— Ну, это не отговорка; не съ утра же до ночи корпѣть вамъ надъ дисертаціей. Вовторыхъ?

— Вовторыхъ—я боюсь васъ.

— Что, что такое? засмѣялась сту[illegible]—Чѣмъ же я такъ настращала васъ?

— Это тайна.

— Нѣтъ, ужъ договаривайте; знаете поговорку: что замахнулся—что ударилъ.

— Видите ли... Я разскажу вамъ притчу:

Es klingt so süss, es klingt so trüb!

Начинается она, какъ всегда, тѣмъ, что

Ein Jüngling liebte ein Mädchen.

Но Mädchen привыкла въ родительскомъ домѣ къ роскоши и къ холѣ, а въ карманѣ Jüngling'а вѣтры гуляли. Со временемъ же онъ надѣялся сдать экзаменъ на магистра, на доктора, и пріобрѣсть професорскую каеедру. Вотъ и далъ онъ себѣ зарокъ избѣгать Mädchen, покуда не обезпечитъ своего существованія.

— Какой же онъ чудакъ, вашъ Jüngling, проговорила, не подымая глазъ, Наденька.—Какъ будто нельзя видѣться и до брака?

— То-то, что нѣтъ. Онъ убѣдился, что, бывая слишкомъ часто въ ея очаровательномъ обществѣ, пожалуй не устоитъ и раньше времени предложитъ ей руку и ногу.

— А кто-жъ сказалъ вамъ, что она приметъ ихъ? разсмѣялась, краснѣя, студентка.

— Никто не говорилъ. Но вѣдь можетъ же статься? на грѣхъ мастера нѣтъ.

— Вы, Левъ Ильичъ, уже черезчуръ заняты собою. Любить меня я, разумѣется, никому не могу запретить; любите, если хотите, это ужъ ваше дѣло. Что же до меня, то я [illegible] вижу и буду видѣть въ васъ не болѣе, какъ образованнаго молодого человѣка, съ которымъ не къ чему прерывать знакомство изъ-за маніи его влюбляться въ первую встрѣчную. Надѣюсь, что послѣ этого объясненія вы не станете избѣгать нашъ домъ и будете заходить къ намъ, хоть разъ въ мѣсяцъ.

— Да, такъ мы не будемъ стѣснять другъ друга?

— Еще бы стѣснять! Вы-то, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь: приглядится вамъ другая «дѣва чудная», не задумываясь, привязывайтесь къ ней узами церкви. Меня позовите только на свадьбу: хотѣлось бы знать вашъ вкусъ.

— Вамъ, Надежда Николавна, онъ долженъ бы быть ближе, чѣмъ кому другому, извѣстенъ?

Дѣвушка принужденно расхохоталась.

— Какія откровенности! Да вотъ мы и у мѣста, до котораго я обѣщалась проводить васъ. Такъ, значитъ, до вечера у Чекмарева?

— Значитъ.

— А что-жъ вы не снабдите меня на дорогу провіантомъ?

— Сдѣлайте ваше одолженіе.

Запасшись изъ поданнаго ей мѣшка апельсиномъ, она насмѣшливо кивнула молодому человѣку на прощанье головою и повернула обратно къ Невскому.

II.

Тра-ла-ла, барышни, тра-ла-ла-ла!

Курочкинъ.

Въ 9-мъ часу вечера того же дня Ластовъ подымался по шаткой, деревянной лѣстницѣ, освѣщаемой печально мигающимъ изъ амбразуры верхушечнаго окошка огаркомъ, во второй этажъ деревяннаго же дома на Выборгской сторонѣ. Взойдя на площадку, онъ остановился въ нерѣшимости: передъ нимъ было нѣсколько дверей. Но за одной изъ нихъ слышался явственно оживленный юношескій смѣхъ и многоголосный говоръ.

Ластовъ постучался.

Когда и на вторичный стукъ не послѣдовало приглашенія войти, онъ пожалъ ручку двери и ступилъ въ комнату.

На встрѣчу ему затрепеталъ тусклый свѣтъ полдюжины пальмовыхъ свѣчей, вставленныхъ въ пивныя бутылки. Блескъ пламени умѣрялся еще табачнымъ дымомъ, ходившимъ густыми клубами по комнатѣ. Вкругъ ряда сдвинутыхъ, разнаго калибра и разной шерсти, столовъ возсѣдало и возлежало, въ самыхъ непринужденныхъ положеніяхъ, человѣкъ 25—30 молодежи, избравшихъ себѣ сидѣніями, за малочисленностью стульевъ, кто кровать, кто какой-то сундукъ, кто деревянный кухонный табуретъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей были въ форменной одеждѣ студентовъ медико-хирургической академіи, конечно, на распашку, другіе въ визиткахъ и пиджакахъ, третьи, наконецъ, находившіе повидимому температуру горницы чрезмѣрно высокою, сидѣли въ однихъ рукавахъ. Въ общемъ ряду студентовъ Ластовъ различилъ и двухъ-трехъ дѣвицъ, въ томъ числѣ Наденьку.

— Quis ibi est? обернулся къ вошедшему сидѣвшій спиною къ двери хозяинъ комнаты, Чекмаревъ, студентъ, съ худощавымъ, угреватымъ лицемъ.—Вы? изумился онъ, узнавъ Ластова.—Откуда васъ нелегкая занесла?

— Интересовался вашей сходкой...

— Что такое? Я, по крайней мѣрѣ, сколько помнится, не приглашалъ васъ, а есть пословица: непрошенный гость хуже татарина.

Тутъ привстала Наденька.

— Это я пригласила его. Рекомендую, господа: Левъ Ильичъ Ластовъ, кандидатъ здѣшняго университета и учитель гимназіи, котораго вы скоро вѣроятно увидите на университетской каѳедрѣ.

— И который считаетъ ниже своего достоинства брать

менѣе трехъ рублей за урокъ! колко замѣтила другая изъ присутствовавшихъ барышень.

Учитель смѣрилъ ее удивленнымъ взоромъ. Дѣвушка эта была далеко не красива. Орлиный, крупный носъ придавалъ лицу ея выраженіе хищности. Выдающіяся скулы и ротъ, какъ говорится, до ушей также ни мало не способствовали къ смягченію этого выраженія. За-то безцвѣтные, водянистые глаза разувѣряли наблюдателя въ первомъ впечатлѣніи: они были слишкомъ апатичны для хищнаго существа. Блѣдный, вялый цвѣтъ кожи изобличалъ недоспанныя ночи. Ко всему этому, дѣвица, какъ-бы сама сознавая свою непривлекательность, явно пренебрегала нарядомъ и прическою, которая прикрывала до половины и безъ того невысокій лобъ ея.

— Не имѣю удовольствія знать? промолвилъ Ластовъ.

— Фамилія моя Бреднева.

— А! вы сестра ученика моего, Алексѣя Бреднева?

— Сестра.

— Такъ не вы ли та самая дѣвушка, про которую онъ говорилъ мнѣ...?

— Та самая дѣвушка, про которую онъ вамъ говорилъ.

— Что-жъ онъ, чудакъ, не объявилъ мнѣ этого тогда же?

— Въ чемъ дѣло? вмѣшалась, заинтересовавшись, Наденька.—Пожалуйста, безъ секретовъ.

— Дѣло очень просто въ томъ, объяснила Бреднева,— что я, черезъ брата своего, просила г-на Ластова давать мнѣ уроки изъ естественной исторіи; онъ, говорятъ, мастеръ своего дѣла. Но средства мои не позволяли мнѣ предложить ему болѣе рубля за часъ, а крайняя такса ему три; сдѣлка наша и не состоялась.

Между присутствующими послышался шёпотъ неудовольствія и сдержанный смѣхъ. Наденька приняла сторону учителя.

— Что-жъ, если бы я, подобно Льву Ильичу, была занята магистерской дисертаціей, то и сама не взяла бы менѣе трехъ рублей. Time is money, говорятъ англичане.

— А онъ англичанинъ? усмѣхнулась Бреднева.

— Полно вздоръ-то нести. Надѣюсь, господа, вы не взыщите, что я, не спросясь, рѣшилась познакомить его съ нашими собраніями?

— Помилуйте, намъ даже очень пріятно, любезно увѣрили хорошенькую товарку близсидѣвшіе студенты.

— Ну, такъ оставайтесь, проворчалъ Чекмаревъ.— Облаченіе ваше вы можете пріобщить вонъ къ общей рухляди.

Онъ указалъ на кучу сваленныхъ въ углу шинелей, сѣрыхъ форменныхъ пальто и салоповъ.

— Гдѣ присѣсть, прибавилъ онъ небрежно,—потрудитесь пріискать ужъ сами; стулья до одного заняты.

Двое студентовъ, полулежавшихъ на кровати, сжалились надъ безпріютнымъ пришельцемъ и отодвинулись въ одну сторону. Поблагодаривъ, онъ пристроился коекакъ на опроставшемся мѣстѣ. Наденька, сидѣвшая почти насупротивъ его, подала ему черезъ столъ руку.

— Да и вы курите? удивился Ластовъ, замѣтивъ въ зубахъ студентки дымящуюся папироску.

— Какъ видите. Самсонъ крѣпкій, присовокупила она не безъ самодовольства.

— А родители ваши знаютъ?

— Н-нѣтъ, должна была она сознаться и покраснѣла.—Maman, видите ли, не любитъ табачнаго запаха...

— Такъ-съ; вы скрываете отъ нихъ изъ чувства дѣтскаго уваженія? Похвально. И вы находите удовольствіе въ куреніи?

— Пф, пф... да. Только голова съ непривычки кружится.

— Такъ зачѣмъ же вы курите? Женщинамъ оно къ тому же и нейдетъ.

Студентка сдѣлала глубокую затяжку и сострадательно усмѣхнулась.

— Почему это? Мы созданія нѣжныя, эѳирныя, своего рода полевые цвѣточки; ароматъ нашъ можетъ пострадать отъ ѣдкаго табачнаго дыма?

— Пожалуй что и такъ.

— Липецкая, Ластовъ, silentium! возвысилъ голосъ Чекмаревъ.—На чемъ мы, бишь, остановились?

— Шрофъ описывалъ случай трудныхъ родовъ! отвѣчалъ кто-то.

— Извольте же продолжать, Шрофъ.

— Что это у васъ, публичныя чтенія? объясните пожалуйста, отнесся Ластовъ шёпотомъ къ сосѣду.

— Всякій изъ нашей среды, отвѣчалъ тотъ,—кому попадется на недѣлѣ интересный случай болѣзни, обязанъ дать подробный о немъ отчетъ. Непользующіе еще больныхъ приводятъ все мало-мальски замѣчательное, прочтенное ими въ книгахъ или слышанное на професорскихъ лекціяхъ. Возбуждаются дебаты, при которыхъ предметъ окончательно разъясняется.

Студентъ, названный Шрофомъ, началъ свое описаніе. Послѣ первыхъ же словъ онъ былъ прерванъ, но не безъ ловкости отпарировалъ возраженія; вмѣшались другіе, загорѣлся оживленный споръ. Хотя Ластовъ былъ профа-

номъ въ медицинѣ, и изобиліе медицинскихъ терминовъ, испещрявшихъ рѣчь споривших, затемняло ему иногда общій смыслъ спорнаго предмета,—тѣмъ не менѣе вниманіе его было живо возбуждено: онъ видѣлъ свѣжія, бродящія силы, стремящіяся съ восторженностью молодости къ свѣту науки, къ свѣту истины. Острыя, мѣткія замѣчанія, какъ искры изъ кремня, сыпались справа и слѣва. Если пренія принимали слишкомъ полемическій характеръ, Чекмаревъ, исправлявшій должность президента настоящаго митинга, стучалъ по столу и недопускавшимъ противорѣчія «silentium!» водворялъ гражданскій порядокъ. Досаждало Ластова одно—присутствіе молодыхъ дѣвицъ, выслушивавшихъ лицемъ къ лицу съ молодыми людьми такія подробности о нѣкоторыхъ физіологическихъ процесахъ, которыя невольнымъ образомъ должны были оскорблять въ нихъ врожденную женскую стыдливость.

За Шрофомъ выпросилъ себѣ право говорить другой студентъ. Въ самомъ разгарѣ преній одинъ изъ присутствующихъ освѣдомился у хозяина: припасено ли пиво?

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ тотъ.

— Чего-жъ вы дожидаетесь? тащите его сюда; совсѣмъ въ горлѣ пересохло.

— Patientia! Явится вмѣстѣ съ чаемъ; всякому ad libitum то или другое. Узнàемъ что самоваръ?

Взявъ въ обѣ руки по бутылкѣ-подсвѣчнику, онъ ударилъ ихъ звонко одну объ другую. Въ дверь высунулась голова:

— Чего вамъ?

— Ipsecoquens?

— Сейчасъ закипѣлъ.

— Такъ подавай.

Вскорѣ передъ предсѣдателемъ шипѣлъ пузатый исполинъ-самоваръ. Рядомъ появился подносъ съ чайникомъ, стаканами (безъ блюдечекъ), ножами, чаемъ въ бумажной трубочкѣ и грудой крупныхъ, въ полкулака, сахарныхъ осколковъ. Затѣмъ былъ насыпанъ вдоль всего ряда столовъ валъ изъ сухарей, пеклеванныхъ и французскихъ булокъ.

— А butyrum vaccinum? строго вопросилъ хозяинъ.

— Сію минуту, отвѣчала служанка, торопясь принести масло—кусокъ въ нѣсколько фунтовъ, завернутый еще въ лавочную бумагу.

Заваривъ чай, Чекмаревъ наклонился подъ кровать и, отодвинувъ, не говоря ни слова, въ сторону ноги Ластова, вытащилъ изъ-за нихъ полновѣсную пивную корзину. Потомъ съ тщаніемъ началъ разставлять симетричнымъ треугольникомъ батарею бутылокъ по срединѣ стола.

— Кто пьетъ пиво, объяснилъ онъ,—пьетъ его въ эмбріональномъ видѣ, непосредственно изъ бутылокъ; стаканы опредѣлены для чаю.

Пивной треугольникъ тутъ же разстроился. Наденька завладѣла одной изъ бутылокъ и пальцами ловко раскупорила ее.

— Оно вѣдь фрицевское? обратилась она дѣловымъ тономъ къ Чекмареву.

— Само собою.

Студентка взглянула мелькомъ на Ластова—и сконфузилась: глаза ихъ встрѣтились.

— Чему вы удивляетесь? спросила она развязно.—Пиво очень питательно.

Nunc est bibendum! nunc pede libero
Pulsanda tellus!

Встряхнувъ кудрями, она приложилась губами къ горлышку, но, отъ чрезмѣрнаго усердія, чуть не захлебнулась и раскашлялась.

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, оправившись, сказала она и, не падая духомъ, вновь поднесла ко рту «питательную» влагу.

— Вы, Липецкая, обратился къ ней Чекмаревъ,—желали, кажется, изложить кое-какія мысли по поводу молешотовскаго *Kreislauf des Lebens?*

— Да, и прошу слова, отвѣчала она, смѣло взбрасывая свою хорошенькую головку.

— Вниманія же, господа! провозгласилъ предсѣдатель, прибѣгая къ своему неизмѣнному вѣчевому колокольчику-кулаку:—будетъ говорить одна изъ достоуважаемыхъ товарокъ нашихъ—Липецкая.

Говоръ умолкъ; взоры всего собранія съ любопытствомъ устремились на студентку-оратора.

Наденька поправила очки, оперлась руками на столъ, откашлянулась и заговорила:

— Господа! всѣ вы, безъ сомнѣнія, до одного знаете Молешота, какъ свои пять пальцевъ? Не сомнѣваюсь также, что во всемъ, исключая развѣ незначительныя частности, вы сходитесь съ нимъ въ воззрѣніяхъ на духовную жизнь человѣка, на значеніе его въ ряду остальныхъ органическихъ твореній. Представьте же себѣ, что нѣкій индивидуумъ не ознакомился еще съ основными истинами міра; спрашивается: слѣдуетъ ли намъ, посвященнымъ, оставлять его въ невѣденіи, или нѣтъ?

— Что за вопросъ! Разумѣется, нѣтъ, нѣтъ и тысяча разъ нѣтъ!

— Хорошо-съ. Но ежели сказанный индивидуумъ страшится нашихъ сужденій, ежели нарочно затыкаетъ уши, чтобы не слышать насъ, всѣми святыми упрашиваетъ не говорить ему ничего болѣе,—какъ поступать въ такомъ случаѣ?

Бреднева, сидѣвшая до этого времени неподвижно, безучастно, измѣнилась слегка въ лицѣ, отдѣлилась головою отъ стѣны, къ которой прислонялась, и тихо промолвила:

— Ты это про меня, Наденька?

— Да, про тебя, коли ты уже сама выдаешь себя.

— Беру васъ, господа, въ свидѣтели, обратилась Бреднева къ окружающимъ,—имѣла ли я основаніе просить ее молчать? Я еще такъ слаба въ естественныхъ наукахъ, что не могу вполнѣ провѣрить тѣ факты, на которыхъ построены ваши теоріи. Факты эти могутъ только спутать меня; ничего не давая взамѣнъ, лишить меня краеугольныхъ камней теперешняго моего консервативнаго міросозерцанія,—камней, быть можетъ, и вырубленныхъ не изъ плотнаго мрамора, какъ ваши, а изъ рыхлаго песчанника, но тѣмъ не менѣе служащихъ хоть какимъ ни есть фундаментомъ для моихъ шаткихъ, отрывочныхъ понятій. Ваши же мраморныя глыбы обрушиваются на меня горной лавиной и грозятъ раздавить, расплющить меня.

— Бреднева въ извѣстномъ отношеніи права, наставительно замѣтилъ Наденькѣ председатель:—ребенка вы ни за что не научите читать, пока не покажете ему какъ выговаривать отдѣльныя буквы. Какъ же вы хотите,

чтобы она поняла что-либо разумное, когда не можетъ еще провѣрить на опытѣ подлинность приводимыхъ вами данныхъ?

— А вы, Чекмаревъ, въ томъ только и убѣждены, что провѣрили сами на опытѣ? Вы увѣрены, напримѣръ, что земля не стоитъ на трехъ рыбахъ, а несется въ пространствѣ, что она почти сферична, у полюсовъ только еле сплюснута; вѣдь увѣрены?

— Ну, разумѣется.

— Что же васъ убѣдило въ томъ? Дѣлали вы опыты съ маятникомъ Фуко, измѣряли самолично меридіаны? наблюдали наконецъ, помощью телескоповъ, лунное затмѣніе?

— Нѣтъ.

— Откуда же у васъ увѣренность, что земля апельсинообразна? Изъ книгъ вычитали? Да, можетъ, книги лгутъ? Въ томъ-то и дѣло, любезнѣйшій мой, что ни одинъ смертный не можетъ быть спеціалистомъ по всѣмъ отраслямъ знанія, что мы должны вѣрить на слово своимъ собратьямъ по предметамъ намъ чуждымъ. Вамъ даются готовые факты—выводите заключеніе. А не можете сами, такъ спеціалисты разжуютъ за васъ и въ ротъ вамъ положатъ; знайте только глотать. Первое дѣло, чтобы убѣжденія ваши были истинны; а такъ ли, иначе ли дошли вы до нихъ—дѣло второстепенное.

— Все это очень красиво сказано, возразила Бреднева;—но кто, скажи, отвѣчаетъ мнѣ за то, что ваши-то убѣжденія и суть истинныя, что они не глупое, одуряющее вино?

Пиво поднялось въ голову студенткѣ. Она съ лихорадочною живостью вскочила съ мѣста, загасила съ сердцемъ

объ столъ папиросу и; съ пылающими щечками, съ раздувающимися отъ волненія ноздрями (глазъ ея, за синимъ цвѣтомъ очковъ, не было видно), обратилась къ оппоненткѣ съ крылатою рѣчью:

— Что такое? наши убѣжденія—глупое вино? убѣжденія Ньютона, Канта, Гёте—глупое вино? убѣжденія первѣйшихъ натуралистовъ нашего времени — глупое вино? Одни ваши понятія о мірѣ, понятія профановъ въ наукѣ міра, вѣрны и непреложны? Поздравляю! вотъ такъ логика! подлинно, логика профановъ!

— Къ чему такъ горячиться, моя милая, остановила порывъ гнѣва холерической ораторки ея лимфатическая подруга.—Я знаю людей, круглыхъ профановъ въ наукѣ міра, то есть въ естественной исторіи, а между тѣмъ весьма неглупыхъ, приносящихъ обществу немало важную пользу. У всякаго барона своя фантазія. Мы убѣждены въ одномъ, вы въ другомъ; «кто правъ, кто виноватъ—судить не намъ.» А вѣдь можетъ же статься, что ваше ученіе все-таки глупое вино? въ такомъ случаѣ ты, отвративъ меня насильно отъ истины, возьмешь вѣдь грѣхъ на душу?

— Если ученіе наше въ самомъ дѣлѣ ложно, то ты, такъ или сякъ, рано или поздно, убѣдишься въ томъ и можешь воротиться на путь истинный. Ложь недолговѣчна и распадается сама собою.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей,

Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Но въ томъ-то и дѣло, что мы не художники-варвары, вы же не картины генія, а лубочныя, толкучныя!

— Позвольте и мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, вмѣшался тутъ Ластовъ.—Всегда ли хорошо навязывать другимъ свои убѣжденія, если они, по вашему, даже вполнѣ вѣрны? Mundus vult decipi—ergo decipiatur. Они счастливы съ своимъ міросозерцаніемъ, а вы, взамѣнъ ихъ отрадныхъ, свѣтлыхъ илюзій, даете имъ одну горькую, голую истину, которая можетъ отравить имъ всю будущность, довести ихъ пожалуй до отчаянья.

Вкругъ столовъ поднялся глухой ропотъ, сквозь который можно было разслышать нелестные для учителя эпитеты:

— Консерваторъ! филистеръ! тупоумецъ!

— Et tu quoque, Brutus? продолжала, все болѣе воодушевляясь, Наденька.—Не лучше ли ужъ отчаяваться, чѣмъ жить весь вѣкъ, хотя относительно счастливо, неразумною тварью? Горчайшая истина все-таки въ миліонъ разъ лучше сладчайшей лжи. Да и будетъ ли кто еще отчаяваться? Вотъ хоть бы я: не прошла еще, кажись, до конца концовъ естественныхъ наукъ, а вполнѣ уже раздѣляю воззрѣнія натурфилософовъ, ни мало не надѣюсь, что въ заключеніе меня по головкѣ погладятъ; и ничего себѣ, живу, не рву на себѣ съ отчаянья волосъ. Гасители же судятъ о насъ какъ? «Не ожидаютъ, молъ, за свое поведеніе ни розогъ, ни наградныхъ пряниковъ, такъ что же имъ препятствуетъ сдѣлаться первостатейными мошенниками и злодѣями?» Слѣпцы! да вѣдь это самое обстоятельство, что мы не признаемъ надъ

собою фантастическаго deus ex machina, что мы сами должны устроить свое земное счастіе, и понуждаетъ насъ поступать по совѣсти, творить по мѣрѣ силъ добро. Первое условіе истиннаго счастія—все-же самоуваженіе! Если я, положа руку на сердце, могу, не краснѣя, сказать себѣ: «Ты дѣлала все, что было въ твоей власти для облегченія жизни твоимъ ближнимъ, за тобою нѣтъ ни одного гнуснаго поступка, ты можешь уважать себя»,—тогда душа моя свѣтла, безмятежна, какъ безоблачное небо, тогда я счастлива! А надломятъ мою физическую, слабосильную натуру житейскія невзгоды—совѣсти моей онѣ не сломятъ; я умру, весело улыбаясь! И послѣ возможности на свѣтѣ подобнаго счастія оставлять еще людей утопать въ невѣжествѣ, давать имъ наслаждаться ихъ паточными пряниками? Ни за что! пусть слабыя очи нѣкоторыхъ и не вынесутъ блеска ничѣмъ не прикрытой, ослѣпительно-чистой истины, пусть они, какъ саисскій юноша, растеряются и прохнычатъ всю жизнь—туда, стало быть, и дорога! Не было здоровыхъ задатковъ для настоящаго человѣка—ну, и жалѣть нечего!

Легко себѣ вообразить, какой энтузіазмъ возбудилъ въ пылкой молодежи спичъ восторженной студентки. Ластовъ собирался еще что-то возразить, но никто уже не обращалъ на него вниманія. Раздались единодушныя рукоплесканія, возгласы восхищенія, топотъ ногъ; самъ положительный президентъ не могъ воздержаться отъ ударенія раза два одной ладони о другую.

Рѣчью Наденьки закончился вечеръ. Начались сборы. Всякій, не безъ затрудненія, выискалъ свое верхнее платье изъ сваленной въ углу общей груды.

III.

Польза, польза—мой кумиръ!
ЛЕРМОНТОВЪ.

Когда молодежь повалила гурьбой на улицу, Наденька первая укатила въ дожидавшихся ея, одноместныхъ дрожкахъ.

Ластовъ очутился около Бредневой.

— Намъ, кажется, по дорогѣ... началъ онъ.

— Нѣтъ, не по дорогѣ! коротко отрѣзала она и пошла быстрѣе.

Онъ, смѣясь, на столько же ускорилъ шаги.

— Да вѣдь вы не знаете, гдѣ я живу?

— Гдѣ бы ни жили—намъ съ вами никогда не по дорогѣ.

— Вы злопамятны, продолжалъ учитель.—Надежда Николавна замѣтила очень основательно, что мнѣ время ныньче дорого: я даю именно столько уроковъ, чтобы не умереть съ голоду. Не забудьте также, что я на другой же день одумался, просилъ вашего брата передать вамъ, что все-таки готовъ учить васъ; но тутъ уже вы сами отказались.

— Отказалась, потому-что не желаю получать милостыню. Я, повѣрьте мнѣ, заплатила бы вамъ и болѣе рубля за часъ, еслибы только позволяли средства. Вы, г-нъ Ластовъ, должны войти въ мое положеніе: живу я съ матерью и братомъ; мать получаетъ незначительную пенсію; братъ и гроша еще заработать не можетъ; главная забота о нашемъ пропитаніи лежитъ, слѣдовательно, на мнѣ. Окончивъ въ прошломъ году, вмѣстѣ съ Липецкой

гимназію, я принуждена была принять мѣсто бухгалтерскаго помощника въ купеческой конторѣ. Тамъ утро мое все занято. До обѣда я даю уроки музыки. Такимъ образомъ, для себя, для собственныхъ занятій я имѣю только вечеръ. А сколько успѣешь сдѣлать въ вечеръ безъ посторонней помощи? Посѣщать лекціи въ академіи могу я только урывками, сходки нѣсколько чаще, но также не всегда; мнѣ нуженъ былъ опытный руководитель, который помогъ бы мнѣ восполнитѣ то на дому, что я упускала на лекціяхъ. Въ первыхъ курсахъ академіи главную роль играютъ естественныя науки; я обратилась къ вамъ, какъ къ капитальному натуралисту,— вы отказались.

Учитель слушалъ экс-гимназистку съ большимъ сочувствіемъ.

— Вопросъ теперь только въ томъ, сказалъ онъ:— есть ли въ васъ вообще призваніе къ медицинѣ?

— Это покажетъ будущность.

— Нѣтъ, это необходимо знать уже заранѣе, чтобы не тратить попусту трудовъ. Извините: какъ васъ по имени и отчеству?

— Авдотья Петровна.

— Вы, Авдотья Петровна, сколько я успѣлъ замѣтить,—флегматка, и вѣроятно любите покой, комфортъ?

— Люблю; что̀ грѣха таить.

— Вотъ видите ли. А жизнь врача—вѣчная каторга, непрерывная возня съ народомъ изнывающимъ, причудливымъ, съ которымъ требуется ангельское терпѣніе. Будете ли вы въ гостяхъ, приляжете ли дома у себя отдохнуть отъ дневной бѣготни—во всякое время дня и ночи васъ могутъ отозвать къ паціенту, и вы волей-

неволей обязаны повиноваться, не прекословя подышать опять полною грудью въ атмосферѣ морально и физически удушливой, часто заразительной. А. не пойдете разъ, или своенравную воркотню больного не снесете хладнокровно—мигомъ лишитесь практики, а слѣдовательно, и пропитанія.

— Левъ Ильичъ, вы немилосердны! Професія врача всегда мнѣ казалась такой благородной...

— Безъ сомнѣнія, она весьма почтенна и представляетъ безграничное поле для постоянныхъ самоотверженій. Но она требуетъ и нрава кроткаго, воли желѣзной, нервовъ и мышцъ неутомимыхъ. За неимѣніемъ этихъ качествъ, врачъ или дѣлается подлымъ шарлатаномъ (и сколько-то ихъ на бѣломъ свѣтѣ!), или подкапываетъ въ самое короткое время собственное здоровье, ради здоровья другихъ; а вѣдь всякому своя рубашка ближе къ тѣлу. Людей очень молодыхъ, пылкихъ и исполненныхъ благороднаго стремленія жертвовать всѣмъ для блага ближнихъ, обязанности врача плѣняютъ именно своей очевидной пользою; не испытавъ всѣхъ неудобствъ, неразрывно связанныхъ съ этими обязанностями, они врядъ ли подозрѣваютъ ихъ. Вы бывали въ эрмитажѣ?

— Какъ же.

— И видали тамъ морскіе виды Айвазовскаго?

— Видала.

— Не правда ли, какъ увлекательно-хороши его бури? Вода, прозрачная, смарагдовая, что̀ твой рейнвейнъ, плещетъ до небесъ; корабль, съ разодранными въ клочки парусами, опьянѣлъ и захлебывается; экипажъ повисъ на снастяхъ и мачтахъ, и волны, славныя такія, хлещутъ имъ черезъ головы. Глядишь, не налюбуешься—

великолѣпіе и только! А попробуй вы сами переиспытать кораблекрушеніе, посидѣть, среди свиста и рева урагана, на расщепленной мачтѣ, окачиваемыя каждый мигъ съ головы до ногъ ледянымъ разсоломъ—куда бы дѣвалась для васъ вся поэзія бури!

Бреднева поникла головою.

— Вы разбиваете лучшія мои мечты... Еслибы вы только знали, Левъ Ильичъ, какъ мнѣ прiѣлась бухгалтерія! Мертвая цифра да эти безконечныя вычисленія...

— Авдотья Петровна! вы жалуетесь на сухость бухгалтеріи; да мало ли на свѣтѣ суши? Вы думаете, мнѣ интересно изо дня въ день вдалбливать въ неразвитыхъ мальчугановъ одни и тѣ же научные азы? А чиновникомъ быть, вы полагаете, весело? по одной заданной формѣ кропать бумаги да бумаги? или, и того хуже, переписывать и подшивать листы, какъ то зачастую выпадаетъ на долю молодымъ канцелярскимъ, хотя бы и окончившимъ въ университетѣ высшій курсъ наукъ? А каково, скажите, управлять заводомъ? съ утра до вечера возиться съ безтолковыми рабочими и ни съ душой живого слова не перемолвить? Нѣтъ, если не сжиться съ своей работой, не вдохнуть въ нее жизни, то она и останется бездушной. Что же до вашей бухгалтеріи, то она—занятіе совершенно по васъ: спокойное, безмятежное, требующее всегда напряженнаго вниманія, нерѣдко и умственнаго соображенія, а главное—хлѣбное.

— Да пользы, Левъ Ильичъ, пользы нѣтъ отъ нея!

— А вамъ сколько платятъ?

— Да нѣтъ же, я не хлопочу о своей выгодѣ, я говорю о пользѣ общественной.

— Общественной? Ахъ, Авдотья Петровна, оставьте

покуда общество въ сторонѣ; достаточно съ васъ, право, заботъ вашихъ о благосостояніи матери и брата. Еслибы только всякій изъ насъ исполнялъ добросовѣстно выпавшія на его долю обязанности, повѣрьте, всѣмъ бы жилось хорошо. Общественная польза есть зданіе, на постройку котораго каждый долженъ принести одинъ только кирпичъ, но кирпичъ этотъ долженъ быть уже высшаго сорта.

— Приходится открыться вамъ, Левъ Ильичъ, проговорила, заминаясь, Бреднева.—Въ гимназіи я была всегда первой, и гимназическій курсъ, сказать не хвалясь, знаю весьма-таки изрядно. Только математикѣ насъ учили спустя рукава. Взявшись за бухгалтерію, я черезчуръ понадѣялась на себя; теперь запутала дѣло, надѣлала ошибокъ, не знаю еще какъ выпутаюсь.

— Но какъ же вамъ довѣрили счетную часть, когда вы такъ слабы въ ней?

— Одинъ товарищъ брата, сынъ купца, рекомендовалъ меня своему отцу... Да веденіе книгъ я и безъ того знаю; только эти вычисленія, пропорціи сбиваютъ меня.

— Такъ попросите брата растолковать вамъ пропорціи; онѣ въ сущности очень просты.

— Ахъ, нѣтъ, Левъ Ильичъ, бухгалтерія мнѣ ужъ по горло; я все-таки брошу ее; мнѣ хочется чего-нибудь свѣжаго, живого.

Ластовъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Дай вамъ Богъ успѣха на поприщѣ медицины. Я съ своей стороны не хочу быть вамъ помѣхой. Занятіе естественными науками во всякомъ случаѣ увеличитъ запасъ вашихъ знаній, разовьетъ васъ. Прошу васъ поэтому забыть прошлое и сдѣлаться моей ученицей.

Бреднева быстро повернулась къ нему всѣмъ лицемъ. При свѣтѣ ближняго фонаря онъ увидѣлъ какъ въ безцвѣтныхъ глазахъ ея блеснулъ при этомъ лучъ удовлетвореннаго самолюбія.

— То есть, какъ же такъ? спросила она;—по рублю за часъ?

— По рублю.

— Вы, Левъ Ильичъ, великодушничаете, но чтобы показать вамъ, что я не упряма, я не отказываюсь; вотъ вамъ рука моя. Вы человѣкъ благородный, хотя... маленькій консерваторъ.

Когда Бреднева сказала своему будущему наставнику свой адресъ, то оказалось, что они живутъ другъ отъ друга въ какой-нибудь четверти часа ходьбы, хотя, въ началѣ разговора, она и объявила, что имъ «не по дорогѣ». Теперь они оба надъ этимъ посмѣялись и на общемъ извощикѣ доѣхали до квартиры Бредневой, гдѣ подружески распростились.

IV.

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!
ПУШКИНЪ.

Въ условленный день и часъ учитель явился на урокъ. Первый пріемъ, сдѣланный ему, былъ далеко не любезенъ. Едва ступилъ онъ въ переднюю, какъ косматая, средней величины собака, злобно рыча, бросилась къ нему на грудь, стараясь допрыгнуть до его лица. Мать Бредневой, сѣдая старушка, съ добродушной, незначи-

тельной физіономіей, впустившая Ластова, совсѣмъ растерялась:

— Ахъ ты, Господи! Ксерксъ, кушъ!

Но въ это время нижняя челюсть Ксеркса очутилась уже въ желѣзныхъ пальцахъ гостя, которые, какъ видно, сжимали ее не очень-то ласково, потому-что бѣдное животное, извиваясь змѣемъ, жалобно завизжало, напрасно силясь высвободить челюсть изъ неожиданныхъ тисковъ.

— Что, голубчикъ, непривычно? говорилъ учитель, трепля его свободною рукою по взъерошенному хребту.— Ну, ничего, стунай; будетъ, я думаю, съ тебя.

Онъ розналъ пальцы. Поджавъ хвостъ и тихо ворча, побѣжденный Ксерксъ поспѣшилъ ретироваться за перегородку, отдѣлявшую прихожую отъ кухни.

— Экая злая собаченка! Но она умна и вѣрна, вотъ за что мы ее и держимъ, извинилась г-жа Бреднева, все еще неоправившаяся отъ перепуга; потомъ взглянула привѣтливо-вопросительно на гостя:—Г-нъ Ластовъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ онъ.—А вы, если не ошибаюсь, матушка Авдотьи и Алексѣя Петровичей?

— Да-съ, да-съ. Но не причинила ли она вамъ боли, Боже сохрани?

— Нѣтъ, улыбнулся Ластовъ,—ей во всякомъ случаѣ было больнѣе, чѣмъ мнѣ. Но мы будемъ еще добрыми друзьями. Дѣти ваши дома?

— Да, они только-что за книжками; не угодно ли войти?

Она повела учителя во внутренніе покои; ихъ было весьма немного: всего два. Первый, довольно просторный, былъ разгороженъ во всю длину зеленой, штофной драпировкой, за которой должно было предполагать

кровати. Меблировка, комфортабельная и полная, напоминала о лучшихъ временахъ. Дверь во вторую комнату была притворена; старушка тихонько просунула въ нее голову.

— Дуня, можно войти? Г-нъ Ластовъ пришелъ.

— Разумѣется, можно, отвѣтилъ изнутри голосъ дочери.—Попросите его сюда.

Г-жа Бреднева толкнула дверь и пропустила впередъ гостя. Комната эта по объему была вдвое меньше первой, съ однимъ лишь окномъ, передъ которымъ, за рабочимъ столикомъ, занимались, при свѣтѣ полуторарублевой, шандоровской лампы, гимназистъ и сестра его. Послѣ первыхъ привѣтствій между наставникомъ и питомцами, старушка смиренно исчезла, взявъ съ собой и сына.

— Что вы тутъ подѣлывали? освѣдомился Ластовъ, когда они съ ученицей остались одни.

— А латынь подзубривали, отвѣчала она,—исключенія по третьему склоненію:

«Panis, piscis, crinis, finis,
Ignis, lapis, pulvis, cinis...»

Спросите-ка меня что-нибудь, Левъ Ильичъ? Вотъ Кюнеръ.

Чтобы удовлетворить ея желанію, Ластовъ сталъ перелистывать поданную грамматику.

— Какъ же infinitivum futuri passivi отъ caedere?

— Это что такое?

— Глаголъ: caedo, cecidi, caesum, caedere.

— Мы еще не дошли до глаголовъ... отговорилась въ минорномъ тонѣ дѣвушка.—Вы бы переспросили исключенія по третьему...

— Извольте. Скажите мнѣ исключенія мужескаго рода на *e s*?

—«Мужескаго же на es
Суть palumbes и verres.»

— А «лѣсъ»?

— «Лѣсъ»?—Бреднева стала въ тупикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь лѣсъ мужескаго рода, проговорила она раздумчиво,—отчего же его не привели тутъ?

— Оттого, усмѣхнулся Ластовъ,—что онъ пишется не чрезъ *e s*, а чрезъ *ѣ c*.

Два розовыхъ пятнышка выступили на блѣдныхъ щекахъ ученицы; она принужденно улыбнулась.

— Вѣдь вотъ какъ иногда бываешь глупа! точно обухомъ хватили. Русское слово, конечно, не можетъ быть въ исключеніяхъ латинскаго языка.

— А какъ ваши познанія въ естественныхъ наукахъ? По какой части естественныхъ наукъ вы сильнѣе?

— Да по всѣмъ слабѣе! У насъ вѣдь, въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на естественную исторію смотрятъ какъ на игрушку, на собраніе фокусовъ. Вотъ другое дѣло—исторія неестественная! въ той я дѣйствительно сильна; изъ нея у меня всегда стояли пятки съ плюсомъ. Вы, Левъ Ильичъ, должны ознакомиться съ познаніями вашей ученицы по всѣмъ отраслямъ знанія; задайте-ка мнѣ вопросъ изъ исторіи?

— Если желаете.—Чтò было главнымъ мотивомъ для крестовыхъ походовъ?

— Да вы не такъ спрашиваете... Спросите какой-нибудь фактъ.

— Когда начались крестовые походы?

— Ну, ужъ какой легкій вопросъ! Первый крестовый походъ былъ отъ 1096-го до 1099-го, второй...

— Такъ; но *до* или *послѣ* рождества Христова?

— Дайте подумать... Боже мой, какъ же я это забыла?

— Да изъ-за чего собственно состоялись крестовые походы? вѣдь изъ-за гроба Христова?

Кровь бросилась въ голову дѣвушкѣ.

— Какая я безтолковая! Вотъ вамъ наше женское воспитаніе! Все выучено какъ-нибудь, для урока только, безъ толку, безъ связи. Въ эту минуту я, кажется, не въ состояніи даже сказать вамъ, кто прежде царствовалъ: Александръ Македонскій или Александръ Великій?

Сострадательная улыбка появилась на губахъ учителя.

— А и то, постарайтесь-ка припомнить: кто изъ нихъ жилъ раньше?

Бреднева глубокомысленно устремила взоръ въ пространство. Вдругъ она вздрогнула и закрылась руками.

— Ахъ, батюшки мои, да вѣдь это одно и то же лице!

— Не падайте духомъ, старался утѣшить ее Ластовъ.— Ничто не дается вдругъ; какъ возьметесь толково за дѣло, такъ все еще, дастъ-Богъ, пойдетъ на ладъ.

Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo,
Homo venit doctus non vi, sed semper studendo.

— И этого не понимаю... прошептала ученица.

— По нашему, это: капля по каплѣ и камень долбитъ. Продолжайте свои занятія латынью у брата: латинскій языкъ также содѣйствуетъ умственному развитію; займитесь, если успѣете превозмочь себя, и математикой. Мы же съ вами примемся сряду за естественныя науки. Въ

началѣ я намѣренъ посвятить васъ въ органографію растеній: она доступнѣе прочаго. Ужъ скоро семь, прибавилъ Ластовъ, глядя на часы.—Прикажете начинать?

— Сдѣлайте милость, проговорила, не взглядывая, пристыженная экс-гимназистка.

Началась лекція. Юный натуралистъ имѣлъ даръ говорить плавно, удобопонятно, картинными сравненіями; и того болѣе: онъ говорилъ съ любовью къ излагаемому предмету, почему рѣчь его пріобрѣтала нѣкоторый поэтическій колоритъ. Для большей наглядности, онъ описываемое имъ чертилъ на листѣ бумаги, причемъ выказалъ также замѣтный навыкъ въ рисованіи. Извѣстно, что ничто такъ не располагаетъ слушателя къ внимательности, какъ видимое сочувствіе самого повѣствователя къ своей тэмѣ. Бреднева слушала учителя съ притаеннымъ дыханіемъ, боясь проронить слово. Лице ея зарумянилось, глаза увлажились; отблескъ вдохновенной лекціи натуралиста-поэта упалъ на непривлекательныя черты ея и сдѣлалъ ихъ почти миловидными.

Въ сосѣдней комнатѣ пробило восемь. Ластовъ прервалъ потокъ своего краснорѣчія.

— На сегодня пожалуй будетъ?

Дѣвушка очнулась, какъ отъ волшебнаго сна.

— Какъ время-то пролетѣло! Въ самомъ дѣлѣ, вы вѣроятно утомились. Но вы, конечно, напьетесь у насъ чаю?

И, не дожидаясь отвѣта, она, съ непривычною для нея торопливостью, вышла.

Ластовъ хорошенько потянулся, потомъ вскочилъ на ноги и, присвистывая, прошелся по комнатѣ. Теперь только разглядѣлъ онъ убранство ея въ подробности. Поперегъ

комнаты, противъ окна, стояли зеленыя ширмы. Ненарокомъ заглянувъ за нихъ, онъ увидѣлъ платяной шкапъ, обвѣшанный со всѣхъ сторонъ разнообразными женскими доспѣхами, и кроватку, усыпанную снятымъ бѣльемъ. Надъ изголовьемъ висѣло три портрета въ простыхъ, черныхъ рамкахъ: Герцена, Добролюбова и Чернышевскаго. Учитель оглядѣлся въ комнатѣ: по одной изъ продольныхъ стѣнъ стояли массивный туалетъ, съ сломанной ножкой, и два-три стула; по другой—незакрытое пьянино, на которомъ валялась недоѣденная корка черстваго хлѣба, и далѣе—этажерка съ нотами и книгами. Ластовъ взялъ со стола лампу и присѣлъ у этажерки. На верхнихъ двухъ полкахъ были навалены непереплетенные, растрепанные и засаленные номера *Современника* и *Русскаго Слова* за два прошлые года. Ниже были разставлены въ пестромъ безпорядкѣ отдѣльные томы сочиненій Бюхнера, Фохта, одна часть исторіи Маколея на англійскомъ языкѣ, какой-то романъ Жоржъ-Занда, *Théorie des quatre mouvements* Фурье.

Вошла Бреднева съ подносомъ, уставленнымъ всевозможными чайными принадлежностями.

— У насъ нѣтъ прислуги, пояснила она. — А! вы ревизуете мою библіотеку? Ну, что, каковъ выборъ книгъ?

— Одностороненъ немножко.

— Да, я и сама сознаю, что многаго еще недостаетъ; но курочка по зернышку клюетъ. Я попрошу васъ когда-нибудь разъяснить мнѣ нѣкоторыя выраженія, попадающіяся зачастую въ серьезныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: «индукція», «дедукція», «субъективность» и «объективность», индивидуальность», эксплуатировать»... За исклю-

ченіемъ подобныхъ словъ мнѣ все понятно. Любите вы, Левъ Ильичъ, музыку?

— Еще бы. А вы хотите сыграть мнѣ что-нибудь?

— Да, чтобы чай вамъ показался вкуснѣе.

— Предупреждаю однако, что въ ученой музыкѣ я круглый невѣжда.

— Мы попотчуемъ васъ оперной.

— Вотъ это дѣло.

Она сѣла за инструментъ и заиграла. Играла она бойко и съ чувствомъ. Окончивъ пьесу громовымъ акордомъ, она приподнялась и медленно подошла къ учителю.

— Теперь вамъ извѣстны всѣ мои достоинства и недостатки. Отъ васъ будетъ зависѣть развить первыя, искоренить послѣдніе.

Ластовъ пристально взглянулъ ей въ глаза.

— Всѣ? спросилъ онъ.

— Всѣ.

— И вы не разсердитесь? Я присовѣтую вамъ какъ старшій братъ.

Легкое безпокойство выразилось въ апатичныхъ чертахъ дѣвушки.

— Все равно, говорите.

— У васъ есть нѣкоторыя достоинства вашего пола: есть неподдѣльное чувство, какъ показала сейчасъ ваша игра. Отчего бы вамъ не быть въ полномъ смыслѣ слова женщиной, не быть хоть немножко кокеткой?

— Что вы, Левъ Ильичъ! При моемъ уродливомъ лицѣ да кокетничать—вѣдь это значитъ сдѣлать себя посмѣшищемъ людей.

— Кто васъ увѣрилъ, что вы уродливы? Лице у васъ обыкновенное, какихъ на свѣтѣ очень и очень много, а при

гдательномъ уходѣ можетъ и понравиться мужчинѣ. Притомъ же я совѣтую вамъ не кокетничать, а быть кокеткой, то есть заняться болѣе собой, своей наружностью. Вы... какъ бы это выразить поделикатнѣй?

— Ничего, говорите.

— Вы слишкомъ небрежны... неряшливы.

Бреднева потупила глаза.

— Да въ чемъ же, Левъ Ильичъ?

— Я заглянулъ какъ-то за ширмы—и рѣшился дать вамъ совѣтъ быть болѣе женщиной.

Дѣвушка замѣтно сконфузилась и не знала куда повернуть свое раскраснѣвшееся лице. Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Ластовъ взялся за шляпу.

— Когда прикажете явиться на слѣдующій урокъ?

— Да черезъ недѣлю...

— Не рѣдко ли будетъ? Этакъ мы не скоро подвинемся впередъ.

— Но мнѣ нельзя, Левъ Ильичъ...

— Время вамъ не позволяетъ?

— Не то... Мои денежные ресурсы...

— О, что до этого, то пожалуйста не заботьтесь. У васъ есть охота учиться, а прилежнымъ ученикамъ я всегда сбавляю половину платы. Съ васъ, значитъ, это составитъ по полтинѣ за часъ.

Ученица подняла къ нему лице, съ котораго свѣтилась непритворная благодарность.

— Вы ужъ непозволительно добры! но я не смѣю отказаться. Приходите, если можете, въ четвергъ.

— Могу.

— Вы захватите съ собой и учебниковъ?

— Учебниковъ, живыхъ растеній, микроскопъ. До свиданія.

— До пріятнаго! Для меня, по крайней мѣрѣ, оно будетъ навѣрное пріятнымъ.

V.

И цѣлый часъ болотомъ занялся...
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляетъ бѣдный міръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной...
МАЙКОВЪ.

«Милостивый Государь,

«Господинъ магистръ in spe!

«Сколько по Вашему разсчету дней въ мѣсяцѣ: 30 или 40? Къ тому же теперь у насъ февраль, гдѣ ихъ не болѣе 29-ти. Впрочемъ, цѣль этой записки вовсе не та, чтобы укорить Васъ въ забывчивости: не воображайте пожалуйста, что по Васъ соскучились. Дѣло въ томъ, что къ намъ будутъ сегодня Куницыны съ компаніей, которыхъ Вы вѣроятно давно уже не имѣли удовольствія видѣть (хотя доза этого удовольствія и будетъ гомеопатическая). Сверхъ того—и это главное—у меня имѣется для Васъ одна старая знакомка (но премоло-денькая, прехорошенькая! куда лучше Вашей Бредневой), которой бы, Богъ знаетъ какъ, хотѣлось поглядѣть на Васъ. Все пристаетъ съ разспросами: «Да и ходитъ ли онъ къ вамъ? да когда-жъ онъ наконецъ будетъ?» Надѣюсь, domine Urse (имя Leo Вамъ вовсе не къ лицу),

что хоть ради этой особы Вы вылѣзете изъ своей берлоги.

«P. S. Приходите пораньше.»

Такого содержанія письмецо было вручено Ластову гимназическимъ сторожемъ при выходѣ учителя со звонкомъ изъ класса. Подписи не было. Но и по женскому почерку, какъ и по содержанію посланія, онъ ни на минуту не задумался отъ кого оно. Сначала онъ поморщился и видимо колебался, идти ли ему или нѣтъ; въ 8-мъ же часу вечера онъ звонилъ въ колокольчикъ у Липецкихъ.

Отворила ему цвѣтущая, полная дѣвушка, съ большими, на выкатѣ, бархатными очами и слегка, но мило вздернутымъ носикомъ, въ народномъ костюмѣ бернскихъ швейцарокъ.

— Ach, Herr Lastow! радостно вспыхнула она, чуть не уронивъ изъ рукъ свѣчи.

И по лицу Ластова пробѣжалъ лучъ удовольствія, но вслѣдъ затѣмъ брови его сдвинулись.

— Marie... вы здѣсь? изъ Интерлакена да въ Петербургѣ? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Да, въ Петербургѣ... Признайтесь, вы не ожидали? Хотѣлось посмотрѣть, какъ вы живете-можете...

— Но гдѣ фрейлейнъ Липецкая изловила васъ?

— Да ужъ изловила! Какъ вы, г. Ластовъ, возмужали, похорошѣли! Эти бакенбарды...

— А вы, Мари, по прежнему очаровательны.

— Насмѣшникъ!

— Серьезно.

Онъ сбросилъ ей на руки шинель и вошелъ въ изящно-убранный залъ, освѣщенный матовой, колосальныхъ

размѣровъ лампой. На встрѣчу ему вышла, самодовольно улыбаясь, съ протянутой рукою Наденька.

— Ага! приманка-то—хорошенькая знакомка—подѣйствовала, и вѣдь въ ту же минуту, точно шпанская мушка. Хотѣла бы я знать, когда бы вы вспомнили насъ безъ этой мушки?

— Я, право, все собирался зайти...

— Сочиняйте больше! Знаемъ мы вашего брата, ученаго: вамъ бы только книгъ да микроскопъ, а другіе хоть смертью помирай—и ухомъ не поведете. Ну, да Богъ васъ проститъ; садитесь, разскажите что-нибудь. Скоро вы защищаете дисертацію? ужъ не взыщите, а мы тоже будемъ на диспутѣ и опопировать будемъ. Не страшно вамъ? Ну, а сходка наша вамъ какъ понравилась? Съ тѣхъ поръ и глазъ не показали; видно, не пришлась по вкусу?

Студентка была въ духѣ: слова такъ и лились у нея. Не дождавшись отвѣта, она спохватилась:

— Да гдѣ же Мари? Holla, Marie, kommen Sie mal her.

Швейцарка тутъ же явилась на зовъ и остановилась въ дверяхъ.

— Чего прикажете?

— А, да вы высматривали въ щелку?

— Нѣтъ, фрейлейнъ... я... я была тутъ за лампой.

— За лампой? вотъ какъ! Слышите, г. Ластовъ, вы—лампа? Ну, что-жъ, моя милая, подойдите ближе, полюбуйтесь на вашу лампу.

Наденька говорила это легкимъ, шутливымъ тономъ, невинно наслаждаясь замѣшательствомъ служанки.

— Да я и отсюда вижу ихъ.

— Вы не близоруки? ха, ха! Полноте, не жемантесь.

Она подошла къ швейцаркѣ, повела сопротивляющуюся за руку къ дивану и принудила ее сѣсть рядомъ съ учителемъ.

— Вотъ такъ. Теперь разскажите своей лампѣ обстоятельно, что̀ побудило васъ бросить Швейцарію?

— Да, любезная Мари, меня это серьезно интересуетъ, попросилъ съ своей стороны и Ластовъ.

— Близкихъ родныхъ у меня нѣтъ... Хлѣбъ у насъ зарабатывать трудно... Одинъ знакомый мнѣ энгадинецъ имѣетъ здѣсь кондитерское заведеніе: въ Энгадинѣ всѣ занимаются этимъ дѣломъ... Въ Россіи многіе сдѣлали свое счастіе... Я достала адресъ энгадинца, связала свои пожитки и поѣхала...

Такъ повѣствовала отрывочными фразами швейцарка, исподлобья, пугливымъ, но пылкимъ взоромъ окидывая по временамъ Ластова.

— Коротко и ясно, сказала Наденька.—Но вы не разсказали еще, какъ попали ко мнѣ. Проходя мимо кондитерской, я въ окно увидѣла ее за прилавкомъ и, разумѣется, поспѣшила войти, поздороваться съ нею. Она, казалось, еще болѣе моего обрадовалась, и первымъ вопросомъ ея было: «А вы не замужемъ за г. Ластовымъ?» Я расхохоталась и обозвала ее сумасшедшей. «Но, онъ, говоритъ, бываетъ у васъ?» Вотъ что значитъ истинная-то любовь! можете поздравить себя, г. Ластовъ, съ побѣдой. «Бываетъ, говорю, да только какъ красное солнышко.»—«Такъ возьмите, говоритъ, меня къ себѣ?»—«Дурочка! говорю; въ качествѣ чего же я возьму васъ къ себѣ?»—«Да горничной, кухаркой, чѣмъ хотите; я, говоритъ, и стряпать умѣю.» Преуморительная. Особой для себя кухарки я, конечно, не держу, но

горничную я отпустила на дняхъ и предложила Мари занять ея мѣсто. Такъ-то вотъ она у меня, а все благодаря вамъ, своей лампѣ.

Мари, несобравшаяся еще съ духомъ, начала, краснѣя, заминаясь, оправдываться, когда рѣчь ея была прервана появленіемъ отца Наденьки, Николая Николаевича Липецкаго, осанистаго старика, съ владимірской ленточкой въ петличкѣ домашняго сюртука.

Кивнувъ головою гостю ровно на столько, сколько предписано россійскимъ кодексомъ десяти тысячъ церемоній отечественнымъ нашимъ мандаринамъ, онъ снисходительно протянулъ ему лѣвую руку.

— Кажется, видѣлъ васъ уже у себя? Если не совсѣмъ ошибаюсь: г-нъ...?

— Левъ Ильичъ Ластовъ, предупредила учителя студентка.—Былъ шаферомъ у Лизы. Впрочемъ, онъ явился не къ вамъ, папа, а ко мнѣ.

— Помню, помню, промолвилъ г. Липецкій, пропуская мимо ушей послѣднее замѣчаніе дочери.—Весьма пріятно возобновить знакомство. А вы-то по какому праву здѣсь? вскинулся онъ внезапно съ юпитерскою осанкой на швейцарку, торопливо приподнявшуюся при его приходѣ съ дивана, но съ испуга такъ и оставшуюся на томъ же мѣстѣ.

Мари оторопѣла и, зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, перебирала складки платья.

— Я... я... лепетала она.

— Вы, кажется, забываете, какое мѣсто вы занимаете въ моемъ домѣ?

— Это я усадила ее, выручила дѣвушку молодая

госпожа ея, — она сама ни за что бы не рѣшилась. Но я все-таки не вижу причины, папа, почему бы ей и не сидѣть подобно намъ? кажись, такой же человѣкъ?

Сановникъ насупился, но вслѣдъ затѣмъ принудилъ себя къ улыбкѣ и потрепалъ подбородокъ дочери.

— Кипятокъ, кипятокъ! какъ разъ обожжешься. Ты, мой другъ, думала, что я говорю серьезно? Я очень хорошо понимаю, что того... съ гуманной точки зрѣнія, и низшій слуга нашъ имѣетъ равное съ нами право на существованіе и, прислуживая намъ, оказываетъ намъ, такъ-сказать, еще въ нѣкоторомъ родѣ честь и снисхожденіе. Вы, г. Ластовъ, разумѣется, также изъ людей современныхъ? Свобода личности, я вамъ скажу, великое дѣло! Вотъ и Надежда Николаевна наша можетъ дѣлать что ей угодно; мы полагаемся вполнѣ на ея природный тактъ.

— А не отпускаете никуда безъ ливрейной тѣни? сказала съ ироніей студентка.

— А, моя милая, безъ этого невозможно. Да и тутъ я, собственно говоря, дѣлаю только уступку свѣтскимъ требованіямъ твоей maman. Да вы то что-жъ, прилипли къ полу? повернулся онъ опять круто, съ ледяною вѣжливостью, къ горничной, о которой было забылъ въ разгарѣ панегирика свободѣ личности. — Лампа въ передней у васъ зажжена?

— Я только собиралась зажечь, когда...

— Такъ потрудитесь окончить свое дѣло; а тамъ мы еще поговоримъ съ вами. Ну-съ, скоро ли?

Мари съ смиреніемъ оставила залъ.

— Съ людьми необходима того-съ... извѣстная пунктуальность, пояснилъ г. Липецкій; — чтобы не зазнава-

лись; вы понимаете? Какъ гуманно мое съ ними обращеніе явствуетъ ужъ изъ того, что этой горничной я говорю даже: *вы*. Привыкла, ну, и пускай; въ каждомъ человѣкѣ, по моему, надо уважать личность.

— Что-жъ это однако Куницыны? замѣтила Наденька.

— А они также хотѣли быть? спросилъ отецъ.

— Да, обѣщались. Но вы, папа, пожалуйста, убирайтесь тогда къ себѣ, да и маменьки не присылайте: все какъ-то свободнѣе.

— Ахъ, ты моя республиканка!

Тутъ въ передней раздался звонокъ.

— Ну, они. Quand on parle du loup... Прощайте, папа, отправляйтесь. Вы, Левъ Ильичъ, помните сказку про золотого гуся?

— Помню. Это гдѣ одинъ держится за другого, а передній за гуся?

— Именно. Тутъ Куницынъ гусь; за нимъ вереницей тянутся Моничка, Діоскуровъ и Пробкина. Примѣчайте.

Ожидаемые вошли въ комнату.

Куницынъ, розовый, но уже замѣтно измятый юноша, съ вытянутыми въ обоюдоострую иглу усиками надъ самонадѣянно вздернутой губой и съ стеклышкомъ въ правомъ глазу, съ развязною небрежностью поцѣловалъ руку Наденьки, которую та однако съ негодованіемъ отдернула, потомъ хлопнулъ Ластова пріятельски по плечу.

— Что-жъ ты, братецъ, не явился на крестины нашего первороднаго? Вотъ, я тебѣ скажу, крикунъ-то! sapristi! зажимай себѣ только уши. Навѣрное вторымъ Тамберликомъ будетъ. И что за умница! по командѣ кашу съ ложки ѣстъ: un, deux, trois!

Madame Куницына, или попросту Моничка, востроносая,

маленькая брюнетка, и Пробкина, пухленькая, разряженная свѣтская кукла, звонко чмокнулись съ молодой дочерью дома. Діоскуровъ, юный воинъ, въ аксельбантахъ, фамиліарно потрясъ ей руку.

— Ну, что? былъ ея первый вопросъ ему,—свели вы, по обѣщанію, деньщика своего въ театръ?

— И не спрашивайте! махнулъ онъ рукой. — Самъ не радъ былъ, что свелъ.

— Что такъ?

— Да взялъ я его, натурально, въ кресла. Рядомъ съ нимъ, какъ на грѣхъ, сѣлъ генералъ. Филатъ мой и туда, и сюда, вертѣлся какъ чёртъ на юру, почесывался; пальцами, какъ говорится, обходился вмѣсто платка. Вчужѣ даже совѣсть забирала. А вернулись домой—меня же еще укорять сталъ: «На смѣхъ, что ли людямъ въ кіятръ-то взяли? Чай, много, говоритъ, денегъ потратили?» — «По два, говорю, рубля на брата.» Онъ и глаза вытаращилъ. «По два рубля? да что̀ бы вамъ было подарить мнѣ ихъ такъ; и сраму бы не было, и польза была бы.» А ужъ извѣстно, какую пользу извлечетъ этакій субъектъ изъ денегъ: просадитъ, съ такими же забулдыгами, какъ самъ, въ ближней распивочной.

— C'est superbe! скосила презрительно губки Моничка.— Впередъ вамъ наука: не сажайте мужика за столъ—онъ и ноги на столъ.

— Que faire? Теперь я его, разумѣется, иначе какъ плебеемъ и не зову: «Набей, молъ, плебей, трубку; подай, плебей, мокроступы.»

— Что же, однако, mesdames, предложилъ Куницынъ:—хотите поразмять косточки? сыграть вамъ новый вальсъ brillant?

— Нѣтъ, ужъ избавьте, отвѣчала студентка,—эквилибристическія упражненія пригодны развѣ для цирка, а не для людей разумныхъ, если случайно не соединены съ гигіеническою цѣлью. По мнѣ ужъ лучше въ маленькія игры.

— Ахъ, да, подхватила Пробкина. — Въ веревочку, или въ кошку-мышку?

— Въ фанты, въ фанты! подала голосъ Моничка.

— Ну да, сказала Наденька,—потому-что въ фантахъ можно цѣловаться. Все это плоско, избито. Подъ маленькими играми я разумѣю только les petits jeux d'esprit. Погодите минутку; сейчасъ добудемъ матеріаловъ.

Она отправилась за бумагой и прочими письменными принадлежностями.

— Теперь стулья вкругъ стола. Да живѣе, господа! двигайтесь.

— Fi, какая скука, зѣвнула Моничка.—Вѣрно опять эпитафіи, или вопросы да отвѣты?

— Нѣтъ, мы займемся сегодня поэзіей, откроемъ фабрику стиховъ.

— Это какъ же? спросилъ кто-то.

— А вотъ какъ. Я, положимъ, напишу строчку, вы должны написать подъ нею подходящую, рифмованную, и одну безъ рифмы. Отогнувъ двѣ верхнія, чтобы ихъ нельзя было прочесть, вы передаете листъ сосѣду, который, въ свою очередь, присочиняетъ къ вашей нерифмованной строкѣ опять рифмованную и одну безъ рифмы и передаетъ листъ далѣе. Процедура эта начнется одновременно на нѣсколькихъ листахъ, и въ заключеніе получится букетъ пренелѣпыхъ стихотвореній, хоть сейчасъ

въ печать, которыя и будутъ прочтены во всеобщее назиданіе. Понятно? Ну, такъ за дѣло.

Карандаши неслышно заскользили по бумагѣ, перья заскрипѣли, передаваемые изъ рукъ въ руки листы зашуршали.

Моничка, пріютившая подъ сѣнью своего пышнаго платья съ одной стороны—мужа, съ другой—Діоскурова, поминутно шушукалась съ послѣднимъ—вѣроятно совѣтуясь насчетъ требуемой въ данномъ случаѣ рифмы.

Куницынъ занялся Пробкиной. Въ началѣ, барышня эта хотѣла вовлечь въ разговоръ и офицера.

—Давно ужъ тебя дожидалась я тщетно,

прочла она вслухъ.—Ахъ, m-r Діоскуровъ, будьте добренькій, пособите мнѣ?

Онъ, не говоря ни слова, взялъ листъ и, не задумываясь, приписалъ:

—Ужели, вздыхала, умру я бездѣтно?
Хоть чёртъ бы кагой пріударилъ за мной!

Потомъ снова обратился къ Моничкѣ.

— Скверный! пробормотала Пробкина и, съ ожесточеніемъ въ сердцѣ, уже нераздѣльно посвятила свое вниманіе Куницыну.

Наденька и Ластовъ, сотрудничествуя въ стихотворныхъ пьесахъ всего общества, сочиняли одну исключительно вдвоемъ. Начала ее Наденька, и самымъ невиннымъ образомъ:

—Изъ-за домовъ луна восходитъ.

Ластовъ продолжалъ:

—А у меня съ ума не сходитъ,
Что все измѣнчиво—и ты.

—Оставьте глупыя мечты,
На жизнь практичнѣе взгляните,

отвѣтствовала студентка.

—Увы! какъ волка не кормите,
А онъ все въ лѣсъ; таковъ и я.

—Ну, вотъ! какъ будто и нельзя
Однажды сбросить волчью шкуру?

Не ограничиваясь опредѣленною въ игрѣ двойною строчкой, Ластовъ отвѣчалъ четверостишіемъ:

—Да, шкуру, только не натуру:
Какъ волку вольный лѣсъ и кровь,
Такъ мнѣ поэзія, любовь,
Предметъ любви необходимы.

—Ага! такъ вы опять палимы
Любовной дурью? въ добрый часъ.

—Въ тебѣ же, вижу я, угасъ
Священный жаръ огня былого?

Наденька насмѣшливо взглянула на Ластова и приписала въ отвѣтъ:

—Какого? Повторите снова.
И кудревато, и темно.

—Да, видно, такъ и быть должно,
Что намъ ужъ не понять другъ друга.
Хотя ты и лишишься друга—
Десятокъ новыхъ подъ рукой.
Прощай, мой другъ, Господь съ тобой.

Дѣвушка со стороны, сверхъ очковъ, посмотрѣла на учителя: не шутитъ ли онъ; но онъ глядѣлъ на нее зорко и строго, почти сурово. Она склонилась на руку и, послѣ небольшого раздумья, взялась опять за перо:

—Зачѣмъ же? развѣ въ мірѣ тѣсно?
А впереди что—неизвѣстно.

—Какъ? что я слышу? прежній пылъ
Въ твоей груди заговорилъ?

Студентка, уже раскаившаяся въ своей опрометчивости, вспыхнула и, не стѣсняясь ни риѳмой, ни размѣромъ, черкнула живо, чуть разборчиво:

—Ты думаешь, что возбуждалъ во мнѣ
Какой-то глупый пылъ? Какъ бы ни такъ!
Ничто, никто на свѣтѣ
Не въ состояніи воспламенить меня,
Всего же менѣй ты—

Не успѣла она дописать послѣднюю строку, какъ Куницынъ, сидѣвшій насупротивъ ея, перегнулся черезъ столъ и заглянулъ въ ея писаніе.

— Эге, смекнулъ онъ,—сердечный дуэтъ?

Наденька схватила листъ въ охапку, смяла его въ комокъ и собиралась упрятать въ карманъ. Ластовъ вовремя удержалъ ея руку на воздухѣ, разжалъ ей пальцы и завладѣлъ завѣтнымъ комкомъ.

— Позволь замѣтить тебѣ, обратился къ нему Куницынъ,—что ты въ высшей степени невѣжливъ.

— Позволяю, потому что я въ самомъ дѣлѣ поступилъ невѣжливо. Но мнѣ ничего болѣе не оставалось.

— Левъ Ильичъ, отдайте! ну, пожалуйста! молила Наденька, безуспѣшно стараясь поймать въ вышинѣ руку похитителя.

— Не могу, Надежда Николавна, мнѣ слѣдуетъ узнать...

— Будьте другъ, отдайте! Бога ради!

Въ голосѣ дѣвушки прорывались слезы. Учитель взглянулъ на нее: очки затемняли ему ея глаза, но молодому человѣку показалось, что длинныя рѣсницы ея, неясно просвѣчивавшія сквозь синь очковъ, усиленно моргаютъ. Онъ возвратилъ ей роковое стихотвореніе:

— На-те, Богъ съ вами.

Она мигомъ развернула листъ, разгладила его, изорвала въ мелкіе лепестки и эти опустила въ карманъ. Прежняя шаловливая улыбка зазмѣилась на устахъ ея.

VI.

— Вы не признаете ревности, Рахметовъ? — Въ развитомъ человѣкѣ не слѣдуетъ быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука.

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

— Вы, Левъ Ильичъ, право, совсѣмъ одичаете, если станете хорониться за своими книгами. Не возражайте! знаю. Вѣчный громоотводъ у васъ—дисертація. Что бы вамъ бросить нѣкоторые частные уроки, отъ которыхъ вамъ нѣтъ никакой выгоды? Тогда нашлось бы у васъ время и на людей посмотрѣть, и себя показать.

— Да я, Надежда Николавна, и безъ того даю одни прибыльные уроки.

— Да? такъ полтинникъ за часъ, по вашему, прибыльно?

— Вы говорите про Бредневу?

— А то про кого же? На извощиковъ, я думаю, истратите болѣе.

— Нѣтъ, я хожу пѣшкомъ: отъ меня близко. Даю же я эти уроки не столько изъ-за выгодности ихъ, какъ ради пользы; подруга ваша прилежна и не можетъ найти себѣ другого учителя за такую низкую плату.

— Такъ я должна сказать вамъ вотъ что: замѣтили вы, какъ измѣнилась она съ того времени, какъ вы учите ее?

— Да, она измѣнилась, но, мнѣ кажется, къ лучшему?

— Гм, да, если кокетство считать качествомъ похвальнымъ. Она пудритъ себѣ нынче лице, спрашивала у меня совѣта, какъ причесаться болѣе къ лицу; каждый день надѣваетъ чистые воротнички и рукавчики...

— Въ этомъ я еще ничего дурного не вижу. Опрятность никогда не мѣшаетъ.

— Положимъ, что такъ. Но... надо знать и побудительныя причины такой опрятности!

— А какія же онѣ у Авдотьи Петровны?

— Ей хочется приглядѣться вамъ, вотъ что!

— Ну, такъ что-жъ? улыбнулся Ластовъ.

— Какъ что-жъ? вы вѣдь не женитесь на ней?

— Нѣтъ.

— А возбуждаете въ ней животную природу, влюбляете ее въ себя; вотъ что дурно.

— Чѣмъ дурно? Съ тѣмъ большимъ, значитъ, рвеніемъ будетъ заниматься, тѣмъ бо̀льшую пріятность будетъ находить въ занятіяхъ.

— А, такъ вы обрадовались, что нашлась наконецъ

женщина, которая влюбилась въ васъ? Вотъ и Мари также неравнодушна къ вамъ; прыгайте, ликуйте!

— А вы, Надежда Николавна, когда въ послѣдній разъ видѣлись съ Чекмаревымъ?

Наденька покраснѣла и съ ожесточеніемъ принялась кусать губу.

— Онъ по крайней мѣрѣ чаще вашего ходитъ къ намъ, и я... и я безъ ума отъ него; вотъ вамъ!

— Поздравляю. Стало быть, моя партія проиграна, и мнѣ не къ чему уже являться къ вамъ?

— И не являйтесь, не нужно!

— Какъ прикажете.

Купицынъ, вслушивавшійся въ препиранія молодыхъ людей, которыя въ началѣ происходили вполголоса, потомъ дѣлались все оживленнѣе, разразился хохотомъ и подразнилъ студентку пальцемъ.

— Ай, ай, Nadine, ай, ай, ай!

— Что такое?

— Ну, можно ли такъ ревновать? вѣдь онъ еще птица вольная: куда хочетъ, туда и летитъ.

Наденька зардѣлась до ушей.

— Да кто же ревнуетъ?

— На ворѣ и шапка горитъ! Пора бы вамъ знать, что ревность—безсмысленна, что ревность—абсурдъ.

Тутъ приключилось небольшое обстоятельство, показавшее, что и нашему насмѣшнику не было чуждо чувство ревности.

Моничка какъ-то ненарокомъ опустила свою руку на колѣни, прикрытыя тяжеловѣсною скатертью стола. Вслѣдъ затѣмъ подъ тою же скатертью быстро исчезла рука

Діоскурова, и въ слѣдующее мгновеніе лице молодой дамы покраснѣло, побагровѣло.

— Оставьте, я вамъ говорю... съ сердцемъ шепнула она подземному стратегу, безпокойно вертясь на креслѣ.

Онъ, съ невиннѣйшимъ видомъ, вполголоса перечитывалъ нерифмованную строчку на лежавшемъ передъ нимъ стихотворномъ листѣ.

— M-r Діоскуровъ! я васъ, право, ущипну.

— Eh, parbleu, mon cher, que faites vous là, sous la table? съ неудовольствіемъ отнесся къ доблестному сыну Марса супругъ, слышавшій послѣднюю угрозу жены, вырвавшуюся противъ ея воли нѣсколько громче.

— Ничего, рѣшительно ничего, развязно разсмѣялся тотъ;—случайно прикаснулся подъ столомъ къ рукѣ m-me Куницыной...

— Покорнѣйше прошу, впередъ не позволять себѣ подобныхъ случайностей!

— Ай, ай, ай, Куницынъ, ай, ай! подтрунила теперь надъ разревновавшимся мужемъ въ свою очередь Наденька.

— Что такое?

— Вѣдь ревность—абсурдъ?

— М-да... замялся онъ.—Я только погорячился; я увѣренъ въ Моничкѣ.

— Ты напрасно стыдишься своей ревности, замѣтилъ Ластовъ.—Мужъ, неревнующій жены, уже не любитъ ея.

— Послушай, ты начинаешь говорить дерзости...

— Я сужу по себѣ. Еслибъ я женился по любви (а иначе я не женюсь), то всѣ свои помыслы направилъ бы къ тому, чтобы привязать къ себѣ жену такъ же сердечно, какъ любилъ бы ее самъ. И жили бы мы съ

нею душа въ душу, какъ одно нераздѣльное цѣлое, такъ-какъ только мужъ и жена вмѣстѣ составляютъ цѣлаго человѣка; холостякъ—существо половинное, ни рыба, ни мясо, вѣчный жидъ, незнающій где преклонить свою голову. Ворвись теперь въ цвѣтущій рай нашей супружеской жизни хищнымъ звѣремъ постороннее лице,—ужели дозволить ему безнаказанно оторвать отъ моего сердца лучшій цвѣтъ его, жизнь отъ жизни моей? ужели даже не ревновать? Я по крайней мѣрѣ ревновалъ бы, до послѣдней капли крови отстаивалъ бы дорогое мнѣ существо, отдавшееся мнѣ всецѣло, расточившее мнѣ сокровеннѣйшіе порывы своего молодого, дѣвственнаго чувства. Въ противномъ случаѣ я показалъ бы только, что самъ недостоинъ его, что никогда не любилъ его.

— Ухъ, какія звонкія фразы о столь простомъ физіологическомъ процесѣ, какъ любовь! перебилъ Діоскуровъ;—взять бы только да въ стихи переложить. Ну, да допустимъ, что ревновать еще можно, когда лице, пріударившее за вашей женою, вамъ вовсе незнакомо; но если то вашъ закадычный другъ—отчего бы не подѣлиться съ добрымъ человѣкомъ? для милаго дружка и сережку изъ ушка.

Ластовъ оглянулъ офицера недовѣрчивымъ взоромъ.

— Да вы это серьезно говорите? обдумали ли вы ваши слова? Подѣлиться расположеніемъ любимой женщины? Да она-то, эта женщина, бревно, по вашему, что ли? Вы думаете, сердце женщины сшито изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, которые она, по желанію, можетъ раздавать направо и налѣво? Хороши должны быть и мужчины, что̀ довольствуются такими клочками чувства!

— Професоръ, професоръ! воскликнула нетерпѣливо

Наденька, сгребая со всего стола изъ-подъ рукъ пишущихъ стихотворные листы и, съ своенравіемъ избалованнаго дитяти, разсыпая ихъ по полу.—Не хотите писать, такъ вотъ же вамъ! Куницынъ, сыграйте *Il bacio*, да такъ быстро, какъ только можете.

— Но вѣдь вы не танцуете?

— Пожалуйста, «не смѣть свое сужденіе имѣть!» Дѣлайте что̀ приказываютъ.

Куницынъ, не прекословя, направился къ роялю, и по залу загремѣлъ *Il bacio*. Наденька обхватила за талью Пробкину и вихремъ закружилась съ нею по лоснящемуся паркету. Діоскуровъ съ Моничкой послѣдовали ихъ примѣру. Въ теченіе всего остального вечера студентка не сказала съ учителемъ ни слова. Только при уходѣ, когда обѣ гостьи, прощебетавъ въ передней, по обыкновенію нашихъ дамъ, съ добрыхъ четверть часа, скрылись за дверью въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ, и когда Ластовъ, давъ имъ дорогу, хотѣлъ послѣдовать за ними, Наденька не утерпѣла и позвала его назадъ:

— Левъ Ильичъ!

Онъ обернулся.

— Такъ, по условію, до будущаго мѣсяца? спросила она его притворно-холодно.

— Все-таки?

Она опустила рѣсницы.

— Все-таки...

— Благодарю васъ. Мое почтеніе.

Еще разъ поклонившись, онъ вышелъ на лѣстницу.

VII.

Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье—
Все не отпускала.

ОГАРЕВЪ.

Ахъ, какой пасажъ!

ГОГОЛЬ.

Швейцарка, подававшая господамъ въ передней верхнее платье, жадно засматривалась въ глаза учителю. Но онъ, погруженный въ раздумье, наклонилъ молча плечи, чтобы она удобнѣе могла накинуть на него п[illegible]елъ, и не удостоилъ дѣвушку взгляда.

Затѣмъ она выскочила за нимъ на освѣщенную газомъ лѣстницу; не замѣчая ея, онъ сталъ спускаться по ступенямъ.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ сверху тихій плачъ. Онъ оглянулся: опустивъ лице на руки, которыми она ухватилась за ручку двери, чувствительная швейцарка всѣмъ тѣломъ судорожно вздрагивала и тихонько всхлипывала.

— Это что такое? промолвилъ молодой человѣкъ и поднялся опять на площадку.

Дѣвушка опустила голову еще ниже и зарыдала стремительнѣе и глуше. Обхвативъ ея полный, ловко стянутый станъ осторожною рукою, Ластовъ другою приподнялъ ея личико за подбородокъ.

— О чемъ, любезная Мари?

— Еще спрашиваетъ... въ слезахъ прошептала она, дѣлая слабыя усилія вывернуться изъ его объятія.

Лице учителя омрачилось.

— Такъ вотъ что! Мари, вы собственно для меня пріѣхали сюда?

— А то для кого же!

— Безсердечный я... и не сообразилъ. Бѣдная моя, хорошая! А я былъ увѣренъ, что ты меня забудешь.

Разжалобившись, онъ поцѣловалъ красавицу въ проборъ и погладилъ ее по волосамъ.

— Ну да... такъ васъ и забудешь...

— Но какъ же ты рѣшилась?...

— Пріѣхать-то къ вамъ?

— Да?

— А что-жъ мнѣ оставалось? Послѣ вашего отъѣзда изъ Интерлакена, я серьезно заболѣла и цѣлый мѣсяцъ прохворала. Оправившись, я положила выгнать васъ изъ сердца: «Что любить-то? вѣдь онъ любитъ другую. Нѣтъ, забуду-жъ его!» Говоришь себѣ, говоришь, а самой, какъ къ стѣнѣ горохъ! Вынесешь, бывало, въ столовую пансіонерамъ кофе, невольно взглянешь всякій разъ на стулъ, гдѣ сидѣлъ безцѣнный; нѣтъ, тамъ сидитъ другой, чужой! И прислушиваешься: не стукнетъ ли дверь, не войдетъ ли онъ... Ужъ чего я не дѣлала, чтобы разсѣяться: и на вечеринки ходила, и въ Бернъ выпросилась, въ театръ... ничего не беретъ: чѣмъ дальше, тѣмъ все горше. Тутъ настала осень, пансіонеры разъѣхались, пришло время глухое, нескончаемо-скучное... Не знаю ужъ, какъ я прожила зиму, весну и лѣто. Тутъ стало совсѣмъ не въ моготу. «Будь, думаю, что будетъ», разузнала, гдѣ живетъ

здѣсь знакомый мнѣ кондитеръ—и была такова...

— Но чего-жъ ты ожидала здѣсь?

— Чего ожидала? Я говорила себѣ: «Вѣдь, можетъ, онъ все-таки любитъ тебя? немножко, крошечку? Или нѣтъ, хоть не любитъ, но будетъ терпѣть тебя около себя; и будешь ты служить ему, какъ послѣдняя раба, со взгляда угадывать его желанія, и въ награду за всѣ твои старанія—видѣть его, слышать его...»

Читатель! нѣтъ сомнѣнія, что и вы когда-нибудь питали къ кому бы то ни было ту сладостную, трепетную, безотчетную симпатію, что̀ именуется любовью? ну, да хоть искру ея, быть можетъ, даже завѣянную ужъ пылью и мусоромъ вседневной прозы? Представьте же себѣ, что это, однажды вамъ столь дорогое существо, привлеченное изъ-за тридевять земель вашимъ же магнетизмомъ, возстало бы передъ вами внезапно въ прежнемъ видѣ, цвѣтущимъ, прекраснымъ, полнымъ прежней безграничной къ вамъ преданности, растроганнымъ, въ горючихъ слезахъ о вашей забывчивости,—отвѣтите ли вы за свое сердце, что оно не забилось бы сильнѣе, что въ немъ не вспыхнула бы былая божественная искра?

Ластовъ находился именно въ такомъ положеніи: онъ держалъ у своей груди еще недавно милую ему дѣвушку, онъ поневолѣ (чтобы не дать ей упасть) прижималъ къ себѣ ея пышное дѣвственное тѣло, пылающее, дрожащее; онъ слышалъ ея усиленное, прерывистое дыханіе, глядѣлъ ей въ прелестное, молодое личико, въ заплаканныя, умоляющія очи... Въ немъ загорѣлась прежняя искра!

— Чёртъ знаетъ что такое! пробормоталъ онъ, то краснѣя, то блѣднѣя, и безсознательно опустилъ

обхватывавшія швейцарку руки; потомъ закрылъ глаза и въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ.

Мари приподняла голову, взглянула и переполошилась.

— Что съ вами, г-нъ Ластовъ, вамъ дурно?

Схвативъ его руку въ свои, она тревожно глядѣла ему въ поблѣднѣвшее, какъ смерть, лицо своими большими, смоляными глазами, полными блестящихъ слезъ. Онъ тряхнулъ кудрями, провелъ рукою по лицу и принудилъ себя къ улыбкѣ.

— Такъ... слабость минутная.

— Вамъ жаль меня? Милый, добрый, сердечный мой, вы жалѣете меня?

Она съ горячностью приложилась къ его рукѣ. Онъ не утерпѣлъ и крѣпко обнялъ ее.

— Чудная ты, право, дѣвушка! Для меня ты оставила свою солнечную, вольную родину, для меня предприняла этотъ трудный путь на дальный, холодный сѣверъ, который вамъ тамъ, на югѣ, долженъ представляться еще суровѣе, безпріютнѣе! Кажется, ты въ самомъ дѣлѣ очень любишь меня.

— Я-то люблю ли? О, Господи! да кабы вы любили меня хоть на сотую долю того, какъ я васъ...

— Что тогда?

— Ахъ! такъ вы меня все-же-таки немножечко любите? Скажите, что любите, пожалуйста!

— Сказать? печально улыбнулся Ластовъ.—Изволь... Но нѣтъ, все это вздоръ! прервалъ онъ себя;—тутъ не должно быть, значитъ, и не можетъ быть любви. Старайся забыть меня, любезная Мари, прощай, прощай...

Онъ оторвался отъ нея, на лету пожалъ ей руку и занесъ уже ногу, чтобы спуститься по лѣстницѣ. Тутъ

заговорила въ немъ совѣсть, онъ вернулся къ ней. Пораженная его послѣдней, вовсе неожиданной выходкой, она такъ и остолбенѣла, съ раскрытыми устами, съ неподвижнымъ, помутившимся взоромъ. Онъ взялъ ее за руку.

— Милая моя, не убивайся, брось ты это изъ головы; перемелется—все мука будетъ. Но ты въ Петербургѣ совершенно одна, безъ родныхъ, безъ друзей; если окажется тебѣ въ чемъ надобность, то обратись ко мнѣ: вотъ тебѣ мое мѣстожительство.

Онъ суетливо досталъ изъ кармана бумажникъ и вынулъ визитную карточку. Дѣвушка машинально приняла ее.

— Да на что мнѣ она? Теперь уже все равно. Возьмите ее назадъ.

— Прошу тебя, оставь у себя—хоть для меня, для успокоенія моей совѣсти.

— Пожалуй для васъ. Но напослѣдокъ, г-нъ Ластовъ, отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ: вы въ тайнѣ не помолвлены съ фрейлейнъ Липецкой?

— Нѣтъ, далеко до того.

— Хоть и за-то спасибо. Теперь ступайте себѣ; я васъ не удерживаю; я вижу, вамъ не терпится, какъ бы скорѣе только отдѣлаться отъ меня. Богъ съ вами!

— Прощай, моя дорогая. Не серчай на меня.

Онъ склонился къ дѣвушкѣ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать ее. Она послушно подняла къ нему заплаканное личико и крѣпко охватила его шею...

Въ это самое мгновеніе распахнулась дверь Липецкихъ, и на порогѣ показалась Наденька.

— Wo stecken Sie denn, Marie?

Но взорамъ ея представилась живая группа, и студентка обмерла отъ удивленья и негодованья.

— Sieh da? bravissimo, da capo!

Эфектъ былъ самый театральный: изъ устъ обоихъ артистовъ, представлявшихъ живую картину, вылетѣли одновременно непередаваемыя междометія: что-то среднее между *а*, *о*, *у*, *э* и прочими гласными алфавита. Ластовъ, какъ преслѣдуемый дезертиръ, былъ въ два прыжка на слѣдующей площадкѣ и скрылся за поворотомъ лѣстницы. Соперницы молча наблюдали другъ друга; Мари безбоязненно вынесла сверкающій необузданнымъ гнѣвомъ взоръ молодой госпожи. Когда внизу за бѣглецомъ стукнула стеклянная дверь, студентка съ жестомъ, достойнымъ королевы, пригласила служанку послѣдовать за нею:

— Also so steht's? Nur herein!

Мари собиралась возразить, но одумалась и, смиренно понуривъ голову, вошла въ квартиру слѣдомъ за нашей героиней.

VIII.

Любовь—огонь, съ огня—пожаръ.

КОЛЬЦОВЪ.

Нѣсколько дней спустя послѣ вышеописаннаго «пасажа», въ вечернихъ сумеркахъ, Ластовъ воротился домой съ частнаго урока. Войдя въ первую изъ двухъ занимаемыхъ имъ комнатъ, служившую одновременно кабинетомъ, гостиной и столовой, онъ отыскалъ на столѣ спичечницу и зажегъ свѣчу. Комната освѣтилась и представила слѣдующее: между двумя окнами стоялъ капитальный столъ съ письменными принадлежностями, шахматной доской, микроскопомъ, симетрично разставленными

статуэтками; надъ столомъ незатѣйливое зеркальце; передъ столомъ деревянное кресло, въ ногахъ коверъ; по одной стѣнѣ громадныхъ размѣровъ книжный шкафъ, сквозь стекло котораго виднѣлись въ простыхъ, но опрятныхъ переплетахъ книги, разставленныя—сказать мимоходомъ—въ значительно большемъ порядкѣ, чѣмъ въ библіотекѣ Бредневой; по другой стѣнѣ нескончаемый, удобный диванъ, осѣняемый рядомъ масляныхъ картинъ: средняя, наибольшая, была весьма изрядная копія съ тиціановой Венеры; по сторонамъ четыре меньшія представляли заграничные виды: Интерлакенъ съ снѣжною Юнгфрау, шафгаузенскій водопадъ, piazetta со львомъ св. Марка въ Венеціи, Неаполь съ моря. Стѣна противъ оконъ была занята изразцовою печью и дверью въ спальню.

Остановившись на минуту, чтобы перевести духъ и отереть потный лобъ, учитель принялся за переодѣванье: облегчивъ шею отъ ярма галстуха, онъ сюртукъ и сапоги замѣнилъ легкой визиткой и гостинодворскими туфлями; потомъ, набивъ трубку и закуривъ ее, взялъ со стола новый номеръ газеты, поставилъ свѣчу на круглый столикъ около дивана и растянулся на послѣднемъ. То щурясь и съ остервенѣніемъ вздувая кверху густые клубы дыма, то усмѣхаясь и пуская чисто-очерченныя колечки, онъ углубился всецѣло въ руководящую статью.

Снаружи постучались тихонько въ дверь.

— Войдите, проговорилъ онъ, не отрывая глазъ отъ чтенья.

Въ комнату глянуло сморщенное, добродушное лице старушки-хозяйки.

— Левъ Ильичъ?

— Что скажете, Анна Никитишна?

— Васъ, кажись, спрашиваютъ.

— Почему же «кажись»?

— Да по-нѣмецкому, не разберешь.

— Попросите войти.

Мѣсто старой хозяйки въ дверяхъ заняла фигура молодой дѣвушки.

— Мари! вскрикнулъ Ластовъ и поспѣшно поднялся съ дивана.—Вы какими судьбами? Съ порученьемъ отъ Липецкихъ?

— Да... то есть нѣтъ...

Ластовъ съ заботливымъ видомъ приблизился къ неожиданной гостьѣ, попросилъ ее въ комнату и плотно притворилъ за нею дверь.

— Вы имѣете что̀ сообщить мнѣ?

— Да-съ... я... я...

Сдѣлавъ два шага впередъ, она остановилась въ смущеніи, не зная, куда дѣвать глаза и руки. Молодой человѣкъ подвелъ оробѣвшую къ дивану и почти силою усадилъ ее; потомъ выдвинулъ у стола ящикъ, досталъ оттуда два туго набитые бумажные мѣшка, и содержаніе ихъ высыпалъ на диванъ передъ швейцаркой.

— Прошу не побрезгать; чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Дѣвушка мелькомъ взглянула на предлагаемое угощенье: передъ нею апетитно громоздились двѣ горки лакомствъ: одна—французскаго изюма, другая—миндалю въ шелухѣ.

— Studentenfutter, объяснилъ молодой хозяинъ и, для поощренія гостьи, самъ первый взялъ пригоршню миндалю и принялся щелкать его.

Мари, еще не оправясь, ни къ чему не прикасалась и шептала только:

— О, благодарю, благодарю...

— Но къ дѣлу, сказалъ Ластовъ; — что собственно привело васъ ко мнѣ?

— Вы дали мнѣ свой адресъ...

— Ну-съ?

— Съ тѣмъ, что ежели я... ежели со мною что приключится...

Ластовъ пересталъ жевать.

— Вамъ не было житья у господъ? фрейлейнъ Липецкая выжила васъ?

— Да! подтвердила съ живостью Мари, обрадованная, что покровитель такъ хорошо понялъ ее. — Послѣ того памятнаго вечера, я просто не знала, куда дѣться. Не то, чтобы фрейлейнъ Липецкая жаловалась на меня родителямъ, о нѣтъ! но она обходилась со мною съ такимъ пренебреженьемъ, съ такимъ... не знаю, право, какъ сказать... Да не могла же я и служить дѣвушкѣ, которая такъ же безумно влюблена въ васъ... Я потребовала паспортъ, связала въ узелъ свое имущество, взяла извощика и поѣхала по адресу.

— Какъ? такъ извощикъ еще дожидается васъ?

— Да, у него я оставила узелъ.

Ластовъ всталъ и вышелъ въ прихожую.

— Анна Никитишна!

— Чего изволите? отозвалась изъ-за перегородки хозяйка.

— Сбѣгайте-ка внизъ...

Хотя онъ говорилъ по-русски, Мари поняла его:

— Ахъ, г-нъ Ластовъ, вы на счетъ моихъ вещей?

— Да.

— Такъ что-жъ вы другихъ безпокоите? Я сама.

И она уже скрылась въ выходныхъ дверяхъ. Минуту-

двѣ спустя она вернулась назадъ, вся впопыхахъ, съ грузною связкой, которую опустила на полъ у дверей.

— Ну, и прекрасно, говорилъ Ластовъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по кабинету. — Сядьте пожалуйста, не стѣсняйтесь, я похожу.

Мари робко присѣла на край дивана.

— Вотъ я раздумываю, продолжалъ Ластовъ, — кому бы отрекомендовать васъ? Какъ на зло, не знаю теперь никого, кому требовалась бы служанка. Не можете ли вы пристроиться снова у вашего энгадинца?

— Нѣтъ, онъ нанялъ уже другую на мѣсто меня. Г-нъ Ластовъ, осмѣлилась дѣвушка подать собственное мнѣніе,—отчего бы вамъ не отпустить вашей кухарки? Я отлично замѣнила бы ее: кушанья приготовлять я умѣю, могу сказать безъ хвастовства, на кухнѣ въ отели нашей брала нарочно уроки; комнату убирать знаю и подавно; право, вы останетесь довольны мною!

— Милая, вздохнулъ Ластовъ, — у меня нѣтъ кухарки; дама, которую вы видѣли въ прихожей, моя квартирная хозяйка, вдова-мѣщанка, у которой я снимаю эти двѣ комнаты; обѣдаю же я въ кухмистерской, по пути изъ должности.

Мари отвернулась и заморгала; за пушистыми рѣсницами ея накипали слезы.

— Что же мнѣ дѣлать? А я такъ надѣялась...

Она пышнымъ бѣлымъ рукавомъ своимъ отерла глаза.

— Перестаньте, Мари, сказалъ, остановившись передъ нею, Ластовъ,—не печальтесь. Сколько будетъ въ моей власти, я помогу вамъ. Вы наймете себѣ комнатку, свѣтленькую, прехорошенькую, займетесь шитьемъ что-ли и станете дожидать у моря погоды. Я тѣмъ временемъ обойду

всѣхъ знакомыхъ, переспрошу сослуживцевъ, не требуется ли имъ отличнѣйшая горничная, напечатаю въ газетахъ...

— Г-нъ Ластовъ... прервала его швейцарка и, потупившись, смолкла.

— Что̀ вы хотѣли сказать?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Не бойтесь, говорите.

— У васъ здѣсь двѣ комнаты?

— Двѣ, или, вѣрнѣе, полторы: эта да вонъ спальня, которая вдвое меньше.

— Если вы уже такъ снисходительны, что хотите оказать помощь бѣдной дѣвушкѣ, то къ чему вамъ входить еще въ лишніе расходы? Покуда не сыщется для меня подходящаго мѣста, я могла бы пробыть у васъ?...

Ластовъ нетерпѣливо повелъ плечомъ.

— Да нѣтъ, вы не опасайтесь, что я стѣсню васъ! поспѣшила она успокоить его. — Вы даже не замѣтите моего присутствія: я устроюсь въ прихожей, спать буду на полу, а при васъ и входить сюда не стану. Какъ же за-то будетъ у васъ здѣсь все чисто, свѣтло—что̀ твое зеркало! ни пылинки не останется. Понадобится ли вамъ за чѣмъ въ лавку, письмо ли снесть—я всегда подъ рукой; лучше родной матери буду ходить за вами. Ахъ, г-нъ Ластовъ, оставьте меня у себя? вамъ же лучше будетъ!

Учитель угрюмо покачалъ головою.

— Нѣтъ, Мари, вы знаете, что̀ можетъ выйдти изъ такого близкаго сожитія молодого мужчины и молодой женщины, особенно если они еще неравнодушны другъ

къ другу. Конецъ всегда одинъ, весьма неутѣшительный, и именно для васъ, женщинъ.

Дѣвушка сложила съ мольбой руки.

— Да чего-жъ вамъ наконецъ отъ меня?... О, Боже мой! залилась она вдругъ слезами, — онъ только представлялся, онъ ни капельки не любитъ меня! Куда я дѣнусь, гдѣ преклоню свою бѣдную, одинокую головушку? Нѣтъ, вóнъ отсюда, куда-нибудь...

Эксцентричная швейцарка бросилась къ выходу, схватила съ полу узелъ и собиралась выбѣжать опрометью за дверь.

— Мари! воскликнулъ Ластовъ, — чтò ты? Куда-жъ ты пойдешь? Положи вещи!

Дѣвушка послушно опустила узелъ на полъ.

— Подойди сюда!

Она подошла.

— Садись!

Она сѣла. Онъ помѣстился рядомъ и взялъ ее за руку.

— Слушай меня внимательно. Жениться на тебѣ я не могу—хотя бы уже потому, что ты иностранка, а я женюсь не иначе, какъ на русской.

— Я это очень хорошо понимаю... гдѣ же мнѣ, простой, необразованной дѣвушкѣ...? Да вѣдь я на это никогда и не разсчитывала. Одно было у меня на умѣ: что я люблю васъ, люблю какъ жизнь, болѣе жизни своей, что безъ васъ мнѣ и быть нельзя. Не убивайте же меня своимъ небреженьемъ, Бога ради, голубчикъ вы мой! помилосердствуйте...

Она скатилась на полъ, на колѣни, и припала лицемъ

къ дивану. Ластовъ хмурился, откашливался, закусывалъ до крови губу.

— Нѣтъ, Мари, этому не бывать, этого нельзя.

Онъ выглянулъ въ окно.

— На дворѣ совершенно стемнѣло, квартиры тебѣ сегодня уже не пріискать. Эту ночь ты можешь провести здѣсь, на диванѣ; за безопасность твою и охранность я ручаюсь своей честью; ты будешь какъ въ отчемъ домѣ. Завтра же мы отправимся вмѣстѣ на поиски за квартирой.

Мари не осмѣлилась возражать. Покровитель ея вышелъ въ переднюю.

— Анна Никитишна, поставьте-ка самоваръ; да въ булочную сходите.

— А хлѣба на двоихъ?

— Да, барышня проведетъ у насъ и ночь; вы постелите ей потомъ въ кабинетѣ.

Старушка и ротъ раскрыла, не зная вѣрить ли своимъ ушамъ. Жилецъ уже вошелъ къ себѣ.

— Чѣмъ бы позанять тебя? говорилъ онъ пріунывшей гостьѣ, оглядываясь въ комнатѣ. Взоры его остановились на пейзажѣ, представлявшемъ Интерлакенъ. — Да! вотъ полюбуйся.

Онъ взялъ свѣчу и освѣтилъ картину.

— Узнаёшь?

— А, нашъ городокъ! радостно воскликнула Мари, вскакивая съ дивана.—Наша чудная Юнгфрау, а тутъ и отель *R*... Да это кто-жъ такое, подъ деревомъ? словно я?

— Ты и есть; значитъ, схоже?

— Какъ же не схоже! такая же круглая... Но какъ, скажите, я попала сюда?

— Очень просто: я набросалъ твою фигуру, черты твои въ альбомъ; знакомый мнѣ художникъ списалъ тебя, по моей просьбѣ, съ эскиза на картину.

Свѣтлая надежда загорѣлась въ глубокихъ, темныхъ глазахъ дѣвушки.

— Такъ вы меня все-же когда-нибудь да любили?

— Теперь вѣришь?

Онъ хотѣлъ отчески поцѣловать ее въ лобъ; но она глядѣла на него такимъ полнымъ взоромъ, съ такой сердечною благодарностью и нѣжностью, что его передернуло, и онъ не исполнилъ своего намѣренія. Присѣвъ на корточки передъ столомъ, онъ выдвинулъ ящикъ и досталъ оттуда пачку тетрадей.

— Мнѣ время заняться, сказалъ онъ;—такъ вотъ тебѣ отъ скуки нѣсколько альбомовъ; тутъ всякіе виды: прирейнскіе, неапольскіе; есть и ваши швейцарскіе.

Мари положила тетради себѣ на колѣни и, какъ по заказу, съ тупымъ равнодушіемъ стала перелистывать ихъ. Ластовъ засвѣтилъ другую свѣчу, взялъ со стола какую-то книгу, карандашъ и расположился въ противоположномъ углу дивана. Напрасно поднимала на него молодая дѣвушка свои большія, томныя очи,—онъ, казалось, забылъ даже о присутствіи ея, по временамъ дѣлалъ карандашемъ помѣтки на поляхъ книги, потомъ весь погружался опять въ содержаніе ея.

Анна Никитишна внесла самоваръ и чайныя принадлежности. Мари тихонько встала, тихонько подошла къ читающему.

— Виновата, г-нъ Ластовъ, я отвлеку васъ на секунду.

Онъ очнулся.

— Да? а что вамъ угодно?

— Позвольте похозяйничать? пожалуйста! Я буду воображать, что мы опять въ Интерлакенѣ.

— Если это развлечетъ васъ, улыбнулся Ластовъ,— то сдѣлайте ваше одолженіе.

— Благодарю васъ.

Швейцарка тщательно разгладила скатерть, заварила чай, аккуратно и апетитно разложила французскіе сухари и крендели, принесенные изъ булочной, въ хлѣбной корзинѣ, привычною рукою нарѣзала два тонкіе, какъ листъ, ломтика лимона; потомъ разлила по стаканамъ чай (и для нея былъ поданъ стаканъ), причемъ Ластову положила сахару четыре крупные куска.

— Пожалуйте! съ робкой развязностью пригласила она хозяина.

— Какая вы сладкая! поморщился онъ, отвѣдавъ ложкою чаю.

— Да вѣдь вы любите сладко? Намазывали себѣ еще на бутербродъ всегда въ палецъ меду.

— А вы развѣ помните?

— Еще бы! А на землянику всякій разъ насыпали съ полфунта сахару. Мадамъ, бывало, придетъ въ кухню, только рукой махнетъ: «Ужъ этотъ мнѣ русскій: десятокъ такихъ пансіонеровъ—и въ конецъ раззоришься.»

— А я, въ самомъ дѣлѣ, большой охотникъ до земляники, весело замѣтилъ учитель.

— Я думаю! Нарочно поставишь всегда полное блюдо противъ вашего прибора. Наложите одну тарелку, съѣдите; потомъ вторую—также съѣдите; наконецъ и третью!

Молодые люди переглянулись и разсмѣялись.

Чай былъ отпитъ и убранъ. Мари и тутъ по мѣрѣ силъ помогала хозяйкѣ, которая однако съ явною

непріязнью принимала ея услужливость. Среди разговоровъ, прерывавшихся со стороны швейцарки то смѣхомъ, то вздохами, пробило 11-ть. Хмурая, какъ ноябрскій день, явилась Анна Никитишна приготовить ночное ложе гостьѣ. Ластовъ взялъ свѣчу и книгу и направился къ спальнѣ.

— Вы, можетъ быть, желаете также прочесть что̀ на сонъ грядущій, обратился онъ въ дверяхъ къ Мари, — такъ вонъ тамъ въ шкапу есть и нѣмецкіе авторы.

Кивнувъ ей головой, онъ вышелъ въ опочивальню.

Полчаса уже лежалъ онъ въ постели, съ книгою въ рукахъ; но держалъ онъ книжку какъ-то неловко: какъ живая, покачивалась она то вправо, то влѣво. Прочтя страницу, онъ тутъ же принимался за нее снова, потому-что не удерживалъ въ памяти ни словечка изъ прочтеннаго. Ухо его къ чему-то прислушивалось: на стѣнѣ, въ бархатномъ, бисеромъ обшитомъ башмачкѣ, внятно тиликали карманные часы; въ сосѣдней комнатѣ двинули стуломъ. Вотъ зашелестили женскія платья: швейцарка, видно, раздѣвалась; потомъ опять все стихло. «Тикъ-тикъ-тикъ!» лепетали часы. Ластовъ досталъ ихъ изъ башмачка; они показывали безъ четверти 12-ть. Опустивъ ихъ въ хранилище, онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ принялся за ту же страницу въ четвертый или пятый разъ. Продѣлавъ и на этотъ разъ прежнюю безполезную операцію машинальнаго чтенія глазами, безъ всякаго соучастія мозга, онъ съ сердцемъ захлопнулъ книгу, положилъ ее на столъ и загасилъ огонь. Затѣмъ, плотно завернувшись въ одѣяло, сомкнулъ глаза, съ твердымъ намѣреніемъ ни о чемъ не думать и заснуть.

Вдругъ почудилось ему, что кто-то плачетъ. Онъ прислушался.

— Мари, это вы?

Плачъ донесся явственнѣе.

— Этого недоставало! прошепталъ молодой человѣкъ, нехотя приподнялся, въѣхалъ въ туфли, накинулъ на плечи одѣяло. Тьма въ спальнѣ была египетская, хоть глазъ выколи. Топографію своего жилища, однако, учитель зналъ хорошо: ощупалъ ручку двери и вошелъ въ кабинетъ. Здѣсь мракъ стоялъ еще чуть ли не гуще. Со стороны дивана слышались подавленные вздохи. Ластовъ подошелъ къ изголовью дѣвушки.

— Перестань, Мари, прошу тебя. Слезы не помогутъ.

— Охо-хо! Доля ли ты моя горемычная! Никому-то я не нужна, никѣмъ-то не любима! бѣдная я, безталанная!

— Не говори этого, любезная Мари: я первый принимаю живое участіе въ судьбѣ твоей; но любить—любить не всегда можно, еслибъ даже и хотѣлось.

— Неправда, можно, всегда можно!

Она зарыла лице въ подушку, чтобы заглушить непрошенныя рыданія. Ластовъ вздохнулъ и успокоительно положилъ руку на ея темя.

— Послушай, моя милая, чтò я тебѣ скажу...

— И слушать не хочу; молчи, молчи!

Неожиданно, съ радостнымъ воплемъ, вскакнула она съ ложа, повлекла возлюбленнаго къ себѣ и, смѣясь и плача, принялась неистово лобызать его. Самообладаніе молодого человѣка грозило измѣнить ему; сердце у него замерло, голова пошла кругомъ...

Но онъ преодолѣлъ себя, насильно оторвался, подошелъ, пошатываясь какъ пьяный, къ столу, гдѣ стоялъ полный графинъ воды, и жадными губами приложился къ источнику отрезвленія. Свѣжая влага сдѣлала свое дѣло:

любовный хмѣль его испарился, голова прояснилась. Онъ опустилъ на столъ графинъ, на половину опорожненный. Съ дивана доносилось только отрывчатое, тяжелое дыханіе. Онъ крѣпче завернулся въ свою войлочную мантію и на цыпочкахъ воротился въ спальню. Здѣсь, плотно притворивъ дверь, онъ прилегъ опять на кровать и повернулся лицемъ къ стѣнѣ.

Вспомнилось ему испытанное средство отъ безсонницы: слѣдуетъ только представить себѣ яркую точку и не отводить отъ нея глазъ. Силою воли онъ воспроизвелъ передъ собою требуемую точку и зорко вглядывался въ нее, чтобы ни о чемъ другомъ не думать. А шаловливая, непослушная точка ни за что не хотѣла устоять на одномъ мѣстѣ: то уклонится вправо, то влѣво, то юркнетъ въ глубь стѣны, то вдругъ, какъ муха, сядетъ ему какъ разъ на кончикъ носа, такъ-что экспериментаторъ поневолѣ отбросится назадъ головою. Однакожъ средство оправдывало свою славу: не давало помышлять ни о чемъ иномъ.

Тутъ скрипнула дверь. Блестящая точка какъ въ воду канула. Ластовъ оглянулся. Въ окружающемъ mракѣ ни зги не было видно; но тонкимъ чутьемъ неуспокоившагося чувства онъ угадывалъ около себя живое существо, знакомое существо... Онъ хотѣлъ приподняться съ изголовья; мягкія руки обвили его голову, пламенная щека приложилась къ его щекѣ, пылающія молодыя губы искали его губъ...

— Милый ты, милый мой!...

IX.

Смотря на любовь, как на волненіе крови, конечно, нельзя имѣть строгаго взгляда на семейную нравственность. Но корень всему злу французское воспитаніе.

ДОБРОЛЮБОВЪ.

Мари окончательно поселилась у Ластова. Какъ-бы для примиренія себя съ выпавшимъ на его долю жребіемъ, онъ расточалъ ей теперь всю нѣжность своего сердца, исполнялъ всякое выраженное ею желаніе: она была страстная охотница до цвѣтовъ и птицъ—онъ уставилъ всѣ окна розами, камеліями, гортензіями, завелъ соловья; упомянула она какъ-то, что любитъ черносливъ—онъ приносилъ ей что день лучшаго, французскаго; одѣлъ, обулъ онъ ее заново.

Вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ онъ себѣ задачей ознакомить швейцарку съ русской литературой, съ русскимъ бытомъ. Вскормленная на сентиментальной школѣ Шиллера, Августа Лафонтена, Теодора-Амадеуса Гофмана, на романтической—французскихъ беллетристовъ, она была олицетворенный лиризмъ. Онъ началъ съ самаго близкаго для нея—съ нашихъ лириковъ. Для предвкусія научилъ онъ ее нѣсколькимъ задушевнымъ романсамъ Варламова, Гурилева, которые вскорѣ пришлись ей до того по нраву, что она то и дѣло распѣвала ихъ, забывъ на время даже мотивы дальней родины. Слухъ у нея былъ вѣрный и голосъ, хотя небольшой, но свѣжій и необыкновенно симпатичный. Иногда только, шутки ради, она заключала русскій куплетъ альпійскимъ гортаннымъ припѣвомъ:

«Ждетъ косаточку
Бѣлогрудую
Въ тепломъ гнѣздышкѣ
Ея парочка.
Diridi-dui-da, dui-da, dui-da, rii-da,
Dui-da, dui-da, ho! dirida.»

Перевелъ онъ ей также на нѣмецкій языкъ (стихами) нѣсколько пьесокъ Кольцова, Майкова, которые она не замедлила заучить наизусть. Завербовавъ такимъ образомъ ея чувство въ пользу изученія чуждаго ей языка, онъ занялся съ нею нашей азбукой.

Желая выказать передъ милымъ способности свои въ лучшемъ свѣтѣ, Мари взялась за ученіе съ горячностью и самоотверженіемъ истинно-любящей женщины. Алфавитъ ей дался въ одинъ день. Затѣмъ началось чтеніе. Главнымъ камнемъ преткновенія было для нея произношеніе нѣкоторыхъ буквъ: *л*, *ы* и шипящихъ; но тутъ пришелся ей кстати твердый выговоръ дѣтей Альповъ. Сколько шутокъ, сколько смѣху! Въ нѣсколько дней она достигла того, что могла читать по-русски довольно сносно, хотя, конечно, съ неподдѣльнымъ иностраннымъ акцентомъ.

— Ну, Машенька, сказалъ ей Ластовъ,—теперь только твоя добрая воля научиться и понимать читаемое. Я слишкомъ занятъ, чтобы продолжать съ тобою ученіе шагъ за шагомъ. Вотъ тебѣ прекрасная книжка: *Герой нашего времени*, вотъ тебѣ Рейфъ; я самъ выучился этимъ способомъ французскому языку. Если чего не поймешь—не стѣсняйся, спрашивай.

Скрѣпя сердце, дѣвушка принялась за сухую работу пріискиванія отдѣльныхъ словъ по словарю. Но, одолѣвъ

половину *Бэлы*, она уже рѣже обращалась къ нему; живой, плѣнительный разсказъ положительно завлекъ ее; описываемая авторомъ, столь яркими красками, романтическая природа Кавказа живо напомнила ей родную, швейцарскую: она не давала себѣ даже времени отыскивать всякое непонятное слово—былъ бы понятенъ лишь общій смыслъ разсказа.

А тутъ, на подмогу къ Ластову, подвернулась еще старушка-хозяйка. Приняла она въ началѣ свою новую жилицу далеко неблагосклонно. Она сочла ее обыкновенной лореткой изъ остзейскихъ нѣмокъ извѣстнаго петербургскаго покроя. Какъ же пріятно было ея разувѣреніе, когда, вмѣсто ожидаемаго нахальства и банальной фамиліарности, она встрѣтила въ ней всегдашнюю готовность помочь и услужить, непривычную для нея, простой мѣщанки, тонкость и деликатность обращенія и почти дѣтскую застѣнчивость и стыдливость, когда она, хозяйка, заставала ее, Мари, цѣлующеюся съ Ластовымъ.

Въ отсутствіи учителя, да иногда и при немъ, Мари стала проводить свое время съ Анной Никитишной, и болтовня у нихъ не прерывалась. Любезный Рейфъ, какъ само собою разумѣется, служилъ имъ неизмѣннымъ толмачемъ. Вспомнила старуха, что покойный муженекъ ея (царствіе ему небесное!) читалъ ей какъ-то чудесную исторію: *Юрій Мирославскій*, *Милославскій* что ли. Попросила Мари своего милаго добыть ей во что бы то ни стало хваленную исторію. Принесъ онъ ей ее, и въ кухнѣ начались литературныя чтенія: Мари прочитывала вслухъ, Анна Никитишна поправляла ее. За *Милославскимъ* послѣдовали, уже по совѣту Ластова, сочиненія Тургенева. Главныхъ благопріятныхъ слѣдствій отъ этихъ

чтеній было три: первое, что хозяйка исполнялась все большей пріязни и привязанности къ услужливой, негорделивой, разговорчивой жилицѣ; второе, что швейцарка дѣлала въ русскомъ языкѣ удивительные успѣхи; третье, наконецъ, что открылась обильная тэма для бесѣдъ между нашими голубками: разборъ характеровъ героевъ прочтенныхъ романовъ, объясненіе разныхъ чертъ и обычаевъ нашего народа; тогда-какъ, безъ этого, для нихъ оставалось бы одно лишь поле, на которомъ они могли понимать другъ друга,—поле чувства, а оно, какъ всякое кондитерское произведеніе, употребляемое въ избыткѣ, должно было бы когда-нибудь пріѣсться.

Такъ возникла между ними, рядомъ съ сердечной симпатіей, и симпатія духовная, которую Ластовъ въ часы досуга питалъ и развивалъ задушевными разговорами о предметахъ, «вызывающихъ на размышленіе», то есть научныхъ и общественныхъ.

«L'appétit- vient en mangeant», говоритъ французская пословица. Не менѣе справедливо можно было бы сказать, что « l'amour vient en aimant ». Постоянно заботясь о предметѣ своей непроизвольной любви, Ластовъ, самъ того не замѣчая, все болѣе и болѣе привязывался къ нему. Пробнымъ камнемъ этой привязанности послужили два визита, сдѣланные ему въ началѣ лѣта.

Первымъ визитантомъ былъ знакомецъ нашъ Куницынъ. Не давъ Аннѣ Никитишнѣ времени отомкнуть порядкомъ дверь, онъ буйно ворвался въ прихожую, чуть не сбивъ при этомъ съ ногъ старушки.

— Вамъ кого? остановила она его, поправляя на головѣ чепецъ.

—- Если позволите, не васъ, старая мегера! желчно

пробурчалъ онъ въ отвѣтъ, съ силою швыряя съ ногъ непослушную калошу, которая, ударившись объ стѣну, кувырнулась, какъ жонглёръ, въ воздухѣ и потомъ уже улеглась на полу подошвою кверху.

— Да ихъ нѣтъ дома, обидѣлась почтенная женщина.— Заходите опосля.

— Когда-жъ онъ возвращается?

— А какъ придется: когда въ три, а когда и къ вечеру, въ полночь.

— Такъ я обожду.

Онъ сталъ скидавать пальто.

Старушка оторопѣла.

— Да нѣтъ же, сударь, нельзя-съ...

— Отчего это?

— Я не знаю, можно ли... Повремените чуточку...

Она съ осторожностью отворила кабинетную дверь и проворно юркнула въ нее. Тамъ сидѣла за шитьемъ одна Мари; Ластова не было дома.

— Марья Степановна, матушка моя, убирайтесь живѣе!

— Куда? зачѣмъ? вопросила та, глядя на нее большими глазами.

— Да вонъ туда, въ спальню. Гость пришелъ и хочетъ дожидаться Льва Ильича.

Тутъ въ комнату вошелъ самъ Куницынъ.

— Tiens, tiens, tiens! воскликнулъ онъ, узнавъ швейцарку.—Wo kommen Sie her, holde Schöne? Мы съ нею давнишніе знакомые, обратился онъ внушительно къ хозяйкѣ;—будьте такъ добры испариться.

Старушка, бормоча, повиновалась. Какъ на угольяхъ, стояла Мари передъ нежданнымъ гостемъ, перебирая въ смущеніи свой чистенькій ситцевый передникъ.

— Неrr vous...? Я запамятовала вашу фамилію.

— Куницынъ, помогъ ей молодой фатъ, развалиываясь съ нѣкоторою театральностью на диванѣ.—Это ужасно, эт-то у-жасно!

— Что съ вами, г. Куницынъ, вы внѣ себя?

Онъ трагически взъерошилъ себѣ волосы.

— Успокойтесь. Не надо ли вамъ гребенки?

— Гре-бен-ки? Мари, о Мари! Было время, вы были безъ памяти влюблены въ меня, вамъ должно быть извѣстно, что̀ я за человѣкъ—добрѣйшій, великодушнѣйшій!

— Вы очень ошибаетесь, сударь, если думаете, что внушали мнѣ когда-либо какое-нибудь чувство.

— Что тутъ отговариваться? Заболѣли еще не на животъ, а на смерть, когда узнали о моемъ сватовствѣ на другой; cela saute aux yeux. Но что вспоминать; дѣла минувшія!

— Да если я васъ увѣряю... Наконецъ, вы видите, что я теперь у г. Ластова, слѣдовательно... я тогда по немъ стосковалась.

— Экъ я не догадался! хлопнулъ себя по лбу Куницынъ.—Вы у него la maîtresse... de la maison? Молодецъ же онъ, ей-ей, молодецъ! не ожидалъ я, признаться, отъ него. Всегда скромникомъ такимъ, законникомъ смотритъ, воды не замутитъ. Ну, какъ у васъ тутъ житье-бытье?

Говоря такъ, денди нашъ всталъ, поправилъ въ глазу стеклышко и, съ улыбочкой полулукавой, полунахальной, приблизился къ дѣвушкѣ.

— Славное мясцо, сказалъ онъ, щипнувъ ее въ полную, розовую щеку,—парное!

Мари, какъ полотно, побѣлѣла; непритворный гнѣвъ блеснулъ въ ея глубокихъ черныхъ глазахъ.

— Да какъ вы посмѣли, сударь...

— Какъ видите, посмѣлъ. Ха, ха!

— Но... но...

— Зарапортовались, ангелъ мой! А вы, ей-Богу, премилы, препикантны, когда сердитесь: глазёнки такъ и разбѣгаются, такъ и стрѣляютъ, какъ пара пистолетовъ; благо, заряжены холостымъ зарядомъ.

— Послушайте, г. Куницынъ...

— Что слушать-то? Путнаго вѣрно ничего не скажете. Не взыщите за откровенность. Вотъ передъ физикой вашей я преклоняюсь—покорнѣйшій слуга! губки—пресочныя, настоящія морели. Позвольте удостовѣриться de facto.

Онъ ловко взялъ ее за талью. Но въ то же мгновеніе комната огласилась звонкой пощечиной. Захваченный врасплохъ, хищникъ невольно выпустилъ изъ рукъ добычу.

— О-го-го! заголосилъ онъ въ неподдѣльной ярости.— Une commune biche! Все, моя милая, имѣетъ границы. Теперь я уже считаю своимъ священнымъ долгомъ расцѣловать васъ, такъ расцѣловать, какъ во снѣ вамъ не мерещилось, какъ Адонисъ вашъ въ жизнь не цѣловалъ васъ!

Съ распростертой для объятія лѣвой рукою, съ приподнятымъ кулакомъ правой, подступилъ онъ къ беззащитной. Мѣняясь въ лицѣ, съ рѣшимостью сжавъ губки, схватилась она за стоявшій на столѣ подсвѣчникъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы разыгралась эта сцена, еслибъ не подоспѣлъ во-время третій актеръ, въ лицѣ Ластова. Въ разгарѣ дѣла ни швейцарка, ни воинственный гость ея не слышали какъ позвонилъ онъ, какъ отворилъ дверь

въ комнату. Въ недоумѣніи остановился онъ на порогѣ.

— Мари, Куницынъ, что вы тутъ затѣваете?

— Лёва, другъ мой, выбрось этого негодяя! Онъ позволилъ себѣ со мною такія дерзости...

Молодой ловеласъ уже оправился. Непринужденно улыбаясь, онъ подошелъ къ пріятелю.

— Здравствуй, братецъ! Представь себѣ, какъ легко напугать ихъ, этихъ женщинъ! Въ ожиданіи тебя, отъ нечего дѣлать, я хотѣлъ испытать ея вѣрность къ тебѣ и сдѣлалъ видъ, будто хочу поцѣловать ее, а она вообрази, что я и въ самомъ дѣлѣ собираюсь поцѣловать. Вѣдь забавно? ха, ха!

— Не вѣрь ему, Лёва, онъ уже схватилъ меня за талью, и если бы я...

— Ну, ну, замолчите, перебилъ ее, вспыхнувъ, Куницынъ.—Каюсь, такъ и быть, что̀ грѣха таить: хотѣлъ поцѣловать. Но ты, Ластовъ, человѣкъ умный и, разумѣется, не найдешь въ этомъ ничего дурного. Ну, что такое одинъ поцѣлуй въ сравненіи съ вѣчностью? Ein Mal ist kein Mal. Самъ же ты цѣлуешь ее навѣрное разъ по сту въ день.

Ластовъ не могъ не улыбнуться наивному доводу пріятеля.

— Ты забываешь, мой другъ, что она жена моя.

— Гражданская!

— Какая бы тамъ ни была. Замѣть себѣ пожалуйста на будущее время: если хочешь оставаться со мною въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, то обходись съ нею такъ же почтительно, какъ со всѣми «законными» женами твоего знакомства.

— Пожалуй! иронически улыбнулся Куницынъ.—Для тебя только, по старой дружбѣ.

— И я надѣюсь, что ты сейчасъ извинишься передъ нею?

— Ну, ужъ на это не надѣйся; много чести.

— Такъ ты не намѣренъ просить прощенія?

— За кого ты меня принимаешь? Чтобъ я, я унижался передъ...

— Тс! ни слова болѣе. Сдѣлай же милость оставить насъ и впередъ считать меня человѣкомъ тебѣ совершенно чужимъ. Не угодно ли?

Онъ широко распахнулъ передъ пріятелемъ выходную дверь. Тотъ посмотрѣлъ на учителя, посмотрѣлъ на его «гражданскую»; потомъ глубокомысленно опустилъ взоры на кончики своихъ лаковыхъ ботинокъ.

— Гм... да. En effet, ты какъ-будто поступаешь благородно. Притвори-ка дверь; я согласенъ исполнить твое требованіе. Mein Fräulein... или gnädige Frau? какъ прикажешь?

— Передъ людьми она еще дѣвушка; такъ такъ и величай.

— Bon. Also, gnädiges Fräulein, mir thut es ungeheuerlich, abscheulich leid, dass... und so weiter, und so weiter. Довольно съ тебя?

— Будетъ, хотя ты напрасно ломаешься. Присядемъ-ка теперь, разскажи-ка мнѣ, что принесло тебя? вѣрно что-нибудь экстренное, потому-что, какъ человѣкъ, знающій до тонкости приличія свѣта, ты не явишься же въ гости еще засвѣтло?

Первоначальная туча скорби и отчаянья мгновенно осѣнила чело щеголя: онъ вновь схватился за прическу.

— Malheur à moi! oh! Сію минуту брошусь изъ окошка!

— Ай, только пожалуйста не у меня! Въ чемъ дѣло, скажи! кредиторы что ли?

— Pire que ça!

— Жена захворала?

— Добро бы только.

— А то что же?

— Да то, что убѣжала отъ меня! понимаешь: взяла да убѣжала!

— Можетъ ли быть! Съ кѣмъ же это?

— Съ кѣмъ, какъ не съ этимъ прогресистомъ-офицерчикомъ, съ Діоскуровымъ. Я ли, кажется, не любилъ ея, не лелѣялъ ея; ни одной вѣдь сторонней интрижки не завелъ съ самаго дня женитьбы, вотъ уже годъ съ лишкомъ; легко сказать!

— Дѣйствительно, на это потребовалось вѣроятно значительной доли самоотверженія. Какъ же ты однако допустилъ ее до побѣга?

— Допустилъ! У меня, братъ, и подозрѣнія серьезнаго не было. Какъ другъ дома, онъ, понятно, бывалъ у насъ и при мнѣ, и безъ меня. Оказалось, что безъ меня-то они болѣе все *Что дѣлать* изучали; ну, и порѣшили устроиться по предписанному тамъ рецепту. Прихожу я это изъ должности, какъ агнецъ непорочный, ничего не чая; приношу ей еще фунтъ конфектовъ, ея любимыхъ—помадныхъ; гляжу—укладывается. «Куда это? говорю. Точно въ вояжъ?»—«Въ вояжъ, говоритъ, и ѣду: На вѣки разстаюсь съ тобою.» Я, признаюсь, немножко опѣшилъ. «Какъ такъ на вѣки? что это значитъ?»—«Это, говоритъ, значитъ, что ты надоѣлъ мнѣ,

что намъ уже не къ чему жить вмѣстѣ, были бы только въ тягость другъ другу. Веселись и будь счастливъ!» — «Да куда-жъ ты, къ кому?» — «А къ Діоскурову, говоритъ. Онъ—Кирсановъ, ты—Лопуховъ, я—Вѣра Павловна.» Меня какъ водою окатило. «Да вѣдь это все, говорю, хорошо въ книжкѣ, въ дѣйствительности же непримѣнимо.» — «Вотъ увидишь, говоритъ, какъ примѣнимо. Я вообще, говоритъ, не вижу, чему тутъ удивляться: виновата ли я, что ты не умѣлъ разнообразить себя, что Діоскуровъ лучше тебя? Но я разстаюсь съ тобою безъ всякой горечи въ сердцѣ.» Утопающій хватается за соломинку. «Да что-жъ, говорю, станется съ нашимъ сыномъ, съ нашимъ Аркашей?» — «А Богъ, говоритъ, съ нимъ, оставь его себѣ. И такъ вѣдь онъ цѣлый день у кормилицы, рѣдко о немъ и вспомнишь. Ну, и у Чернышевскаго тоже о дѣтяхъ говорится только мимоходомъ, въ скобкахъ («слѣдовательно, у нея есть сынъ»); c'est un mal inévitable. У насъ же съ Діоскуровымъ наберется ихъ вѣроятно болѣе, чѣмъ нужно, и, во всякомъ случаѣ, лучше твоего Аркаши.» Меня взорвало. «А, говорю, теперь я только постигъ васъ! Знаете, сударыня, что̀ французы называютъ *une mère dénaturée*?» — «Знаю», говоритъ. «Такъ вы вотъ, ни дать, ни взять, такая *mère dénaturée*!» Но можешь представить себѣ неделикатность? «А вы, говоритъ, сударь, знаете, что̀ французы называютъ *un sot*, *un imbécile*?» — «Ну, знаю.» — «Такъ вы вотъ, ни дать, ни взять, и *un sot*, и *un imbécile*, да помноженные на два.» Каково?

Куницынъ вздохнулъ и отеръ со лба батистовымъ платкомъ крупныя капли пота.

въ себѣ достаточно самоуничиженія, чтобы помиловать заблудшую овцу, и если она сдѣлается опять овцой, то тѣмъ лучше для васъ обоихъ. Но боюсь я, чтобы не нажить тебѣ новыхъ бѣдъ: звѣрь, отвѣдавшій свѣжей крови, неутолимъ; искусившись разъ, она не надолго стерпитъ однообразіе счастливой семейной жизни.

— Лева, милый мой, ты жестокъ, ты золъ! Вѣдь ихъ связываетъ не одна взаимная любовь, ихъ связываетъ ихъ дитя, неразрывное звѣно, которымъ они на вѣки вѣковъ сковались другъ съ другомъ. Г-нъ Куницынъ! прошу васъ: подумайте о будущности вашего малютки, который съ пеленъ не будетъ знать заботливости, ласкъ матери; вѣдь сердце его очерствѣетъ! Пусть вы даже воспитаете изъ него человѣка умнаго, образованнаго; высшаго человѣческаго достоинства—благороднаго, мягкаго сердца вы не вложете въ него: его можетъ вложить только мать.

— Вишь, какъ расписываетъ, проговорилъ Куницынъ, котораго не на шутку стали пронимать усовѣщеванія швейцарки.—Чего-жъ вы отъ меня хотите, petite drôle?

— Чтобы вы впродолженіе года не хлопотали о разводѣ.

— Гм, гм... Да если я и подамъ теперь прошеніе, разрѣшеніе выйдетъ не ранѣе, какъ черезъ годъ, черезъ два.

— Но тогда всѣ узнаютъ... Такъ же можно будетъ какъ-нибудь стушевать.

— И то правда. Вы, m-lle Marie, какъ я вижу, дѣвушка съ весьма здравымъ взглядомъ. Нужно будетъ еще обдумать...

Когда затѣмъ Куницынъ сталъ уходить, то со всею

галантностью моднаго рыцаря расшаркался передъ швейцаркой.

X.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой.

ДОБРОЛЮБОВЪ.

Второе посѣщеніе, котораго удостоился Ластовъ, удивило его еще болѣе перваго. Анна Никитишна съ таинственностью вызвала его въ переднюю. Онъ вышелъ туда въ домашней визиткѣ, безъ галстуха.

Передъ нимъ стояли Наденька и Бреднева.

— Ба, кого я вижу? озадачился онъ.—Чему я обязанъ...

— Проходя мимо, колко отвѣчала Наденька,—мы воспользовались случаемъ предупредить васъ, чтобы вы не трудились болѣе вонъ въ ней.

Она указала на спутницу.

— Какъ? вы, Авдотья Петровна, рѣшились бросить свои занятія?

— Рѣшилась бросить свои занятія, повторила сухо Бреднева.—Я пришла къ заключенію, что поучилась у васъ болѣе, чѣмъ достаточно, и справлюсь на будущее время и безъ васъ.

— Жаль, очень жаль. За что-жъ такая немилость?

— Да хоть за вашу любезность, сказала опять Наденька:—приходятъ къ вамъ двѣ молодыя гостьи, а вы не пускаете ихъ далѣе передней.

Тѣнь облака пробѣжала по лицу учителя.

— Гм... замялся онъ.—У меня тамъ не убрано. Сейчасъ приведу въ нѣкоторый порядокъ и тогда милости просимъ...

Онъ проворно прошмыгнулъ въ кабинетную дверь.

— Знаемъ мы чтò у васъ тамъ не убрано, сказала во слѣдъ ему по-французки Наденька,—принцеса ваша не убрана. Можно бы въ щель полюбопытствовать, да эта чучело-старушёнка съ мѣста не сходитъ.—Вы, кажется, боитесь, что мы чтò стянемъ? отнеслась она съ усмѣшкой къ Аннѣ Никитишнѣ.

Та не знала чтò и отвѣтить.

— Да ты, Наденька, вполнѣ увѣрена, что Куницынъ не солгалъ? спросила Бреднева.—Хотя онъ и городской справочный листокъ, да вѣдь никто такъ и не привираетъ, какъ эти листки.

— Нѣтъ, онъ приводилъ такія подробности, какихъ не сочинишь.

Воротился Ластовъ.

— Прошу покорно, сказалъ онъ, растворяя обѣ половины двери.

— Ну, что, убрали? входя въ кабинетъ и оглядываясь въ немъ, говорила Наденька.—Кажется, не совсѣмъ-то, прибавила она, беря со стола женское рукодѣлье и разсматривая его со всѣхъ сторонъ. — Ничего, работа чистая. Вы сами этимъ упражняться изволите?

Учитель прикусилъ языкъ.

— Н-нѣтъ; хозяйка, видно, забыла.

— Хозяйка? ха! вѣрю, вѣрю.

— Да, хозяйка. Садитесь пожалуйста.

Подруги чинно помѣстились на диванѣ. Ластовъ взялъ съ письменнаго стола ящикъ съ сигарами, другой съ

папиросами и предложилъ ихъ барышнямъ. Бреднева отказалась, Наденька закурила папиросу.

— Такъ чѣмъ же я возстановилъ васъ противъ себя, Авдотья Петровна? началъ молодой хозяинъ, усаживаясь по близости на стулъ.

— Ничѣмъ, холодно отвѣчала ученица.—Кому лучше, какъ не вамъ, знать, какіе дѣлала я у васъ успѣхи? Не перебивайте! васъ я въ этомъ ничуть не виню; вы были даже примѣрно снисходительны; но вѣдь и вы выходили подчасъ изъ себя: «Да что это, молъ, съ вами, Авдотья Петровна? вы совсѣмъ невнимательны.» Я невнимательна! Господи! да слушая васъ, я вопьюсь въ васъ глазами, точно проглотить хочу. Но что толку? хоть убейте, ни словечка не пойму. Особенно теперь, какъ принялись за химію; словно туманъ какой нашелъ. Помните, напримѣръ, самое первое—добываніе кислорода изъ перекиси марганца?

— Да чего же проще?

— Вотъ то-то же! для васъ оно просто, а для меня непроходимыя Өермопилы. Я очень хорошо знаю, что при нагрѣваніи изъ трехъ паевъ перекиси получается одинъ пай закиси, одинъ окиси и два кислорода; но какъ знаю? какъ попугай свое: «Попочка, почеши головку. Какъ собаки лаютъ? вау, вау!» Я не въ состояніи дать себѣ отчета, почему оно такъ.

— То есть, почему собаки лаютъ? сострила Наденька.

— Ну да! Что виновата тутъ не наша женская умственная слабость, видно уже на Наденькѣ, которая преодолѣла же всѣ эти трудности; виновато во всемъ наше милое воспитаніе. Я, первая ученица гимназіи, не могу понять самыхъ элементарныхъ вещей—хорошо, значитъ,

развивали! Начинать же опять съ азовъ у меня не хватаетъ духу; приходится окончательно отказаться отъ научнаго поприща. Вѣдь вы знаете, что мнѣ и въ купеческой конторѣ дали абшидъ?

— Вотъ какъ?

— Да и формальный, что называется: mit gross' Scandal. Въ годовыхъ итогахъ оказались недочеты въ нѣсколько тысячъ. Распекли меня, конечно, на чемъ свѣтъ стоитъ; со стыда и сраму я готова была сквозь полъ провалиться. За полмѣсяца имѣла еще жалованье получить, да ужъ ни за что не покажу глазъ.

— Что-жъ вы намѣрены теперь дѣлать?

— Да предаться практической дѣятельности. Я займусь англійскими переводами, которые вы мнѣ выхлопотали; даютъ мнѣ по двадцати рублей за печатный листъ; считая въ недѣлю по одному листу, въ мѣсяцъ это составитъ восемьдесятъ цѣлковыхъ; заживемъ на славу! Маменька-то моя какъ довольна!

— А что-жъ ты не скажешь ничего про свою асоціацію? замѣтила Наденька.—Вѣдь она пошла въ ходъ, такъ нечего уже секретничать.

— Какъ? спросилъ Ластовъ,—вы участвуете и въ асоціаціи? Я слышалъ, что здѣсь заводится соціальная переплетная; такъ, можетъ быть, въ ней?

— Нѣтъ, отвѣчала Бреднева,—то предпріятіе частное, неприносящее очевидной пользы человѣчеству, да и исключительно механическое. Мое же самое гуманное и притомъ начатое по моей же альтернативѣ!

— Инициіативѣ, хотите вы сказать?

— Ну да... Я основываю библіотек на акціяхъ. Уроками музыки сколотила я рубликовъ пятьдесятъ;

пять человѣкъ товарищей брата также внесли каждый—кто пятьнадцать, кто двадцать рублей; Наденька будетъ ежемѣсячно отдавать намъ половину своихъ карманныхъ денегъ—пятьнадцать рублей... Мы уже завели два шкапа и цѣлый ворохъ книгъ.

— А гдѣ она будетъ у васъ, эта библіотека?

— Да въ нашемъ же домѣ, какъ разъ подъ нашей квартирой. Отдѣльная, знаете, большая комната. Мы дали и задатокъ.

— Но приняли ли вы въ разсчетъ, что библіотека будетъ слишкомъ отдалена отъ центра города, чтобы привлекать посѣтителей?

— Въ томъ-то и штука, Левъ Ильичъ, что она будетъ не обыкновенная библіотека, а народная, для бѣднаго рабочаго класса, проживающаго именно въ нашихъ краяхъ. Въ этомъ-то и вся польза ея. Пролетаріи наши не въ состояніи абонироваться у Вольфа, Исакова, или выписывать газеты, журналы. А тутъ, за плату какой-нибудь копѣйки въ день, они будутъ имѣть возможность читать сколько душѣ угодно; развѣ не выгодно?

— Да вамъ-то будетъ ли выгодно?

— Ха! я не гонюсь за выгодой; окупились бы только книги. Переводами я буду зарабатывать сумму, совершенно достаточную для нашего пропитанія. Ахъ, Левъ Ильичъ, еслибъ вы знали, какъ я довольна! воскликнула новая соціалистка, и апатичныя черты ея оживились, зарумянились.—Наконецъ-то я буду приносить пользу. Цѣлый кварталъ, болѣе—всѣ окружные кварталы будутъ просвѣщаться, благодаря мнѣ! Только и мерещится мнѣ теперь одно: какъ я весь день свой буду проводить въ читальнѣ и, въ ожиданіи посѣтителей,

заниматься переводами. Дождаться не могу, когда вывѣска будетъ готова!

— Жаль мнѣ васъ разочаровывать, вздохнулъ Ластовъ,—но я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ вашего предпріятія: простолюдинъ нашъ не ощущаетъ еще на столько потребности въ чтеніи, чтобы ходить въ нарочно устроенное для того заведеніе. Я отсовѣтовалъ бы вамъ.

Бреднева не на шутку разсердилась.

— Такъ, по вашему, выбросить шкапы да книги за окошко? вырвать изъ сердца съ корнемъ любимую мечту, которую я выхолила, вынянчила, какъ родное дѣтище? Да что-жъ мнѣ послѣ того останется? камень на шею да въ море, гдѣ поглубже?

XI.

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся.
Хоть и женишься—раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротишься.

КОЛЬЦОВЪ.

Наденька, тѣмъ временемъ внимательно осматривавшая кабинетъ, внезапно встала и, не говоря ни слова, быстро направилась къ спальнѣ. Ластовъ вскочилъ со стула и загородилъ ей дорогу.

— Куда вы, Надежда Николавна?

— Меня очень интересуетъ ваша квартира, и я хочу обревизовать ее.

— Нѣтъ, извините, тамъ моя спальня...

— Ну, такъ что-жъ?

— Дѣвицамъ не годится входить въ спальню молодого человѣка.

— Скажите пожалуйста! А той цѣломудренной Діанѣ, что уже спрятана у васъ тамъ, годилось войти?

Кровь хлынула въ голову Ластова.

— Тише! прошу васъ. Пожалуй разслышитъ.

— Ага! признались. Я этого только и добивалась. Можете успокоиться.

Студентка воротилась на прежнее мѣсто.

— Помните ли вы, Левъ Ильичъ, какъ, будучи въ послѣдній разъ у насъ, вы ратовали за святость брачныхъ узъ?

— Ну-съ?

— А что сказать про проповѣдника, который не держится собственныхъ правилъ?

— Я, кажется, ни однимъ поступкомъ не измѣнилъ до сихъ поръ своимъ принципамъ.

— Да? Ну, а если эта... женщина надоѣстъ вамъ, вы вѣдь воспользуетесь первымъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ нея?

Ластову разговоръ былъ замѣтно непріятенъ. Нетерпѣливо потопывая ногою, онъ съ суровостью посмотрѣлъ на говорящую.

— Вы ошибаетесь, сказалъ онъ:—я никогда не разстанусь съ нею.

— Что такое? болѣзненно усмѣхнулась Наденька. — Вы хотите весь вѣкъ свой сгубить на невоспитанную, необразованную горничную?!

— Люби кататься, люби и саночки возить, иронически пояснила Бреднева.

— Именно, подтвердилъ учитель. — Но вы, Надежда

Николавна, назвали ее невоспитанной, необразованной горничной; горничной была она—противъ этого, конечно, слова нельзя сказать, хотя я и не вижу еще ничего предосудительнаго, безчестнаго въ професіи горничной; по моему, она даже куда почетнѣе професіи большей части нашихъ русскихъ барышень—професіи дармоѣдокъ. Что же до воспитанности, до образованія особы, о которой у насъ идетъ рѣчь, то я могу сказать только одно: что дай-Богъ, чтобы всѣ вы, наши «воспитанныя», «образованныя» дѣвицы, были на столько же развиты и умственно и душевно, имѣли столько же женскаго такта, какъ она—«простая горничная».

Нечего говорить, что послѣ такихъ любезностей со стороны хозяина, подруги наши недолго усидѣли у него.

— Я и забыла, сказала, приподнимаясь, Наденька,— что сегодня сходка у Чекмарева. Ты, Дуня, остаешься? вѣдь ты уже не ѣздишь на сходки?

— Не ѣзжу, но это во всякомъ случаѣ не резонъ мнѣ оставаться! Извините, Левъ Ильичъ, что обезпокоили.

— Сдѣлайте одолженіе.

Онъ обождалъ, пока барышни накинули на себя въ прихожей мантильи и, увидѣвъ, что ни одна изъ нихъ не протягиваетъ ему на прощанье руки, съ холодною формальностью раскланялся съ ними.

Когда онъ затѣмъ входилъ назадъ въ кабинетъ, на встрѣчу ему бросилась Мари и со слезами обвила его руками.

— Милый, хорошій ты мой!

Онъ приласкалъ ее.

— Не плачь, дорогая моя; не стоятъ онѣ того. Ты все слышала?

— Слышала... Спасибо тебѣ, голубчикъ!

Она сквозь слезы улыбнулась. Потомъ съ безпокойствомъ выглянула въ окошко.

— Ахъ, Лева, ужъ смерклось, а сегодня праздникъ: много пьяныхъ. Догнать бы тебѣ дѣвицъ, проводить до извощика?

— Но, Машенька...

— Прошу тебя, другъ мой, перебила она его;—зачѣмъ зло воздавать тѣмъ же? Сдѣлай это для меня, успокой меня.

Поцѣловавъ ее въ знакъ послушанія, Ластовъ взялъ шляпу, сорвалъ въ прихожей съ гвоздя пальто и пустился въ погоню за ушедшими.

Сбѣжавъ на улицу, онъ осмотрѣлся: направо въ отдаленіи мелькало еще свѣтло-ситцевое платье Бредневой, налѣво, за угломъ улицы, скрывалась высокая фигура Наденьки. Подумавъ съ секунду, онъ взялъ налѣво.

Когда онъ поравнялся съ студенткой, та оглянулась на него большими глазами, но молча прибавила только шагу.

— Я хочу проводить васъ до извощика, сказалъ Ластовъ.

— Могли бы и не дѣлать себѣ труда.

— Мари просила меня.

— Поздравляю!

— Съ чѣмъ?

XII.

По каменьямъ, рытвинамъ пошли толчки, скачки,
Левѣй, левѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

КРЫЛОВЪ.

Когда героиня наша входила къ Чекмареву, тотъ, въ халатѣ, съ засученными рукавами, сидѣлъ за мясничей работой: очищалъ скальпелемъ отъ жира мышечныя фибры лежавшей передъ нимъ на столѣ человѣческой руки.

— Quis ibi est? обычнымъ образомъ вопросилъ онъ, не оборачиваясь, при звукѣ отворяющейся двери.

— Salve, mi amice, шутливо отвѣчала по-латыни же Наденька, бросая мантилью и шляпку на ближній стулъ и подходя къ оператору.

— Липецкая? какъ это васъ угораздило? Я сейчасъ только думалъ о васъ. Добро же пожаловать. Я поздоровался бы съ вами, да видите—обѣ грязны.

— Ничего, я не бѣлоручка.

Она крѣпко пожала ему запачканную въ человѣческомъ салѣ и запекшейся крови руку. Затѣмъ придвинула себѣ противъ него стулъ.

— Нельзя ли вамъ пособить?

— Можно. Вотъ подержите тутъ за кисть.

— Я была у Бредневой, разсказывала Наденька: — слабоумная! не надѣется даже приготовиться въ академію. Мы сдѣлали съ нею по одному дѣлу небольшую прогулку, и она просила, чтобы я опять зашла къ ней; но я

не вытерпѣла и, отговорившись, что у васъ сходка, покатила къ вамъ.

— И хорошо сдѣлали... Научитесь по крайней мѣрѣ мускулы отпрепарировывать. Поверните-ка ее вверхъ ладонью; вотъ такъ, будетъ.

— Какая она полная, цвѣтущая, говорила Наденька, разглядывая мертвецкую руку. — Отъ молодого, должно быть, субъекта?

— Да, ему было лѣтъ подъ тридцать. Губа-то у меня не дура, умѣлъ подыскать. Полюбуйтесь только, что за мышцы—гладіаторскія! Вчера еще двигались.

Пальцы Наденьки, державшіе кисть покойнаго гладіатора, противъ воли ея задрожали.

— Какъ? вчера еще онъ былъ живъ?

— Живехонекъ.

— Какъ же это съ нимъ случилось? чѣмъ онъ занимался?

— Ломовымъ извощикомъ былъ. Какъ-то спьяну поспорилъ съ добрымъ пріятелемъ, что полоснетъ себя ножемъ по шеѣ; ну, и сдержалъ слово, полоснулъ, да больно ужъ азартно: дыхательное горло перерѣзалъ.

— Брр... И его доставили къ вамъ въ клинику?

— Доставили. Бились мы съ нимъ, бились, ничего не могли подѣлать; хрипитъ себѣ, знай, какъ буйволъ какой, а къ ночи улыбнулся. Какъ только остылъ, я, не говоря дурного слова, отрѣзалъ себѣ за трудъ свою долю—эту самую руку, связалъ въ платокъ и былъ таковъ.

— У... какія страсти! ужаснулась Наденька, смыкая вѣки и отталкивая отъ себя богатырскую руку.—И вы въ состояніи говорить объ этомъ такъ хладнокровно?

XII.

По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки, скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

КРЫЛОВЪ.

Когда героиня наша входила къ Чекмареву, тотъ, въ халатѣ, съ засученными рукавами, сидѣлъ за мясничей работой: очищалъ скальпелемъ отъ жира мышечныя фибры лежавшей передъ нимъ на столѣ человѣческой руки.

— Quis ibi est? обычнымъ образомъ вопросилъ онъ, не оборачиваясь, при звукѣ отворяющейся двери.

— Salve, mi amice, шутливо отвѣчала по-латыни же Наденька, бросая мантилью и шляпку на ближній стулъ и подходя къ оператору.

— Липецкая? какъ это васъ угораздило? Я сейчасъ только думалъ о васъ. Добро же пожаловать. Я поздоровался бы съ вами, да видите—обѣ грязны.

— Ничего, я не бѣлоручка.

Она крѣпко пожала ему запачканную въ человѣческомъ салѣ и запекшейся крови руку. Затѣмъ придвинула себѣ противъ него стулъ.

— Нельзя ли вамъ пособить?

— Можно. Вотъ подержите тутъ за кисть.

— Я была у Бредневой, разсказывала Наденька: — слабоумная! не надѣется даже приготовиться въ академію. Мы сдѣлали съ нею по одному дѣлу небольшую прогулку, и она просила, чтобы я опять зашла къ ней; но я

не вытерпѣла и, отговорившись, что у васъ сходка, покатила къ вамъ.

— И хорошо сдѣлали... Научитесь по крайней мѣрѣ мускулы отпрепарировывать. Поверните-ка ее вверхъ ладонью; вотъ такъ, будетъ.

— Какая она полная, цвѣтущая, говорила Наденька, разглядывая мертвецкую руку. — Отъ молодого, должно быть, субъекта?

— Да, ему было лѣтъ подъ тридцать. Губа-то у меня не дура, умѣлъ подыскать. Полюбуйтесь только, что за мышцы—гладіаторскія! Вчера еще двигались.

Пальцы Наденьки, державшіе кисть покойнаго гладіатора, противъ воли ея задрожали.

— Какъ? вчера еще онъ былъ живъ?

— Живехонекъ.

— Какъ же это съ нимъ случилось? чѣмъ онъ занимался?

— Ломовымъ извощикомъ былъ. Какъ-то спьяну поспорилъ съ добрымъ пріятелемъ, что полоснетъ себя ножемъ по шеѣ; ну, и сдержалъ слово, полоснулъ, да больно ужъ азартно: дыхательное горло перерѣзалъ.

— Брр... И его доставили къ вамъ въ клинику?

— Доставили. Бились мы съ нимъ, бились, ничего не могли подѣлать; хрипитъ себѣ, знай, какъ буйволъ какой, а къ ночи улыбнулся. Какъ только остылъ, я, не говоря дурного слова, отрѣзалъ себѣ за трудъ свою долю—эту самую руку, связалъ въ платокъ и былъ таковъ.

— У... какія страсти! ужаснулась Наденька, смыкая вѣки и отталкивая отъ себя богатырскую руку.—И вы въ состояніи говорить объ этомъ такъ хладнокровно?

— А васъ уже и стошнило? Слабенькая же вы, подлинно что женщина, въ операторы не годитесь.

— Чекмаревъ, велите подать мнѣ воды для рукъ.

— Ха, ха, ха! смыть съ нихъ кровь ближняго? Ну, да Господь съ вами, вы у меня въ гостяхъ: надо уважить. Эй, кто тамъ?

Въ комнату глянула служанка.

— Барышнѣ умывальную чашку! Да скоро ли китайская трава?

— Сейчасъ.

— Вы еще не пили, Липецкая?

— Нѣтъ, но и не буду... пробормотала въ отвѣтъ Наденька, отходя на другой конецъ комнаты.

Когда ей принесли воды и кокосовое мыло, она необыкновенно тщательно обмыла пальцы и ногти, потомъ обсушила ихъ носовымъ платкомъ. Чекмаревъ, вытеревъ ладони лишь полою халата, намазалъ себѣ на трехкопѣечный розанчикъ масла и съ замѣтнымъ апетитомъ сталъ уплетать его за обѣ щеки, захлебывая горячимъ чаемъ. Пропустивъ свои два-три стакана, онъ съ трудолюбіемъ занялся опять гладіаторскими мышцами.

Наденька между тѣмъ вывѣсилась изъ окошка, выходившаго въ садъ, сняла очки и, неподвижная, какъ каменное изваяніе, вглядывалась пристальнымъ, раздумчивымъ взоромъ въ уснувшее подъ нею царство растеній. Отблескъ вечерней зари давно уже угасъ на отдаленныхъ перистыхъ облачкахъ, и небесная синева, блѣдная, холодная, какъ утомленная послѣ бала красавица, проливала на дольній міръ скудный полусвѣтъ, еле обрисо вы-

вавшій домовыя крыши и трубы, да кудрявыя древесныя верхушки; все, что было ниже, скрывалось тѣмъ непрогляднѣе въ таинственный сумракъ. Только нѣсколько пріучивъ глазъ къ темнотѣ, Наденька различила подъ развѣсистой сѣнью деревъ—тутъ скамеечку, тамъ уходящую въ глубокую чащу дорожку. Кое-гдѣ стояли отдѣльныя деревья, какъ осыпанныя свѣжимъ снѣгомъ: то была черемуха въ полномъ цвѣту; прохладныя струи ночного воздуха обдавали дѣвушку пряным ароматомъ этого растенія, смѣшаннымъ съ болѣе нѣжнымъ запахомъ едва распускавшихся сиреней, которыхъ однако въ общей мрачной массѣ деревъ нельзя было разглядѣть.

Щекою упершись въ ладонь, грудью прилегши на подоконникъ, студентка долгими затяжками упивалась душистою прохладою ночного сада. Въ недвижномъ воздухѣ не слышалось ни звука. Гдѣ-то лишь далеко пролаяла собака — и замолкла; откуда-то донесся чуть слышный свистокъ, неизвѣстно—парохода ли, фабрики или петербургскаго гамена; зазвенѣлъ комарикъ, закружился въ воздухѣ надъ русой головкой дѣвушки и вдругъ стрѣлой умчался въ мракъ деревьевъ. Сладостно-грустно мечталось Наденькѣ: забыла она и себя, и Чекмарева.

Тутъ на плечо къ ней легла вдругъ тяжелая пятерня. Содрогнувшись, она схватилась за нее, но въ то же мгновеніе отчаянно взвизгнула и кинулась въ сторону: рука, за которую она ухватилась, принадлежала мертвецу-гладіатору.

Чекмаревъ расхохотался.

— Эхъ вы трусиха! Ну, можно ли до такой степени замечтаться? Подѣломъ вору и мука.

— Ахъ, Чекмаревъ, вы серьезно меня испугали... Я

и не слышала, какъ вы подкрались. Бросьте ее, эту страшную руку; тяжелая, какъ рука командора.

Презрительно скосивъ ротъ, медикъ исполнилъ однако просьбу товарки. Сваливъ препаратъ и всѣ употребленные для него въ дѣло инструменты на нижнюю полку развалившагося отъ долгой службы книжнаго шкапа, онъ воротился къ дѣвушкѣ.

— Вы, Липецкая, все еще не можете отдѣлаться отъ этой бабьей чувствительности, замѣтилъ онъ, усаживаясь на подоконникъ около нея. — Если вы отъ природы, какъ женщина, и болѣе хрупкаго сложенія, то должны преодолѣвать свою слабость, укрѣплять при всякомъ удобномъ случаѣ свой nervus vagus.

Наденька, погруженная въ раздумье, не слушала его.

— Скажите, Чекмаревъ, подняла она голову, — какъ вы думаете, можетъ ли мужчина вполнѣ образованный полюбить плебейку?

— Да вы что понимаете подъ любовью? тогенбургское воздыханіе къ дѣвѣ неземной?

— Да, безграничную преданность, ненарушимое согласіе въ помыслахъ, чувствахъ, дѣлающія изъ двухъ супруговъ одно нераздѣльное цѣлое.

— Экую штуку сказали! Да какой же разумный человѣкъ любитъ еще этою безцѣльною, рыцарскою, мѣщанскою любовью? Если, какъ вы говорите, извѣстный индивидуумъ мужескаго пола любитъ такою любовью извѣстный индивидуумъ женскаго пола, то по сему одному онъ уже долженъ быть причисленъ къ ракообразнымъ, сирѣчь ретрограднымъ животнымъ, и не можетъ считаться современно-образованнымъ.

— Да говорятъ же вамъ, что онъ образованъ, образо-

ваннѣе, можетъ быть, меня да васъ... Или же я не понимаю его образа любви? Простой, невоспитанной горничной далъ онъ слово въ вѣкъ не разлучаться съ нею; какое-жъ побужденье могло имѣть тутъ мѣсто, какъ не любовь, мѣщанская что ли?

— О комъ рѣчь?

— Это нейдетъ къ дѣлу. Отвѣчайте мнѣ на вопросъ: мѣщанская это любовь или какая другая?

— Да онъ связанъ съ нею церковнымъ бракомъ?

— Нѣтъ, однимъ гражданскимъ.

— Какимъ тамъ гражданскимъ? У насъ на Руси, слава-Богу, не введена еще эта ехидная выдумка деспотизма. Гражданскій бракъ только и имѣетъ цѣлью крѣпче закабалить нашего брата, мужчину: изволь обязаться формальной подпиской, что обезпечишь женину будущность да и въ приданое ея не запустишь лапы. Остроумно, нечего сказать! Одно меня удивляетъ: какъ на западѣ еще находятся дураки, что̀ рѣшаются жениться на подобныхъ условіяхъ.

— Но мы, Чекмаревъ, отклонились отъ предмета разговора. Лица, про которыхъ говорю я, просто живутъ себѣ вмѣстѣ, ни въ чемъ не обязавшись письменно.

— Ну да, такъ это бракъ натуральный. Одинъ онъ-то и есть настоящій, бракъ предписанный намъ природой. Понравились другъ другу—сошлись, пріѣлись—разошлись. Ни безсмысленныхъ письменныхъ уговоровъ, ни свадебныхъ церемоній...

— Ну, а человѣкъ, про котораго у насъ идетъ рѣчь, обязался (конечно, не на бумагѣ) жить съ тою дѣвушкой цѣлую жизнь?

— Значитъ, пришлась ему уже очень по нраву. Что-жъ, это бываетъ.

Наденька тяжело вздохнула и вывѣсилась опять въ садъ. Изъ сумрака деревъ клубились къ ней одурительныя благоуханія черемухи и сирени. Она затрепетала и закрыла глаза рукою. Студентъ рядомъ крякнулъ и пододвинулся ближе.

— А, Липецкая...

Дѣвушка, не отнимая руки отъ глазъ, въ какомъ-то забытьи прошептала:

— Что вы говорите?

— Натуральный бракъ, видите ли, самъ по себѣ вещь очень раціональная, и еслибъ, напримѣръ, въ васъ было достаточно энергіи и самостоятельности...

Онъ съ назойливою довѣрчивостью взялъ ее за свободную руку. Дѣвушка вздрогнула и повернулась къ нему лицемъ. Сквозь свѣтлыя потемки лѣтней ночи ему было видно, что черты ея разстроены и блѣдны, что глаза ея полны слезъ.

— Уйдите вы, уйдите отъ меня... менѣе съ испугомъ, чѣмъ съ невыразимою грустью пролепетала она, высвобождая руку.

— Нѣтъ, не шутя, Липецкая, убѣдительно продолжалъ онъ. — Чѣмъ поддерживается вселенная, какъ не магнетическимъ тяготѣніемъ другъ къ другу разнородныхъ элементовъ, чѣмъ органическая природа, какъ не взаимной симпатіей разнородныхъ половъ? Не будь этой симпатіи, міръ бы вымеръ; но она вложена природой, какъ безотчетное стремленіе, во всякое живое существо, и всякое четвероногое, всякая глупая птичка, всякая букашка, наконецъ, въ зрѣломъ возрастѣ ищетъ сочувственнаго сердца. Неужели человѣку, высшему существу въ органическомъ мірѣ, идти въ разрѣзъ съ законами

природы? Нѣтъ, съ достиженіемъ имъ возмужалости, натуральный бракъ есть для него, можно сказать, даже святая обязанность. На что же и жизнь, какъ не для того, чтобы пользоваться ею? ну, всѣ здравомыслящіе и пользуются...

— Всѣ, всѣ? и *они?*

— И я, и ты, и онъ, и мы, и вы, и они.

Судорожная дрожь пробѣжала по членамъ дѣвушки, и, рыдая, кинулась она на шею краснорѣчиваго натурфилософа.

— Я ваша...

— Какъ? серьезно?

— Цѣлуй меня, голубь меня, Левъ, ненаглядный ты мой!

— Мое имя не Левъ.

— Ахъ, не разочаровывайте... Левъ, жизнь ты моя!

XIII.

Гибнетъ чувство мое одинокое
Безотзывно, бездольно, безродно!

ЩЕРБИНА.

Немного дней спустя, г-жа Липецкая переселилась «à la campagne», въ небольшое родовое имѣніе въ новгородской губерніи, куда взяла съ собой и дочку. Здѣсь, въ отдаленіи отъ цѣлаго свѣта, предоставленная исключительно себѣ самой, Наденька принялась писать дневникъ. Представляемъ на выдержку нѣсколько листковъ изъ этихъ самопризнаній.

. . . .

Наконецъ, наконецъ-то въ деревнѣ! Прощай, злодѣй мой, и думать о тебѣ не хочу; какъ досадливую, запачканную страницу вырву я тебя изъ моей памяти!

И ты, болотистый городъ, всѣ вы, люди болотистой почвы, съ вашими мелочными, эгоистическими цѣлями— прощайте, если возможно, на вѣки!

Одиночества—вотъ чего мнѣ нужно, чего алкаетъ всѣми фибрами чувства наболѣвшая душа моя! природы! Здѣсь задышу я опять вольно, широко-широко, здѣсь сброшу съ себя нравственное иго, подавляющее мои духовныя силы.

Покуда, конечно, во мнѣ еще темно, неподвижно, какъ въ смрадныхъ водахъ Мертваго моря: одинъ насыщенный растворъ солено-горькихъ слезъ и ни живой рыбки.

Когда я вчера, сейчасъ по пріѣздѣ, спустилась въ нашъ старинный садъ, когда побрела внизъ по запущенной алеѣ къ пруду, когда-то зеркальному, теперь сплошь застланному сѣтью водорослей и желтыхъ лилій, когда увидѣла передъ собою старую знакомку—лодку, однажды бѣлую, съ голубымъ краешкомъ и пунцовыми подушками, нынче полинялую «подъ бурями судьбы жестокой», меланхолически уткнувшуюся носомъ въ застоявшуюся, гнилую воду,—у меня защемило сердце, такъ защемило, что не ударься въ этотъ самый мигъ въ мою щеку на лету майскій жукъ—я расхныкалась бы, серьезно! Но тутъ я поневолѣ разсмѣялась, оглянулась вокругъ и, замѣтивъ на ближней березѣ цѣлый синклитъ тѣхъ же жучковъ, обхватила обѣими руками, по старой памяти, стволъ дерева и давай трясти; жуки дождемъ посыпались на меня. Я отскочила—и вздохнула! Скука, Боже, что за скука!

Набрела я на качели—тѣ же, что̀ прежде. Доска, какъ

въ былое время, на крѣпкихъ канатахъ, перекинутыхъ черезъ массивныя желѣзныя кольца. Одна желтая краска столбовъ утратила отъ дождей свой яркій колоритъ. Вскочила я на доску—неуклюже закачалась она подо мною; кольца, какъ пробужденныя отъ вѣковѣчнаго сна, жалобно завизжали. Вновь безъисходно заныло сердце! Соскочивъ на мураву, я безъ оглядки помчалась къ дому, преслѣдуемая плачемъ качелей.

На балконѣ остановила меня мать.

— Mais qu'avez vous, Nadine? ты внѣ себя...

— Маменька, душенька! велите снять качели, очистить прудъ да подстричь деревья: свѣтская облизанность все-таки лучше этого глухого, ужасъ наводящаго запустѣнья.

— Свѣтская облизанность! да какъ ты смѣешь...

Не дослушавъ фразы, я поспѣшила далѣе, въ свою комнату, чтобы не показать неумѣстныхъ слезъ, подступавшихъ уже къ горлу, къ глазамъ. Пошло, глупо—плакать, я это повторяла себѣ тогда же, а не имѣла надъ собою власти: слезы безъ удержу катились по моему лицу.

«Слабость, имя тебѣ—женщина!» сказалъ Шекспиръ, и, кажется, не даромъ. Сложены мы нѣжнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство наше воспріимчивѣе, глубже, богаче. Но, по законамъ физики, то, чтò выигрывается въ силѣ, теряется во времени, и наоборотъ; усиленіе всякой способности въ человѣкѣ происходитъ въ ущербъ другой: слѣпые слышатъ значительно лучше зрячихъ; если, поэтому, мы чувствомъ богаче мужчинъ, то они должны превосходить насъ разсудкомъ. Нѣтъ, этого еще не слѣдуетъ! я не хочу этого, не хочу, не хочу!

. . . .

Я читала Мишлé; у него есть нѣкоторыя, довольно

живо схваченныя житейскія картинки. Вотъ одна изъ нихъ. Рѣчь идетъ о малюткѣ-дѣвочкѣ.

«Ее какъ-то пожурили, и вотъ она, прикорнувъ въ уголку, обвертываетъ какую-нибудь вещицу, маленькую деревяшку что ли, въ лоскутокъ полотна, въ матерчатую тряпку, оставшуюся отъ выкройки маменькинова платья, стягиваетъ ее по середкѣ ниткой, немного повыше другою, чтобы обозначить такимъ образомъ талью и шею, и нѣжно цѣлуетъ, баюкаетъ ее.

«— Ты меня любишь, говоритъ она шёпотомъ,—ты никогда не сердишься на меня.

«Вотъ вамъ игра, но игра серьезная, серьезнѣе, чѣмъ представляется на первый взглядъ. Кто эта новая личность, это дитя нашего дитяти? Прослѣдимъ всѣ роли, исполняемыя этимъ таинственнымъ созданьицемъ.

«Вы полагаете, что тутъ дѣйствуетъ одно *подражаніе материнства* (maternité), что ей хочется имѣть собственную дочку лишь затѣмъ, чтобы быть «большою», большою, какъ ея мать, чтобы самой имѣть возможность кѣмъ-либо управлять и помыкать, кого-либо голубить и корить. Есть тутъ пожалуй и подобнаго рода побужденіе, но не оно одно: рядомъ съ подражательнымъ инстинктомъ идетъ другой, врожденный, обнаруживающійся во всякомъ распускающемся женскомъ организмѣ, хотя бы эта будущая женщина и не имѣла передъ собою образца въ лицѣ матери.

«Назовемъ предметъ его настоящимъ именемъ: это *первая любовь*. Идеаломъ въ нашемъ случаѣ служитъ не братъ (онъ слишкомъ задоренъ, слишкомъ шумливъ), а маленькая сестрица, такая же, какъ она, кроткая, любящая, которая и приласкаетъ, и утѣшитъ.

«Новая точка зрѣнія, не менѣе вѣрная: это *первая попытка самостоятельности*, первый робкій протестъ начинающей сознавать себя личности.

«Подъ такой, самой по себѣ весьма граціозной формой, кроется, безъ вѣдома малютки, зарождающееся стремленіе обособиться, извѣстная доля опозиціи, женскаго противорѣчія. Она приступаетъ къ своей роли—роли женщины; подъ вѣчнымъ игомъ терпитъ она теперь отъ своеволія матери, какъ впослѣдствіи будетъ терпѣть отъ своеволія мужа. Ей необходима повѣренная, хоть маленькая, самая крохотная, съ которой можно было бы повздыхать... о чемъ? да покуда пожалуй ни о чемъ, или—какъ знать—о чемъ-нибудь ожидающемъ ее въ будущемъ. Ахъ, да и какъ же ты права, дитя мое! Много горечи подмѣшается еще къ краткимъ часамъ твоего земного счастія! Увы! мы, обожающіе васъ, сколько слезъ причиняемъ мы вамъ!»

Правда, m-r Michelet, истинная правда! Страдаемъ мы чрезъ вашего брата, жутко страдаемъ! Да и впрямь, не обречены ли мы съ самыхъ пеленъ на пасивную роль? Если сравнить съ дѣвочкой, описываемой Мишле, любого мальчугана—найдемъ ли мы въ немъ хоть тѣнь той застѣнчивой замкнутости въ самого себя, той выносливости, той потребности въ дружеской душѣ для сердечныхъ изліяній? Нѣтъ, онъ весь на распашку, и если ищетъ общества сверстниковъ, то только затѣмъ, чтобы быть между ними первымъ. Удаль ему врождена; никого на свѣтѣ онъ не боится—развѣ отца своего; лазать по деревьямъ, по крышамъ за голубями—страсть его. Дайте ему куклу—онъ свернетъ ей шею, переломаетъ руки и ноги. Ему нужно ружьецо, нужна лошадка, а, за неимѣніемъ

наличной, первый чубукъ, первая трость преображаются въ коня, и, совершенно счастливый, съ оглушительнымъ гамомъ, гарцуетъ онъ по всѣмъ комнатамъ дома. Самою природою назначенъ онъ обладателемъ, самовластнымъ господиномъ міра. Какъ же послѣ этого соревновать съ нимъ слабенькой, чувствительной женщинѣ, свертывающейся при всякомъ грубомъ прикосновеніи, какъ мимоза, въ самоё себя, нуждающейся въ надежной опорѣ для поддержанія своего воздушнаго тѣла? Но, обвиваясь, цѣпкимъ плющемъ, около своей опоры, около любимаго человѣка, она все-таки не дѣлается его рабою: какъ онъ ей, такъ и она ему необходима: мягколиственными, душистыми вѣтвями обвивается она вокругъ него такъ сердечно, такъ любовно... и не знаетъ онъ существованія раздѣльно отъ нея: безъ ея нѣжной заботливости, робкихъ ласкъ—этой эсенціи его жизни, онъ уже самъ не по себѣ; и выбивается онъ изъ силъ, чтобы добыть ей всѣ удобства жизни, и домогается почестей и славы, чтобы было ей чѣмъ погордиться. Въ такомъ супружествѣ не можетъ быть и рѣчи о рабствѣ, о деспотизмѣ: оба господствуютъ, оба съ радостью несутъ иго своего второго *я*. Еслибы мнѣ, напримѣръ, нести иго Л...? какъ бы чудно легко было оно, болѣе чѣмъ легко: тогда лишь я чувствовала бы себя...

Ха, ха, ха! какъ я однако нелѣпо замечталась; даже слезы навернулись... Полно, дитятко, не всѣмъ же, право, звѣзды съ неба хватать. Иной бы пожалуй пожелалъ быть Ротшильдомъ, да мало ли чего? Нѣтъ, я могу даже благословлять судьбу свою; чего лучше: ни съ кѣмъ не связана, никому не обязана; хочу связаться — Чекмаревъ подъ рукой; вздумаю бросить — уйду,

«прощайте-съ»! и дѣло съ концемъ; никто и взыскивать не можетъ. Право, завидное положеніе.

Разумѣется... между нами не будетъ никогда той завѣтной симпатіи, той безконечной преданности, какъ между истинно-любящими, живущими исключительно другъ для друга... Ну, да вѣдь въ цѣломъ мірѣ нашелся бы, можетъ, одинъ только человѣкъ...

Вонъ, несбыточныя илюзіи! это уже ни на что непохоже: глаза заволокло дождевою тучей, а въ горлѣ скребетъ, какъ передъ ливнемъ... Лейтесь же, лейтесь, горючія: никто васъ не видитъ! Господи, что за скука!!

XIV.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною!

ГОГОЛЬ.

Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю

ОСТРОВСКІЙ.

Долго крѣпилась я, долго не хотѣла признаться себѣ; но теперь не можетъ быть сомнѣнья: я буду матерью...

Говорятъ, будто замужнія съ тайнымъ восторгомъ замѣчаютъ подобное состояніе. Со мною совершенно противное: всю дрожь пробираетъ, нехорошая дрожь, на лбу холодный потъ выступаетъ. «Неужто, неужто?» твердила я всѣ послѣдніе дни, то отгоняя отъ себя неотвязную, ужасную мысль, то стараясь разными софизмами доказать себѣ неосновательность предчувствія.

Такъ вотъ онъ, хваленый вашъ натуральный бракъ!

Будущее дитя мое, дитя отъ нелюбимаго человѣка! еще не родившись, ты мнѣ уже ненавистно! И вѣдь никакого исхода: терпи, жди! Это, наконецъ, невыносимо, лучше окончить съ собою...

Я, однако, довольно холерическаго темперамента: въ порывѣ негодованія и отчаянья изорвала на себѣ платье. Благо, что утреннее, ситцевое, а то бы невыгодно... Ха, ха! до истерики смѣшно.

Что же дѣлать? метаться по комнатѣ? «караулъ» кричать? Да почти-что одно только и остается! Развѣ Чекмареву написать? можетъ, онъ-то хоть что придумаетъ; ему же ближе всего заботиться о дѣтищѣ своемъ.

Боже, какъ противно писать къ нему, лучше бы, кажется... право, не знаю, на что бы я вмѣсто того рѣшилась. Ну, да полно сентиментальничать, дѣло серьезное, серьезное какъ смерть. Бери, матушка, перо, смотри, чтобы не дрожало въ пальцахъ, чтобы онъ не угадалъ твоей борьбы; и ни слезинки! не забывай, что ты студентка.

. . . .

Отвѣта, Чекмаревъ, ради всего святого—отвѣта! Вотъ уже третій день, какъ отослала письмо, и хоть бы строчку! долго ли наконецъ ждать? Какъ опалѣлая, маюсь, не зная, куда дѣться; какъ медвѣдь на цѣпи, слоняюсь изъ угла въ уголъ; на свѣтъ не глядѣла бы, право!

Мать замѣтила мое разстройство.

— Ты, ma chère, какъ будто indisposée? не послать ли въ городъ за докторомъ?

— Отстаньте, пожалуйста, съ вашимъ докторомъ! оже-

сточенно прикрикнула я на нее, такъ-что она, бѣдная, не нашлась даже что сказать, совсѣмъ оторопѣла.

Я заперлась въ своей кельѣ. Теперь, конечно, жаль ее: иногда у нея прорывается родительское чувство, и оно-то вѣроятно внушило ей тѣ заботливыя слова. Но прошу покорно владѣть собою, не сердиться на весь свѣтъ, когда это ненавистное дитя ежеминутно, ежесекундно напоминаетъ о себѣ!

Зачѣмъ, однако, по какому праву я изливаю на него свою жёлчь, на это ни въ чемъ неповинное существо? Нѣтъ, оно виновно, виновно уже тѣмъ, что отъ нелюбимаго человѣка!

Чекмаревъ! да скоро ли ты заблагоразсудишь удостоить меня отвѣта? хоть лучъ бы чего-нибудь!

Отвѣтъ Чекмарева.

«Нечего, я думаю, говорить вамъ, Липецкая, что новость ваша ни мало меня не обрадовала. Угораздило же вашу природу такъ поторопиться! Чтобы и ей, и бабушкѣ ея, и теткѣ, если есть такая, пусто было! Ну, да жалобами дѣла не поправишь, фактъ существуетъ; спрашивается только: какъ вы полагаете извернуться изъ него?

«Мой взглядъ на воспитаніе вамъ извѣстенъ: я вижу въ дѣтяхъ не игрушку для родителей, а собственность государства. Практическіе спартанцы отрывали человѣка уже младенцемъ отъ груди матери—и доставляли государству вѣрныхъ, мужественныхъ гражданъ, крѣпкихъ нервами и мышцами. Разслабленные идеалисты—фешенэбльные аѳиняне умѣли только стишки пострачивать да двусмысленныя статуйки вырубливать, въ гражданскихъ

же доблестяхъ спартанцамъ и въ подметки не годились. И у насъ, на Руси, есть свои спартанцы, въ ограниченномъ покудова числѣ, но есть; это—мы, молодое поколѣніе, съ девизомъ: «Сапоги полезнѣе Пушкина.» Просто, а краснорѣчиво!

«Итакъ, чтобы воротиться къ нашему незванному потомку,—куда вы намѣрены пристроить его? Для перваго раза я совѣтовалъ бы отдать его въ воспитательный, въ ожиданіи улучшенія нашихъ финансовыхъ обстоятельствъ. Всегда вѣдь есть возможность узнать стороною, куда, въ какую деревню отправятъ его; а тамъ, какъ заведутся пекуніи, можно его пожалуй передать и въ лучшія руки, въ Женеву что ли, въ пансіонъ. Первое дѣло—укрѣпить его физически, чему лучше всего можетъ способствовать здоровый деревенскій воздухъ; и притомъ не пріучать къ родителямъ, ибо изъ подобныхъ миндальностей, какъ-говорится, окромѣ дурного ничего хорошаго не можетъ выдти.

«Вотъ, значитъ, вамъ мой совѣтъ. Вы вольны, конечно, не принимать его; но въ такомъ случаѣ я омываю руки и не отвѣчаю за послѣдствія. Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Ежели же вы будете на столько разсудительны, что поступите по моему желанію, то даю слово приносить на алтарь семейный и свою посильную лепту: само собою разумѣется, что сумму, недостающую на воспитаніе filius'а, вы, какъ женщина самостоятельная, постараетесь добывать сами.

«Какъ видите, я дѣлаю все зависящее отъ меня въ этомъ дѣлѣ, спеціально касающемся только однѣхъ васъ.

«Едва ли стòитъ прибавлять, что сдѣлка наша остается между нами; вы хоть и молоды, а на столько раз-

виты, что не станете мечтать о связи официальной. Отъ натуральнаго же брака я не прочь; такъ, значитъ, и знайте. Не послѣдуетъ же сейчасъ повторенія бенефиса!

«Съ чѣмъ и имѣю удовольствіе (или неудовольствіе, какъ хотите) оставаться

«вашимъ

«Ч.»

Такъ вѣдь и чуяла, такъ и знала! Какъ ледъ, онъ безчувственно-холоденъ къ своему дѣтищу, хуже: онъ боится его! изыскиваетъ разныя увертки, чтобы только отдѣлаться отъ него.

А ты, безталанное, всѣми отверженное твореніе, что ожидаетъ тебя? Самые близкіе тебѣ, твои родители, помышляютъ лишь объ одномъ, какъ бы сбыть тебя съ рукъ, да незамѣтнѣй, чтобы стыда передъ людьми не нажить. Нѣтъ, дитя мое родное, я, мать твоя, не отвернусь хоть отъ тебя; ты—частица меня, первый цвѣтъ моей безполезно увядшей молодости, я не отдамъ тебя никому, никому не отдамъ! Пускай клеймятъ меня, пускай гнушаются мною, какъ погибшей,—для тебя одного буду жить я впередъ, воспитывать изъ тебя человѣка въ полномъ значеніи слова, и станешь ты моей гордостью, моей честью!

Но если они, изъ презрѣнія къ твоему рожденію, будутъ унижать тебя, коситься, указывать на тебя пальцами: «Незаконный, незаконный! гдѣ твой папаша? нѣтъ у тебя папаши! или есть, да тысячеголовый, всякій встрѣчной.»

А что же? не будутъ ли они и правы? Одинъ лишь

формальный бракъ служитъ нѣкоторою гарантіей любви нераздѣльной, какою она предписана намъ природой, гарантіей законнаго права дѣтей на земное существованіе на ряду съ прочимъ человѣчествомъ.

Нѣтъ, Чекмаревъ, мы на этомъ не покончимъ, мы потолкуемъ еще съ тобою. Ребёнокъ нашъ, говорю я тебѣ, не получитъ спартанскаго воспитанія: мы сами воспитаемъ его, мы, мать его и отецъ; да не будетъ онъ и отверженъ свѣтомъ, не будетъ имѣть причины стыдиться своего происхожденія, потому-что онъ будетъ законнымъ, потому-что ты женишься на мнѣ. Тебя это удивляетъ? вѣдь ты наотрѣзъ отказался? Погоди, дружекъ, придетъ охота. Донынѣ я ненавидѣла тебя, теперь—угомоню свое сердце, заставлю его полюбить тебя, полюбить въ нашемъ общемъ дѣтищѣ. Я отдамся тебѣ всецѣло, со всѣми завѣтными моими, несбывшимися вѣрованіями и упованьями; твое благоденствіе, благоденствіе нашего дитяти будетъ восполнять все мое существованіе: волей-неволей ты полюбишь меня! самъ явишься ко мнѣ съ повинной, умолишь принять себя законнымъ мужемъ. Да, милый, единственный мой, я приступомъ завоюю твое расположеніе, любовь твою!

XV.

Ты все пѣла? Это дѣло:
Такъ поди же, попляши!

КРЫЛОВЪ.

Безотрадна, отвратительна наша сѣверная осень, слезливая, хандрящая! Въ то время, когда на югѣ Европы, подъ открытымъ небомъ, въ мягкой, благораство-

ренной атмосферѣ, устраиваются народныя празднества въ честь удачнаго виноградняго сбора, и отовсюду на эти торжества стекаются поющія толпы, побѣсноваться разъ въ волю, въ свѣтломъ потокѣ всеобщаго братскаго веселья смыть съ себя липкую грязь повседневной прозы,— природа-мачиха сѣверной Пальмиры, съ ехиднымъ равнодушіемъ, безъ громогласныхъ угрозъ, лишь визгливо хихикая, отвертываетъ надъ нами кранъ небеснаго сита, и стоимъ мы и терпимъ, трясясь и корчась, какъ бѣдные умалишенные подъ непроизвольнымъ душемъ, терпимъ впродолженіе 3-хъ—4-хъ мѣсяцевъ; по истинѣ ужасно! Счастливы еще баловни фортуны, имѣющіе возможность выѣзжать подъ этотъ душъ въ герметическихъ каретахъ, а у себя дома двигаться въ нагрѣтыхъ покояхъ, необезпокоиваемые немолчнымъ завываніемъ вѣтра и ворчливымъ грохотомъ кровельныхъ желѣзныхъ листовъ—этой неизбѣжной музыкой воздушныхъ пятыхъ этажей.

Къ счастливцамъ подобнаго рода могла причислять себя и наша героиня. Но зловѣщая туча заволакивала все гуще и мрачнѣе душевную синеву ея, начиналъ моросить проницательный, меленькій дождикъ, обѣщая разразиться нескончаемымъ осеннимъ ливнемъ. Чекмаревъ не поддавался ни на какіе доводы и искусно отвиливалъ всегда какимъ-нибудь ловкимъ парадоксомъ; съ другой стороны не давалъ ей покою вѣчный страхъ, что провѣдаютъ ближніе...

Небольшой эпизодъ, приключившійся вскорѣ по возвратѣ студентки изъ деревни, отвелъ на короткое время одурительный нравственный гнетъ, неотвязнымъ кошмаромъ лежавшій на молодой, неокрѣпшей душѣ ея.

Забытую кузину и подругу посѣтила нечаянно-негаданно Моничка Куницына. Послѣ серіи урывчатыхъ разспросовъ и отвѣтовъ, юная львица начала связный разсказъ о своихъ похожденіяхъ и невзгодахъ, — разумѣется, на французскомъ діалектѣ.

— Тебѣ уже извѣстно, повѣствовала она,—какимъ манеромъ мы разъѣхались съ Сержемъ: посовѣтовавшись съ сердцемъ, я пришла къ заключенію, что окончательно охладѣла къ мужу, что на будущее время мы были бы другъ другу только бѣльмомъ на глазу; безъ обиняковъ объявила я ему объ этомъ, и хотя онъ, глупенькій, пришелъ въ отчаянье, я, вѣрная своему твердому характеру, въ тотъ же день и часъ перебралась къ Діоскурову. Тяжело, правда, было разставанье съ сынкомъ, съ Аркашей. При прощаньи, онъ точно понялъ, что теряетъ любимую мать: потянулся на встрѣчу ручёнками, подставилъ умильно губёнки и вдругъ расхныкался! Насилу оторвалась.

«Первое впечатлѣніе, произведенное на меня новымъ моимъ пристанищемъ, было также не особенно-то пріятно. Двѣ мизерныя коморки, да удивительнѣйшій безпорядокъ: столы, стулья, окна—все было сплошь завалено платьями, сапогами, портупеями, эполетами, а болѣе—табачнымъ пепломъ. Кое-гдѣ, какъ утесы средь взволнованнаго моря, возвышались гипсовыя вакханки и венеры. Стѣны вокругъ были также увѣшаны многими раскрашенными гравюрами и картинами однѣхъ, до непозволительности голошейныхъ красавицъ.

«Но за бутылкой шипучаго рёдерера мрачное настроеніе понемногу разсѣялось. Діоскуровъ имѣетъ славный

теноръ и съ большимъ чувствомъ напѣвалъ мнѣ всевозможные куплетцы; между прочимъ:

«—L'amour qu'est ce que ça, mamzel,
L'amour, qu'est ce que ça?

«Распѣвая, онъ заключалъ меня въ объятія крѣпко-крѣпко... даже духъ займется! Я, конечно, не отставала и подтягивала:

«—L'amour, v'là c'qu'elle est, monsieur,
L'amour, v'là c'qu'elle est!

«И чтобы выказать ему на дѣлѣ, чтò такое любовь, еще ближе прижималась къ нему.

«Такъ-то вотъ любились мы съ нимъ! четыре мѣсяца подъ рядъ души другъ въ другѣ не чаяли. Какихъ ужъ ласкательныхъ прозвищъ не придумывалъ онъ для меня: «огурчикъ», «пупыречка», «мосенька». Рѣдко-рѣдко повздоримъ немножко, да и то, знаешь, такъ, для развлеченія больше.

«Деньги, полученныя мною отъ дяди въ приданое, были истрачены въ первый же годъ замужества съ Сержемъ; мебель свою я завѣщала Аркашѣ. Такимъ образомъ у меня не оставалось ничего кромѣ туалета; Діоскуровъ также жилъ однимъ жалованьемъ; но я не плакалась на свою долю: поцѣлуи милаго замѣняли мнѣ недостатокъ сахара во многомъ другомъ. Онъ не привозилъ мнѣ помадныхъ конфектовъ—я нашла сурогатъ: дачу мы нанимали на петергофской дорогѣ, и за нашей стѣною тянулся обширный плодовый садъ; когда яблоки, морели, сливы въ немъ созрѣли, я напою, бывало, садовника, завѣдывавшаго этими богатствами, допьяна, да за какой-

нибудь пятіалтынный и добуду отъ него полную бѣльевую корзину плодовъ; лафа!

«Въ гостяхъ у насъ также недостатка не было; все больше изъ сослуживцевъ Діоскурова. Одному изъ нихъ, Стрѣшину, я даже положительно голову вскружила: только и юлитъ около меня и ужасно всегда доволенъ, когда у меня открытая шея: заглядываетъ, знай, да облизывается. Но могу сказать чистосердечно: я никогда не измѣняла своему сожителю; когда-когда пожмешь развѣ Стрѣшину руку потеплѣе, чѣмъ прочимъ, да, въ видѣ особой милости, позволишь ему, безъ свидѣтелей, поцѣловать себя, но и то будто нехотя.

«Изъ нашихъ общихъ съ тобою подругъ навѣщала меня одна Пробкина. Такая низкая! безъ злости вспомнить не могу: вздумала вѣдь отбить его у меня! Подъ конецъ лѣта онъ сталъ что-то частенько отлучаться въ городъ. Какъ не спросишь:

«— Куда ты, michon?

«— Служба, говоритъ, не дружба.

«А возвращается только къ ночи, точно у нихъ служатъ до ночи!

«Не спроста, думаю, нужно поглядывать за нимъ.»

«Только разъ вотъ онъ остался, противъ обыкновенія, дома.

«А, а! смекнула я, понимаемъ-съ.»

«— Ты нынче не на службѣ? замѣтила я ему самымъ невиннымъ тономъ.

«— Нѣтъ, замялся онъ,—сегодня я свободенъ.

«Добро! думаю, вотъ увидимъ, будетъ ли она; если будетъ, то...»

«Не успѣла я додумать своей мысли, какъ вошла

ожидаемая, и сейчасъ же ко мнѣ съ распростертыми объятіями; змѣя подколодная!

«—Какъ я, говоритъ, рада видѣть тебя, ангелъ мой! дождаться не могла.

«Я чуть не ударила ее, право. Но, не показывая виду, радушно разцѣловала ее и вышла въ другую комнату, предоставляя ихъ другъ другу. Ожиданія мои оправдались: сперва спустился въ садъ Діоскуровъ, потомъ незамѣтно скользнула въ дверь и коварная обольстительница. Незамѣтно—но не для меня: я была за ними по пятамъ, выскочила на балконъ и оглянулась: ихъ и слѣдъ простылъ; только дверь китайскаго кіоска въ углу сада была легонько притворена. Держась дернистаго края дорожки, чтобы шаги по хрупкому песку не выдали меня, я кошкою подкралась къ бесѣдкѣ, хвать за ручку—и настежь дверь. Минута, выбранная мною, была какъ нельзя болѣе удачна: рыцарь мой преклонилъ предъ своей Дульцинеей Тобозской одно колѣно, и она съ граціей подносила къ губамъ его ручку. Обращенная лицемъ къ двери, Пробкина первая завидѣла меня; испустивъ пронзительный визгъ, она отдернула ручку, обмерла и забыла даже приподняться. Онъ на крикъ ея живо обернулся, слегка смѣшался, но, тутъ же придя опять въ себя, преспокойно всталъ съ полу, стряхнулъ съ колѣна пыль и обратился ко мнѣ рѣзкимъ, какъ ножъ, тономъ:

«— Чего не видали, сударыня? Не мѣшаютъ вамъ съ вашимъ Стрѣшинымъ, такъ и сами не заглядывайте въ чужія карты.

«Не помня себя отъ ярости, съ сжатыми кулаками, подступила я къ негодной:

«— Такъ вотъ вы какъ поступаете съ задушевными подругами; чудесно! Вонъ же отсюда, разбойница этакая! вонъ, говорю я! дрянушка, подлянка!

«Діоскуровъ хотѣлъ было вступиться за избранную даму сердца; но та, ни жива, ни мертва, удержала его за руку:

«— Оставьте... я уйду... уйду:... Проводите меня только.

«И, опираясь на него, она вышла.

«Молча пропустила я ихъ мимо себя, молча поглядѣла имъ вслѣдъ, не трогаясь съ мѣста. На томъ же мѣстѣ стояла я, какъ прикованная, двѣ минуты спустя, когда злодѣйка, въ сопровожденіи своего вновь завоеваннаго кавалера, она въ мушкетеркѣ и тальмѣ, онъ въ кэпи и пальто, вышли изъ дому и скрылись за калиткой.

«Ладно, повторяла я про себя, ладно!»

«Увы! дѣло разыгралось для меня далеко не ладно. Еще засвѣтло вернулся назадъ измѣнникъ. Я не удостоила его и взгляда, твердо рѣшившись дуться на него въ теченіе цѣлой недѣли. Потирая руки, онъ самъ заговорилъ со мною.

«— Ну, пышечка, ничто не вѣчно подъ луною, тѣмъ паче скоротечная любовь. Намъ придется разстаться.

«Я не вытерпѣла:

«— Что за вздоръ? говорю. Какъ разстаться?

«— А такъ, говоритъ, какъ всегда разстаются: ты пойдешь направо, я налѣво.

«Я даже ротъ разинула. Онъ, самодовольно улыбаясь, покручивалъ усы.

«— Тебя, говоритъ, какъ я вижу, это отчасти опе-

юбило. Ну, да что же дѣлать? обстоятельства! Я, надо тебѣ знать, женюсь.

«У меня и въ глазахъ помутилось.

«— Ты женишься? да вѣдь ты женатъ на мнѣ?

«Онъ расхохотался.

«— Гражданскимъ-то бракомъ? Нѣтъ, говоритъ, я женюсь наизаконнымъ образомъ, и будущая моя, какъ ты вѣроятно уже догадалась, Пробкина. Сегодняшный случай только ускорилъ мое сватовство. За нею даютъ хорошее приданое: пятьдесятъ тысячъ; а съ такими деньгами, сама знаешь, шутить нельзя, на улицѣ не поднимешь.

«— А! вотъ какъ! такъ ты хочешь бросить меня!

«— Зачѣмъ, говоритъ, бросить; ты женщина современная, самостоятельная; я довожу только до твоего свѣденія, что, молъ, по такимъ-то и такимъ-то резонамъ намъ уже не приходится жить вмѣстѣ.

«— Это, говорю, безчеловѣчно, безчестно! этого я отъ тебя не ожидала.

«— Напрасно, говоритъ: имѣла полное основаніе ожидать. Сама же ты оставила Куницына, потому-что онъ надоѣлъ тебѣ; теперь я тебя оставляю, потому-что ты мнѣ надоѣла.

«И это мнѣ въ лице, а?

«— Я тебѣ, говорю, надоѣла? я тебѣ надоѣла?

«Скрежеща зубами, внѣ себя, схватила я ближній стулъ и съ трескомъ уронила его; потомъ толкнула столикъ, на которомъ стояли мой рабочій ящикъ и тарелка съ фруктами. Столикъ грохнулся объ полъ, ножка одна отскочила въ сторону, тарелка разлетѣлась въ

дребезги, яблоки, сливы и все содержимое ящика разсыпалось и покатилось во всѣ концы комнаты.

«— Вотъ же тебѣ, вотъ! такъ я тебѣ надоѣла?

«Когда мое сердце улеглось, я серьезно призадумалась, куда теперь пріютиться. Назадъ къ Сержу? ни за что въ мірѣ! Къ дядѣ? онъ меня знать не хочетъ. Куда же? А! къ Стрѣшину; тотъ меня хоть истинно любитъ.

«Вечеромъ того же дня я всходила по лѣстницѣ дома, гдѣ жилъ, какъ сказалъ мнѣ Діоскуровъ, его пріятель. Чѣмъ выше я поднималась, тѣмъ болѣе сжималось въ тяжеломъ предчувствіи мое сердце, тѣмъ медленнѣе становились мои шаги. «А что, если онъ не захочетъ?» Я ухватилась за перила и глубоко вздохнула. «Да нѣтъ же, онъ обрадуется какъ дуракъ!» И, переведя духъ, я продолжала путь бѣгомъ. Уже смерклось; я прищурилась на нумерокъ надъ дверью: «Такъ! 40-й.» Съ силою дернула я звонокъ. Полуминута, которую заставили прождать меня, показалась мнѣ вѣчностью. Вотъ звякнулъ крючекъ, и выглянулъ, со свѣчою въ рукахъ, въ халатѣ на распашку, самъ Стрѣшинъ.

«— Мадамъ Куницынъ! растерялся онъ и запахнулся.—Деньщика, говоритъ, я услалъ въ лавочку за жуковымъ...

«— Не до жукова! говорю. Позвольте войти.

«Сбросивъ ему на руки бурнусъ, я вошла въ комнаты. Ахъ, Наденька! что за подлый народъ эти мужчины! Когда я стала излагать ему причины моего пріѣзда, онъ пожалъ съ усмѣшкой плечами.

«— Гм, говоритъ, жаль, очень жаль. Но сами, говоритъ, посудите: вкусъ у меня изощренъ, требуетъ разнообразія; а тутъ пойдутъ ребята, какъ грибы послѣ дождя;

и не развяжешься, тяни одну лямку. Къ тому же, говоритъ, мнѣ и не по средствамъ. Другое дѣло, еслибъ вы когда удостоили меня въ качествѣ—доброй знакомой...

«И это слушай собственными ушами! Не помню ужъ, какъ я выбралась отъ этого любезника. Въ ожиданіи перемѣны къ лучшему, я поселилась въ отелѣ N. и повела жизнь самую скромную: ни души знакомой, и одно развлеченіе—театры. Но и на эту мелочь не хватало моихъ ограниченныхъ средствъ. Пришлось обратиться къ жидовкѣ, къ которой и перешли одинъ за однимъ всѣ мои наряды, сережки, браслеты. А тутъ безсовѣстный хозяинъ гостиницы представилъ счетъ, да такой длинный, что я и говорить съ нимъ не стала.

«— А! говорю, такъ вы такъ! хорошо-съ! не останусь же я у васъ. Гостиницъ въ Петербургѣ еще, слава Богу, довольно! Другіе меня лучше вашего оцѣнятъ.

«— О, говоритъ, сударыня, я васъ вполнѣ оцѣнилъ (мерзавецъ, еще каламбуры отпускаетъ); но вы, говоритъ, ошибаетесь, если думаете, что я васъ такъ и отпущу; не угодно ли вамъ будетъ выбрать одно изъ двухъ: или немедленно же уплатить мнѣ всю сумму до копѣйки, или переселиться на вольную квартиру въ домъ г-на Тарасова въ первой ротѣ Измайловскаго полка. За кормовыми, говоритъ, мы не постоимъ.

«Что ты скажешь на это?

«Чтобы возможно скорѣе отдѣлаться отъ него, я въ тотъ же часъ спустила послѣдній браслетъ мой, брилліантовый, тотъ самый, помнишь, что Сержъ подарилъ мнѣ въ день свадьбы? Сердце, просто, обливалось кровью, но другого конца не оставалось. Жидовка, дѣйствительно,

дала мнѣ за него порядочную сумму, которой бы совершенно достало, чтобы покрыть хозяйскій счетъ; но—какъ на зло, на другой же день были объявлены въ театрѣ *Nos intimes*. А это моя любимая пьеса. Не утерпѣла я и послала за ложей. Тутъ вдругъ вспомнилось мнѣ, что у меня не остается уже ни одного платья, котораго не видали въ театрѣ. Ужасное положеніе! что дѣлать? не пропадать же даромъ билету! На все махнувъ рукой, я отправилась къ модисткѣ. И надо отдать ей честь: смастерила она мнѣ нарядъ, которому подобнаго не было въ цѣломъ бель-этажѣ: весь изъ бѣлаго, тяжелѣйшаго бархата, съ трехаршиннымъ шлейфомъ, воланы съ брюсельскими кружевами, и сверху до низу все въ золотыхъ звѣздочкахъ! прелесть! такъ жалко, право, что ты не могла видѣть. Но за-то какъ меня и лорнировали!

«Ахъ! на слѣдующее утро ожидало меня горькое разочарованіе: хозяинъ присталъ съ ножомъ къ горлу.

«— Я, говоритъ, послалъ уже за квартальнымъ; если вы до вечера не представите мнѣ долга въ томъ или другомъ видѣ, то ночь проведете за тарасовской рѣшеткой.

«Я не на шутку струсила.

«— Да въ какомъ же, говорю, видѣ? денегъ, вы знаете, у меня нѣтъ. Возьмите ужъ, такъ и быть, платье: оно совершенно новое, разъ только надѣвано и стоило мнѣ вдвое болѣе вашего счета. Только отстаньте!

«Онъ приторно-сладко улыбнулся.

«— Что мнѣ, говоритъ, въ вашихъ тряпкахъ; онѣ не пойдутъ и за полцѣны. Есть у васъ другой капиталъ—красота ваша.

«Я поняла его; но онъ такой противный: старикъ-

старикомъ, курносый, да еще табакъ нюхаетъ... Я ни за что не могла рѣшиться! Обнадеживъ и выпроводивъ его деликатно за дверь, я тайкомъ, заднимъ ходомъ, тотчасъ же покатила къ тебѣ. Не придумаешь ли ты чего, Наденька? Спаси меня, выручи какъ-нибудь!»

И придумала студентка одно средство...

XVI.

Въ обратный пускается путь.

ЛЕРМОНТОВЪ.

Но, увы! нѣтъ дороги
Къ невозвратному!

КОЛЬЦОВЪ.

Въ уютномъ кабинетѣ, съ гаванскою сигарой въ зубахъ, съ чашкою мокко передъ собою, покоился старый знакомецъ нашъ Сержъ Куницынъ, послѣ сытнаго обѣда, въ мягкомъ вольтеровскомъ креслѣ и просматривалъ, самодовольно зѣвая, маленькое письмецо на розовой, надушенной бумагѣ,—когда поднялась портьера и въ комнату заглянулъ лакей. Видя, что баринъ занятъ дѣломъ, онъ сдѣлалъ на цыпочкахъ шагъ впередъ и скромно кашлянулъ.

— Что тамъ еще? вѣчно помѣшаютъ! не оглядываясь, съ неудовольствіемъ замѣтилъ нашъ комъ-иль-фо.

— Барыня пріѣхали-съ.

Куницынъ повернулъ къ слугѣ въ полоборота голову и строго снялъ съ него мѣрку.

— Какая барыня?

— Да Саломонида Алексѣвна-съ.

— Что ты сочиняешь?

— Такъ точно-съ. Нешто я ихъ не знаю?

— А! ну, такъ меня нѣтъ дома; слышишь?

Тотъ молча поклонился и отступилъ назадъ, чтобы исполнить барское приказаніе, когда съ силою былъ отброшенъ въ сторону молодою дамой, которая вихремъ влетѣла въ комнату и повисла на шеѣ барина.

— Serge, mon Serge!

Неприготовленный къ такому внезапному нападенію, Куницынъ стряхнулъ ее съ себя, какъ навязчивую шавку, и съ сердцемъ отодвинулся въ креслѣ:

— Que cela veut dire, madame?

Потомъ, примѣтивъ, что лакей, любопытствуя вѣроятно узнать окончаніе интересной встрѣчи, остановился подъ портьерой, притопнулъ на него:

— А ты что глазѣешь, болванъ? Пошелъ къ чёрту!

— Слушаюсь, отвѣчалъ тотъ, торопясь исчезнуть.

— De grâce, madame, началъ Куницынъ,—вы, сколько помнится, обѣщались навсегда освободить меня отъ вашей милой персоны?

Какъ провинившійся школьникъ, переминалась она передъ нимъ съ опущенными глазками, съ разгорѣвшимися щечками.

— Обѣщалась... Mais j'ai changée d'idée; я разсудила, что не годится покидать мужа, покидать сына... Я воротилась.

— Вижу, вижу-съ, что воротились. Да поздно спохватились, сударыня. Вы вообразили, что можно такъ вотъ, здорово живешь, убѣжать отъ мужа, вѣдаться Богъ-вѣсть съ кѣмъ, да потомъ, не находя себѣ болѣе у другихъ

пристанища, вернуться опять къ законному супругу? Да чѣмъ я, позвольте узнать, хуже другихъ? Съ чего вы взяли, что я долженъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ гнушаются другіе?

— Вы, Сержъ, говорите все о какихъ-то другихъ, а между тѣмъ былъ вѣдь всего одинъ другой—Діоскуровъ.

— Да кто васъ знаетъ!

— Клянусь вамъ Богомъ.

И въ краткихъ словахъ, прикладывая поминутно платокъ къ глазамъ, она передала мужу повѣсть своей бивачной жизни. Нашъ денди почти совершенно успокоился. Съ видомъ зрителя въ комедіи, слушалъ онъ жену, откинувшись на спинку кресла и вставивъ въ глазъ болтавшееся у него въ петлѣ, на эластическомъ шнуркѣ, стеклышко.

— Все это очень трогательно, согласился онъ;—но вы женщина разсудительная, скажите: что̀ вы сами сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ, еслибъ существо, клявшееся вамъ передъ алтаремъ въ вѣчной вѣрности, самовольно отдалось другому, а потомъ, когда чувство ея износилось, истрепалось, принесло обратно вамъ эти отрепья? Неужели вы удовольствовались бы ими? Неужели вы надѣялись, что такое существо можетъ еще занять около супруга прежнее мѣсто честной законной жены? Я очень цѣню, сударыня, щедрость и великодушіе, съ которыми вы преподносите мнѣ все, что осталось послѣ вашего кораблекрушенія; но я не смѣю принять вашего подарка; недостоинъ, сударыня, недостоинъ! слишкомъ много чести.

Молодая дама непритворно расплакалась.

— Да вѣдь вы же любили меня? вы такой добрый...

— Trève de compliments! Мало ли кого я любилъ! И

вы вѣдь меня когда-то любили, да разлюбили же? А когда вы промѣняли меня на какого-то Діоскурова, то я, очень естественно, не могъ сохранить къ вамъ прежней привязанности, и съ вашей стороны было бы plus que ridicule требовать ея. Нѣтъ, я не принадлежу къ вздыхателямъ, я тутъ же старался развлечь себя—ну, и развлекся. Вотъ въ рукѣ у меня, какъ видите, записка: это—billet-doux; вотъ на туалетѣ цѣлая пачка ихъ—все отъ премиленькихъ особъ. Съизнова втянулся я въ вольную жизнь холостяка, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки, и вы думали, что такъ вотъ и поймаете меня, стараго воробья, на мякинѣ, что я по доброй волѣ вернусь въ западню? Какъ бы ни такъ! зачѣмъ выпустили? Разводная наша выйдетъ на дняхъ, а до тѣхъ поръ, съ божьей помощью, проживемъ, можетъ, и врозь другъ отъ друга. Такъ-то-съ! что имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ.

Слезы, дѣйствительно, текли обильно изъ глазъ Моничжи. Она не утирала ихъ. Не находя словъ, покорно понурила она хорошенькую головку передъ своимъ неумолимымъ судьею.

— Перестаньте! промолвилъ онъ жёлчно,—слезами не разжалобите: старая штука.

Всѣ клятвы женскія—обманы,
Повѣрить женщинѣ бѣда,
Ихъ красота—однѣ румяны,
Ихъ слезы—мутная вода.

Слышите? мутная, соленая вода-съ.

— Vous êtes cruels... пролепетала она.—Ничего я не хочу отъ васъ; покажите мнѣ только Аркашу.

— Показать—отчего не показать. Но не воображайте, что вы сохранили на него какія-либо права. Идите за мною.

Съ горделивой осанкой направился онъ, черезъ анфиладу комнатъ, къ дѣтской. Послушно, какъ овца на веревкѣ, послѣдовала за нимъ отверженная супруга. Съ невыразимой грустью окидывали ея взоры эти комнаты: когда-то она была полновластною въ нихъ царицей... эта мебель—а! да вѣдь мебель—ея собственность?

— Monsieur!

Мужъ остановился.

— Plait-il, madame?

— Вѣдь мебель эта—моя?

— Вы забыли, что оставили ее сыну.

— Правда! печально потупилась она.

Кормилицы не оказалось въ дѣтской. Сынокъ разрозненной четы покоился въ колясочкѣ. Положивъ на уста, въ знакъ молчанія, палецъ, Куницынъ пригласилъ жену глазами заглянуть въ коляску. Во взорахъ юной матери вспыхнула яркая искра: на кружевной подушкѣ почивалъ передъ нею, со сложенными на груди ручками, полненькій, свѣжій младенецъ.

— Какъ онъ выросъ, да и какой бѣленькій! совсѣмъ не такой пунцовый, какъ прежде, восхищалась Моничка, безсознательно опускаясь на колѣни передъ коляской и крѣпко цѣлуя малютку.

Тотъ проснулся и запищалъ.

— Бѣдненькій! разбудила! голюбчикъ, синоцекъ мой!

Она бережно подняла его съ подушки.

— Засни, мой ангельчикъ, засни!

Но ангельчикъ, взглянувъ прямо на мать, забарахтался на ея рукахъ и завопилъ благимъ матомъ.

— Онъ васъ не узнаётъ, замѣтилъ съ важностью отецъ и заманилъ маленькаго крикуна пальцами.—Поди ко мнѣ, пузанъ, къ папашѣ поди.

Мальчишка замолкъ и потянулся къ папашѣ.

— Пай, Аркаша, паинька-заинька. Вы видите, сударыня, что и сынъ-то васъ знать не хочетъ. Мама — бяка, папа не отдастъ тебя мамѣ, мама — бяка, убаюкивалъ достойный родитель своего наслѣдника.

Молодая мать, не удерживая уже рыданій, прислонилась въ изнеможеніи къ комоду.

— Будетъ, сударыня, будетъ комедь-то ломать! сухо замѣтилъ мужъ, на отвердѣвшее сердце котораго смертельная горесть бѣдной женщины начинала оказывать размягчающее дѣйствіе.—Вы видѣли своего сына; болѣе вы ничего не требовали. Можете идти своей дорогой.

Пошатываясь, она съ умоляющимъ взоромъ сдѣлала шагъ въ направленіи къ жестокосердому, потомъ вдругъ дико захохотала и ринулась вонъ изъ дѣтской. Озабоченно посмотрѣлъ ей вслѣдъ Куницынъ и принялся опять укачивать малютку:

— Баю, баюшки-баю,
Колотушекъ надаю.

Когда убаюканный такимъ образомъ сынокъ задремалъ, онъ уложилъ его обратно въ коляску и завернулъ въ кухню распушить мамку: зачѣмъ оставила своего питомца одного. Затѣмъ онъ воротился въ кабинетъ.

Чтобы разсѣяться, онъ взялся опять за розовую записку. Но она не могла уже вызвать на губахъ его преж-

нюю улыбку; моргая, морщась, онъ погрузился въ думу и безсознательно уронилъ на полъ письмецо. Внезапно онъ встрепенулся и большими шагами пошелъ къ выходу.

— Человѣкъ!

Предсталъ человѣкъ.

— Бѣги, что есть духу, и вороти барыню.

— Сейчасъ; я только за шапкой...

— Не до шапки! бѣги какъ есть. Да двигайся же, тюлень!

Но безполезны были тревоги разжалобившагося мужа: вернулся человѣкъ, но не вернулась съ нимъ барыня.

— Ну, что-жъ, не нагналъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Взялъ извощика, покатилъ въ одну сторону—не видать, повернулъ въ другую—и тамъ слѣдъ простылъ.

— Такъ, видно, суждено было! пробормоталъ Куницынъ и поднялъ съ полу записку.

И Наденька у себя тщетно ожидала возврата кузины. Когда же, нѣсколько дней спустя, она переходила Невскій, то мимо нея пронесся на рысакѣ щегольской фаэтонъ; въ фаэтонѣ сидѣла, съ разрумянившимися отъ перваго осенняго мороза щечками, въ роскошной бедуинкѣ Моничка; рядомъ съ нею — сизоносый, въ морщинахъ, старикашка, въ собольей шапкѣ, оглядывавшій спутницу съ тривіальной улыбкой. Но юная львица, казалось, не замѣчала его: съ радостнымъ безпокойствомъ засматривалась она въ противоположную сторону, гдѣ нагонялъ ихъ на заводскомъ ворономъ удалой конногвардеецъ.

XVII.

Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
ГРИБОѢДОВЪ.

А туча все грознѣе надвигалась надъ бѣдной Наденькой...

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго эпизода, въ полдень пасмурнаго ноябрскаго дня, студентка была вызвана въ кабинетъ отца предъ трибуналъ обоихъ родителей. Болѣе всего поражало въ молоденькой, еще такъ недавно молодцовато-энергической дѣвушкѣ клеймо безграничной скорби, почти безнадежности, наложенное на личико, на всю фигуру ея.

— Voilà! ткнула на нее указательнымъ перстомъ мать;— jugez vous même. Прежняя ли это наша Наденька, свѣженькая, осанистая, которою мы имѣли полное право гордиться передъ свѣтомъ?

— Вы посылали за мной, папа, отнеслась къ отцу безстрастнымъ, беззвучнымъ голосомъ дѣвушка; — чего вамъ отъ меня?

— Mon amie, обратился онъ къ супругѣ, — объясни ты: ты мать.

На категорически поставленный вопросъ, блѣдное лице Наденьки мгновенно вспыхнуло яркимъ румянцемъ; потомъ опять побѣлѣло, побѣлѣло болѣе прежняго.

— Такъ неужели правда?

— Правда... чуть внятно прошептали ея посинѣвшія губы, и въ глазахъ у нея загорѣлся зловѣщій огонь рѣшимости смерти.

— Наденька! въ ужасѣ вскрикнули въ одинъ голосъ родители.—Но какъ это случилось?

— Случилось?... я состою въ натуральномъ бракѣ.

— Въ натуральномъ бракѣ? протяжно повторилъ отецъ.—Это еще что за выдумки? и вѣрно съ этимъ оборвышемъ-студенчишкой?

— Да, съ Чекмаревымъ.

— Ну, такъ и зналъ! Дай имъ на мизинецъ воли, они взлѣзутъ тебѣ на голову. Да какъ ты однако смѣла безъ позволенія родительскаго?

— Для натуральнаго брака, папа, не требуется согласія родителей; все—дѣло природы.

— Затвердила сорока Якова! Какой это такой натуральный бракъ?

— Натуральный, то есть естественный, въ противоположность вашему—искуственному. Физіологія человѣка уже такъ устроена, что въ извѣстномъ возрастѣ лица разныхъ половъ невольно влекутся другъ къ другу; природа вѣнчаетъ ихъ—вотъ и всѣ формальности. Преимущества натуральнаго брака передъ неестественнымъ заключаются еще и въ томъ, что нѣтъ свадебныхъ расходовъ.

Студентка старалась придать своему голосу увѣренность и твердость, но не совсѣмъ успѣшно: казалось, что она отвѣчаетъ хорошо затверженный урокъ.

— Обманутое, безтолковое дитя! Да обдумала ли ты послѣдствія? что скажетъ свѣтъ? *Ты, дочь Николая Николаевича Липецкаго* (онъ дѣлалъ удареніе на каждомъ словѣ), не будучи замужемъ, вдругъ...! Вѣдь онъ ничѣмъ не обязался? можетъ тебя оставить, когда вздумается?

— Можетъ, но не оставитъ. Онъ, папа, изъ людей

новыхъ, для которыхъ честь — первое условіе земного счастія.

— Такъ-то такъ... но я теперь уже ничему не вѣрю. Такъ ты думаешь, онъ согласится жениться на тебѣ?

— Не могу сказать положительно. Я уже говорила ему объ этомъ; но онъ находитъ, что это излишне.

— Ну да, излишне! Онъ просто-таки не хочетъ быть связаннымъ и при первомъ случаѣ готовъ отдѣлаться отъ тебя. Но вы горько ошибаетесь, государь мой; не на тѣхъ напали-съ. Ты, разумѣется, знаешь жительство этого негодяя?

— Прошу васъ, папа, не отзываться о немъ такъ неуважительно.

— Еще отстаиваетъ! Ну, да говори: гдѣ живетъ онъ?

Наденька сказала адресъ Чекмарева.

— Теперь изволь отправляться къ себѣ и не показываться, пока не позовутъ! Понимаешь?

Не отвѣчая, дочь удалилась.

Г-нъ Липецкій усѣлся за письменный столъ, взялъ большой почтовый листъ, обмакнулъ глубокомысленно перо и набросалъ слѣдующія строки:

«Милостивый Государь.

«Считаю долгомъ покорнѣйше просить Васъ, по самонужнѣйшему дѣлу, почтить Вашимъ посѣщеніемъ въ *наискорѣйшемъ* времени, если возможно — немедленно по полученіи сей записки.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

«Н. Липецкій.»

Чекмаревъ не далъ ждать себя и вечеромъ того же дня явился по приглашенію. Нѣсколько времени заставили его простоять въ пріемной; затѣмъ ввели въ хозяйскій кабинетъ.

Родители юной грѣшницы возсѣдали на диванѣ. Сама она, склонившись устало на руку, сидѣла поодаль, въ углу. Г-нъ Липецкій не только не подалъ студенту своей лѣвой руки или двухъ пальцевъ правой (въ кодексѣ нашихъ мандариновъ есть въ этомъ отношеніи градаціи съ мельчайшими оттѣнками), но, не вставая съ мѣста, едва замѣтно кивнулъ ему лишь издали головой. Дочь съ своей стороны пошла на встрѣчу товарищу.

— Это еще что за фамиліарности! повелительно замѣтилъ ей родитель.—Твое мѣсто вонъ тамъ.

Не прекословя, дѣвушка удалилась въ свой уголъ.

— Не угодно ли вамъ присѣсть? сухо указалъ онъ гостю на ближній стулъ.

— Чувствительно благодаренъ! отвѣчалъ тотъ, презрительно косясь на товарку и занимая предложенное мѣсто.—Вы что-то очень ужъ торопили; вѣрно, у васъ кто-нибудь серьезно боленъ?

— Н-да, серьезно боленъ — нравственно! Позвольте узнать прежде всего того-съ...

— Чего-съ?

— Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?

— Оригинальный вопросъ! Но я не барышня и не держу своихъ лѣтъ въ секретѣ: мнѣ 23, съ хвостикомъ; хвостикъ не длинный: мѣсяца въ два.

— Такъ-съ, милостивый государь, такъ-съ. Слѣдовательно, вы совершеннолѣтни и признаетесь закономъ

компетентными къ обсужденію своихъ дѣйствій, равно и отвѣтственными за сіи дѣйствія.

Шутливое выраженіе на лицѣ Чекмарева уступило мѣсто выраженію сосредоточеннаго вниманія. Но, принудивъ себя къ улыбкѣ, онъ съ небрежностью вынулъ часы.

— А! какъ время-то летитъ; что значитъ хорошее общество. Но слова ваши касательно нравственно-больного надо, какъ я вижу, понимать фигурально; вопросъ въ чемъ-нибудь другомъ. Такъ не угодно ли будетъ вамъ обратиться прямо къ дѣлу; у насъ, дѣтей Эскулапа, долженъ я вамъ сказать, время—деньги!

Хладнокровіе студента начинало бѣсить хозяина, и безъ того далеко нерасположеннаго къ шуткамъ.

— Если время вамъ такъ цѣнно, ѣдко замѣтилъ онъ, доставая бумажникъ,—то позвольте и настоящее посѣщеніе ваше счесть докторскимъ визитомъ и заплатить вамъ по таксѣ.

Порывшись въ пачкѣ асигнацій, онъ вручилъ медику новенькую, зеленую. Тотъ прес[illegible] принялъ ее, какъ нѣчто должное и, смявъ въ ко[illegible]нулъ въ карманъ жилета.

— Всякое даяніе—благо. Теперь [illegible]ъ вашимъ услугамъ. На чемъ мы, бишь, остановились?

— Дочь моя Надежда Николаевна не разъ посѣщала ваши студенческія сходбища, началъ съ разстановкою, видимо сдерживая себя, г-нъ Липецкій.—Правда?

— Не отрицаю.

— И между нею и вами, г-номъ Чекмаревымъ, состоялось нѣкоторое предосудительнаго свойства сближеніе?

Эскулапъ быстро обернулся къ сидѣвшей въ отдаленіи товаркѣ и вопросительно-строго посмотрѣлъ на нее.

— Ты можешь говорить безъ обиняковъ, отвѣчала она тихо, но такъ, что всѣмъ было слышно:—родителямъ моимъ уже все извѣстно.

Какъ затравленный гончими въ тѣсное ущелье кабанъ, желающій предварительно удостовѣриться, какой тактики держаться ему съ многочисленнымъ непріятелемъ, Чекмаревъ молча и зорко обвелъ глазами поочередно всѣхъ присутствующихъ. Потомъ, прищурясь, заговорилъ холоднымъ, дѣловымъ тономъ:

— Гм, такъ вотъ она, ваша нравственно-то больная. Что-жъ, допустимъ пожалуй, что между нею и вашимъ покорнымъ слугою произошло извѣстнаго рода сближеніе; замѣтьте, что я не признаю положительно факта сближенія, а допускаю только возможность его; что-жъ бы слѣдовало изъ того?

— А то, отвѣчалъ, нѣсколько поторопившись, раздраженный старикъ-отецъ,—что вы, какъ человѣкъ порядочный, были бы обязаны жениться на ней.

— А! ну, [illegible] gustibus non disputandum.

— Прошу од[illegible] абывать, сударь мой, продолжалъ, болѣе и бо[illegible] [illegible]уясь, г-нъ Липецкій,—что къ сему принуждаетъ [illegible] одна крайняя неотложность дѣла: слишкомъ явные признаки вашего сближенія, которые могли бы, чего добраго, броситься въ глаза и лицамъ постороннимъ. То бы я, можете быть увѣрены, остерегся выдавать свою дочь за вашего брата, лекаришку и нигилиста. Вы, стало быть, можете благословлять судьбу свою, что я такъ сговорчивъ и за вашъ гнусный образъ дѣйствій уступаю вамъ еще высшее свое сокровище. Но дабы удостоиться полной моей милости, дабы я обращался съ вами, какъ съ подлиннымъ зятемъ, вы обязаны выказать

чистосердечное раскаяніе съ должнымъ смиреніемъ и покорностью. Въ такомъ лишь случаѣ вы можете разсчитывать и на приданое—въ 15 тысячъ. Поняли вы меня?

Непріятная улыбка исказила и безъ того непривлекательныя черты студента.

— Понялъ-съ, ваше превосходительство, какъ не понять. Вамъ желательно имѣть въ зятѣ послушную машину, и, принявъ меня почему-то за подходящій сырой матеріалъ для такой машины, вы такъ увлеклись своимъ планомъ, что говорите о моемъ бракѣ съ вашей дочерью какъ о чемъ-то давно рѣшеномъ, ожидающемъ только вашей родительской печати да рукоприкладства. На бѣду вашу, матушка-природа набила и мою башку достаточной порціей мозговой кашицы, а наука и обстоятельства развили въ ней разсудокъ—или упрямство, если это слово вамъ болѣе по-нутру. Вы же не могли представить себѣ, что и у другихъ людей обрѣтается въ верхней камерѣ сказанная кашица, и не потрудились навесть напередъ справку: намѣренъ ли я вообще лѣзть въ подставленное мнѣ супружеское ярмо?

— Какъ? вскрикнулъ, грозно приподнимаясь съ мѣста, г-нъ Липецкій. Вы смѣете того... мечтать о разрывѣ?

— Мечтать, ваше превосходительство, изволите вы; я гляжу на дѣло съ практической стороны. Но при вашей полнотѣ волноваться вредно: можетъ и кондрашка хватить. Успокойтесь и сядьте.

— Ну, ну... проворчалъ г-нъ Липецкій, усаживаясь однако по совѣту медика.

— Вотъ и прекрасно, продолжалъ Чекмаревъ,—теперь поговоримъ, какъ толковые люди. Войдите, Николай Николаичъ, въ мое положеніе: я вѣдь перехожу въ четвертый

курсъ; до выхода остается мнѣ, слѣдовательно, цѣлыхъ два года. Дочь ваша мнѣ нравится, и если, по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, она съумѣетъ не потерять моего расположенія, то я, по всей вѣроятности, буду не прочь жениться на ней и формальнымъ образомъ. До того же всякая офиціальная связь была бы съ моей стороны глупостью.

— Но, милый мой, осмѣлилась тутъ подать голосъ Наденька,—вѣдь и Лопуховъ выпустилъ Вѣрочку изъ «подвала», не окончивъ курса, а между тѣмъ они устроились отлично: тутъ же добыли переводовъ, а вскорѣ Лопухову предложили и мѣсто управляющаго на заводѣ.

Чекмаревъ съ сожалѣніемъ покачалъ головою.

— Какое же вы еще дитятко! Женись послѣ этого на васъ; грѣха да бѣды наживешься. Вѣдь Лопуховъ— произведеніе бойкой фантазіи романиста, которому ничего не стоило надѣлить своего героя всевозможными благодатями; назначь онъ ему хоть миліонъ годовой ренты—у него, у автора, отъ того ни гроша бы изъ кармана не убыло; было бы только эфектнѣй. Попробуй же нашъ братъ, несочиненный, существующій въ дѣйствительности смертный, не окончивъ курса да «безъ кормила и весла» въ видѣ диплома на лекаря или доктора, пуститься въ «океанъ жизни»,—не только бы ему не дали больныхъ лечить, но, съ тѣмъ возьмите-съ, не дали-бъ и заводомъ управлять; да и совершенно резонно, ибо кто же поручится за познанія такого господина? Остаются, значитъ, одни переводы; но, Боже, что это за черствый кусокъ хлѣба! Не говоря уже о томъ, что достать переводы довольно трудно: переводчиковъ нынче—что нерѣзанныхъ собакъ; но и доставши ихъ, хоть ложись да съ голоду помирай,

цѣна на всякіе переводы (исключая развѣ съ англійскаго, но въ англійскомъ языкѣ я пасъ), цѣна, говорю я, на нихъ, по случаю конкуренціи, до того понизилась, что скоро, кажется, придется самому деньги платить, чтобъ только приняли переводъ твой. Очевидно, значитъ, что безъ вышерѣченнаго кормила и весла и мысли допустить нельзя о церковномъ бракѣ.

Г-нъ Липецкій далъ высказаться Чекмареву; но долго сдержанный гнѣвъ бурно вырвался теперь наружу.

— М-да-съ, да-съ... очень хорошій разсчетъ имѣли вы, милостивый государь мой, отличнѣйшій, за исключеніемъ одной, самой пустяшной малости: вы забыли, съ кѣмъ имѣете дѣло, забыли, что я того-съ... человѣкъ съ вѣсомъ!

— Никто этого и не оспаривалъ: пудовъ шесть, даже семь навѣрное вѣсите.

— Дерзкій молодой человѣкъ! худо вамъ будетъ! Я могу вамъ напакостить, на всю жизнь напакостить!

Дерзкій молодой человѣкъ сжалъ только плотнѣе губы, поблѣднѣлъ немножко; другого признака волненія не обнаружилось въ неподвижно-холодныхъ чертахъ его.

— Пакостите, если васъ хватитъ на это, отвѣчалъ онъ, приподнимаясь и берясь за кэпи;—въ чемъ я впрочемъ ни мало и не сомнѣваюсь. Каши во всякомъ случаѣ намъ съ вами, видно, не сварить, а три рубля своихъ я высидѣлъ сполна, такъ можно и отретироваться. Одно лишь считаю неизлишнимъ замѣтить вамъ на прощанье: вы, можетъ быть, воображаете, что я лѣвой ногой сморкаюсь? Разувѣрьтесь. Я не изъ тѣхъ, что̀ добровольно подставляютъ спину, а и самъ надѣленъ отъ природы кулачищами, предобрыми, я вамъ скажу, и въ дѣло

нускать ихъ умѣю. Если вы поэтому судебнымъ путемъ вздумали бы преслѣдовать меня, то я отрекусь отъ всего: знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю; не признался же я до сихъ поръ ни въ чемъ и вамъ? А то и того чище: попрошу кое-кого изъ друзей закадычныхъ показать, что дочка ваша навѣщала и ихъ: я выйду изъ воды, выражаясь съ поэтами, сухъ и чистъ какъ голубица; дочка же ваша—сомнѣваюсь. За вами выборъ.

— Мальчишка! вырвалось изъ груди задыхавшагося отъ бѣшенства отца.

— Ругайтесь, ваше превосходительство, не стѣсняйтесь пожалуйста: вѣдь я не болѣе, какъ вами же приглашенный гость, а вы не менѣе, какъ хозяинъ. Что до васъ, Липецкая, повернулся онъ къ дочери,—то послѣ того, что вы побѣжали жаловаться папашенькѣ, въ надеждѣ принудить меня nolens-volens взвалить васъ на мою шею, вы, конечно, не станете ожидать съ моей стороны какого-либо послабленья и снисхожденья: отнынѣ я не признаю въ васъ даже и натуральной жены своей. Желаю здравствовать честно́й компаніи.

И, заломивъ на бекрень кэпи, студентъ нашъ ловко повернулся на каблукахъ и мѣрно вышелъ.

— Это... это... это... пыхтѣлъ вслѣдъ ему г-нъ Липецкій, тщетно пріискивая подходящее слово для оклейменія всей гнусности выходки дерзкаго молодого человѣка.

— C'est terrible, infâme, impertinent, abominable! разразилась супруга его, съ своей стороны не затрудняясь въ выборѣ достойныхъ эпитетовъ.

— О, вы у меня еще запляшете! заголосилъ разъяренный отецъ.—На весь городъ, на всю Русь протрублю

свой позоръ, а вы у меня не улизнете: такъ ли, сякъ ли, а заставлю жениться!

XVIII.

Къ чему колѣни преклонять?
Свободнымъ легче умирать!

НИКИТИНЪ.

Наденька, непроронившая впродолженіе всей предъидущей сцены почти ни слова, привстала теперь, блѣдная, какъ воротничекъ на шеѣ ея, съ лихорадочно разбѣгающимися глазами, но тутъ же принуждена была ухватиться за ручку стула.

— Нѣтъ, папа... прошептала она,—оставьте... я не хочу выходить за такого человѣка... лучше всякій позоръ, чѣмъ быть женою подл...

Не договоривъ, дѣвушка закатила глаза, затряслась и, какъ трупъ, грохнулась на полъ. Г-жа Липецкая суетливо, въ ущербъ своему превосходительному сану, подбѣжала къ ней и, доставъ изъ кармана флакончикъ съ душистою жидкостью, опрыскала ею лице дочери. Тяжело вздохнувъ, та очнулась и, при помощи матери, присѣла опять на стулъ.

Отецъ, угрюмо и безучастно наблюдавшій обморокъ студентки, остановился передъ нею съ разставленными ногами.

— Такъ-съ, такъ-съ. Вы, значитъ, не желаете выходить за подлеца? А оскандалить передъ цѣлымъ свѣтомъ своихъ родителей вамъ ни по чемъ? Нѣтъ, любезнѣйшая, шалите! Какъ честный отецъ, говорю вамъ:

вы будете его женою, законною, и въ наикратчайшемъ промежуткѣ времени!

Наденька успокоилась. Но спокойствіе ея было ужаснѣе всякаго волненья: отчаянье есть хоть признакъ борящейся, полной силъ и сознанія этихъ силъ жизни; лице же героини нашей было безучастно, безстрастно, какъ бездушное, ледяное лице мертвеца: послѣднее дыханіе жизни, казалось, отлетѣло отъ него.

— Нѣтъ, папа, беззвучно промолвила она,—я не буду его женою; не дѣлайте себѣ пустыхъ илюзій.

— Что? ты думаешь еще противиться? дѣвчёнка дерзкая, мнѣ противиться? о-го-го! я насильно потащу тебя къ алтарю!

— Не смѣшите, папа; мнѣ, право, не до смѣху. Развѣ въ нашъ вѣкъ можно заставить дѣвушку, противъ ея собственной воли, выйдти за кого бы то ни было? Мнѣ стоитъ только сказать въ церкви, что я не желаю его, и дѣло съ концемъ.

— Вотъ какъ-съ, вотъ какъ-съ... Конечно, принудить тебя, противъ твоего желанія, я не могу, но... но у меня остается еще одно средство: если ты не исполнишь моей воли, я прокляну тебя!

Блѣдная улыбка, какъ безцвѣтный лунный лучъ изъ-за осенняго тумана, мелькнула по лицу дѣвушки.

— Къ чему эти фразы, папа? «слова, слова, слова!» Если я достойна наказанія, то и безъ вашего проклятья кара рано или поздно не замедлитъ постичь меня, какъ необходимое слѣдствіе обстоятельствъ. Если же я безвинна, то проклятіе ваше будетъ однимъ театральнымъ колофоніемъ. Проще ужъ, если вы уже точно желаете выместить

на мнѣ свое сердце, приговоритесь выгнать меня на улицу; это будетъ имѣть хоть нѣкоторый смыслъ.

— А что-жъ ты думаешь, безстыдница: я не выгоню тебя? выгоню, какъ послѣднюю собаку выгоню, въ вѣкъ не пущу назадъ въ домъ, отрекусь отъ тебя передъ всѣми. Слышишь, Наденька?

— Слышу, папа. Но какъ ни тяжело мнѣ, а я принуждена повторить свое: Чекмаревъ никогда не будетъ моимъ мужемъ.

— Послѣднее твое слово?

— Послѣднее.

— Ха! прекрасно же, безподобно! пыхтѣлъ, не владѣя уже собой, разозлобленный старикъ.—Вотъ оно, уваженіе-то къ старшимъ! все было, значитъ, одной маской! Алексѣй, а, Алексѣй!

Онъ дернулъ за бронзовую ручку висѣвшей надъ письменнымъ столомъ сонетки съ такимъ остервенѣніемъ, что та осталась у него въ рукахъ.

— Mais, Nicolas... попыталась угомонить спутника жизни болѣе разсудительная супруга,—что ты дѣлаешь? образумься!

— Алексѣй! еще неистовѣе топнулъ ногою г-нъ Липецкій, и въ дверяхъ показался на этотъ разъ безсловесный ливрейный исполнитель барской воли.—Выведи отсюда эту женщину!

— То есть какъ же такъ-съ, ваше превосходительство? вопросилъ недовѣрявшій своимъ ушамъ Алексѣй.— Куда-съ?

— Куда! дуракъ! за дверь, на улицу. Да не пускать ее назадъ ни на какія просьбы. Нѣтъ у меня болѣе дочери!

— Nicolas... рѣшилась вложить еще послѣдній протестъ мать, въ которой заговорило чувство болѣе благородное.

— Молчать! прикрикнулъ на нее супругъ; потомъ повелительно указалъ слугѣ на дочь:—Исполняй, что тебѣ приказываютъ.

Нерѣшительно сдѣлалъ Алексѣй два шага въ направленіи къ Наденькѣ. Та остановила его движеніемъ руки и съ усиліемъ поднялась со стула.

— Не трудись, Алексѣй; и безъ тебя я знаю выходъ. Прощайте, маменька! обратилась она къ матери, и въ голосѣ ея зазвучала невольная нѣжность;—мнѣ жаль васъ!

Г-жа Липецкая взглянула на грознаго супруга: дозволитъ ли онъ ей обнять проклятое дѣтище, и, прочитавъ на лицѣ его прежнее безжалостное рѣшеніе, съ сдержанностью приложилась ко лбу дочери. Та поцѣловала ее въ губы, поцѣловала ей руку; потомъ обернулась къ отцу:

— Прощайте и вы, папа. Ослѣпленные закоснѣлыми предразсудками и самодурствомъ, которые вы тщетно скрывали до настоящаго времени подъ маской либерализма, вы, разумѣется, не дадите мнѣ проститься съ вами, какъ бы слѣдовало дочери съ отцомъ; прощайте же такъ. Дай Богъ вамъ не раскаяться въ сегодняшнемъ вашемъ поступкѣ; горькая вещь—раскаяніе! Но совѣсть моя—судья мнѣ, что я менѣе виновна, чѣмъ вы, можетъ быть, думаете, что вы слишкомъ строго осудили меня.

Слезы, холодныя, неутоляющія горя слезы струились по блѣднымъ щекамъ дѣвушки. Тряхнувъ безнадежно

головой, она бросила послѣдній взглядъ на мать и поспѣшила покинуть чуждую ужъ ей отчую кровлю.

XIX.

Опротивѣла мнѣ жизнь моя,
Молодая, безполезная!

ПОЛЕЖАЕВЪ.

Въ тотъ самый вечеръ, когда эта оживленная семейная драма происходила въ многолюдномъ, аристократическомъ кварталѣ города, въ одномъ изъ столичныхъ захолустій имѣла мѣсто другая, безмолвная, одноличная драма, не менѣе серьезная.

Въ нижнемъ этажѣ двухэтажнаго надворнаго строенія, надъ дверью котораго днемъ можно было прочесть небольшую, простенькую вывѣску: «*Народная библіотека*», въ невысокой, довольно просторной комнатѣ, при спущенныхъ шторахъ оконъ, занималась за конторкой дѣвушка. При мерцаніи свѣтившей ей одинокой свѣчи различались вдоль стѣнъ книжные шкапы. Передъ пишущей, надъ конторкой, висѣлъ удачный портретъ автора «*Что дѣлать*». Какъ-бы для вдохновенія себя, вскидывала она порой взоры на портретъ; когда при этомъ черты ея обливались полнымъ свѣтомъ пламени, знавшіе ее узнали бы въ ней Дуню Бредневу. Лице ея замѣтно осунулось, скулы еще болѣе выдались, носъ пріострился. По временамъ у нея подергивало углы рта, судорожно сводило пальцы—и только; въ остальномъ видъ ея былъ спокоенъ. Заглянувъ черезъ ея плечо, никто не ожидалъ бы прочесть слѣдующее:

«Вы, маменька, считали меня всегда необычайно умной, во всемъ спрашивали моего совѣта; послушайтесь же меня въ послѣдній разъ: не убивайтесь по-пустому—игра свѣчъ не стòитъ. Радостей отъ меня въ прошедшемъ вы имѣли мало; въ будущемъ могли бы ожидать ихъ и того меньше: не была же я въ состояніи послѣднее время уплачивать даже свою долю за квартиру, за столъ; вы, старушка, должны были работать для меня! Нѣтъ, чтò вамъ въ такой дрянной дочери, выкиньте ее изъ сердца; остается же вамъ сынъ, который съ лихвою замѣнитъ ее. Что до библіотеки, то я распорядилась уже продажею ея одному содержателю пансіона, которому требуются именно такого рода книги. Я просила его зайдти къ вамъ на будущей недѣлѣ, когда вы уже нѣсколько успокоитесь отъ неожиданнаго удара. Цѣну отдѣльнымъ книгамъ вы узнаете изъ прилагаемаго списка. Изъ вырученной суммы вы возвратите пяти товарищамъ Алеши (онъ назоветъ вамъ ихъ) пожертвованныя ими деньги; Наденькѣ также что ей причтется. Если что еще останется, то, само собою разумѣется, возьмите себѣ. Похороны устройте самыя, *самыя* простыя: деревянный, некрашенный гробъ да дроги въ двѣ лошади, или, если окажется дешевле, на носилкахъ. До свиданья же, маменька! за гробомъ; надѣюсь, скоро свидимся. Прощай и ты, Алеша, люби маменьку, исполняй безпрекословно всѣ ея желанія: ты у нея теперь единственная защита и опора.

«Вы, Левъ Ильичъ, сдѣлали все зависѣвшее отъ васъ, чтобы развить меня: вы имѣете право требовать отъ вашей ученицы болѣе подробнаго отчета въ ея дѣйствіяхъ. Выслушайте же меня. Отчаявшись достичь чего-либо въ наукахъ, я, какъ вамъ извѣстно, предалась всей душой

практической дѣятельности. По вашей же рекомендаціи, я достала переводовъ. Но... стыдно даже признаться: хотя я и научилась въ гимназіи (частнымъ образомъ) англійскому языку, хотя и понимала почти все, что собиралась переводить, но за переводъ не знала взяться: русской фразы толково связать не умѣла; вотъ какъ основательно учатъ насъ родному языку! Понятно, что отъ работы моей съ состраданіемъ отказались: «Такой, дескать, макулатуры и безъ вашей куда какъ довольно.» Я не упала духомъ: оставалась же у меня основанная мною народная читальня. Что я взялась за дѣло не совсѣмъ-то неумѣючи, вы можете судить уже по выбору книгъ: были у меня *Иліада* и *Одисея* (поэзія младенческой націи для людей младенчествующихъ), былъ *Міръ Божій* Разина, басни Крылова, хрестоматія Галахова... Но и тутъ неудача, первый блинъ комомъ: народъ нашъ еще такъ тупъ, что не можетъ понять всю важность умственнаго развитія, и отнесся къ моей библіотекѣ совсѣмъ холодно (сглазили вы своимъ предсказаніемъ!); много-много заходило въ день человѣка 2—3. Напрасно печатала я объявленія въ газетахъ: простолюдинъ нашъ и въ руки не беретъ газетъ! На роду мнѣ, видно, написано, не имѣть возможности приносить пользу ближнимъ, куда не кину—все клинъ, за что не возьмусь—все рушится, рушится оттого, что подпорки шатки! Я, какъ Гамлетъ, который, полный прекрасныхъ начинаній, не находилъ въ себѣ силъ къ ихъ осуществленію. Что же мнѣ оставалось, Левъ Ильичъ, сами посудите? Занялась я бухгалтеріей—и выказала только безсиліе свое на всякаго рода головоломный трудъ; давала я уроки музыки, но, не говоря уже о бездоходности ихъ (не

свыше полтинника за урокъ), они опротивѣли мнѣ своей безполезностью: барышни наши вѣдь, едва выйдутъ замужъ, тутъ же оставляютъ музыку, такъ-что она служитъ имъ собственно только для приманки жениховъ; а посвящать себя такой мелочной, такой—можно сказать—подлой цѣли я считала ниже своего достоинства. И вотъ—я осталась безъ всякой работы, безъ надежды и въ будущемъ на какую-либо полезную дѣятельность. А еслибъ вы могли знать, какъ это горько—признаваться себѣ: что ни на что-то ты не способна, никому-то не нужна, какъ булыжникъ, валяющійся на улицѣ, ни на какую постройку непригодный—развѣ на мощеніе мостовой! Но я не хочу служить мостовой, не хочу дозволить всякой плебейской пятѣ попирать меня; лучше ужъ зарыть себя въ землю—и переносно, и буквально! Я высказалась. Надѣюсь, Левъ Ильичъ, что вы теперь не осудите меня. Прощайте. Еще разъ примите мою благодарность за всѣ ваши старанія и, прошу васъ, сохраните о вашей безталанной ученицѣ добрую память.

«Къ тебѣ, Наденька, обращаюсь къ послѣдней. Помнишь, какъ ты во что бы то ни стало старалась обратить меня въ свой законъ? Старанія твои увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ: мои дѣтскія вѣрованія поколебались—но не совсѣмъ. Еще тлится во мнѣ тайная надежда на нѣчто лучшее, недосягаемое для меня здѣсь, на землѣ,—на наградный пряникъ. Каково же было бы мнѣ безъ этого пряника? Ты, съ твоей самостоятельной, породистой натурой, быть можетъ, обошлась бы и безъ него; я умертвила бы себя съ отчаянія; теперь я умираю хоть—относительно говоря—спокойно, чуть не съ улыбкой. Что бы тамъ ни ожидало меня—все-же оно

будетъ не хуже здѣшняго бытія. Вотъ и все. Прощай; живи счастливо съ твоимъ Ч.

«Д. Б.»

Перебѣливъ духовную на большого формата почтовый листъ, Бреднева, прикусивъ губу, со вниманіемъ перечла еще разъ написанное, исправила кое-гдѣ знаки препинанія, потомъ зажгла черновую на свѣчкѣ, бросила ее на полъ и обождала, пока не обуглился и не свернулся послѣдній уголокъ ея. Притопнувъ ногою тлѣющіе остатки, она подошла къ двери, повернула ключъ, чтобъ увѣриться, замкнута ли та въ два оборота, оглянулась на окна, спущены ли шторы; затѣмъ, вернувшись къ конторкѣ и поднявъ крышку, достала оттуда бутыль съ какимъ-то чернымъ, крупнозернистымъ порошкомъ, дробницу, ваты, ящикъ съ пистонами и пистолетъ. Продувъ дуло, она принялась заряжать его. Хотя мѣшковатость, съ которою происходило послѣдовательное набиваніе оружія требуемыми снадобьями, и изобличала въ ней неопытнаго стрѣлка, однако самый процесъ зарядженія былъ ей хорошо знакомъ: навела, видно, заблаговременно справку, какъ приняться за дѣло. Вотъ она взвела курокъ, насадила пистонъ. Теперь подкатила къ конторкѣ деревянное кресло, зажгла вторую свѣчу и поставила обѣ по двумъ сторонамъ портрета любимаго романиста.

Въ дверяхъ раздался нетерпѣливый стукъ. Самоубійца всполошилась, торопливо схватила пистолетъ, усѣлась поудобнѣе въ кресло и, устремивъ взоръ на ярко освѣщенное въ вышинѣ изображеніе дорогого автора, поднесла оружіе ко рту...

Осѣчка!

— Ахъ, я безпамятная! говорилъ же онъ мнѣ... пробормотала она, вскакивая съ мѣста, насыпала себѣ изъ пороховой бутыли на ладонь горсточку пороху, сняла пистонъ, втиснула въ затравку нѣсколько порошинокъ и снова надѣла на нее гремучую шляпку.

Стукъ повторился.

— Отопрись, Дуня, это я, послышался коченѣющій отъ мороза женскій голосъ.

Бреднева насторожилась.

«Никакъ Наденька? развѣ впустить? вѣдь она умная, пойметъ... притомъ же можно выказать передъ нею хоть разъ-то силу духа.»

— Ты, Наденька? спросила она, подходя къ двери.

— Я, Дуня; поскорѣй, пожалуйста... совсѣмъ замерзну.

— Но съ условіемъ, Наденька, не мѣшать мнѣ, чтò бы такое я ни предпринимала?

— Не буду мѣшать!

— Честное слово?

— Между честными людьми не требуется клятвъ; обѣщаюсь—значитъ, и сдержу свято.

Бреднева повернула дважды ключъ и толкнула дверь. Изъ мрака сѣней выдѣлилась фигура студентки. Самоубійца съ нѣкоторымъ испугомъ отступила шага два назадъ.

— Но, Наденька, на кого ты похожа?

Та переступила порогъ комнаты. На ней было только платье, ни бурнуса сверху, ни мантильи. Ничѣмъ неприкрытые, остриженные въ кружокъ кудри, всклоченные свирѣпствовавшей на дворѣ непогодой, блистали каплями

дождя и прилипли у висковъ. Лице посинѣло отъ холода, челюсти слышно ударялись другъ о друга.

— Здравствуй, Дуня... меня выгнали изъ родительскаго дома... я къ тебѣ...

— Выгнали? тебя? да возможно ли? Но я, право, не знаю, какъ пріютить тебя; я сама...

— Что? говори безъ церемоній; и ты меня знать не хочешь?

—Нѣтъ, моя милая, не то... На вотъ, прочти; узнаешь.

Наденька сняла напотѣвшіе очки и, все еще не придя въ себя, стала пробѣгать поданное ей завѣщаніе. Глаза ея неестественно заблистали.

— Что хорошо—хорошо! И ты, значитъ, собираешься въ елисейскія?

— Да... но ты, Наденька, обѣщалась не препятствовать мнѣ.

— И не буду, напротивъ: хочу сопутствовать тебѣ. Для компаніи вѣдь и жидъ удавился.

— То есть какъ же такъ? ты тоже намѣрена покончить съ собою? тебѣ-то зачѣмъ?

— Есть, видно, свои основанія. Скажи, считаешь ли ты меня достаточно развитою, чтобы обсуждать свои дѣйствія?

— О да, еще бы.

— Ну, а я, подобно тебѣ, пришла къ заключенію, что «жизнь—пустая и глупая шутка». Какимъ манеромъ, спрашивается только, думаешь ты совершить прогулку въ надзвѣздный край?

Вмѣсто всякаго отвѣта, Бреднева подняла оружіе, котораго не выпускала до этихъ поръ изъ рукъ, къ губамъ. Наденька во-время удержала ее за руку.

— Ахъ, нѣтъ, Дуня, только не такъ! Личныя кости разорветъ, всю физіономію обезобразитъ, потечетъ кровь...

— Такъ прямо въ сердце.

— А если промахнешься? вѣдь вытащатъ пулю, вылечатъ, да еще на смѣхъ подымутъ. Другое дѣло вотъ синильная кислота: мигомъ умрешь, безъ судорогъ, сама даже не замѣтишь; и мускуловъ на лицѣ не сведетъ: будешь лежать какъ живая. А то утопиться—тоже хорошая смерть.

— Но гдѣ же? въ Фонтанкѣ?

— Нѣтъ, тамъ мелко, а я умѣю плавать. Надо будетъ уже на Неву.

— Да далеко отсюда.

— Извощика возьмемъ. Но говори, Дуня: ты серьезно рѣшилась?

Во все время предъидущаго разговора, Наденька, изсинеблѣдная, лихорадочно дрожала, дрожала отъ промокшей на ней отъ дождя одежды; и Бредневу начинала пронимать дрожь, но дрожь страха смерти, нагнанная на нее, неотшатнувшуюся отъ самоубійства, мертвящимъ хладнокровіемъ подруги. Она перемоглась и, спрятавъ пистолетъ въ конторку, взяла за руку студентку.

— Пойдемъ же, пойдемъ... Но ты, Наденька, безъ шляпки, безъ всего? остановилась она;—да и мои всѣ вещи наверху, у маменьки. Не хочется только идти туда; пожалуй задержатъ.

— Да съ какой радости намъ кутаться? чтобы теплѣе тонуть было? засмѣялась Наденька, и смѣхъ ея, хриплый, надломаный, проникъ Бредневой до мозга костей.—Тѣмъ скорѣе, значитъ, окостенѣемъ, ко дну пойдемъ.

— Но въ случаѣ насъ увидятъ на улицѣ простоволосыми,

въ однихъ платьяхъ... чего добраго, городовой остановитъ, извощикъ не повезетъ.

— И то правда. Повяжемъ же головы.

Дѣвушки накрылись платками.

— Ну, однакожъ, идемъ, идемъ, а то еще замѣтятъ, заторопила Наденька, увлекая подругу за руку въ темныя сѣни, а оттуда на вольный воздухъ.

XX.

Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая, прости!

ФЕТЪ.

На дворѣ стоялъ ноябрскій вечеръ, темный, ненастный. Шелъ порошистый, холодный дождикъ. Когда дѣвицы, одна за другою, прошмыгнули въ калитку на улицу, ихъ охватилъ, какъ въ охапку, бѣшеный, ледяной вихрь и чуть не сбилъ съ ногъ. Упрятавъ руки въ широкіе рукава платья, зажмуривъ глаза, Наденька пошла на встрѣчу непогодѣ. Бреднева едва поспѣвала за ней.

На углу показались, при слабомъ огнѣ фонаря, извощичьи дрожки. Съ лошади, меланхолически понурившей голову, валилъ клубами паръ, какъ отъ самовара. Хозяинъ экипажа, пріютившійся подъ навѣсомъ подъѣзда, предложилъ барышнямъ свои услуги.

— Подавай... глухо отвѣчала Наденька и взлѣзла въ дрожки.

Бреднева помѣстилась рядомъ. Извощикъ, оглянувъ легкій костюмъ обѣихъ, покачалъ головою и сталъ неспѣшно отвязывать привѣшенный къ мордѣ лошадки

мѣшокъ съ овсомъ. Управившись съ этимъ дѣломъ, онъ неуклюже взобрался на козлы и взялъ возжи.

— Куда прикажете, сударыни?

— Къ Николаевскому мосту, прошептала, стуча зубами, Наденька.

— Ну, пошевеливайся, старая, что̀ стала! добрыхъ барышень веземъ! задергалъ онъ возжами, довольный уже тѣмъ, что «добрыя барышни» не условились на счетъ проѣздной платы, опредѣлить которую, слѣдовательно, предоставлялось его собственному усмотрѣнію.

Морской, порывистый вѣтеръ пронималъ насквозь слабо защищенные легкими платьицами, нѣжные члены дѣвушекъ; колючіе брызги мелкаго дождя хлестали ихъ по лицу, по рукамъ. Обѣ продрогли, переплелись руками и близко прижались другъ къ дружкѣ. Каждыя 10 минутъ доносился отдаленный пушечный выстрѣлъ, возвѣщавшій прибрежнымъ жителямъ Невы и каналовъ о возвышеніи воды выше предписаннаго уровня.

Вотъ и театральная площадь. Скромный ванька долженъ былъ попридержать свою клячу, чтобы пропустить нѣсколько щегольскихъ господскихъ каретъ, подкатывавшихъ съ грохотомъ къ украшенному колоннадой и конными жандармами, главному фасаду храма Аполлона и Терпсихоры. Вотъ и Поцѣлуевъ мостъ; загнули къ Благовѣщенью. Усиленный, неистовый порывъ вѣтра чуть не опрокинулъ дрожекъ, не свѣялъ съ нихъ сѣдоковъ. Возница глубже нахлобучилъ шапку:

— Эка погодка, прости Господи!

Бреднева затрепетала и крѣпче прижалась къ спутницѣ.

— Наденька... пролепетала она коснѣющимъ языкомъ.

— Да, Дуня?

— Мнѣ страшно...

— Крѣпись, мужайся: ужъ близко.

Обогнули Благовѣщенье и, мимо бульвара и дворца, выѣхали къ Николаевскому мосту. Сквозь дымку разлетающагося по вѣтру дождя, тускло свѣтились съ моста два ряда газовыхъ огоньковъ, окруженцыхъ туманными кольцами.

— Гдѣ остановиться прикажете? обернулся къ барышнямъ извощикъ.

— Да тутъ хоть, у панели, отвѣчала Наденька и хватилась за карманъ.—Ахъ, Дуня! портмонэ-то и не со мною.

— И я свой дома забыла.

— Какъ же быть? Послушай, извощикъ, вотъ тебѣ платокъ, вотъ косынка; денегъ у насъ нѣтъ.

— Ай, барышни, не грѣшно вамъ такъ обманывать бѣднаго извощика? что мнѣ въ этихъ тряпкахъ? Да куда-жъ вы? эво прыткія! Нѣтъ, стой, держи, такъ я васъ не пущу.

А дѣвушки, рука объ руку, легкія какъ тѣни, взбѣгали уже на тротуаръ набережной. Свирѣпымъ вихремъ ихъ чуть было не сбросило обратно на мостовую: во-время успѣла одна изъ нихъ ухватиться за каменную ограду. Внизу, въ непроглядной глубинѣ, бушевала расходившаяся рѣка: съ глухимъ бурленіемъ прорывались могучіе валы взадъ и впередъ подъ непоколебимыми быками моста, съ сердитымъ плескомъ разбивались они о береговой гранитъ.

Волоса Наденьки, освобожденные отъ сдерживавшаго ихъ платка, взвились въ дикой пляскѣ вкругъ головы ея. Насквозь похолодѣлая, онѣмѣлая, какъ изваянная изъ

льда статуя, сжала она, съ послѣдней энергіей молодой, замирающей жизни, руку спутницы.

— Отсюда нехорошо: прибьетъ къ берегу, разобьетъ въ кровь... Вотъ спускъ: вѣрно есть лодка...

Онѣ достигли спуска. Вздувшаяся рѣка накрыла уже половину его. Клокоча, взлетали неистовыя волны къ ногамъ дѣвушекъ и окачивали ихъ своими пѣнистыми брызгами. Звонко журча, стекали воды съ верхнихъ ступеней обратно въ рѣку. Къ береговому кольцу, какъ вѣрно предугадала Наденька, былъ привязанъ челнокъ, небольшой, аристократическій; въ какомъ-то отчаяньи покачивался онъ вправо и влѣво на набѣгавшихъ валахъ и всякій разъ зачерпывалъ понемногу воды, которая, къ приходу дѣвушекъ, наполняла его почти уже до скамеекъ.

Притянувъ лодку за веревку къ себѣ, Наденька окостенѣвшими пальцами начала отвязывать ее. Отвязала.

— Садись, Дуня.

Приподнявъ край платья, Бреднева шагнула въ маленькое судно и, по колѣно въ водѣ, пробралась на корму. Оттолкнувъ челнокъ отъ берега, и Наденька прыгнула въ него. Какъ орѣховая скорлупа, спущенная шалунами въ рябящуюся отъ вѣтерка дождевую лужу, заплясала и закружилась легкая ладья на бушующей стихіи.

Душевная твердость студентки, до послѣдней минуты искуственно поддерживаемая наплывомъ тяжелыхъ, противоположныхъ ощущеній, вдругъ измѣнила ей: дрожа всѣмъ тѣломъ, въ совершенномъ изнеможеніи присѣла несчастная на скамью и, схваченная внезапными судорогами, безъ звука повалилась ничкомъ въ лодку — въ наполнявшую ее воду.

— Наденька, съ нами крестная сила! перепугалась Бреднева и принялась поднимать ее.

Глаза бѣдной студентки закатились, у рта выступила пѣна...

Лодка, вынесенная между тѣмъ на гребняхъ двухсаженныхъ волнъ подъ самый мостъ, съ силой ударилась о гранитный быкъ. Раздался трескъ разбивающихся досокъ, пронзительный крикъ Бредневой: — Помогите! — и судно вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, поглотилось разъяренной влажной бездной.

На набережной толпилась вкругъ городового и извощика кучка любопытныхъ.

— Вона, слышали, ваштество? толковалъ ванька. — О помочи кричатъ. Безпремѣнно онѣ-съ.

— Лѣшій бы ихъ побралъ... нашла бабья одурь! ворчалъ блюститель общественнаго порядка. — Чтобъ имъ!... Тутъ подъ спускомъ должна быть лодка.

Толпа повалила къ спуску. Кто-то отдѣлился и сбѣжалъ по ступенямъ.

— Ни души! откликнулся онъ снизу.

— И лодки нѣтъ?

— И лодки нѣтъ.

— Ну, такъ! поминай какъ звали; пропали мои денежки! почесалъ въ затылкѣ извощикъ.

Въ это время на глазѣющихъ налетѣла съ хриплымъ лаемъ косматая собака. Вслѣдъ за нею подбѣжалъ юноша лѣтъ 15-ти, въ легкомъ домашнемъ сюртучкѣ, въ гимназической фуражкѣ.

— Что тутъ такое? освѣдомился онъ задыхающимся голосомъ, трясясь отъ волненья и холода.

Стражъ съ достоинствомъ оглянулъ его.

— Дѣвчёнокъ пара топиться вздумала, нехотя далъ онъ отвѣтъ.

— Такъ что-жъ вы стоите, какъ истуканы! достать багровъ! Да нѣтъ ли по близости лодки?

Оживленность гимназиста сообщилась прочимъ; все засуетилось. Нѣсколько минутъ спустя, у ближняго садка было отвязано два ялика; въ одинъ изъ нихъ первымъ прыгнулъ гимназистъ.

— Отчаливай, братцы! проворнѣй!

Взлетая и погружаясь, ялики взапуски перерѣзывали темную зыбь въ направленіи къ мосту.

— Вонъ словно что вынырнуло... никакъ рукавъ?

— Рукавъ и есть.

— Подъѣзжай; вотъ такъ. Зацѣпляй багромъ, багромъ зацѣпляй, да легче, братецъ, легче, не изранить бы, сохрани Господи.

Общими усиліями было вытащено въ яликъ бездыханное женское тѣло. Съ трепетомъ неугасшей еще надежды поднялъ гимназистъ мокрую голову утопленницы и заглянулъ ей въ лице.

— Наденька! разочаровался онъ.—Тутъ должна быть еще одна...

— Другіе отыщутъ, былъ ему отвѣтъ;—эту бы допрежъ всего привести въ чувство.

— Да то сестра моя! умолялъ со слезами на глазахъ молодой Бредневъ.

— Мало ли чего! И эта, можетъ, чья-нибудь да сестра. Валяй назадъ, къ берегу! дружно!

Яликъ причалилъ къ спуску. Десятки рукъ протянулись принять выловленное тѣло.

— Эвона, какая грузная! Откачивай, братцы; дасть Богъ, очнется.

Пока откачивали несчастную студентку, Бредневъ мчался уже, какъ окрыленный, къ сосѣднему спуску, откуда доносилось жалобное завыванiе пса, мелькали огни, раздавались клики:

— Тащи ее, тащи! Ну-жъ, поминай какъ звали! шабашъ. Какъ есть дерево.

Съ отчаяньемъ кинулся юноша къ распростертому на камняхъ трупу сестры—и отшатнулся: онъ глянулъ въ страшно искаженныя черты, въ тусклые, стеклянные глаза покойницы.

— Нѣтъ, ужъ тутъ взятки гладки, говорили, съ соболѣзнованiемъ кряхтя и отдуваясь, окружающiе.—Мертвецъ мертвецомъ. Господь да успокой ея грѣшную душу!

XXI.

Эна живёть съ бабой-то хорошей! Когда я теперича съ тобой самъ другъ, такъ мнѣ хоть все огнемъ гори!

ОСТРОВСКIЙ.

До настоящаго времени своенравная владычица человѣческаго живота и смерти—всемогущая судьба обошлась съ Ластовымъ довольно милостиво. Теперь принялась она исподоволь подливать ему въ сносно-сладкiй кубокъ жизни капля по каплѣ горькой полыни, чтобы сразу не ошеломить его полной чашей одурительной горечи, которую приберегла ему подъ конецъ.

Однажды въ сумеркахъ, Мари присѣла къ своему милому, стыдливо припала къ его плечу и робко прошептала:

— Лёвушка, другъ мой, ты не разсердишься?

— А что?

— Да видишь ли... скрывать уже невозможно; теперь насъ двое, а скоро будетъ трое...

Невольно скорчилъ Ластовъ гримасу, но тутъ же обнялъ «жёночку» (какъ называлъ онъ теперь Машу) и расцѣловалъ ее.

— Такъ ты не сердишься на меня, добрый, хорошій мой?

— Не имѣю никакого права сердиться. Не самъ ли я всему виною? Да, наконецъ, дитя наше еще неразрывнѣе свяжетъ насъ. Я радъ, очень даже радъ.

Не смотря на сердечность, которую молодой человѣкъ старался придать своимъ словамъ, въ голосѣ его прорывалась нота грусти. Мари подавила вздохъ и отерла тайкомъ слезу.

Замѣчательно, что рѣдкіе изъ молодыхъ мужей не исполняются тайнаго страха при первомъ женинomъ признаніи въ родѣ вышеприведеннаго. Главнымъ мотивомъ подобнаго страха служитъ, по большей части, нелишенное глубокаго основанія предчувствіе, что за этимъ первымъ дѣтищемъ неминуемо послѣдуетъ еще длинная вереница голодныхъ крикуновъ, обуза содержанія которыхъ, естественнымъ образомъ, взвалится исключительно на его, отцовскія, плечи. Но порывъ перваго неудовольствія вскорѣ уступаетъ мѣсто неусыпной заботливости о благоденствіи родоначальницы своего будущаго потомства.

То же было и съ Ластовымъ. Покуда не было помину о ребенкѣ, онъ все еще словно надѣялся на что-то, что-то лучшее. Теперь обманчивый туманъ сомнѣній разсѣялся,

дѣйствительность предстала въ полномъ свѣтѣ дня: его узы съ молодой швейцаркой окончательно закрѣплялись, благословлялись дитятей; кругъ частной, семейной его жизни обрисовался въ совершенно явственныхъ формахъ; оставалось только примѣниться къ этимъ формамъ, заставить себя влиться въ нихъ всѣмъ своимъ существомъ, отождествиться съ ними, чтобы, при малѣйшемъ движеніи, не ударяться о выдающіеся углы.

Найдутся, можетъ быть, читательницы, которыя обвинятъ нашего героя въ непостоянствѣ, въ ненасытимости, на томъ основаніи, что самъ исполнившись разъ, подъ вліяніемъ истинной, глубокой любви Мари, неподдѣльнаго къ ней расположенія (глава IX нашего разсказа), онъ тѣмъ не менѣе могъ еще мечтать о замѣнѣ ея другою. И, Боже мой, сударыни! да развѣ онъ не имѣлъ передъ собою, въ лицѣ Наденьки, дѣвушку, которая во всѣхъ отношеніяхъ могла перещеголять скромную швейцарку? къ тому же онъ былъ еще когда-то влюбленъ въ нашу студентку... Явись къ вашимъ услугамъ новый Гарунъ-аль-Рашидъ, мы убѣждены, всякая изъ васъ, какъ бы счастлива ни была она, нашла бы еще кое-что, что̀ могло бы, по ея мнѣнію, усугубить ея счастіе, и повернула бы она верхъ дномъ все свое доселешнее житье-бытье. Такъ уже устроена человѣческая натура: какъ организму нашему непрерывно необходима матеріальная пища, такъ и духъ нашъ требуетъ постоянныхъ возбудительныхъ средствъ; инерція усыпляетъ, убиваетъ его. Безъ всякой надежды на что бы то ни было плохо жить на бѣломъ свѣтѣ!

Ластовъ же, потерявъ послѣднюю надежду на соединеніе съ Наденькой, ни мало не лишился еще отъ того всѣхъ ожиданій на лучшее будущее: не говоря уже о манившемъ

ему въ туманной дали поприщѣ професора, воспитаніи собственнаго поколѣнія и многомъ другомъ, въ самой Мари открывалъ онъ что день новыя достоинства, или, вѣрнѣе: она умѣла постоянно разнообразить себя и этою вѣчною новизною прельщала и привязывала его все болѣе къ себѣ.

«Да чѣмъ же я не первый счастливчикъ въ мірѣ? говорилъ онъ самъ себѣ:—такая хорошенькая, свѣженькая, ласковая жёночка, только мною и живетъ, обо мнѣ одномъ печется... «Счастье, говоритъ Тургеневъ, какъ здоровье: оно есть, если мы его не замѣчаемъ.» Неправда! я замѣчаю все свое счастіе, замѣчаю, какой кладъ обрѣлъ въ своей Машенькѣ. Безъ сомнѣнія, ей, какъ кровной швейцаркѣ, не смотря на всѣ ея старанія, не удалось еще въ конецъ обрусѣть, исполниться живого сочувствія ко всѣмъ насущнымъ интересамъ новой отчизны; конечно, не лишне было бы ей и нѣсколько основательнѣе образовать себя; но ничего еще не потеряно, все можетъ устроиться: какъ сдамъ только зимою свой магистерскій экзаменъ, такъ на волѣ займусь съ нею. И будетъ у меня подруга жизни, лучше которой по всей Руси со свѣчкой не сыщешь, будутъ у насъ дѣтки—такія же славныя, какъ мать... Между тѣмъ что-жъ? донынѣ я не признаю ее въ глазахъ свѣта равною себѣ, достойною себя!... Что, въ самомъ дѣлѣ, кабы...?»

— Машенька, да или нѣтъ?

— А ты пріятное для себя задумалъ?

— Пріятное.

— Такъ, разумѣется, да.

— Ты полагаешь? Но все-же надо будетъ еще обдумать, Машенька, серьезно обдумать.

— Да о чемъ рѣчь, милый ты мой? Вѣдь ты мнѣ еще ничего не объяснилъ.

— Много будешь знать состаришься.

Напрасно зоркіе, черные глазки Маши пытались разгадать таинственную думу, осѣнившую высокій лобъ милаго; милый молчалъ, а она приняла за правило, никогда не надоѣдать ему разспросами.

Со дня же рокового признанія Маши, Ластовъ еще любовнѣе привязался къ ней. Если, при возвращеніи его домой, Маша не выбѣгала къ нему на встрѣчу, въ переднюю, онъ изумленно оглядывался, точно забылъ что и не можетъ припомнить. Если, во время его занятій, она не обрѣталась гдѣ-нибудь по близости, на диванѣ, на сосѣднемъ стулѣ, за обычнымъ теперь шитьемъ—рубашечекъ, чепчиковъ, свивальниковъ,—онъ, какъ-бы не въ своей тарелкѣ, безпокойно поворачивался въ креслѣ и не былъ въ состояніи хорошенько вдуматься въ предметъ. «Жёночка» его сдѣлалась для него пріятною необходимостью. Уходила ли она со двора, онъ непремѣнно удостовѣрялся всякій разъ, тепло ли она одѣта, обута; но это не была заботливость о балуемомъ дитяти, это было скорѣе благоговѣніе идолопоклонника передъ дорогимъ пенатомъ: онъ сталъ уважать въ ней мать своего потомства. Разъ какъ-то попалась ему на улицѣ чужая женщина, походка, округлость тѣла которой изобличали также благословенное ея состояніе: съ безотчетнымъ почтеніемъ посторонился онъ съ дороги, хотя принужденъ былъ при этомъ ступить чистою калошей въ грязь.

Появились у Маши свойственныя ея положенію безпричинныя причуды и прихоти; безропотно сносилъ онъ

первыя, безпрекословно — если только исполненіе ихъ состояло въ его власти—удовлетворялъ послѣднія.

Такъ попросила она его благословлять ее передъ сномъ (она была строгая католичка); съ этого дня онъ аккуратно каждый вечеръ возлагалъ на нее крестное знаменіе.

Обѣдалъ онъ теперь дома: Мари сама ходила за провизіей, своими руками приготовляла кушанье (и, сказать мимоходомъ, съ замѣчательнымъ искуствомъ). Представилось же ей вдругъ, что она не можетъ ѣсть съ тарелки, пока ея Лёва не отвѣдалъ съ нея. Ластовъ вздумалъ сначала обратить дѣло въ смѣшную сторону.

— Не боишься ли ты, сказалъ онъ,—что блюдо отравлено? Пусть, дескать, я первый испробую его дѣйствіе?

Но эта нѣсколько грубоватая шутка такъ растрогала чувствительную Мари, что молодой ученый, опасаясь, чтобы слезы, навернувшіяся на ея рѣсницахъ, не повлекли за собою цѣлаго потока, заблагоразсудилъ поскорѣй исполнить своенравное желаніе жёночки. Послѣ этого онъ ежедневно съѣдалъ первую ложку, первый ломтикъ съ тарелки ея.

Нашла на нее неодолимая страсть до мороженыхъ яблоковъ. Дѣло было осенью, и мороженыхъ плодовъ въ продажѣ еще не имѣлось. Ластовъ сходилъ въ ягодный рядъ, купилъ два десятка боровинокъ, навѣдался потомъ нарочно къ хозяину дома испросить позволеніе заморозить ихъ въ его ледникѣ и, когда яблоки обратились насквозь въ леданистую массу, съ торжествующимъ видомъ представилъ ихъ Машѣ. Съ невѣроятною алчностью поглотила онъ ихъ тутъ же съ пятокъ; когда же вслѣдъ затѣмъ ее вырвало, она поспѣшила снесть остальные $1^1/_2$ десятка въ кухню Аннѣ Никитишнѣ:

— Съѣшьте, если хотите, а то выбросьте вонъ; только съ глазъ уберите: глядѣть противно.

— Да что-жъ за охота была вамъ кушать эту дрянь? добродушно усмѣхнулась старушка.—Вѣдь знали, что стошнитъ?

— Ничего не знала. Такой вѣдь до нихъ голодъ разбиралъ, что и сказать не могу; во снѣ являлись и на яву мерещились, на языкѣ даже слышала вкусъ ихъ. Теперь же просто глаза колятъ.

За исключеніемъ этихъ незначительныхъ странностей, обращеніе Мари съ возлюбленнымъ оставалось прежнее— предупредительное, привѣтливое. Не смотря на частую зубную боль, она неизмѣнно показывала ему личико веселенькое, довольное, ни разу не позволила себѣ малѣйшей жалобы. Только въ случаяхъ, когда на нее находила непреодолимая прихоть въ родѣ вышеописанныхъ, она уже не отставала отъ него просьбами и ласками, пока не обрѣтала желаемаго.

Чаще прежняго сталъ онъ погружаться въ созерцаніе ея.

«Какая она однако душка! Что, право, еслибы...?» мелькало у него снова въ головѣ, и губы его безсознательно повторяли то же.

— Что ты говоришь, Лева? взглядывала на его Маша.— Да какъ же ты смотришь на меня? такъ хорошо, такъ сладко! Что это значитъ?

— Это значитъ, что пристяжная скачетъ, а коренная не везетъ, отшучивался онъ и, отгибаясь на спинку кресла, нѣжно цѣловалъ любопытствующую.

XXII.

— Такъ здравствуй же, сказалъ онъ ей,— моя жена передъ людьми и передъ Богомъ!

ТУРГЕНЕВЪ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Ластовъ сдалъ послѣдній экзаменъ на степень магистра; въ январѣ было назначено защищеніе дисертаціи.

— Дружочекъ, можно мнѣ съ тобой? пожалуйста! попросила его поутру знаменательнаго дня заискивающимъ голосомъ Мари.

— А ну, срѣжусь? улыбнулся онъ,—вѣдь тебѣ же за меня стыдно будетъ?

— О, нѣтъ, ты выдержишь, ты не можешь не выдержать. Добренькій, хорошенькій мой, возьми съ собою твою Машеньку?

— Ну, поѣдемъ.

Принарядившись въ лучшее, чтò было у нея, швейцарка цѣлое утро хлопотала около Ластова, чтобы показать его людямъ въ наиблагопріятномъ видѣ.

— Постой, Лева, повернись немножко, тутъ ровно еще пылинка, говорила она, стряхивая ладонью уже безукоризненно чистый рукавъ его.

Съ смѣло закинутой назадъ головою, лицемъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, стоялъ онъ на каѳедрѣ передъ переполненной аудиторіей и ловко, съ достойнымъ подражанія хладнокровіемъ, отводилъ сыпавшіеся на него мѣткіе научные удары опонентовъ. Притаивъ дыханье, съ огненными щеками, не отводила съ него Маша своихъ

лихорадочно блестящихъ, большихъ глазъ. Когда же, въ заключеніе диспута, деканъ провозгласилъ Ластова магистромъ, когда раздались немолчныя рукоплесканія, и знакомые вновьиспеченнаго магистра окружили его, поздравляя и пожимая ему руку, — Маша также бросилась къ нему—но на полпути остановилась.

— Хочешь домой, Машенька? подошелъ онъ къ ней, съ сіяющимъ отъ довольства лицемъ.

— Пойдемъ, пойдемъ... О, Лева, какой ты у меня умникъ!

Съ робостью, но и съ гордостью, оперлась она на поданную руку. Вдругъ она вздрогнула и испустила легкій крикъ.

— Что съ тобой? озабоченно склонился къ ней Ластовъ.

— Вонъ, вонъ, видѣлъ? прерывисто шептала она, не отводя отъ выхода расширенныхъ отъ испуга зрачковъ.

Въ толпѣ, за угломъ двери скрывалась высокая женская фигура въ одеждѣ послушницъ сестеръ милосердія.

— Это была она, она...

— Кто такая?

— Да Наденька!

— Тебѣ такъ почудилось; Наденьки давно уже нѣтъ въ живыхъ.

— Когда-жъ я видѣла...

Онъ не могъ ее разувѣрить.

Заботливѣе, чѣмъ когда-либо, усадилъ онъ ее въ сани и, когда они отъѣхали шаговъ на сто, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ ее:

— Здравствуй, невѣста моя!

Она высвободилась и съ укоромъ посмотрѣла на него:

— Не хорошо такъ шутить, Лева.

Ни слова не отвѣтилъ онъ ей, только улыбнулся. Когда же они проѣзжали мимо золотыхъ дѣлъ мастера, онъ приказалъ извощику остановиться и помогъ Мари изъ саней.

— Да куда-жъ это, другъ мой? спросила она.

Молча взялъ онъ ее подъ руку и ввелъ въ магазинъ.

— Намъ нужны кольца, обратился онъ къ содержателю магазина,—не угодно ли вамъ снять мѣрку.

— А вамъ какія? спросилъ тотъ;—обручальныя?

— Обручальныя.

— 94-й пробы?

— 94-й.

Маша безмолвствовала; но, посмотрѣвъ на нее съ боку, Ластовъ замѣтилъ, какъ все лице ея залило румянцемъ; въ то же время рука, опиравшаяся на него, затрепетала, прижалась къ его рукѣ крѣпче.

— Милый мой, безцѣнный! шептала счастливица, когда они снова мчались въ направленіи къ дому. — Да обдумалъ ли ты толкомъ, что̀ дѣлаешь?

— Обдумалъ, невѣсточка, отвѣчалъ онъ, съ глубокой нѣжностью глядя на нее;—дѣло самое простое: сначала у меня была жёночка, теперь она сдѣлалась невѣсточкой, а тамъ станетъ жёночкой въ квадратѣ, то есть во столько же разъ еще дороже, чѣмъ просто жёночка.

— Но я, право, и не мечтала о такомъ блаженствѣ... Ты слишкомъ высоко ставишь меня.

— Объ этомъ уже не заботься! Вопросъ теперь только въ томъ: какъ удобнѣе устроиться? Тебѣ, разумѣется, было бы пріятнѣе имѣть собственное хозяйство?

— О, да! но...

— Прошу, безъ всякихъ *но*. Итакъ, завтра же мы

отправляемся отыскивать новое мѣсто жительства. На первый случай, однако, придется удовольствоваться маленькой квартиркой, комнаты въ три.

— И чудесно! зачѣмъ же намъ больше? тѣмъ, значитъ, будетъ уютнѣй.

Анна Никитишна встрѣтила своихъ жильцовъ съ нѣсколько озабоченнымъ лицемъ, которое однако тотчасъ же прояснилось.

— Ну, слава-Богу, все кончилось, видно, благополучно! Оба веселы, расцвѣли, что̀ твои вешніе цвѣточки.

— Да какъ же намъ и не веселиться, сказалъ Ластовъ, беря Мари за руку и подводя ее съ офиціальною вѣжливостью къ хозяйкѣ:—честь имѣю рекомендовать—нарѣченная моя. Прошу любить и жаловать.

— Какъ вы сказали? На старости лѣтъ я, знаете, нѣсколько туга на ухо, да насморкъ проклятый...

— Нѣтъ, вы не ослышались; мы помолвлены.

— Можетъ ли быть? да съ коихъ поръ?

— Очень недавно: съ четверть часа назадъ. Сейчасъ кольца заказали.

— Ну, дай-Богъ, дай-Богъ! Желала-то я вамъ, Левъ Ильичъ, по правдѣ сказать, завсегда нашу же русскую, православную, да богатѣющую—изъ купецкаго званія что ли, кровь съ молокомъ; ну, да вонъ Марья Степановна, голубушка моя, знала околдовать меня: не могу осерчать за вашъ выборъ.

— Добрая Анна Никитишна! проговорила растроганная Мари.—Мнѣ самой жалко разстаться съ вами.

— Что вы говорите? вы хотите покинуть меня? Да чѣмъ, когда, скажите, не угодила я вамъ?

— Напротивъ, Анна Никитишна, отвѣчалъ Ластовъ —

мы очень довольны вами и никогда не забудемъ вашихъ попеченій. Но сами знаете: хозяинъ въ дому, что Адамъ въ раю; желательно обзавестись разъ и собственнымъ домикомъ.

Слезы навернулись на глазахъ старушки.

— Понятное дѣло-съ... всякому пріятно быть своимъ господиномъ. Но я такъ любила васъ, скажу по чистой совѣсти, какъ дѣтокъ родныхъ любила! А теперича, передъ самой смертью, оставайся одна, какъ перстъ, сиротой горемычной! Нѣтъ, Левъ Ильичъ, вы недобрый, это вы подговариваете Марью Степановну; Марья Степановна, матушка, замолвите вы-то хоть доброе слово?

— До свадьбы мы, я думаю, и безъ того останемся.

— Что мнѣ до свадьбы! Я чай, на той недѣлѣ и повѣнчаетесь? Нѣтъ, ужъ оставаться, такъ оставайтесь по меньшей мѣрѣ до увеличенія семейства. Сами вы разсудите, Левъ Ильичъ: не лучше ли будетъ, если вы на новое-то житье переѣдете съ жёночкой здоровою, свѣженькой, да и съ маленькимъ Львовичемъ либо Львовной?

Обрученные переглянулись. Мари покраснѣла и отвернулась.

— Видите ли, Анна Никитишна, сказалъ Ластовъ,— мы живемъ теперь въ четвертомъ этажѣ: Марьѣ же Степановнѣ нездорово подыматься въ такую высь. Будущую квартиру мы возьмемъ въ этажѣ первомъ, много во второмъ.

Анна Никитишна совсѣмъ опечалилась. Маша сжалилась надъ нею.

— Знаешь, Лева, сказала она,—останемся-ка въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ... Вѣдь я крѣпкая, бодрая: что

значить мнѣ разъ какой-нибудь въ день всходить немножко повыше?

Хотя Ластовъ и привелъ еще кой-какія возраженія, но долженъ былъ уступить настояніямъ двухъ дамъ; на томъ и порѣшили: оставаться «до тѣхъ поръ...»

— Послушай, дружочекъ, говорила ему нѣсколько дней спустя Маша,—я хотѣла бы написать домой?

— Въ Интерлакенъ?

— Въ Интерлакенъ.

— Да вѣдь у тебя нѣтъ тамъ никого родныхъ? Ты ни съ кѣмъ, кажется, не переписывалась?

— Нѣтъ, но у меня есть подруги дѣтства; надо же похвастаться передъ ними! Къ свадьбѣ я также думала пригласить того, знаешь, кандитера-энгандинца, съ семействомъ, у котораго служила въ началѣ.

— Также чтобы похвастаться?

— Да! отчего-жъ и не хвастаться такимъ золотымъ муженькомъ?

— Оттого, что въ прописяхъ сказано, что хвастовство—мать пороковъ.

— Неправда, неправда! Такъ стало быть, я напишу?

— Напиши пожалуй; только смотри, не слишкомъ расхваливай: не повѣрятъ.

— Должны повѣрить!

И ихъ обвѣнчали—сперва священникъ православный, потомъ католическій. Гостей было приглашено самое ограниченное число: со стороны Ластова два-три сослуживца и молодой Бредневъ, отъ Маши—энгадинецъ съ женою да двумя зрѣлыми дочерьми. Выпиты были двѣ бутылки донского, съѣденъ великолѣпный шмантхухенъ—презентъ кандитера. Ни музыки, ни конфектовъ, ни

сплетень! Въ 11 часовъ вся компанія мирно разошлась по домамъ.

Но для молодой госпожи Ластовой съ этого дня взошла какъ-бы новая заря. Улыбка не сходила съ ея устъ; попечительность ея о безцѣнномъ «законномъ» мужѣ, если возможно, еще удвоилась. Глядѣлъ на нее мужъ—и не могъ наглядѣться.

«Молодецъ, братъ, что женился, гладилъ онъ себя мысленно по головкѣ; — въ жизнь свою дѣльнѣе ничего не выдумалъ.»

XXIII.

Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена.

ПУШКИНЪ.

Обѣдалъ Ластовъ въ послѣднее время, какъ мы уже сказали, дома. Провизію Мари закупала самолично въ недалекомъ литовскомъ рынкѣ.

Было зимнее утро, ясное, морозное. Блѣдно-палевые лучи низко стоящаго солнца скользили по верхушкамъ зданій и обрисовывали на противоположныхъ стѣнахъ воздушныя, подвижныя тѣни вертикально изъ трубъ восходящихъ и разрѣжающихся въ бѣлесоватой лазури, дымныхъ столбовъ. Ни мало не стараясь уже скрыть отъ взоровъ проходящихъ свое настоящее положеніе, Мари съ мѣшкомъ закупокъ въ рукѣ, не смотря на гололедицу, весело порхая и тихонько напѣвая про себя *Ласточку*, возвращалась изъ рынка восвояси. Ее обогналъ молодой человѣкъ и, по обыкновенію нашей молодежи,

не преминулъ заглянуть ей подъ капоръ, узнать: хорошенькая или нехорошенькая. Оказалось, что «хорошенькая», и, отойдя нѣсколько шаговъ впередъ, онъ остановился въ ожиданіи ея. Павой протекла Маша мимо эстетическаго юноши, но при этомъ не обратила должнаго вниманія на замерзшую на панели лужу—поскользнулась и грузно бухнулась на камни. Отъ сильнаго сотрясенія, она лишилась на мгновеніе чувствъ. Пришедши въ себя, она увидѣла надъ собою озабоченное лице того же молодого человѣка. Она хотѣла приподняться, но безполезно. Юноша, какъ видно, теперь только замѣтившій физическое состояніе «хорошенькой», съ состраданіемъ поднялъ ее и кликнулъ извощика.

— Нѣтъ, не нужно... предупредила она его,—здѣсь совсѣмъ близко.

— Такъ до дому дайте хоть довести. Вы можете довѣриться мнѣ: я изъ студентовъ.

Мари принуждена была принять его услугу и, тяжело дыша, оперлась на его руку. Не сдѣлавъ ей ни одного вопроса, чинно, скромно довелъ ее студентъ до ея подъѣзда.

— Благодарю васъ, прошептала она.—Теперь я могу и одна.

— Но до двери...

— Нѣтъ, нѣтъ. Прощайте.

— Какъ вамъ угодно! Мое почтеніе.

Не оглядываясь, студентъ пошелъ своей дорогой.

Съ трудомъ начала Мари взбираться по ступенямъ. На каждой площадкѣ должна была она отдыхать. Кое-какъ, черезъ силу, доплелась она до верху. Анна Никитишна, заботливымъ окомъ пріемной матери немедленно

замѣтившая ея разстройство, завозилась около нея, разспросила, какъ упала да больно ли «убилась», и принудила ее слечь въ постель.

— Хорошо, до обѣда пожалуй прилягу, согласилась Мари, — но чуръ, ни слова мужу; понапрасну будетъ тревожиться.

До прихода однакожъ Ластова, боль въ поясницѣ у молодой женщины возрасла уже до того, что она нашлась въ необходимости, при помощи Анны Никитишны, обратиться къ ледянымъ примочкамъ. Мужъ засталъ ее уже въ жестокомъ ознобѣ. Сломя голову полетѣлъ онъ къ ближайшему акушеру. Освидѣтельствовавъ больную, тотъ успокоилъ его.

— Не портите себѣ духа пустой тревогой... все въ наилучшемъ порядкѣ; развѣ дѣло немножко ускорится. Продолжайте примочки, да противъ жара давайте ей клюквеннаго морсу, разбавленнаго водою.

Все свободное отъ уроковъ время, Ластовъ проводилъ теперь въ хлопотахъ около жены. Въ отсутствіи его, Анна Никитишна замѣняла его. Кровать, ради чистоты воздуха, была вынесена изъ тѣсной спальни къ кабинетъ.

Трое сутокъ положеніе Мари не улучшалось, но и не ухудшалось. Въ ночь на четвертыя, Ластовъ, утомленный продолжительнымъ бдѣніемъ, воспользовался сошедшей на больную въ глубокую полночь дремотой и самъ прилегъ на диванъ. Вскорѣ чуткій сонъ его былъ прерванъ глухими вздохами. При мерцающемъ свѣтѣ ночника увидѣлъ онъ передъ собою, на срединѣ комнаты, Мари. Руками упираясь въ бедра, еле волоча ноги, тащилась она черезъ силу по комнатѣ.

— Машенька! испугался онъ,—милая, ты изъ постели? Какъ ты неосторожна!

— Поѣдемъ - ка къ бабушкѣ, другъ мой... Пришло время...

— Зачѣмъ же къ ней? Я привезу ее сюда.

— Нѣтъ, Лева, пожалуйста не нужно, Поторопись, дружокъ.

Ластовъ повиновался. Кусая губы, поминутно вздрагивая, держась, чтобы не упасть, за край дивана, бѣдная мученица покорно, какъ малое дитя, давала одѣвать себя.

— Миленькій ты мой! шептала она, склоняясь къ учителю и цѣлуя его въ голову,—сколько тебѣ чрезъ меня хлопотъ, сколько заботъ!

Недолго спустя, одѣтыя оба по-дорожному, молодые супруги выходили въ переднюю. Мари остановилась въ дверяхъ и перекрестилась на всѣ четыре стороны.

— Будь, что будетъ... Господи воротиться бы мнѣ!

За перегородкой зашаркали туфли, въ ночномъ негликже выглянула хозяйка.

— Ахти, да куда-жъ это вы? переполошилась она, разглядѣвъ, при свѣтѣ теплившейся въ переднемъ углу передъ образомъ лампады, жильцовъ.

— Въ Москву! печально улыбнулась Мари.—Выпустите-ка насъ, добрѣйшая Анна Никитишна. Надѣюсь, еще свидимся.

— Ай, чтой-то вы говорите, Марья Степановна, полноте! Ворòтитесь, здоровехоньки ворòтитесь. Но отчего бы не позвать бабушки сюда, на домъ?

— Нельзя... До свиданія Анна Никитишна.

— Съ Богомъ, матушка, съ Богомъ!

На дворѣ стояли трескучіе февральскіе морозы. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣшеходовъ. Выведя жену съ возможной осторожностью черезъ дворъ да подъ ворота, а тамъ въ калитку на улицу, Ластовъ оглянулся за извозщикомъ. Отдаленная улица, въ которой жили они, точно вымерла. Тамъ и сямъ, сонно моргая, съ явною неохотою исполняли свою однообразную службу американскіе свѣты Шандора. Съ глубоко-индиговаго купола ночныхъ небесъ мигала почти ярче семизвѣздная медвѣдица. Гулко раздался въ общей тишинѣ, по морозному воздуху, голосъ Ластова:

— Извощикъ!

Изъ-за сосѣдняго угла высунулась лошадиная морда, донесся откликъ:

— Подаю-съ.

Подкатили бокомъ утлыя сани ночного ваньки. Не рядясь, Ластовъ усадилъ сперва жену, укуталъ ей бережно ноги, потомъ самъ присѣлъ на краешекъ и обнялъ ее мускулистою рукою.

— Пошелъ!

Онъ назвалъ улицу, гдѣ проживала рекомендованная ему акушеромъ бабка. Ѣзды было 20 минутъ. Хоть путь стоялъ и санный, и лучшаго даже нельзя было требовать, но, какъ всегда, попадались и небольшія ухабины; при каждой изъ нихъ Маша вздрагивала и, точно улитка, болѣзненно сжималась. Напряженное дыханіе, подавленные вздохи, порой и невольный крикъ говорили краснорѣчивѣе словъ о страданіяхъ ея. Ластовъ, казалось, вмѣстѣ съ нею ощущалъ всѣ неровности пути, потому-что, сидя какъ на иголкахъ, за каждымъ толчкомъ укорялъ возницу:

— Да тише же, тише.

Вслѣдъ затѣмъ опять торопилъ его:

— Да двигайся же, братецъ! Ползетъ какъ черепаха.

Ванька только головою покатывалъ:

— Вотъ такъ баринъ!

20 минутъ до цѣли путешествія показались Ластову столькими же часами. Дремавшій у воротъ, съ дубиною въ объятьяхъ, дворникъ, бормоча, приподнялся, запахнулъ полушубокъ, загремѣлъ ключами и отперъ парадный ходъ. Тихонько, шагъ за шагомъ, довелъ Ластовъ жену до второго этажа. Отворила имъ дѣвочка-служанка и, по обмѣнѣ пары короткихъ фразъ, ввела ихъ въ пріемную. Вскорѣ вышла къ нимъ, съ платкомъ на плечахъ, протирая глаза, и бабушка. Попросивъ Ластова обождать, она увела Мари къ себѣ. Недолго затѣмъ она вернулась, но уже одна.

— Супругу вашу я уложила. Все кончится, дастъ-Богъ, благополучно, хотя, — прибавила она съ лукавой улыбкой,—вы привезли ее ни получасомъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало. Отправляйтесь теперь домой да выспитесь: вѣрно поумаялись и нуждаетесь въ отдыхѣ. Завтра же можете понавѣдаться къ часамъ этакъ девяти утра; вѣроятно я сообщу вамъ пріятную новость.

— Но нельзя ли мнѣ хоть проститься съ женою?

— Нѣтъ, нельзя-съ; она сама васъ не хочетъ видѣть. Да не безпокойтесь, все устроится къ лучшему. До завтра, г-нъ Ластовъ, до завтра! выпроводила она его дружески за дверь.

Учитель воротился къ себѣ, но легко себѣ представить, въ какомъ настроеніи онъ провелъ остатокъ ночи. На часъ какой-нибудь спустился тревожный сонъ на его

утомленныя вѣки. Въ половинѣ 7-го онъ былъ уже на ногахъ и прохаживался, какъ звѣрь въ клѣткѣ, взадъ и впередъ по комнатѣ. Сколько времени-то еще до 9-ти! Тутъ лежитъ ея рукодѣлье, здѣсь заложенная бисерной закладкой, недочитанная ею книга, тамъ изъ-подъ кровати выглядываютъ ея маленькія туфельки... Пусто такъ кругомъ, недостаетъ ея—хозяйки, души дома! Въ началѣ 8-го часа постучалась къ нему Анна Никитишна.

— Левъ Ильичъ, желаете кофею?

— Благодарю васъ, нѣтъ, не до него.

— Выпейте, родимый! еще съ вечера припасла нарочно сливокъ.

Десять минутъ спустя, расторопная старушка, успѣвшая уже и въ булочную сбѣгать, угощала своего любимца дымящимся напиткомъ Аравіи (разбавленнымъ, конечно, отечественной цикоріей), съ необходимыми снадобьями.

— Кушайте, батюшка, на здоровье. Совсѣмъ, бѣдненькій, отощали.

Но, хлебнувъ раза два изъ стакана, Ластовъ поставилъ его на подносъ и заходилъ опять по кабинету.

— Что-то съ ней, что-то съ ней?

— Да пейте же Левъ Ильичъ! уговаривала хозяйка.

— Не могу, Анна Никитишна.

Онъ посмотрѣлъ на часы:

— Боже! скоро 8.

Схвативъ на лету шляпу и шинель, онъ выбѣжалъ на лѣстницу.

— Да куда же вы въ такую рань? кричала ему вслѣдъ недоумѣвавшая старушка.

— Узнать...

Только подъѣхавъ къ завѣтному дому и расплатившись съ возницей, онъ опомнился:

«Да вѣдь она сказала: въ 9-ть? значитъ, раньше нельзя. А теперь который? безъ 40-ка! Ахъ, время-то какъ длится. Терпѣнья, мой другъ, терпѣнья!»

Мѣрно принялся онъ бродить около дома. Стоявшій на углу хожалый замѣтилъ его и подозрительно слѣдилъ за нимъ глазами. Вотъ только 25 минутъ до срока, 18, 13½...

«А, можетъ быть, часы мои отстаютъ?»

Какъ вихорь, взлетѣлъ онъ по лѣстницѣ. На встрѣчу ему вышла сама бабка.

— Поздравляю, г-нъ Ластовъ! какой у васъ славный сыночекъ!

— Какъ? такъ уже...? А жена что?

— Въ отличномъ здоровьи—и она, и мальчикъ. Вамъ нельзя еще видѣть ее, но вы можете заходить справляться. Вечеромъ, быть можетъ, я пущу васъ и къ ней.

Съ сіяющими глазами, съ жаромъ пожималъ Ластовъ руку любезной вѣстницы.

— Вы, сударыня, превосходнѣйшая женщина!

— А у васъ, сударь, превосходнѣйшіе мускулы, улыбнулась она въ отвѣтъ: — совсѣмъ измяли мою бѣдную руку.

— Виноватъ! я съ радости.

— Вѣрю, вѣрю. Но пора мнѣ къ больной.

Въ какомъ-то дивномъ чаду спустился Ластовъ на улицу. Онъ не замѣчалъ подъ собою земли, ноги его выдѣлывали невиданные пируэты, руки болтались по воздуху, не зная, куда дѣться отъ удовольствія.

«Она здорова и сынокъ здоровъ!» повторялъ онъ про

себя. Все блаженство земное заключалось для него въ этихъ словахъ.

Вечеромъ того же дня бабушка ввела его въ спальню, затемненную зелеными шторами. Съ широкой постели, изъ-подъ штофнаго балдахина, глядѣла къ нему его жёночка, его Машенька; она была очень блѣдна и похудѣла, казалось, за эти нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ онъ ее не видѣлъ; но молодое личико ея дышало ангельскою кротостью и безмятежностью, на устахъ ея свѣтилась улыбка полнаго счастья.

— Здравствуй, милый мой, промолвила она слабымъ, но чистымъ голосомъ, протягивая къ нему свою блѣдную ручку.

Онъ былъ уже у нея, на колѣнахъ передъ нею, осыпалъ уже ея руку, губы ея пламенными поцѣлуями. Приподнявшись съ подушки, любовно обняла она его голову.

— Тише, дѣтушки, тише! раздался возлѣ предостерегающій голосъ бабки, свидѣтельницы этой встрѣчи. — Я буду, кажется, принуждена, г-нъ Ластовъ, вовсе запретить вамъ входить къ моей больной: совсѣмъ растормошили ее.

Послушно всталъ Ластовъ и помѣстился на уголокъ кровати у ногъ жены.

— Какой ты нехорошій! нѣжно упрекнула она его: — только и думаетъ что о жёночкѣ, а сына и взглядомъ подарить не хочетъ.

— И то! гдѣ онъ, гдѣ?

— Подойди съ той стороны.

Ластовъ обошелъ кровать; бокъ о бокъ съ послѣдней стояла дѣтская кроватка, прикрытая кисейнымъ пологомъ.

Отдернувъ кисею, онъ увидѣлъ передъ собою крошечнаго, розоваго, спящаго младенца.

— Какой карапузикъ!

— Погоди, подрастетъ. Вглядись только, Лева, какъ похожъ на тебя.

Ластовъ разсмѣялся.

— Ну, покуда сходства мало. Но юноша хоть куда.

Осторожно поцѣловалъ онъ сына; потомъ, взявъ руку жены, съ благоговѣніемъ поднесъ ее къ губамъ.

Свиданіе супруговъ продолжалось не болѣе получаса: жестокосердая бабушка потребовала удаленія Ластова.

— Но когда я могу ее взять къ себѣ? спросилъ онъ.

— Не ранѣе, какъ по прошествіи 9-ти дней. Во всякомъ случаѣ, теперь уже нѣтъ опасности.

XXIV.

Бѣдная! какъ она мало жила!
Какъ она много любила!

НЕКРАСОВЪ.

Съ этого дня учитель нашъ посѣщалъ жену свою въ заточеніи по крайней мѣрѣ дважды въ сутки: разъ поутру, другой ввечеру. Но, воротившись на 7-й день съ уроковъ домой, онъ засталъ ее уже тамъ. Попрежнему устроилась она въ первой комнатѣ на кровати; возлѣ нея, на перинѣ, возлежалъ крошка-сынокъ.

— Машенька! ахнулъ онъ.—Какъ же ты такъ рано?

— А ты не радъ?

— Радъ, милая, но боюсь, чтобы ты не поплатилась за свою смѣлость. Вѣдь ты пріѣхала, конечно, въ каретѣ?

— Нѣтъ, мой другъ, на извощикѣ. У тебя нынче и безъ того гибель издержекъ.

— Машенька, ребёнокъ мой! Какъ разъ захвораешь.

Опасенія Ластова вскорѣ оказались, къ несчастію, слишкомъ основательны: съ вечера у Маши обнаружились холодъ и жаръ, къ утру лихорадка была въ полномъ разгарѣ. Призванный акушеръ объявилъ, что у нея febris puerperalis, и что въ этомъ состояніи она не можетъ кормить сама. Ластовъ отыскалъ кормилицу. Болѣзнь Мари шла исполинскими шагами: нѣсколько дней спустя врачъ отозвалъ молодого мужа въ сторону и съ соболѣзнованіемъ увѣдомилъ его, что у родильницы можетъ открыться тифъ, чтобы онъ, Ластовъ, былъ на все готовымъ. Печаль, отчаянье учителя не знали предѣловъ; но онъ сдерживалъ себя, чтобы не показать больной опасности ея положенія. Ни на минуту не отходилъ онъ отъ ея постели, прочитывалъ ей вслухъ, чтобы ее разсѣять, изъ новыхъ журналовъ, каждыя пять минутъ переворачивалъ ее съ боку на бокъ, ночью едва смыкалъ глаза, подогрѣвалъ, подавалъ ей лекарства, которыя она не принимала иначе, какъ изъ его рукъ. Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ болѣзни, нравъ ея, кроткій, деликатный, сдѣлался безпокоенъ, раздражителенъ. Безъ видимой причины напускалась она даже на милаго, если онъ не достаточно проворно исполнялъ какое-нибудь требованіе ея. Вслѣдъ затѣмъ являлось, конечно, раскаяніе.

— Не сердись, Левушка, говорила она,—я больна, я несправедлива; имѣй терпѣнье со мною. Но ты представить себѣ не можешь, какъ тяжело мнѣ.

Бѣдная страдалица сгарала какъ свѣчка; можно было почти предвидѣть, когда она въ послѣдній разъ вспыхнетъ

и потухнетъ. Глаза и щеки ея впали, руки изсохли, какъ щепки, голосъ ослабѣлъ до невнятнаго шёпота; безъ чужой помощи не могла она уже приподняться съ изголовья; нервная кожа ея страдала отъ малѣйшаго прикосновенья, почему, при поворачиваніи больной, дотрогиваться до нея можно было только съ величайшей осторожностью.

Вскорѣ состояніе ея было безнадежно.

— Мужайтесь, сказалъ учителю докторъ,—болѣе недѣли ей не прожить.

Сама Мари предчувствовала свой конецъ.

— Умереть, неужели уже умереть?! лепетала она про себя.—Да не хочу же я, не хочу! Теперь, когда стала наконецъ совсѣмъ счастливой, бросить все, все! Это несправедливо, это безчеловѣчно! Пожить я хочу... Господи, что-жъ это такое!

Въ ея воспаленныхъ, все еще прекрасныхъ, выразительныхъ глазахъ вспыхивалъ безсильный гнѣвъ, слабо металась она на постели.

— На кого я тебя-то оставлю? жаловалась она потомъ,—кто будетъ заботиться о тебѣ? Ты полюбишь другую, полюбишь Наденьку, она будетъ ласкаться къ тебѣ... ахъ, нѣтъ, не нужно, не нужно!

Слезы, но скудныя, безотрадныя слезы текли по ея впалымъ, разгоряченнымъ щекамъ.

— А мальчикъ нашъ? сиротинка, что съ нимъ-то станется? Мальчикъ, сыночекъ мой, гдѣ онъ?

Ей приносили сына. Ослабшими, сухими губами цѣловала она его.

— Господи, да будетъ воля твоя! Лева... есть на свѣтѣ еще женщина, оцѣнившая тебя,—Наденька. Не

перебивай меня; она жива, я это знаю. Богъ же съ тобой, полюби ужъ ее, пусть печется о тебѣ, о нашемъ мальчикѣ... Назови его также Львомъ; не забудь, мой милый...

— Да ты оправишься, ты еще долгіе годы проживешь съ нами, говорилъ, чуть не плача, Ластовъ.

— Напрасно утѣшаешь, самъ вѣдь не вѣришь. Слышу я ее, злодѣйку-смерть, въ груди здѣсь сидитъ она у меня, сосетъ меня... Кто бы повѣрилъ, что такъ тошно помирать! ужели такъ и покончить?

Не было у нея уже силъ рыдать: выходили одни хриплыя, раздирающія душу стенанія, только руки ея судорожно поднимались съ ложа, чтобы тотчасъ же упадать въ безсиліи, только ноги вздрагивали, да воспаленныя, треснувшія губы сжимались и размыкались.

Однажды ночью, не будучи въ состояніи преодолѣть усталость, Ластовъ безсознательно задремалъ на стулѣ. Когда онъ вдругъ встрепенулся и на цыпочкахъ приблизился къ женѣ, то не разслышалъ уже ея дыханія. Не смотря на постоянное ожиданіе этой минуты, сердце у него безъисходно заныло. Не смѣя еще положительно увѣриться въ случившемся, онъ отошелъ къ окну и прислонился головой къ холодному стеклу. Собравшись съ духомъ, онъ взялъ ночникъ и, стиснувъ зубы, подошелъ къ одру жены. Полный свѣтъ лампадки упалъ на безжизненныя черты молодой страдалицы; глаза, подернутые уже пеленою смерти, были полуоткрыты. Ластовъ взялъ ея руку: рука была холодна и тяжела, какъ свинецъ. Превозмогая себя, закрылъ онъ умершей глаза, сложилъ ей на груди руки, поправилъ одѣяло. Затѣмъ, задувъ огонь, присѣлъ на полъ у изголовья покойницы и спряталъ

лице въ руки. Счастливы люди, которымъ даны слезы! съ слезами утекаетъ и ихъ горе. Болѣе глубокія натуры не умѣютъ плакать: скорбь грызетъ, гложетъ ихъ внутри, слезы подступаютъ къ горлу, душатъ, какъ плотно стянутая петля, но не вырываются наружу. А много времени требуется на то, чтобы затаенная кручина испарилась капля по каплѣ.

Когда поутру въ кабинетъ осторожно заглянула Анна Никитишна, Ластовъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, тамъ же на полу; возлѣ него стоялъ загашенный ночникъ. Отнявъ отъ лица руки, жилецъ медленно повернулъ къ ней голову. Она ахнула и тихо прошептала:

— На васъ лица нѣтъ! что съ вами?

— Можете говорить громко, отвѣчалъ онъ, приподнимаясь, и съ невыразимо грустной усмѣшкой указалъ на трупъ жены:—карета готова.

— Неужто? все кончено?

— Можете удостовѣриться.

Не станемъ описывать ни приготовленій къ похоронамъ, ни самого печальнаго обряда. Скажемъ только, что хлопоты по погребенію Ластовъ, занявшій въ гимназіи въ счетъ жалованья до 200-тъ рублей, взялъ всѣ на себя и исполнилъ все съ безупречнымъ тщаніемъ и точностью. Нѣкоторыя лишь частности, какъ-то: одѣваніе умершей, украшеніе гроба живыми цвѣтами, предоставилъ онъ Аннѣ Никитишнѣ и приглашеннымъ имъ дочерямъ кандитера-энгадинца; этихъ послѣднихъ кстати попросилъ онъ и извѣстить кого слѣдовало на родинѣ о кончинѣ швейцарки.

Но какъ только бѣдной Машѣ былъ отданъ послѣдній долгъ, учитель впалъ въ полную апатію. Ни жалобой,

ни вздохомъ не выражалъ онъ своего горя: съ невозмутимымъ равнодушіемъ глядѣлъ онъ на все совершавшееся около него; потолокъ могъ бы обрушиться на него—и тутъ бы онъ, кажется, не сдѣлалъ шагу для своего спасенья. Отъ частныхъ уроковъ онъ отказался: не для кого было трудиться. Въ гимназію ходилъ, но болѣе для уплаты занятыхъ на погребеніе денегъ. Даже къ малюткѣ-сыну онъ оставался почти безразличенъ: принесутъ—хорошо, приласкаетъ; не принесутъ—не спроситъ. На встрѣчавшихся ему на улицѣ женщинъ, особенно на молодыхъ, дышавшихъ красотою и свѣжестью, онъ просто глядѣть не могъ, отворачивался съ отвращеніемъ. Въ былое время любилъ онъ напѣвать что-нибудь, насвистывать; теперь цѣлый дѣнь угрюмо безмолвствовалъ; изрѣдка лишь замурлычитъ глухимъ голосомъ послѣдній куплетъ любимаго романса покойной — *Вьется ласточка*:

—У меня была
Также ласточка,
Бѣлогрудая
Душа-пташечка;
Да свила судьба
Ей ужъ гнѣздышко
Во сырой землѣ
Вѣковѣчное!

Въ свободное отъ занятій время, не смотря ни на какую непогодь, онъ ѣздилъ на кладбище и возвращался только къ ночи. Анна Никитишна ходила какъ не своя:

«Ну, вотъ, одну свезли на Волково, а тутъ того гляди, что и онъ, касатикъ, отправится! Не къ добру на

могилу къ ней ѣздитъ онъ, охъ, не къ добру! Долго ли простудиться, занемочь... Эко, право, наказанье господне!»

Оправдались тревоги старухи: вернувшись разъ поздно съ кладбища, Ластовъ жаловался на сильную головную боль, на холодъ и выпилъ липоваго цвѣту; къ утру онъ лежалъ уже въ бреду. Когда же растерявшаяся хозяйка сбѣгала за ближайшимъ докторомъ, тотъ объявилъ ей, что жилецъ ея въ горячкѣ.

XXV.

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ...

МАЙКОВЪ.

Фантастическія изчадія причудливаго горячечнаго бреда имѣютъ много общаго съ твореніями извѣстнаго рода драматурговъ: и тамъ, и здѣсь всѣ три единства, и даже болѣе, соблюдены въ точности. Давнопрошедшее сочетается безъ малѣйшаго стѣсненія съ настоящимъ и съ ожидаемымъ будущимъ. Лица, никогда въ глаза не видавшія другъ друга, встрѣчаются какъ давнишніе знакомые, да въ мѣстности, сшитой на живую нитку изъ лоскутковъ Богъ-вѣсть сколькихъ странъ и мѣстъ, отстоящихъ одно отъ другого на тысячи верстъ. Рьяный крылатый конь воображенія переносится черезъ любые барьеры и рвы анахронизмовъ и парадоксовъ. Однако въ эфектѣ, достигаемомъ талантливыми нелѣпицами Сулье, Сарду и

компаніи съ одной стороны, и отродьями геніальной богини болѣзненнаго бреда съ другой, пальма первенства безспорно принадлежитъ горячкѣ.

И передъ омраченнымъ умомъ Ластова развертывалась нескончаемая панорама разнообразнѣйшихъ картинъ и положеній, гдѣ швейцарская и итальянская флоры пересаживались на болотистую почву Петербурга, гдѣ личности, отошедшія уже въ царство тѣней, возставали изъ гроба въ прежнемъ своемъ видѣ, ни мало сами не удивляясь такой несообразности.

Въ началѣ болѣзни Ластова, первое мѣсто между являвшимися ему выходцами съ того свѣта занимала, понятнымъ образомъ, покойная Мари. Мало по малу однако образъ ея началъ стушевываться, замѣняться другимъ. Вглядится ли больной попристальнѣе въ нее—чернобархатные, большіе глаза ея незамѣтно примутъ голубой оттѣнокъ, углубятся въ орбиты, рѣшительно посинѣютъ; лукаво вздернутый носикъ выпрямится въ серьезный греческій; черты розовыя, округлыя, сентиментальныя, поблѣднѣютъ, обрисуются рѣзче, облагородятся сосредоточенною думою...

— Наденька... пролепечетъ онъ.

Но въ то же мгновеніе видѣніе исчезнетъ; попрежнему бѣлѣетъ въ вышинѣ потолокъ спальни, на фонѣ котораго немедленно возобновляются замысловатыя игры уродливыхъ созданій разстроеннаго мозга.

Шли дни, шли недѣли, протекло два-мѣсяца. Прилетѣла вновь изъ-за моря молодая волшебница-весна, подула своимъ теплымъ дыханіемъ—и разсѣялись на небѣ свинцовыя тучи, высохла мостовая, взвились рѣзвые вихри пыли; заглянула въ городскіе сады и скверы, прикоснулась цвѣтущими пальцами къ помертвѣлымъ древеснымъ

вѣтвямъ—и распустились деревья, зазеленѣли. Глянула она своимъ всеоживляющимъ окомъ и въ келью нашего страдальца—какъ рукой сняло его недугъ, какъ отъ здороваго, долгаго сна пробудился онъ въ свѣтлый майскій полдень съ совершенно свѣжей головою. Золотыми потоками врывался божій день въ растворенное окно и наполнялъ все пространство небольшой спальни мерцающимъ блескомъ. Ластовъ оглядѣлся: все вокругъ было такъ чисто, такъ опрятно, на всемъ лежалъ отпечатокъ рачительной женской руки. Самъ онъ, Ластовъ, былъ тщательно укутанъ въ два одѣяла—вѣроятно изъ опасенія, чтобы свѣжесть вливавшагося въ окошко весенняго воздуха не повредила ему. Но ему стало жарко; сбросивъ верхнее одѣяло на полъ, нижнее онъ распахнулъ на груди и хотѣлъ приподняться. Въ глазахъ у него забѣгали огоньки, въ изнеможеніи упалъ онъ назадъ на подушки и закрылъ вѣки. Съ самой той минуты, когда онъ пробудился къ дѣйствительности, онъ ни одной мыслью не возвращался еще къ прошедшему; оно какъ-будто улетучилось вмѣстѣ съ горячкой. Передъ сомкнутыми глазами его пролетали какія-то свѣтлыя, неясныя идейки, какъ въ волшебномъ снѣ онъ мирно улыбался.

Тутъ тихонько отворилась дверь. Чьи-то осторожные шаги, съ легкимъ шелестомъ женскаго платья, приблизились къ больному. Не шелохнувшись, продолжалъ онъ лежать въ пріятномъ забытьи. Кто-то поднялъ съ полу сброшенное одѣяло и накрылъ имъ спящаго. Чье-то теплое дыханіе пахнуло ему въ лице, чьи-то свѣжія губы прикоснулись къ его губамъ...

«Опять какъ во снѣ, мелькнуло въ головѣ у него:—ужели въ самомъ дѣлѣ Наденька?»

Онъ раскрылъ глаза.

— Ахъ! отскочила съ испугомъ склонявшаяся надъ нимъ молодая стройная послушница и уже спасалась въ сосѣднюю комнату. На порогѣ она одумалась и тихими шагами возвратилась къ Ластову.

— Вы узнали меня, Левъ Ильичъ? вамъ, значитъ, лучше? взволнованно спросила она.

— Никогда я не чувствовалъ себя лучше, весело отвѣчалъ онъ.—Только слабъ еще: попробовалъ было приподняться, да голова закружилась, какъ у пьянаго.

— Еще бы. Вамъ и нельзя еще вставать. Позвольте-ка пульсъ.

Съ улыбкой досталъ онъ изъ-подъ покрывала руку. Наденька указательнымъ и большимъ пальцами взяла ее за сочлененіе кисти и, сдвинувъ брови, стала считать про себя удары. Складки на лбу ея сгладились.

— Ну, опасность миновалась, лихорадки нѣтъ и слѣда. Теперь... сказала она, и голосъ ея принялъ грустный оттѣнокъ,—теперь я могу оставить васъ, оставить сыночка вашего, маленькаго Левеньку, къ которому привязалась, какъ къ родному сыну...

Въ глазахъ у Ластова потемнѣло; онъ схватился рукою за сердце. Его, какъ ударомъ молніи, мгновенно поразило воспоминаніе о минувшей счастливой жизни съ бѣдной Машей, которой уже нѣтъ въ живыхъ, которая по себѣ оставила ему только сына. Онъ съ трудомъ перевелъ дыханіе.

— Надежда Николавна, промолвилъ онъ,—что сынъ мой здоровъ?

— Ахъ, Боже мой, спохватилась Наденька, — вѣдь вы его со времени вашей болѣзни и не видали. Какъ же,

здоровехонекъ. Какой онъ, я вамъ скажу, миланька! просто, херувимчикъ. Ну, да я вамъ сейчасъ покажу его.

Она поспѣшила выйдти и вслѣдъ затѣмъ воротилась съ трехмѣсячнымъ младенцемъ на рукахъ. Слѣдовавшая за ней кормилица остановилась въ дверяхъ.

— Смотрите же, Левъ Ильичъ, ну, не душка ли онъ? Поклонись, Левенька, папашѣ, поклонись, продолжала послушница, качая малютку въ направленіи къ больному.—Онъ и смѣяться уже умѣетъ, право. Засмѣйся-ка, мальчикъ мой, засмѣйся папашѣ? Нѣтъ, не хочетъ, характеръ свой, значитъ, тоже есть; за-то, случится, засмѣется, просто сердце покатится отъ радости: вѣдь малюсенькій, глупенькій, а тоже знаетъ тебя; тутъ вотъ и цѣнишь его ласковость. Ахъ, ты глупишка, прелесть моя, засмѣялся! Левъ Ильичъ, голубчикъ, смотрите: засмѣялся!

Съ восхищеніемъ почти материнской любви стала она лобызать маленькому Левенькѣ и ножки, и ручки, и ротикъ.

— Слюняй ты, слюняй! говорила она, нацѣловавшись и вытирая себѣ рукавомъ губы.

— Да и слюнки-то хорошенькія! восклицала она затѣмъ, съ возобновленною нѣжностью принимаясь осыпать его поцѣлуями.

— Позвольте-ка его сюда, промолвилъ растроганнымъ голосомъ Ластовъ и, усадивъ младенца къ себѣ на грудь, съ грустною радостью заглядѣлся въ его пухленькое личико. Большіе, черные глазки, мило вздернутый носикъ такъ и казались изваяны по образу покойной матери. А тутъ, ни мало не дичась отца, малютка улыбнулся ему, и на полныхъ щечкахъ его показались тѣ же наивно-прелестныя

мочка, что у Маши... Ластовъ съ упоеніемъ повлекъ его къ себѣ и прижалъ къ груди, такъ-что ребёнокъ, задыхаясь, даже запищалъ въ непривычныхъ тискахъ.

— Нà, возьми, возьми его, передалъ его Ластовъ кормилицѣ.—Унеси скорѣе.

И онъ провелъ рукою по глазамъ, въ которыхъ навернулась какая-то небывалая влага.

XXVI.

— Итакъ и я твоей души
Не осужу, сказалъ Спаситель,
— Иди въ свой домъ и не грѣши.

ПОЛЕЖАЕВЪ.

— Не взыщите, Надежда Николавна, проговорилъ, вздохнувъ, Ластовъ:—минутная слабость неокрѣпшаго отъ болѣзни организма. Вамъ не понять, чего я лишился въ покойницѣ.

— Вы очень любили ее?

— И не говорите! Солдатъ, которому отняты руки и ноги, долженъ ощущать почти то же: у меня вынуто, вырѣзано изъ груди сердце. Остался одинъ небольшой лоскутокъ, чтобы я чувствовалъ всю безвозвратность своей потери.

— Но... извините, Левъ Ильичъ, за неделикатное замѣчаніе: чѣмъ могла она такъ привязать васъ къ себѣ? Громаднымъ умомъ да и особенными познаніями она, кажется, не могла похвастаться. Собой только была довольно миловидна, да мало ли на свѣтѣ хорошенькихъ женщинъ?

— Ахъ, Надежда Николавна! все это такъ, и если провести паралель между нею и хоть бы вами, вы всѣмъ почти окажетесь сильнѣе ея: и умомъ, и образованіемъ, и тѣлесною красотою. Въ добротѣ сердца вы также едва ли уступите ей. Зная мое желаніе имѣть женою русскую, она съ свойственнымъ германскому племени прилежаніемъ принялась за изученіе нашего языка; вамъ и перерабатывать себя нечего: вы по рожденію русская. Она была шиллеровскій лиризмъ, вы—гейневскій. Повидимому, всѣ преимущества на вашей сторонѣ. Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, во время пріѣзда Мари, я былъ уже заинтересованъ вами; и между тѣмъ она все-таки вытѣснила васъ изъ моего сердца! Чѣмъ же она преуспѣла передъ вами? Однимъ лишь—своей безгранично любящей, истинно-женской, женственной натурой. Этого великаго качества достаточно въ женщинѣ, чтобы на жизнь и смерть привязать къ ней мужчину.

Наденька слушала учителя съ опущенными взорами. На блѣдныхъ щекахъ ея выступила легкая краска.

— Бросимте эту тэму, сказала она.—Семейная жизнь для меня теперь иноъ.

— Какъ такъ?

— Да по костюму моему вы уже видите, что я отреклась отъ семейной жизни, что весь вѣкъ свой хочу посвятить уходу за больными.

— Ну да, до замужества.

— Левъ Ильичъ! вы жестоки. Отъ васъ я не ожидала такой ироніи.

— Что вы, Надежда Николавна! я и не думалъ иронизировать. Что обиднаго нашли вы въ моихъ словахъ?

— Да какъ же: говорите о замужествѣ.

— А почему же и не говорить? Помню я, конечно, что вы когда-то называли бракъ глупостью; но тогда вы были еще ребёнкомъ, и я полагалъ, что, возмужавъ, вы измѣнили свое мнѣніе.

— И измѣнила; но...

Наденька вскинула на учителя недовѣрчивый, огненный взоръ.

— Вы не лицемѣрите, Левъ Ильичъ? вы дѣйствительно ничего не знаете?

— А что же знать-то? про васъ что-нибудь?

— Про меня... За что отецъ прогналъ меня изъ дому, что побудило меня топиться вмѣстѣ съ Бредневой?

— Какъ? такъ вы съ цѣлію утопиться предприняли то катаніе по Невѣ?

— Да... Ничего не слыхали, ничего предосудительнаго?

— Ни словечка.

Дѣвушка глубоко перевела духъ, какъ-бы облегченная отъ тяжелой ноши.

— Такъ и не знайте! Не слушайте, что̀ бы такое ни говорили про меня, заткните уши, отворотитесь. Въ вашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ хочу я остаться прежней, незапятнанной. Мы въ жизни уже не увидимся. Der Mohr hat seine Arbeit gethan, der Mohr kann gehn. Вы внѣ опасности и не нуждаетесь уже во мнѣ. Прощайте... на вѣки...

Она поднесла руку къ глазамъ и торопливо пошла къ выходу.

— Надежда Николавна! могъ только вскрикнуть удивленный Ластовъ.

Послушница переступила уже порогъ кабинета и притворила за собою дверь.

— Наденька!

— Чего вамъ? откликнулась она изъ-за двери.— Прислать Анну Никитишну? сейчасъ.

— Не то, Надежда Николавна; воротитесь. Можно ли, скажите, уходить отъ паціента, не пожавъ ему на прощанье даже руки?

Дверь медленно отворилась. Съ виолетнымъ румянцемъ на щекахъ, съ опущенными рѣсницами, подошла къ нему Наденька и нехотя протянула руку.

— На-те же, пожимайте.

Онъ взялъ поданную руку и не выпускалъ уже изъ своей, чтобы не дать бѣглянкѣ вновь улизнуть. Съ живымъ интересомъ оглядѣлъ онъ теперь ея фигуру. Бѣлоснѣжная косынка скромно прикрывала ея обильные, натурально вьющіеся кудри, изящными прядями обрамливавшіе ея смущенное, слегка похудѣлое, но попрежнему художественное личико. Подобная же косынка ластилась около гибкой, полной шеи. Станъ дѣвушки, заключенный въ самое простенькое, сѣрое платье, смиренно подогнулся въ стройной тальѣ. Рука ея въ рукѣ Ластова трепетала и горѣла.

— Надежда Николавна, заговорилъ учитель тихимъ, почти торжественнымъ голосомъ,—не сочтите меня нескромнымъ, если я стану допытывать васъ; оно необходимо. Вы какъ-то упомянули, что родители ваши отказались отъ васъ?

— Да... Я въ началѣ погорячилась; они все-таки любятъ меня, они простили бы меня.

— Простили бы васъ? Слѣдовательно, вы виноваты? слѣдовательно, то предосудительное, что̀ говорятъ про

васъ и чего я не долженъ знать, не гнусная ложь, а правда?

Послушница безмолвствовала; но лице ея пуще разгорѣлось, грудь заколыхалась сильнѣе, вѣки усиленно заморгали.

— Такъ правда? повторилъ Ластовъ.

Она чуть замѣтно кивнула головой. Но тутъ ее оставили силы: скорѣе упавъ, чѣмъ присѣвъ, на стулъ у ногъ больного, она закрылась руками и горько разрыдалась. Темная туча надвинулась на лице Ластова; раздраженный, со сложенными на крестъ руками, не спускалъ онъ угрюмаго взора съ плачущей. Гроза, вызванная въ душѣ несчастной дѣвушки, разрѣшилась благотворнымъ мелкимъ дождемъ.

— Вы расточали уже кому-нибудь любовь свою? почти съ озлобленіемъ процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Слезы потекли опять обильнѣе.

— Можетъ быть, даже Чекмареву?

Бѣдную начали душить всхлипы.

Ластовъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и судорожно сжалъ кулаки.

— Подлецъ! прошепталъ онъ.

Видъ безпредѣльнаго отчаянья юной грѣшницы смягчилъ однако мало по малу черты его.

— Не убивайтесь, Надежда Николавна, проговорилъ онъ примирительнымъ тономъ; — выпейте воды.

Покачнувшись, поднялась она съ мѣста, налила себѣ невѣрною рукою изъ графина, стоявшаго на столикѣ у кровати, воды и залпомъ опорожнила стаканъ. Потомъ удалилась къ окну и присѣла на подоконникъ, лицемъ къ улицѣ. Окошко было открыто, и свѣжій наружный

воздухъ, звуки дѣятельной городской жизни, доносившіеся снизу, разсѣяли, успокоили ее. Въ пріятномъ разслабленіи прислонилась она къ оконной рамѣ, закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Надежда Николавна, началъ опять Ластовъ, внимательно слѣдившій за всѣми ея движеніями,—съ Чекмаревымъ вы порвали всѣ связи?

Она, очнувшись, вздрогнула, и, не оборачиваясь, сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Такъ слушайте, чтò я вамъ скажу. Вы думаете, что одинъ опрометчивый шагъ вашъ безвозвратно преградилъ вамъ путь къ семейной жизни. Но чѣмъ, скажите, я лучше васъ? До формальной женитьбы на Машѣ я самъ жилъ съ нею въ натуральномъ бракѣ. Въ меня же никто не броситъ за-то камнемъ: всякій имѣетъ право располагать своей личностью по усмотрѣнію.

— Да, отвѣчала глухимъ голосомъ послушница,—вы, мужчины, но не мы. У васъ на первомъ планѣ стоитъ жизнь общественная, на второмъ уже семейная. Если вы и обманете любимую женщину—проступокъ вашъ можетъ быть еще искупленъ тою пользою, которую вы приносите, какъ лице общественное. Женщина же, основу жизни которой составляетъ именно семья, пойдетъ противъ своей природы, если станетъ вѣтренно расточать лучшую, священнѣйшую часть души своей—любовь.

— Совершенно справедливо; но были ли вы въ то время уже женщиной? Вамъ сколько теперь лѣтъ? вѣдь не болѣе 18-ти?

— Да, нынче минетъ.

— Ну, вотъ; тогда вамъ было, значитъ, едва 17. Рѣшительный новичекъ въ школѣ жизни, вы съ вбал-

мощной горячностью первой молодости приняли ученіе нашихъ лжереалистовъ, вздумавшихъ соціализмъ прилагать и къ семейному быту. Чекмаревъ воспользовался вашей неопытностью. Теперь вы отрезвились отъ своего заблужденія, вы отъ души раскаиваетесь; вы еще молоды, полны энергіи, вся жизнь еще передъ вами; нечего, значитъ, отчаяваться; кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ.

— Нѣтъ, Левъ Ильичъ, перестаньте объ этомъ; утѣшенія ваши ни къ чему не поведутъ. Я очень хорошо понимаю, что для меня нѣтъ будущности.

— Отвѣчайте мнѣ на нѣкоторые вопросы, сказалъ Ластовъ.—Отчего вы, скажите, теперь безъ очковъ?

Никакъ не ожидая подобнаго вопроса, дѣвушка обернулась къ нему съ тоскливой улыбкой.

— Оттого, что сняла ихъ.

— Нѣтъ, не отшучивайтесь; я спрашиваю серьезно. Поправилось у васъ зрѣніе что ли?

— Нѣтъ, не могу сказать. Вы мнѣ отсовѣтовали, ну... а я принимаю резонные совѣты.

— И волосъ, кажись, не стрижете?

— Какъ видите. «Волосы—краса женщинъ», говорили вы; я повѣрила. Вы, я думаю, ужасно рады, что нашли такую послушную прозелитку?

— Радъ. А куреніе бросили?

— Да вы никакъ въ самомъ дѣлѣ учиняете допросъ?

— Я же предупредилъ васъ. Такъ что же: вы уже не курите и пива не пьете?

— Не курю и пива не пью. У насъ, милосердыхъ, оно къ тому же не принято.

— А то бы не отказались отъ того и другого?

— Какой вы неотвязный! Ну, радуйтесь: и въ отношеніи куренія и пива я послѣдовала вашему совѣту.

— А сына моего вы любите?

— Левеньку? какъ жизнь свою!

— Надежда Николавна! вы, значитъ, еще не разлюбили меня.

— Левъ Ильичъ!

— Не обижайтесь; выслушайте меня. Когда скончалась Маша, смерть ея до такой степени потрясла меня, что весь женскій полъ опостылѣлъ, опротивѣлъ мнѣ. Вы же, являясь мнѣ мгновеніями въ бреду, пріучили меня къ себѣ такъ-сказать гомеопатическими дозами. Вы — первая, на которую я могу глядѣть опять безъ омерзѣнія. Воспоминаніе о Машѣ во мнѣ еще слишкомъ живо, чтобы я могъ полюбить другую; сердечныя струны мои порваны; я самъ въ эту минуту не считаю еще возможнымъ когда-либо забыть ее, полюбить такъ же искренно другую. Но поневолѣ вспоминается стихъ Шиллера:

Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся живущій!

Противъ природы вѣдь не пойдешь. Не одинъ разъ влюблялся я уже до Мари и всякій разъ былъ увѣренъ, что никогда не забуду, — а забывалъ. Я еще молодъ, я выздоровлю, и можетъ быть... можетъ быть, неблагодарное сердце забьется еще разъ сильнѣе! Досадно даже дѣлается за слабость человѣческой природы. Если же кто заставитъ его забиться — такъ это вы.

Наденька слушала Ластова съ затаеннымъ дыханіемъ. Лучъ теплой надежды преобразилъ ея разстроенное тяжелою

кручиною лице... но лишь мгновенно; она печально потупилась.

— Нѣтъ, Левъ Ильичъ, вы сами себя обманываете: вамъ только жаль меня: жалость свою вы приняли за чувство болѣе нѣжное.

— Можетъ быть! не спорю; все покажетъ время. Оба мы съ вами инвалиды. Дайте зажить сердечнымъ ранамъ; молодость, быть можетъ, возьметъ свое. А покуда удалитесь въ свое уединеніе, исполняйте свой священный долгъ. Родителей вашихъ мы всегда умилостивимъ.

Слезы, но тихія, благотворныя, накипали за рѣсницами дѣвушки. Она смѣло подняла голову и съ рѣшимостью встала.

— Прощайте же, Левъ Ильичъ. Благодарю васъ.

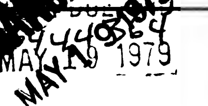
— Не падайте духомъ, надѣйтесь.

И дверь въ послѣдній разъ закрылась за нашей героиней—а съ нею и послѣдняя страница нашей повѣсти.

1865—1866.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стрн.	11	стрк.	1 снизу	messieurs	messieurs!
»	48	»	4 »	исбахъ	Гисбахъ
»	58	»	2 »	классиески прочемъ	классически впрочемъ
»	82	»	9 »	ступаетъ	вступаетъ
»	95	»	9 »	Не хоту	Не хочу
»	96	»	13 »	брегъ гористъ	брегъ Волги гористъ
»	184	»	15 сверху	непоротливая	неповоротливая
»	264	»	1 снизу	иво	пиво
»	359	»	15 »	что!	что
»	360	»	4 сверху	окончить	покончить
»	377	»	12 снизу	ея	его
»	416	»	6 »	на его	на него


CANCELLED
MAY 19 1979

CANCELLED
BOOK